

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Юбилейный сборник научных статей

*К 100-летию Института лингвистических исследований
Российской академии наук*

*К 90-летию Словарного сектора
Института лингвистических исследований
Российской академии наук*

Санкт-Петербург
2022

УДК 81
ББК 81.2Рус-4
И90

Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской академии наук

Редакционная коллегия:

Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приёмьшева (отв. редактор), *Е. В. Пурицкая*

Рецензенты:

О. В. Никитин, докт. филол. наук, проф., Московский гос. обл. ун-т,
М. А. Харламова, канд. филол. наук, доцент, Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского

История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / Ред. коллегия *Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приёмьшева* (отв. ред.), *Е. В. Пурицкая* / Институт лингвистических исследований РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2022. — 286 с.

Сборник научных статей, посвященный 100-летию юбилею Института лингвистических исследований РАН и 90-летию юбилею Словарного сектора Института, включает статьи по истории академической лексикографии и актуальным проблемам, связанным с основными направлениями лексикографической деятельности Института — фундаментальной толковой, диалектной и исторической лексикографией. В сборнике отражены как страницы истории создания словарных проектов, так и современное состояние работы над ними. В сборник также включены статьи, посвященные теоретическим и практическим вопросам современной лексикографии.

Книга адресована филологам, лингвистам, специалистам в области толковой, исторической и диалектной лексикографии, а также преподавателям, аспирантам и студентам.

ISBN 978-5-6047998-3-3

9 785604 799833

© ФГБУН «Институт лингвистических исследований
Российской академии наук»

© Коллектив авторов

© Н. Л. Петрова, дизайн обложки

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Раздел I

Из истории Словарного сектора ИЛИ РАН

<i>М. Н. Приёмывшева. У истоков создания Словарного сектора ИЛИ РАН: деятельность Постоянной словарной комиссии Академии наук (1922–1929 гг.)</i>	13
<i>Е. Г. Стукова. Первые годы работы Словарного сектора Института языка и мышления (1931–1937 гг.)</i>	26
<i>С. А. Эзериня. К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН</i>	35
<i>Л. Л. Шестакова. Материалы к словарям языка русских писателей в Большой словарной картотеке ИЛИ РАН: из опыта анализа</i>	47
<i>И. Е. Кузнецова. Из истории «Службы русского языка» ИЛИ РАН</i>	58

Раздел II

Толковая лексикография и неография

<i>Е. Г. Стукова. Академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х годов</i>	64
<i>В. В. Истратий. Работа над словником «Словаря русского языка» в 1930-е годы (выпуски под редакцией В. И. Чернышева)</i>	75
<i>Е. В. Пурицкая. От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого академического словаря русского языка»</i> ..	83
<i>Р. И. Воронцов. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа</i>	95
<i>Р. Беленчикова. К вопросам лексикографической макроструктуры в «Большом академическом словаре русского языка» и в большом «Русско-немецком словаре»</i>	121
<i>Е. Ю. Ваулина. Общенаучная лексика в толковых словарях русского языка полного типа</i>	132
<i>Д. В. Андрианова. К вопросу о принципах расположения фразеологизмов в толковом словаре</i>	144
<i>Ю. С. Ридецкая. Неография в Институте лингвистических исследований РАН: история и современность</i>	151

Раздел III

Историческая лексикография

<i>И. А. Малышева.</i> «Словарь русского языка XVIII века»: поиски и решения.....	163
<i>Л. Я. Костючук.</i> Исторические словари в Словарном секторе ИЛИ РАН: значимость для отечественной науки.....	180
<i>И. Б. Дягилева.</i> К проблеме источников «Словаря русского языка XIX века».....	192
<i>И. М. Егоров, Т. Д. Коркина, Г. А. Мольков, М. Г. Шарихина.</i> Электронный библиографический указатель литературы по истории слов русского языка: источники, материал, структура.....	200

Раздел IV

Диалектная лексикография и лингвогеография

<i>О. Н. Крылова, Е. В. Колосько, А. В. Каширина.</i> О картотеке и авторах «Словаря русских народных говоров».....	211
<i>С. А. Мызников, М. Д. Королькова, О. Н. Крылова, Т. С. Власова.</i> Проект «Лексический атлас русских народных говоров»: история и современное состояние.....	228
<i>В. А. Козырев, В. Д. Черняк.</i> Диалектная лексикография: от «Словаря русских народных говоров» к типологическому многообразию словарей.....	242
<i>М. В. Боброва.</i> Наивная лексикография как источник пополнения диалектных словарей.....	254
<i>Е. А. Нефедова.</i> Семантика общерусского глагола в пространстве полидиалектного словаря.....	262
<i>М. Д. Королькова, Е. Г. Соколов.</i> «Опыт терминологического словаря...» В. П. Бурнашева как источник специальной лексики.....	271
Сведения об авторах.....	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт лингвистических исследований РАН был основан по инициативе академика Н. Я. Марра и по решению Президиума Академии наук в 1921 году как Институт яфетидологических исследований «для изучения яфетических языков первоначального населения Европы в реликтовых чистых видах и новообразованиях скрещенных с ними типах речи и для разработки общей теории скрещения языков»¹. К 1930 году Институт включал отделение *живых языков* (языки 1) яфетические: кавказские, баскский, памирские, 2) западноевропейские, 3) восточноевропейские, 4) переднеазиатские, 5) азиатские, 6) палеоазиатские, 7) колониальные (африканские, американские, австралийские)), отделение *мертвых языков* (языки 1) идеографические, 2) элементные (клинописные и др.)) и отдел «яфетидологического анализа»².

В конце 1931 года Яфетидологический институт был преобразован в Институт языка и мышления и в его состав на правах структурного подразделения в качестве Словарного отделения (отдела) вошла Словарная комиссия Академии наук³. В состав комиссии с момента ее основания, с 1922 г., входили В. М. Истрин, Л. В. Щерба, Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Н. К. Ядрышев, а с 1928 г. — И. А. Фалев. С этого момента в Институте началась на новых методологических основаниях лексикографическая работа, развивающая традиции Академии наук по созданию фундаментальных словарей русского языка.

¹ Положение об Институте яфетидологических изысканий Российской академии наук (сентябрь 1921 г.) // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 1.* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 24.

² Отделы и секции Яфетического института АН СССР (не позднее 14 марта 1931 г.) // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 1.* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 279–280.

³ Постоянная словарная комиссия Академии наук в 1920–30-е годы осуществляла работу по составлению очередного академического словаря русского языка. Первым академическим толковым словарем русского языка был Словарь Академии Российской (1789–1793 гг.), подготовленный в Академии Российской, основанной в 1783 году императрицей Екатериной II для изучения российской словесности и составления Словаря русского языка.

В 1934 году Институту языка и мышления было присвоено имя его основателя и первого директора — Николая Яковлевича Марра. В годы научной и политической борьбы с марризмом Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра был объединен с созданным в 1944 году в Москве Институтом русского языка и на их базе в 1950 году в Москве был организован Институт языкознания. При этом ленинградские секторы Института языкознания продолжали свою текущую научную деятельность. В 1956 году по решению Президиума АН СССР было снова решено выделить из структуры Института языкознания Институт русского языка, а ленинградские секторы Института сделать Ленинградским отделением Института языкознания (ЛО ИЯ). При этом Словарный отдел ЛО ИЯ в период с 1956 по 1991 год являлся подразделением Института русского языка. В 1991 году Институт получил статус самостоятельного научного учреждения и стал именоваться — Институт лингвистических исследований.

Несмотря на все юридические сложности в статусе и подчиненности, Словарный отдел с первых лет своего существования продолжал работу Постоянной словарной комиссии АН СССР и, как следствие, традиции словарной работы Академии наук, формировавшиеся в ее стенах с конца XVIII века под влиянием и с учетом лексикографического опыта таких крупнейших филологов, как А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. А. Шахматов и мн. др. Теоретическую основу лексикографической работы Отдела заложил в конце 1920-х годов один из постоянных членов Словарной комиссии Академии наук, а впоследствии сотрудник Словарного отдела — Лев Владимирович Щерба.

Главной целью Отдела с момента его основания была работа по продолжению издания многотомного «Словаря русского языка»¹, а с 1937 года — работа по созданию «Словаря современного русского литературного языка», получившего в истории отечественного языкознания профессиональное наименование БАС — Большой академический словарь и ставшего «высшим достижением современной русской лексикографии» (В. А. Козырев, В. Д. Черняк).

¹ Как отмечалось в Предисловии ко 2 вып. «Словаря», «Новое издание Словаря русского языка Академии Наук СССР начато в конце 1929 года. До этого Академией были выпущены следующие словари: 1) Словарь Академии Российской, в 6 частях, от А до Я. СПб. 1789–1794. 2) То же, в 6 частях, от А до Я. СПб. 1806–1822. 3) Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II Отделением Академии Наук, в 4 томах, от А до Я. СПб. 1847. 4) 2-ое издание предшествующего словаря. СПб. 1867–1868. 5) Словарь русского языка, составленный II Отделением Академии наук (под редакцией акад. Я. К. Грота), т. I, вып. 1, 2 и 3 (от А до Дя). СПб. 1891–1895. Это предприятие осталось по существу незаконченным, так как продолжение его построено было уже на иных принципах и должно приниматься как новое издание. 6) Последнее указанное издание, начатое по плану акад. А. А. Шахматова и в значительной части им же разработанное, тоже осталось незаконченным. <...>. Это издание, шестое по счету, выходило в 1897–1916, 1922, 1926–1929 гг. Таким образом, новое издание Словаря русского языка, начатое с конца 1929 г., является в серии словарных академических изданий седьмым, представляя собой *совершенно новое предприятие*: это — толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии». Словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Л., 1932. С. I.

К настоящему времени за 90 лет профессиональной словарной работы в Институте сложилась школа фундаментальной академической лексикографии, основанная на традициях создания многотомных академических словарей русского языка XVIII–XX века и достойно их продолжающая.

Отличительными особенностями петербургской школы академической лексикографии, сложившимися исторически, стали фундаментальность объекта словарного описания, его масштабность, используемые подходы и методы, в том числе функционально-семантический и исторический подходы к слову.

Словарная деятельность в Институте в первые тридцать лет существования Словарного отдела велась преимущественно в направлении общей толковой лексикографии: с 1937 года, а особенно интенсивно после войны, шла работа по созданию академического «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах (так называемого *большого* академического словаря — БАСа), описывающего лексику русского языка «от Пушкина до наших дней», а с 1951 года — работа по созданию толкового «Словаря русского языка» в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой (так называемого *малого* академического словаря — МАСа), отражающего актуальную лексику современного русского литературного языка. Ориентация на *полный, системный лексикографический охват русского литературного языка* и определил основу складывающейся лексикографической традиции в Институте.

Выявление при составлении «Словаря современного русского литературного языка» наименее описанных лексических зон привело в дальнейшем к максимальному расширению объекта описания за счет аспектного, но, по-прежнему, масштабного, фундаментального описания *отдельных направлений развития русского литературного языка и русского национального языка*.

Так, с 1960-х годов, с началом работы Сектора по составлению «Словаря русских народных говоров» — самого полного свода русской диалектной лексики, в Институте появляется такое направление, как *фундаментальная диалектная лексикография*, которая исторически продолжает деятельность Академии наук по собиранию, изучению и лексикографическому описанию лексики русских говоров, которая началась ещё в середине XIX века в рамках II Отделения Императорской Академии Наук с создания «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858). За прошедшие годы были достигнуты значительные успехи в области теории диалектной лексикографии и лингвогеографии (Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, И. А. Попов, А. С. Герд, С. А. Мызников), практически реализовавшиеся в крупнейших научных и словарных проектах. Помимо «Словаря русских народных говоров», в Институте ведется работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). За годы создания Атлас стал больше, чем научным изданием: в настоящее время ЛАРНГ — это всероссийский диалектологический проект, объединяющий лингвогеографов и диалектологов из более чем 40 городов России.

Методологическим следствием системной лексикографической работы над БАС стала необходимость системного дополнения большого толкового словаря новой лексикой, в связи с чем в 1965 году в Институте создается такое

важнейшее направление словарной работы, как *неография*. С 1973 года в Институте начинают регулярно издаваться словари новых слов. Тотальный ежегодный мониторинг материалов газет и журналов с 1960-х годов позволил ученым сформировать профильную картотеку (более чем 200 000 слов), опубликовать более 30 словарей новых слов разных типов, в которых зафиксировано к настоящему времени более 125 000 слов, не включенных ранее в словари русского языка. В настоящее время *академическая неография* представляет собой самостоятельное фундаментальное направление отечественной лексикографии.

Необходимость анализа *становления* лексико-семантической системы русского литературного языка с точки зрения литературной нормы привела к возникновению такого направления, как *историческая лексикография*: с 1960-х годов в Институте ведется работа над историческим полным «Словарем русского языка XVIII века», а с начала 2000-х годов — над дифференциальным историческим «Словарем русского языка XIX века». «Словарь русского языка XVIII века» описывает лексику одного из сложных периодов развития русского языка — периода формирования русского литературного языка нового типа на национальной основе. Наряду со «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словарем русского языка XI–XVII вв.», издаваемыми в Институте русского языка им. В. В. Виноградова (Москва), «Словарь русского языка XVIII века» и «Словарь русского языка XIX века» составляют академическую серию исторических словарей русского языка, которые в совокупности должны представить лексический состав русского языка в основные исторические периоды его развития. В рамках направления исторической лексикографии с 2004 года в Институте ведется работа по составлению «Словаря языка М. В. Ломоносова».

Также в конце 1960-х годов, после завершения работы над «Словарем современного русского литературного языка», сотрудники отдела обратились к лексикографическому описанию отдельных, наиболее сложных и наименее разработанных в словаре, зон лексико-семантической системы: так появилась целая серия аспектных словарей, существенно дополнивших материалы БАС и позволивших масштабно и объемно представить отдельные фрагменты лексико-семантической системы русского языка.

Так, в 1964 году под редакцией А. М. Бабкина вышел «Словарь названий жителей РФ». В 1975 году под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова был издан «Словарь названий жителей СССР». В дальнейшем Е. А. Левашов опубликовал ряд словарей-справочников, продолжающих системное лексикографическое описание топонимов и оттопонимических прилагательных: «Мировая топонимика. Прилагательные от топонимических названий», «Географические названия» и мн. др.

В 1966 году был опубликован двухтомный «Словарь иноязычных выражений и слов» (авторы А. М. Бабкин, В. В. Шендецов).

В 1967 году увидел свет «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова, в котором представлено свыше 4 000 наиболее употребительных фразеологических сочетаний (словарь выдержал четыре издания).

В 1970–1971 годах был издан двухтомный «Словарь синонимов русского языка» (отв. ред. А. П. Евгеньева), а затем — и его сокращенный однотомный вариант (переиздан в 2003 году). Лексикографическое описание синонимических и

образных средств русского языка было продолжено в таких словарях К. С. Горбачевича, впоследствии главного редактора «Большого академического словаря русского языка» (с 2004 — по наст. время), как «Словарь эпитетов русского литературного языка» (1979) и «Русский синонимический словарь» (1996), позднее многократно переизданных.

В 1991 году был опубликован «Сводный словарь современной русской лексики» в двух томах под ред. Р. П. Рогожниковой, представляющий собой свод русской лексики из всех авторитетных словарей и энциклопедий XX века. Розой Павловной Рогожниковой были также подготовлены «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» (М., 1983) (в последующих переизданиях — «Словарь эквивалентов слова». М., 1991.; «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову». М., 2003); а в соавторстве с Т. С. Карской — «Школьный словарь устаревших слов русского языка» (М., 1996). Под редакцией Р. П. Рогожниковой был также издан словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (М., 1997, переиздан в 2000 г.).

В 1998 году на основе семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (БАС) и четырехтомного «Словаря русского языка» (МАС) коллективом сотрудников Словарного отдела Института был подготовлен «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова.

Группой Нового академического словаря под редакцией Г. Н. Складневской был издан «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (СПб., 1998), с изменениями и дополнениями — «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века» (М., 2001).

В начале XXI века в Отделе активно велась работа по созданию новых типов словарей и по доработке и переизданию прежних изданий.

Таким образом, на протяжении XX — начала XXI веков сотрудниками Института, помимо основных многотомных фундаментальных словарных проектов, было издано не менее 50–60 больших и малых аспектных словарей, каждый из которых занял свое прочное место в истории отечественной лексикографии.

Совокупность указанных лексикографических направлений и серий аспектных словарей, в целом существенно дополняющих описание «современного русского литературного языка» «от Пушкина до наших дней», позволило и позволяет дать исчерпывающее и системное лексикографическое описание русского литературного языка за последние 200 лет.

Многолетняя работа как над самым большим толковым словарем русского языка, так и над другими фундаментальными словарными проектами привела к тому, что в Институте сложились профессиональные лексикографические традиции и была разработана профессиональная методология создания словарей.

Началу работы над каждым словарем обязательно предшествует многолетняя работа по созданию общих и профильных картотек, а в последние десятилетия — корпусов текстов и баз данных.

Важнейшей составляющей профессиональной лексикографической работы в Институте стала полная картотека лексики русского языка, начало создания которой положил еще Я. К. Грот в 1886 году (в настоящий момент картотека, со-

зданная им, содержит около 9 млн. единиц хранения, иллюстрирующих употребление около 300 000 слов). На основе этой картотеки стало возможно системное, научно обоснованное лексикографическое описание словарного состава русского языка. Более 100 лет существования и пополнения такой картотеки стало в свое время залогом абсолютной достоверности как описываемого словарного состава, так и семантической характеристики слов в словарях. В настоящее время лексикографы активно используют в своей работе Национальный корпус русского языка и другие профессиональные корпуса текстов и базы данных.

Тенденция централизации и рациональной организации работы в свое время привели редакторов и создателей словарей к необходимости обобщений в области теории, практики и методологии словарного дела. И как следствие, особенностью традиции словарной работы в Институте следует считать сформировавшийся научно-аналитический подход к лексикологии и к лексикографической работе. Так, еще в 1940 году академик Л. В. Щерба, сотрудник Словарного сектора Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, в статье «Опыт общей теории лексикографии» предложил типологию словарей, остающуюся и до настоящего времени теоретически актуальной. Лексикографическая теория Л. В. Щербы внесла существенный вклад в развитие отечественного языкознания.

В 1940–1950-е годы сотрудниками Института (В. И. Чернышевым, С. Г. Бархударовым, Е. С. Истриной, А. П. Евгеньевой и др.) был опубликован целый ряд статей, посвященных теоретическим проблемам работы над толковыми словарями русского языка. Сложности словарной работы, основные проблемы, возникающие при составлении словарей, в разные годы находили отражение в научных публикациях С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, А. М. Бабкина, Л. С. Ковтун, Е. Э. Биржаковой, Л. И. Балахоновой, В. П. Фелицыной, Ф. П. Сороколетова, А. И. Молоткова, Р. П. Рогожниковой, К. С. Горбачевича, А. С. Герда, Г. Н. Складневской, В. Н. Сергеева, Н. В. Соловьева, Н. В. Поповой и мн. др.

В 1970–1990-е годы сотрудниками Словарного отдела были подготовлены периодическое издание «Современная русская лексикография» (1975–1983), тематические сборники «Проблематика определений терминов в словарях разных типов» / Под ред. С. Г. Бархударова и др. (1976), «Современность и словари» / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов (1978), «Вопросы практической лексикографии» / Отв. ред. Р. П. Рогожникова (1979); «Теория и практика современной лексикографии» / Отв. ред. Р. П. Рогожникова (1984), «Национальные лексикофразеологические фонды» (1995), «Очередные задачи русской академической лексикографии» / Отв. ред. Г. Н. Складневская. (1995); «Проблемы лексикографии» / Отв. ред. А. С. Герд, В. Н. Сергеев (1997), «Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания» / Отв. ред. Г. Н. Складневская (1997) и некот. др., включающие статьи по актуальным проблемам теории и практики толковой лексикографии, многие из которых стали классикой отечественной науки.

Каждое направление лексикографической работы в Институте сопровождалось глубокой аналитической работой, которая находила постоянную реализацию в периодических и монографических изданиях.

Так, значительный вклад в развитие теории отечественной диалектной лексикологии и лексикографии вносили сборники серии «Диалектная лексика», которые публиковались с начала 70-х годов XX века под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, а в XXI веке — под ред. С. А. Мызникова, Е. В. Колосько и О. Н. Крыловой (с 1971 по 2013 годы опубликовано 10 выпусков). (В 1972 году сборник серии был издан под названием «Вопросы изучения русских народных говоров. Диалектная лексика 1971»). Начиная с 1992 года в Институте ежегодно выпускается сборник «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования» (опубликовано более 20 выпусков), а с 2010 г. — сборник «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (в настоящее время опубликовано 11 выпусков).

В развитие исторической лексикологии русского языка нового времени значительный вклад внесли исследования сотрудников Словарного отдела и научные сборники, в нем изданные, которые стали, по сути, классикой теории исторической лексикологии и лексикографии русского языка, как, например, «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин (1965), «Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина)» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин (1966), «Проблемы исторической лексикографии» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин (1977), «Словари и словарное дело в России XVIII в.» / Отв. ред. Л. Л. Кутина. Е. Э. Биржакова (1980), «Язык русских писателей XVIII века» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин (1981), «История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века» (1981) и «История лексики русского литературного языка XIX — начала XX века» (1981) под ред. Ф. П. Филина, «Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин (1982), «Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века» / Отв. ред. В. В. Замкова (1984), «Развитие словарного состава русского языка XVIII в.: Вопросы словообразования» / Отв. ред. Л. Л. Кутина (1989), «Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII — начала XIX века. Памяти Л. Л. Кутиной» / Отв. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова (1994), «Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания)» / Отв. ред. З. М. Петрова (1999), «Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю.С. Сорокина» / Отв. ред. З. М. Петрова (1999) и мн. др.

Среди отечественных исследований по истории и лексикографии русского языка XIX века важнейшее место заняла монография Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е–90-е годы XIX в.» (1965), а также такие сборники научных статей, как «Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы» (2003), «Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания» (2004), «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI» (2006), «Русский язык XIX века: динамика языковых процессов» (2008), «Русский язык XIX в.: роль личности в языковом процессе» (2012) и мн. др.

Безусловное влияние на развитие теории отечественной лексикографии оказали монографии и статьи инициатора и теоретика отечественной *неографии* Н. З. Котеловой и периодические сборники под ее редакцией «Новые слова и

словари новых слов» (1978, 1983, 1995, 2006), в которых постулировались теоретические подходы и принципы работы над словарями новых слов. (С 2020 года серия этих научных сборников возобновлена, а с 2021 года издается под обновленным названием «Неология. Неография»).

В методологическом отношении лексикографическую традицию в Институте отличает функционально-исторический подход к слову, к значению слова: исторически за почти век составления словарей принципы лексикографической работы ориентированы по направлению от слова к системе, от значения к структуре, от частного к общему. В связи с этим принцип историзма определяет методологию работы над всеми словарными проектами в ИЛИ РАН: независимо от хронологической, социальной или территориальной отнесенности объекта словарей слово в каждом из них рассматривается в контексте его возникновения и реального функционирования, то есть индивидуально, контекстуально. При описании любого языкового материала авторами словарей применяются историко-культурный, историко-научный, историко-художественный подходы к слову, к значению слова, в связи с чем формальные и структурные подходы в традициях петербургской академической лексикографии не всегда могут быть применимы.

Важнейшим следствием такого подхода к слову стало параллельное развитие в Институте историко-лексикологической школы. Начиная с работ В. И. Чернышева, Б. А. Ларина, Л. С. Ковтун, Ю. С. Сорокина, Ф. П. Сороколетова и др. по истории слов и значений, традиция лексикологических и историко-лексикологических исследований становится параллельной и обязательной для лексикографической работы Института: почти все составители словарей являются авторами статей по истории тех или иных слов русского языка.

Таким образом, за 90 лет истории в Институте сформировалась *школа фундаментальной академической лексикографии*, основанная на более чем 200-летних академических традициях создания толковых словарей русского языка и достойно их продолжающая, а лексикография в Институте представляет собой *научное направление отечественной лингвистики*, обобщающее, учитывающее как собственный многолетний опыт, так и достижения современной теоретической науки, современных лексикографических и компьютерных технологий.

Настоящий сборник научных статей посвящен 100-летию со дня основания Института лингвистических исследований РАН и 90-летию Словарного сектора Института.

Сборник включает раздел, посвященный истории Словарного сектора с момента его основания, и разделы об истории, актуальном состоянии основных направлений лексикографической деятельности Института: толковой, диалектной и исторической лексикографии. В сборник также включены статьи, связанные с актуальными вопросами и проблемами составления словарей.

*От редакционной коллегии
М. Н. Приёмшова*

РАЗДЕЛ I

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО СЕКТОРА ИЛИ РАН

Марина Николаевна Приёмьшева
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ СЛОВАРНОГО СЕКТОРА ИЛИ РАН: деятельность Постоянной словарной комиссии Академии наук (1922–1929 гг.)

Аннотация. В статье освещается работа Постоянной словарной комиссии Академии наук с 1921 года — периода возобновления работ Академии над «Словарем русского языка» после революции и после смерти А. А. Шахматова, возглавлявшего эту работу до 1920 года, — до момента включения Словарной комиссии в составе Комиссии по русскому языку в структуру Института языка и мышления АН в качестве самостоятельного отдела. К 1931 году — моменту вхождения в состав Института — Комиссия фактически завершила издание выпусков Словаря, подготовленных до революции, и возобновила работу над словарем с буквы А в новой орфографии и с включением значительного числа новых материалов. Важными в работе Комиссии в этот период оказываются идеи Льва Владимировича Щербы о теоретических основах академической лексикографии, о новой концепции ее развития.

Ключевые слова: история отечественной лингвистики, лексикография, теория, практика, история отечественной лексикографии, Словарный сектор ИЛИ РАН

В связи с происходящими в структуре Академии наук изменениями в 1931 году по решению Президиума АН Яфетический институт должен был быть преобразован в Лингвистический институт, а в его состав должны были войти и другие лингвистические подразделения Академии наук: Институт востоковедения, Институт славяноведения, Комиссия по русскому языку. Однако 6 октября 1931 года постановлением Отделения общественных наук АН СССР Яфетический институт был реорганизован в Институт языка и мышления и к нему была присоединена только Комиссия по русскому языку (рук. Е. Ф. Карский), образованная, в свою очередь, в 1929 году из Постоянной словарной комиссии, Московской диалектологической комиссии и Комиссии по собиранию материалов для словаря древнерусского языка.

Основу Словарного отдела (сектора, отделения, группы Словаря — так по-разному в отчетах называлось это подразделение) Института, работа которого официально началась 1 января 1932 года, составили сотрудники Постоянной словарной комиссии.

Словарная комиссия (Комиссия по составлению «Словаря русского языка», Постоянная словарная комиссия, КС (Комиссия Словаря)) была создана в конце 1922 г. при ОРЯС АН¹ для продолжения работы над «Словарем русского языка» под ред. А. А. Шахматова, которая велась в Академии с 1895 г. и была прервана в период Первой мировой войны и революции.

После того как работу по созданию академического «Словаря русского языка» после смерти Я. К. Грота в 1895 г. возглавил А. А. Шахматов, принципы словаря были существенно изменены. «Тезаурусный» подход: отсутствие принципа нормативности, включение в состав словаря лексики областной, лексики из исторических памятников, из различных профессиональных сфер, из просторечия наряду с лексикой литературного языка, богатое иллюстрирование каждого значения и употребления многочисленными цитатами — привел к существенному увеличению объема словаря и к многократному увеличению времени работы над ним. С учетом этих причин еще при А. А. Шахматове в первые годы XX века Академия ушла от последовательного составления словаря по алфавиту и перешла к параллельному, побуквенному составлению словаря каждым автором в отдельности. Сам А. А. Шахматов работал над буквами Е–З, и II том, включающий эти буквы, был издан в виде отдельных выпусков в период с 1897 по 1907 гг. Для продолжения работы

в 1902 году приглашается С. К. Булич для работы над буквой И;

в 1905 — Д. К. Зеленин для работы над буквой К;

в 1912 — С. П. Обнорский (буква Л) и П. Л. Маштаков (буква М);

в 1913 — В. И. Чернышев (буква Н);

в 1914 — Д. В. Бубрих (буква О) [История 1998: 244].

Учитывая ряд обстоятельств (увеличение обязанностей и направлений деятельности А. А. Шахматова, сложный исторический период — революции 1905 и 1917 годов, Первая мировая война) и несмотря на работу, регулярно ведущуюся в этот период, до 1920 г. было опубликовано только девять выпусков на букву К и один выпуск на букву Л:

К—Кампиль. Т. 4. Вып. 1. Прг., 1906–1907.

Кампия—Качалка. Т. 4. Вып. 2. Прг., 1908.

Качалка—Класться. Т. 4. Вып. 3. Прг., 1909.

¹ До введения системы научных институтов в Академии наук с конца XIX века существовала традиция работы в Отделениях над отдельными важными направлениями в форме Комиссий, создаваемых на необходимый период (Комиссия по изданию сочинений А. С. Пушкина, Комиссия по изучению озера Байкала, Комиссия по истории знаний, Русско-Византийская комиссия, Славянская комиссия и др.) или на постоянной основе (Постоянная историко-археографическая комиссия, Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран и т. п.). С 1926 по 1929 гг. Комиссия по изданию Словаря русского языка носила название Постоянной словарной комиссии.

Класться—Когда. Т. 4. Вып. 4. Прг., 1910.

Когда—Колпак. Т. 4. Вып. 5. Прг., 1911.

Колпак—Концепция. Т. 4. Вып. 6. Прг., 1912.

Концепция—Корпунья. Т. 4. Вып. 7. Прг., 1913.

Корпусистый—Кошнячек. Т. 4. Вып. 8. Прг., 1914.

Кошба—Крикун. Т. 4. Вып. 9. Пгрд., 1916.

Л—Лёгкий. Т. 5. Вып. 1. Прг., 1915.

Отмечая, что события 1917 и последующих годов, а также смерть А. А. Шахматова нарушили ход словарной работы, В. М. Истрин впоследствии писал: «Лишь с 1922–23 гг. стало постепенно налаживаться возобновление словарной работы. В этом отношении существенное значение имело учреждение в Академии Наук института научных сотрудников, какового раньше не существовало. „Научные сотрудники” сделались штатными служащими Академии, и несколько таких научных сотрудников было приурочено к работам над „Словарем русского языка”» [Истрин 1927: 1664].

Таким образом, именно в этот период возобновилась работа по продолжению шахматовского словаря.

Как отмечается в протоколах ОРЯС от 9 февраля 1921 г., «акад. В. М. Истрин доложил о прибытии материалов для Словаря русского языка, находившихся временно в Саратове, и о возобновлении работ и указал на необходимость привлечения к работе новых сотрудников» [Известия АН 1921: 165]. Такими научными сотрудниками I разряда стали Федор Иванович Покровский, Василий Ильич Чернышев и В. А. Андрианова.

В протоколах за 1922 г. коллектив уже именуется «Комиссией по изданию Словаря русского языка», а в его составе кроме председателя — академика *Василия Михайловича Истрина* — числятся:

Евгения Самсоновна Истрина,

Петр Лазаревич Маштаков,

Сергей Петрович Обнорский,

Федор Иванович Покровский,

Василий Ильич Чернышев,

Лев Владимирович Щерба,

*Николай Константинович Ядрышев*¹.

¹ Ряд сотрудников комиссии — известные лингвисты — стали впоследствии академиками и членами-корреспондентами Академии наук: *Л. В. Щерба* (чл.-корр. с 1924 г., академик с 1943 г.), *С. П. Обнорский* (чл.-корр. с 1931 г., академик с 1939 г., первый директор Института русского языка); *В. И. Чернышев* (чл.-корр. с 1931 г.), *Е. С. Истрина* (чл.-корр. с 1943 г.).

Несколько слов следует сказать о других сотрудниках Комиссии.

Петр Лазаревич Маштаков (1872–1942) — штатный сотрудник Комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в Смольном институте, в ряде гимназий Санкт-Петербурга; один из исследователей «Слова о полку Игореве» (К тексту Слова о полку Игореве. Петроград, 1921); автор учебников по русскому языку (Курс русского литературного языка. СПб., 1907. Ч. 1–3; Грамматика русского языка для самообразования. С приложением краткого корнеслова. М., 1909), работ по русской топонимике (К истории родины Ломоносова. Историко-географические заметки. СПб., 1911; Список рек Днепровского бассейна.

В течение 1922–1929 гг. состав комиссии оставался постоянным (с учетом редких кадровых изменений): ученым секретарем комиссии стал в 1925 г. Петр Лазаревич Маштаков, Лев Владимирович Щерба стал официально товарищем (заместителем) председателя в 1926 г., на смену умершему в 1928 г. Николаю Константиновичу Ядрышеву (1869–1928) пришел Иван Андреевич Фалев (1892–1941). Нештатным сотрудником комиссии в первые годы ее работы был и *Дмитрий Константинович Зеленин* — известный этнограф, фольклорист, диалектолог, автор и редактор 9 опубликованных выпусков «Словаря русского языка» на букву К (с 1927 г. в отчетах не упоминается).

В 1926 г. «Комиссия по составлению Словаря русского языка» была переименована в «Постоянную словарную комиссию» (КС).

Из Отчетов Комиссии за данный период следует, что «работа Комиссии заключалась, главным образом, в подготовке к печати старого, находящегося в наборе еще с 1917 г., материала „Словаря...”» [Отчет АН 1926: 303] и в пополнении словарной картотеки новыми материалами¹.

С картой и алфавитным указателем СПб., 1913; Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). С картой и алфавитным указателем. Петроград, 1917; Десна. Петроград, 1918; Схема и шифр бассейнов внутренних вод Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929; Материалы для областного водного словаря. Л., 1931; Список рек Донского бассейна. Л., 1934) и др. С первых дней работы в Комиссии исполнял должность секретаря, официально назначен в 1926 г.

Николай Константинович Ядрышев (1869–1928) — штатный сотрудник Комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в гимназиях Санкт-Петербурга, в том числе в гимназии и в реальном училище Карла Мая; соавтор (совм. с М. В. Головинским) книги «История финского народа» (СПб., 1901); владел 14 языками.

Федор Иванович Покровский (1871–1942) — нештатный сотрудник Комиссии; один из самых первых сотрудников группы после возобновления работы над «Словарем русского языка» (с 1921 г.); работал в Комиссии до 1929 г. Выпускник Духовной академии; специалист по древнерусским памятникам; автор таких работ, как «Словеса из святых книг собрана»: Четыре сб. поучения с рус. вставками. СПб., 1907; Академик Никодим Павлович Кондаков (совместно с Н.Н. Глубоковским). СПб. 1911; Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). СПб., 1914. Работал многие годы ученым хранителем, корректором в Академии наук, в Библиотеке Академии наук. Как отмечается в издании «Руководители и сотрудники библиотеки РАН XVIII–XIX вв.» (СПб., 2006): «С 1903 г. — ученый корректор Отделения русского языка и словесности Академии наук. Сотрудник БАН с 1899 по 1929 г. — ученый хранитель рукописного отделения центральной библиотеки Петербургской АН (с 1925 г. Академии наук СССР). Ученый специалист, председатель расценочно-конфликтной комиссии. 10 ноября 1929 г. был снят с исполняемой должности (по первой категории) правительственной Комиссией по чистке аппарата АН. Арестован и ложно обвинен в принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». Был приговорен к 10 годам заключения в концентрационном лагере и сослан на Соловки. Постановлением от 14 апреля 1934 г. обвинения были сняты. В феврале 1935 г. вернулся в Ленинград. С 1938 по 1941 г. — научный сотрудник Ленинградского Института языка и мышления» (с. 30).

¹ В отчетах Комиссии за каждый год указывается количество поступивших в картотеку карточек, перечисляются авторы, произведения, из которых делалась выборка, указываются дары и поступления от третьих лиц. За период с 1922 до 1930 г. картотека пополнилась не менее чем 1,5 млн карточек-цитат. Подробнее об этой форме деятельности комиссии см. в Отчетах АН за указанный период, а также в [Рогожникова 2003].

Главным положительным результатом создания Комиссии стала централизация и унификация словарной работы. Как отмечал В. М. Истрин, «созданием единой комиссии понемногу уничтожилась та разрозненность, которая совершенно естественно существовала раньше между отдельными редакторами, предоставленными в своей работе самим себе, и вследствие которой работа каждого редактора получала характер несколько односторонний, в зависимости от его наклонностей» [Истрин 1927: 1664].

Представление о ходе работы комиссии (о некоторых принципах составления Словаря, о технологии работы, о проблемах, обсуждаемых на заседаниях комиссии) можно составить при ознакомлении с Извлечениями из протоколов заседаний комиссии по изданию словаря русского языка за 1923–1928 гг., особенно подробно за 1923–1924 гг., см.: [Известия АН 1923: 438–440, 444–445, 447–448, 471–472; Известия АН 1924: 614–615, 621–623].

Ежегодно велась работа по обсуждению, доработке ранее подготовленных материалов и подготовке их к печати:

- по букве И (Н. К. Ядрышев, с 1927 г. — Л. В. Щерба);
- по букве К (Д. К. Зеленин)¹;
- по букве Л (С. П. Обнорский);
- по букве М (П. Л. Маштаков);
- по букве Н: На (Л. В. Щерба), Не (В. И. Чернышев);
- по букве О²: О (Е. С. Истрина), Ор (Ф. И. Покровский).

Ко дню юбилея (в 1925 г.) Комиссия получила особое помещение (в 4 комнаты), снабженное стеллажом для карточек и библиотеки и шкафом для рукописей [Отчет АН 1925: 256]. Комиссия располагалась по адресу: Университетская наб., 5.

В отчетах за 1927 г. отмечалось, что «товарищ председателя Л. В. Щерба был командирован во Францию и Германию для ознакомления с постановкой словарных работ <...> По возвращении Л. В. Щербы из командировки в КС состоялось научное собрание, на котором акад. В. М. Истрин сделал доклад о работах над „Словарем русского языка” в АН, а Л. В. Щерба доложил о результатах своей командировки» [Отчет АН 1927: 303]. Подробнее о командировке см. [Щерба 1927].

За период с 1922 по 1929 гг. было издано 10 выпусков «Словаря русского языка», как подготовленных еще до революции (с указанием на выпусках, что Словарь составлен II Отделением АН), так и серьезно и существенно доработанных комиссией (с указанием на выпусках, что Словарь подготовлен Постоянной словарной комиссией).

С незначительными доработками были изданы выпуски, подготовленные к печати еще до революции:

¹ 12 декабря 1922 г. постановлено: «Обратиться к Д. К. Зеленину с предложением вновь взять на себя редакторство Словаря на букву „К” и, сверстав лл. 91 и 92, подписанные им к верстке, послать их ему вместе с дальнейшими корректурными листами» [Известия АН 1923: 438].

² «31 января 1923 г. <...> обсуждалась корректура начала буквы „О” (прежней редакции Д. В. Бубриха). В результате продолжительного обмена мнений постановлено: необходимо коренным образом переработать весь имеющийся в наборе материал на букву „О”, начиная со статьи „О”, каковой пересмотр поручить Е. С. Истриной, Л. В. Щербе и С. П. Обнорскому» [Известия АН 1923: 439].

И—Изба. Т. 3 Вып. 1. Ред. С. К. Булич. Петроградъ, 1922. (Выпуск был подготовлен до революции и частично отредактирован);

Крикун—Крошечный. Т. 4 Вып. 10. Ред. Д. К. Зеленин. [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1926;

Не—Невремище. Т. 8 Вып. 1. Ред. В. И. Чернышев [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1927.

С существенной доработкой были изданы в 1927 г.:

Легкий—Летунок. Т. 5 Вып. 2. Ред. С. П. Обнорский [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1927;

М—Малый. Т. 6 Вып. 1. Ред. П. Л. Маштаков [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1927;
в 1928 г.:

Летунчик—Лисичий. Т. 5 Вып. 3. Ред. С. П. Обнорский [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1928;
в 1929 г.:

Изба—Издёрживать. Т. 3 Вып. 2. Ред. Н. К. Ядрышев и Л. В. Щерба [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1929;

Малый—Маститый. Т. 6 Вып. 2. Ред. П. Л. Маштаков [Ред. издания акад. Е. Ф. Карский¹]. Л., 1929;

Невремя—Недорубщик. Т. 8 Вып. 2. Ред. В. И. Чернышев [Ред. издания акад. Е. Ф. Карский]. Л., 1929.

В 1929 г. в новой орфографии издан выпуск:

О—Обезоруживать. Т. 9 Вып. 1. Ред. Е. С. Истрина [Ред. издания акад. В. М. Истрин]. Л., 1929.

Если с 1922 г. основной задачей Комиссии была подготовка к печати (с той или иной доработкой) выпусков, подготовленных еще до революции, то в период с 1927 г., согласно Отчетам комиссии и протоколам ее заседаний, наблюдается выход на новый этап работы, который можно считать важным и значимым для работы комиссии. Несколько документов этого периода имеют особое значение для изучения развития отечественной лексикографии в целом.

15 февраля 1927 г. на заседании ОРЯС В. М. Истрин выступил с программным докладом «Работа над Словарем русского языка в Академии Наук», согласно которому очевидно, что Комиссия перешла к разработке теоретических подходов в дальнейшей словарной работе и к стратегическому планированию ее дальнейшего развития [Истрин 1927]. Часть этого доклада, как отмечается в Примечании к нему, подготовлена при содействии Л. В. Щербы. Показательно, что фрагмент этого доклада был опубликован позднее как архивный документ самого Л. В. Щербы [Щерба 1966]. В полном соответствии с тезисами, представленными в этих документах, подготовлена и «Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища председателя комиссии

¹ Е. Ф. Карский указан как редактор двух выпусков 1929 г. формально: он возглавил Комиссию по русскому языку, в которую в 1929 г. были объединены Словарная комиссия, Диалектологическая комиссия и Комиссия по сбору материалов для древнерусского словаря.

Л. В. Щербы» [Щерба 1929]. Несмотря на то что эти документы предназначались для внутренней работы Комиссии и не были широко известны, следует обратить особое внимание на ряд их положений, так как они на долгие годы определили форму и содержание словарной работы в Академии наук.

На основании этих документов В. М. Истрина и Л. В. Щербы можно кратко сформулировать следующие не только важные, но и до сих пор актуальные для развития отечественной науки *«лексикографические тезисы»*.

О принципах лексикографической работы

1. *Лексикографическая работа тесно связана с развитием научной мысли в целом*: «Современное состояние смежных наук, достигшее в некоторых областях наибольшего развития, неминуемо касается и науки о русском языке, куда входит и словарная его часть. Словарная работа является в настоящее время фундаментом для всяких филологических работ вообще» [Истрин 1927: 1666–1667].

2. *При разработке словарных проектов необходимо учитывать как мировой опыт развития лексикографии, так и ее национальную специфику*: «Словарная работа над русским языком и должна исходить, во-первых, из научных данных общего характера, на которых основываются словарные работы всюду, где существуют филологические науки, а во-вторых, из своих особых исторических условий» [там же: 1667].

3. *Лексикографическая работа должна*

а) *быть централизованной*: «Когда не было конструированной Комиссии и, следовательно, не было объединяющего центра, работа сотрудников естественно должна была вестись в сильной степени индивидуально, при полной личной ответственности каждого редактора; были выработаны известные технические правила, установлены более или менее основные положения, но в пределах тех и других каждый редактор поступал самостоятельно. С образованием Комиссии дело должно было само собой видоизмениться; явился особый контролирующий центр, где и должны были разрешаться всякие недоумения и вопросы. Работа приняла теперь коллективный характер, и в частности — работа каждого редактора контролируется — и даже по несколько раз — как отдельными членами Комиссии, так и всей Комиссией в целом в заседаниях, которые устраиваются регулярно еженедельно, а в случае необходимости и два раза в неделю» [Истрин 1927: 1666];

б) *быть технически организованной*: «Выяснилась необходимость пересмотра многих положений, связанных с техникой составления статей Словаря. Поэтому, Комиссия образовала несколько подкомиссий, которые ведут свои работы в трех направлениях. Во-первых, пересматриваются вопросы грамматического освещения словарных статей, куда относятся — пересмотр основных грамматических указаний в заголовках статей в изданных уже томах для приведения их к возможному единообразию..., выработка плана морфологического и синтаксического освещения слов и т. п. Во-вторых, пересматривается вопрос о научно-технических терминах в Словаре, вопрос, который представлялся очень трудным и сложным и для всех прежних деятелей Словаря; к пересмотру этого вопроса по-

буждают, с одной стороны, чрезвычайное развитие научно-технической терминологии, связанное с развитием науки и техники в последние десятилетия, а с другой — историческая перспектива в отношении XVIII–XIX вв., которую приходится соблюдать в Словаре по общему его характеру. В-третьих, наконец, ведутся соображения по дополнению и согласованию принятых в вышедших выпусках Словаря технических приемов издания: употребление шрифтов, .. больших и малых букв, арабских и римских цифр и т. п.» [Истрин 1927: 1666];

в) *быть обязательно коллективной*: «Указанная разработка русского языка, областного и литературного, не под силу ни отдельным лицам, ни даже какому-либо учреждению, в роде исследовательских институтов, ученых обществ, специальных комиссий и т. п. И это потому, что она должна, с одной стороны, совершенно не зависеть от личности, а с другой — она должна быть тесно связана с длительной научной традицией. Подобные условия имеются лишь в Академии Наук, и в частности в Отделении Русского Языка и Словесности, которое, как видели, уже около полутора лет занимается исследованием словарного состава русского языка, издавая теперь уже пятое издание своего Словаря. На Отделении в лице Словарной Комиссии и лежит обязанность организовать систематическую и постоянную регистрацию в составе словаря всего русского языка, областного и литературного» [Истрин 1927: 1673];

г) *выполняться профессионально подготовленными кадрами*: «Надо констатировать, что лингвистика второй половины XIX в. совершенно не занималась семантикой вообще и научной лексикографией в частности. В связи с этим русская наука не подготовила за последние 50 лет ни одного словарника, и как ни расценивают деятельность Грота вообще, его все же надо считать последним русским словарником. В силу этого у нас распространилось убеждение, что лексикография не требует особой выучки и что ею может заниматься всякий хорошо знающий данный язык. Теперь все более и более выясняется, что это далеко не так: кроме общего филологического образования нужно иметь еще и специальность в области семаσιологии, стилистики и лексикографии, нужно знать несколько иностранных языков и, что очень важно, нужно иметь особый словарный талант» [Щерба 1929: 905];

«Подготовка к самостоятельной словарной работе не может быть получена в университете, где преподавание не имеет тех задач, которые ставятся в состоящей при Академии Словарной Комиссии, так как университет дает учащимся только общую филологическую подготовку. Опыт Комиссии показал, что словарная работа вообще, и составление словарных статей, в особенности, является делом исключительной трудности и требует от лиц, посвящающих себя этому делу, целого ряда качеств. Во-первых, это должны быть люди с общей лингвистической и филологической подготовкой выше обычной университетской. Далее, это должны быть люди, лично настолько заинтересованные подобной работой, что она не должна быть лишь временным этапом их жизненной карьеры. Наконец, они должны обладать, с одной стороны, достаточной усидчивостью для преодоления подчас очень скучных подготовительных работ, с другой, специфическим талантом для разыскания тонких оттенков значения слов, их классификации и определения, а также особым чувством языковой нормы. Академик Л. В. Щерба». (ПФА РАН, фонд 165, оп. 1, №2, л. 33). Цит. по [Рогожникова 2003: 44].

Вопрос о необходимости подготовки профессиональных словарных кадров, о квалификации лексикографов ставился Л. В. Щербой в ряде его записок и выступлений неоднократно¹.

О направлениях лексикографической работы в Академии наук

1. *Создание словаря русских диалектов, а также тематических и ремесленных словарей, «диалектной словарной карты»:* «Работы могут идти пока лишь в подготовительных стадиях. Прежде всего, образуется, так сказать, основной фонд всего областного словаря в алфавитном порядке. Каждое слово заносится на карточку, с обозначением его значения, причем исходным пунктом будет литературный язык, и с точным указанием местности, где записано данное слово. Этот фонд должен быть «сокровищницей» областного языка, и в однообразной карточной системе должен будет увеличиваться постоянно. <...> Этот фонд, который, может быть исчитываем в миллионах карточек, в его рукописном карточном виде должен будет открыт для справок и для специальных работ всем желающим; у исследователей русского языка могут возникать самые разнообразные вопросы, для решения которых понадобятся справки в указанном фонде. Параллельно с этим, выдвигается разработка областного материала в географическом направлении, что можно бы назвать составлением „Диалектологической словарной карты”. И здесь дело должно сводиться, прежде всего, к составлению другого, параллельного карточного фонда словарного материала, расположенного уже на географическом основании, с распределением его по губерниям или, скорее всего, по уездам <...> составление специальных словарей по разнообразным признакам, как-то по ремеслам, напр. плотничьему, портняжному, гончарному и т. п.; по промыслам, как напр. рыболовному, охотничьему; по бытовой обстановке, как напр. по терминологии устройства домашнего жилища, домашнего хозяйства, названия платья и пищи различных местностей» [Истрин 1927: 1669–1670; см. подробнее 1667–1671].

2. Создание словарей живого русского языка:

— *Словаря классического русского литературного языка XVIII–XIX вв.:* «Издаваемый в настоящее время Словарь дает материал по литературному языку XVIII и XIX столетий, который может быть назван классическим русским языком» [там же: 1672];

¹ Ср. также фрагмент выступления Л. В. Щербы на заседании 26 мая 1939 г. в Отделении литературы и языка АН СССР, посвященном обсуждению Проекта «Словаря современного русского литературного языка» (М.; Л., 1938) в связи с подготовкой первого тома этого словаря: «Надо сказать, что словарная работа вообще не пользовалась у нас популярностью. Когда говорили: составлять словари, то это значило — списывать. В общем, конечно, это правильно: в большинстве случаев это списывание с предшествующих томов. Но я уже много лет выступаю устно и печатно в том смысле, что это неправильное понимание. Нет никакого вида работы более трудной и более, <...> творческой, нежели составление словарей. Я скажу, что я бы хотел изгнать вообще это выражение — „составление словарей”. Следует сказать, что таких людей, которые это дело понимают, которые умеют его делать, у нас исключительно мало. <...> А кроме того, я должен подчеркнуть также и то обстоятельство, что работа этих товарищей крайне трудная работа» [Щерба 1983: 154].

— *Словарей «новых слов»*: «На обязанности Отделения Русского Языка и Словесности, в лице ее Комиссии, лежит время от времени выпускать и добавления к этому Словарю, содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный период времени, начиная с XX века. Эти добавления будут крайне поучительны, так как будут наглядно представлять современные изменения языка в связи с изменениями в структуре Общества и в материальной и духовной культуре его. Они должны будут выпускаться сразу на все буквы, дабы не нарушать хронологической перспективы» [там же];

— *Словаря литературного языка данной эпохи* (2 раза в столетие). Ср. также у Щербы: «Работа над этим Словарем (шахматовской редакции. — М. П.), как мне кажется, нисколько не освобождает Академии от другой обязанности перед обществом, параллельной работы над созданием большого Словаря современного русского литературного языка¹, аналогичного подобным Словарям других мировых языков, который продолжил бы цепь прежних Словарей академии 1789, 1807 и 1847 г. Подобный Словарь явился бы источником для великих практических толковых словарей, большего и меньшего размера, издаваемых обыкновенно на коммерческих началах, а потому не всегда могущих отнестись к делу до конца научно» [Щерба 1929: 908].

3. Создание идеографического словаря: «Третьей задачей Комиссии являлась бы подготовка идеографического Словаря русского языка наподобие имеющихся аналогичных словарей на главных европейских языках, но, конечно, — в ином масштабе и по иному плану. Здесь, вероятно, нашел бы себе разрешение и вопрос о синонимическом Словаре русского языка, отсутствие которого чувствуется и школой и обществом. Но эта задача может быть осуществлена лишь после второй, а потому более детальное намечение плана было бы пока преждевременным» [Истрин 1927: 1673].

4. Составление Словарей к произведениям отдельных русских писателей: «Параллельно со всеми вышеуказанными задачами, на Комиссии должна лежать и обязанность по составлению Словарей к произведениям отдельных русских писателей. Это дополнило бы общий Словарь теми материалами, которые все же могли быть там пропущены, богаче документировало бы стилистическую работу над Словарем и представляло бы большой историко-литературный интерес, давая возможность сравнения словарей разных писателей между собой и с общим словарем. Некоторые собрания карточек подобного рода ..имеются в распоряжении Комиссии, и необходимо продолжать эту грандиозную, но очень важную задачу» [там же].

Важно подчеркнуть, что В. М. Истрин и Л. В. Щерба в 1927–1929 гг. в своих выступлениях и докладных записках затрагивали научные основы фундаментальной лексикографии, формулировали ее перспективы с учетом изучения мирового опыта, логики предшествующего лексикографического процесса, научных наработок Академии, и, видимо, поэтому их теоретические наброски

¹ Следует обратить внимание, что академический Словарь, работа над которым будет инициирована Президиумом АН в 1937 г. и который войдет в историю лексикографии как БАС (Большой академический словарь), будет назван именно так — «Словарь современного литературного русского языка».

практически полностью были реализованы в академической лексикографической практике, а еще не реализованные задачи стоят на текущей повестке дня.

1929 год стал для работы Комиссии плодотворным, однако это был последний год ее работы в качестве самостоятельного подразделения Отделения (с 1927 г. — Отделения гуманитарных наук):

«В отчетном году произошли следующие изменения в составе КС: в январе отказался от обязанностей председателя КС акад. В. М. Истрин и временным председателем назначен акад. Е. Ф. Карский; с I X (1 октября. — *М. П.*) выбыл из состава комиссии научн. сотруду. В. И. Чернышев, оставленный внештатным сотрудником для продолжения своей работы по составлению выпуска Словаря русского языка на букву Н; на освободившуюся вакансию назначен внешт. сотруду. КС И. А. Фалев¹, которому поручена подготовка к переизданию т. I Словаря (на буквы А–Е). Остальные члены по-прежнему редактировали выпуски Словаря: на букву И — Л. В. Щерба (он же нес обязанности товарища председателя); на букву Л. — С. П. Обнорский, на букву М — П. Л. Маштаков (он же нес обязанности ученого секретаря), на б<укву> О — Е. С. Истрина» [Отчет АН 1929: 295–296].

В 1929 году началась планомерная работа по переизданию Словаря с буквы А в новой орфографии, с существенными дополнениями и на несколько усовершенствованных основаниях: «Подготавливаемый к печати т. I Словаря также будет переиздан по новой орфографии. Все статьи просматривались в еженедельных заседаниях КС в полном составе сотрудников. Вновь набрано и находится в корректуре материала на 25 печ. лл., которые предполагается отпечатать в 1930 г. Попутно с работой по подготовке к печати очередных листов, каждым сотрудником велась работа по приведению в алфавитный порядок и по систематизации всего имеющегося в его распоряжении и все более увеличивающегося от новых поступлений материала для дальнейших выпусков» [Отчет АН 1929: 295–296].

В 1931 году Словарная комиссия вошла в структуру Института языка и мышления (ее работа была начата 1 января 1932 г.) и составила основу созданного в нем Словарного отдела (сектора/отделения/группы Словаря русского языка и т. п.), в состав которого в качестве штатных и внештатных сотрудников вошли все члены Словарной комиссии АН: *Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, П. Л. Маштаков, Е. С. Истрина, И. А. Фалев*. Руководителем Отдела в 1932 г. был назначен академик Николай Севастьянович Державин.

¹ *Иван Александрович Фалев* (1892–1941) — член Словарной комиссии с 1929 г.; выпускник Петроградского университета; был преподавателем в Университете, в Педагогическом институте им. А. И. Герцена; филолог, лингвист; автор ряда научных работ: «Письменная консультация о так называемых второстепенных членах предложения... Л., 1936; Заметки о «13 словах Григория Назизиана», рукописи XI века. [1928]; Русская диалектология: Хрестоматия с кратким очерком диалектологии и программой для собирания материала по народным говорам / Составили С. А. Еремин и И. А. Фалев; Под ред. акад. Е.Ф. Карского. М.; Л., 1928. Как отмечается в работе по истории Большой словарной картотеки ИЛИ РАН: «И. А. Фалев был одним из ведущих сотрудников Словарного отдела. Он подготовил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам „Словаря Академии Российской“, но в связи с начавшейся Великой Отечественной войной он не успел защитить ее. Умер И. А. Фалев в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г.» [Рогожникова 2003: 51]. В 1941 г. вместо В. И. Чернышева был и. о. заведующего Словарным сектором Института языка и мышления.

Несмотря на то что главным редактором словаря в 1922–1929 гг. являлся академик В. М. Истрин, аналитиком текущей работы, основным идеологом новых изменений, инициатором, разработчиком новых направлений развития академической лексикографии выступил Лев Владимирович Щерба. В этой связи необходимо заметить, что хотя роль Л. В. Щербы в истории и теории отечественной лексикографии неоднократно подчеркивалась и высоко оценивалась, а его взгляды на лексикографию стали классикой отечественной науки (см.: [Истрина 1951, Стукова 2021 и др.]), следует особенно подчеркнуть, что в первую очередь эти взгляды были связаны с его работой над «Словарем русского языка» в составе Словарной комиссии АН, а затем — Словарного отдела Института языка и мышления АН и с академической словарной работой в целом.

К моменту вхождения в состав Института Комиссия фактически завершила издание выпусков, подготовленных до революции, и возобновила работу над словарем с буквы А в новой орфографии и с включением значительного числа новых материалов.

При этом для истории развития отечественной академической лексикографии важно подчеркнуть, что к 1929–1930 гг., периоду реорганизации комиссии, ее сотрудники перешли к существенной перестройке словарной работы, к разработке новой лексикографической концепции, к разработке ее теоретических основ. И, несмотря на сложную и, казалось бы, стихийную судьбу дальнейшей лексикографии, следует констатировать, что ее развитие пошло именно по тем направлениям, которые были намечены и сформулированы В. М. Истриным и Л. В. Щербой еще в 1927–1929 годах.

Литература

- Известия АН 1921 — Извлечения из протоколов заседаний // Известия Российской академии наук. Серия VI. 1921. Т. 15.
- Известия АН 1923 — Извлечения из протоколов заседаний // Известия Российской академии наук. Серия VI. 1923. Т. 17.
- Известия АН 1924 — Извлечения из протоколов заседаний // Известия Российской академии наук. Серия VI. 1924. Т. 18.
- История 1998 — История русской лексикографии. СПб.: Наука, 1998.
- Истрин 1927 — *Истрин В. М.* Работа над «Словарем русского языка» // Известия Академии наук СССР. Серия VI. 1927. Т. 21. Вып. 8. [Извлечения из протоколов заседаний Академии Наук СССР]. С. 1661–1673.
- Истрина 1951 — *Истрина Е. С.* Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Сб. ст. Л., 1951. С. 82–87.
- Отчет АН 1925 — Комиссия по составлению словаря русского языка (КС) // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 г. Л., 1926. С. 254–256.
- Отчет АН 1926 — Постоянная словарная комиссия // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г. Л., 1927. С. 303–306.

- Отчет АН 1927 — Постоянная словарная комиссия // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Л., 1928. С. 301–303.
- Отчет АН 1928 — Словарная комиссия // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Л., 1929. С. 280–283.
- Отчет АН 1929 — Словарная комиссия // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г. Ч. I. Л., 1930. С. 295–296.
- Рогожникова 2003 — *Рогожникова Р. П.* Сокровищница русского слова (История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН). СПб.: Наука, 2003.
- Стукова 2021 — *Стукова Е. Г.* Л. В. Щерба — теоретик и практик русской лексикографии // *Русский язык в школе.* 2021. №3. С. 95–101.
- Щерба 1927 — <Отчет о командировке чл.-корр. АН Л. В. Щербы> // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Ч. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927. С. 52–54.
- Щерба 1929 — *Щерба Л. В.* Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища председателя комиссии. 1929 г. // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого. Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приёмешева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 904–910.
- Щерба 1966 — *Щерба Л. В.* [О словарях живого литературного языка] // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 74–76.
- Щерба 1983 — Из лексикографического архива / Щерба Л. В. // Современная русская лексикография 1981. Л., 1983. С. 154–159.

Marina Priemysheva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**AT THE ORIGINS OF THE FOUNDATION OF THE LEXICOGRAPHY
DEPARTMENT OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES, RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES (1922–1929)**

Abstract. This article covers the work of the Permanent Lexicographic Committee since 1921, when the work on the Dictionary of the Russian Language proceeded after the October Revolution and the death of A. A. Shakhmatov, who was the leader of this lexicographic project until 1920 — the year when the Committee was incorporated into the Institute of Language and Thinking of the Academy of Sciences as a Lexicographic Department. By the moment of entering the Institute the Committee had actually completed publication of the parts of the Dictionary that had been made ready before the revolution, and had started the new edition of the Dictionary from the letter A, in new orthography and including significant amount of modern language material. This period of the Committee activities is marked by the ideas of L. V. Shcherba on theoretical foundations of academic lexicography as well as the new concept of its development.

Keywords: history of Russian linguistics, lexicography, theory, practice, and history of Russian lexicography, Lexicography Department of the Russian Academy of Sciences

Екатерина Григорьевна Стукова
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

**ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ СЛОВАРНОГО СЕКТОРА
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ
(1931–1937 гг.)**

Аннотация. В статье рассказывается о деятельности Словарного сектора ИЛИ РАН в первые годы его существования. На основе отчетов и архивных материалов можно составить представление о содержании, формах работы по составлению академического «Словаря русского языка», по формированию его картотеки, по изменению личного состава сектора в 1930-х годах. В эти годы, особенно в 1934–1936 гг., под руководством Н. С. Державина произошли существенные изменения в концепции «Словаря русского языка»: она претерпела изменение от концепции шахматовского словаря-тезауруса к концепции нормативного словаря современного русского языка. К 1936 г. эти изменения стали существенными и нашли отражение в опубликованных выпусках Словаря. Несмотря на прекращение в 1937 г. работы над «Словарем...» в связи с обвинениями в троцкизме, характер изменений в форме и содержании Словаря позволил авторам использовать имеющиеся наработки при создании нового «Словаря современного русского литературного языка», работа над которым началась по решению Президиума АН СССР 5 августа 1937 г.

Ключевые слова: история отечественной лингвистики, лексикография, теория, практика, история отечественной лексикографии, Словарный сектор ИЛИ РАН

История Словарного сектора Института лингвистических исследований РАН началась 90 лет назад, в 1931 году, когда в состав Института языка и мышления АН (ИЯМ) была включена Комиссия по русскому языку, состоящая из Словарной комиссии, Комиссии по подготовке древнерусского словаря и Диалектологической комиссии.

Сотрудники Словарной комиссии и составили основу Словарного отдела.

Отдел фигурирует в отчетах, документах ИЯМ за 1932–1937 гг. как Словарный отдел, Словарный сектор, Сектор Словаря русского языка и как Группа Словаря современного русского языка.

Основной деятельностью Отдела стало продолжение работы, которую с 1922 года вела Словарная комиссия Академии наук, — работы по созданию «Словаря русского языка».

К началу 1932 года — периоду фактического начала работы Словарного отдела — Словарная комиссия завершила доработку и издание выпусков «Словаря русского языка» шахматовской редакции, которые были подготовлены преимущественно до революции. При этом к 1929–1930 гг. концепция «Словаря» начала пересматриваться (см. подробнее предыдущий очерк): было решено возобновить работу над словарем с буквы А в новой орфографии (в 1929 году вышел в новой орфографии переработанный выпуск на букву О) и с включением значительного числа новых современных материалов.

Таким образом, начало работы Словарной комиссии в новом статусе Словарного отдела ИЯМ практически совпало с начавшейся перестройкой концепции «Словаря русского языка».

Основной задачей нового подразделения — Словарного отдела — была работа над продолжением академического «Словаря русского языка». О том, как продвигалась работа над словарем в первые годы существования Словарного отдела, можно судить по отчетам о деятельности ИЯМ и архивным материалам.

В отчете за 1931 г. идет речь о переиздании «отдельных частей Словаря и преобразованием его в издание, долженствующее отображать в широкой исторической перспективе современность», также отмечается необходимость отражения новой идеологии. «Были значительно расширены работы по обновлению картотеки за счет использования современной литературы всех видов — художественной, общественно-политической, научной, технической, равным образом за счет привлечения данных современной областной речи» [Отчет АН 1931: 342–345].

В этом году ни одного выпуска нового словаря так и не вышло, но к этому периоду уже было подготовлено к печати в общей сложности 62 печ. л. на буквы А, И, Л, М, Н, О.

Сотрудниками Отдела велась работа по выборкам словарных материалов из разных источников. В отчетном году картотека Словаря увеличилась на 82 675 карточек. Выборки произведены преимущественно из современной художественной (сочинения Д. Бедного, И. Вольнова, Ф. Гладкова и др.) и общественно-политической (сочинения М. Бонч-Бруевича, В. Ленина, И. Сталина и др.) литературы, обработаны тексты технической и производственной тематики, использованы различные, центральные и местные, органы периодической печати, современные специальные энциклопедические издания (Малая советская энциклопедия 1928–1931 гг., Техническая энциклопедия 1927–1934 гг. и др.) и т. д.

В 1932 г. (на 27 июля 1932 г.) в Словарном отделе было 6 штатных сотрудников и 3 сверхштатных. Заведующим Отделом был назначен славист, академик Николай Севастьянович Державин, являвшийся также до 1934 г. директором Института славяноведения.

Хотя формально история новой редакции словаря начинается в 1929 г., первые его выпуски вышли только в 1932 г. В отчетном году выпущены из печати 4 выпуска Словаря:

Т. 1, вып. 1 (*А—Ажно*, сост. И. А. Фалев);

Т. 5, вып. 2 (*Лактукопикрин—Лебёдушка*, сост. С. П. Обнорский);

Т. 6, вып. 1 (*М—Малый*, сост. П. Л. Маштаков);

Т. 8, вып. 1 (*Не—Невинность*, сост. В. И. Чернышев).

Также в 1932 г. были опубликованы две программные статьи главного редактора Словаря Н. С. Державина об изменении концепции «Словаря русского языка»: на смену полному историческому словарю русского национального языка шахматовской концепции должен был прийти «Словарь современного русского языка», «который должен отразить в себе все богатство нашего современного русского языка, языка эпохи Великих Работ во всем размахе его революционного социалистического речетворчества» [Державин 1932: 10].

На 14 января 1933 г. в штате словаря числится 6 сотрудников: Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, Н. Ф. Текутьева, И. А. Фалев, В. И. Чернышев.

В 1933 г. в связи с тем, что словарь был отмечен общественностью и правительством как имеющий крупное общественно-политическое и научно-культурное значение, «на основе разработанного ответственным редактором Словаря акад. Н. С. Державиным плана, ВЦИК постановил ускорить его издание, начиная с 1934 года. В связи с этим была резко усилена работа по разработке картотеки и подбору необходимых в первую очередь словарных материалов. Картотека пополнена 110 936 карточками (что составило 111% плана)» [Отчет АН 1933: 214–215].

В отчетном году изданы:

Т. 1, вып. 2 (*Ажно—Аллотриология*, сост. И. А. Фалев);

Т. 8, вып. 2 (*Невинность—Недовернуться*, сост. В. И. Чернышев);

Т. 6, вып. 2 (*Малый—Масловый*, сост. П. Л. Маштаков).

В том же 1933 г. Словарным отделом были подготовлены инструкции для редакторов и выборщиков (изданы они были только в 1936 г.): инструкцию для выборщиков подготовили Е. С. Истрина и И. А. Фалев, инструкцию для редакторов подготовил С. П. Обнорский [СПбФ АРАН Ф.77 Оп.1(1933), №5, Л. 21–28].

Штат Словарного отдела на 1934 г. выглядел следующим образом:

ответственный редактор — Н. С. Державин (директор Института славяноведения, зав. Словарным отделом, в штатном расписании не фигурирует);

Ф. В. Кипарисов — заместитель ответственного редактора;

С. П. Обнорский — ученый секретарь отдела;

ученые специалисты: Е. С. Истрина, В. И. Чернышев, А. С. Мадуев, И. А. Фалев;

научные сотрудники: Л. С. Ляпунова, Р. Э. Порецкая, Н. Ф. Текутьева.

В отчете за 1934 г. (в связи с нарастающей тенденцией к борьбе за чистоту языка и еще бóльшим вниманием руководства к словарю) уделяется особое внимание дальнейшей судьбе словаря: из словаря, рассчитанного на 50 лет, он превращен в «Словарь второй пятилетки»: «Это издание имеет задачей наиболее полным образом охватить современный русский язык, живой и письменный, литературный, научный, технический и областную речь, заходя вместе с тем в прошлое до половины XVIII столетия. <...> Словарь русского языка в этом охвате должен действительно стать полнейшей сокровищницей русского слова» [Отчет АН 1934: 377]. В соответствии с новым планом издания постепенно количество выпусков должно дойти до 60 в год.

В этом отчете С. П. Обнорский отмечает проблему, которая всегда затрудняла работу над словарем: недостаточность материальных и человеческих ресурсов в масштабе поставленных задач: «Широта рамок издаваемого словаря делает понятною трудность самой обработки и медлительность печатания издания. В дореволюционное время (90-е, 900-е, 910-е гг.) издание Словаря выражалось в отпечатании за год лишь одного выпуска... Это, иными словами, значит, что *полное издание Словаря потребовало бы 250 лет*» (курсив наш — Е. С.) [там же: 377–378].

В отчетном году вышло из печати 3 выпуска словаря:

Т. 11 (по старой нумерации — 5). Вып. 3 (*Лебёдушка—Лезгинка*, сост. С. П. Обнорский);

Т. 12 (по старой нумерации — 6). Вып. 2 (*Малый—Масловый*, сост. П. Л. Маштаков);

Т. 14 (по старой нумерации — 9). Вып. 3 (*Обкатить—Облупливать*, сост. Е. С. Истрина).

За 1935 г. было выпущено 5 выпусков:

Т. 1. Вып. 3 (*Аллотриоморфный—Анархический*, сост. И. А. Фалев);

Т. 9. Вып. 1 (*И — Идеализироваться*, сост. Л. В. Щерба);

Т. 11 (по старой нумерации — 5). Вып. 4 (*Лезгота—Лесной*, сост. С. П. Обнорский);

Т. 13 (по старой нумерации — 8). Вып. 3 (*Недовернуться—Нежунька*, сост. В. И. Чернышев);

Т. 14. Вып. 4 (*Облупливать—Ободрать*, сост. Е. С. Истрина).

В отчете за 1936 г. отмечается, что «с середины истекшего 1936-го года Словарный Отдел перешел на новое потомное, в строгом алфавитном порядке, издание Словаря русского языка», что привело к смене нумерации выпусков.

Также в отчете упоминается, что «с середины второго квартала начат был перевод Словаря на план нового издания, с начала алфавита, по томам (каждый том 60 печ. л.)».

В отчетном году было напечатано 4 выпуска:

Т. 1. Вып. 4 (*Анархический—Антиципировать*, сост. И. А. Фалев);

Т. 12 (по старой нумерации — 6). Вып. 3 (*Маслоглазый—Махать*, сост. С. П. Обнорский и И. А. Фалев);

Т. 13 (по старой нумерации — 8). Ч. 2. Вып. 4 *Нежурёный—Некрытый*, сост. В. И. Чернышев);

Т. 14. Вып. 5 (*Ободраться—Обратность*, сост. Е. С. Истрина).

В начале 1937 г. вышло 2 выпуска:

Т. 5 Вып. 1 (*Д—Дягельный*, сост. С. И. Ожегов);

Т. 6 Вып. 1 (*Е—Екать*, сост. М. П. Карпинский).

В Отчете также подчеркивается: «несмотря на то что его составление и подготовка к печати не может рассматриваться как важнейшая задача Инст. языка и мышления им. Марра, *Словарь этот, по своему удельному весу в производственной жизни Института, занимает центральное место. Около половины всего бюджета Института и его штатного состава падают на долю Словаря*

соврем. русского языка. Соответственно большая доля внимания уделяется Словарю со стороны дирекции Института и общественности (курсив наш — Е. С.).

В отчетном году план издания Словаря дважды пересматривался в связи с обнаружившимися в процессе работ недостатками, связанными с вопросами политического руководства, теоретического уровня словаря и организацией работы. В результате пересмотра был принят к производству новый план издания Словаря и частично реорганизована работа над ним. По новому плану, принятому в апреле 1936 г., предполагалось приготовить к набору 400 печ. л., на буквы А, Б, В. План этот перевыполнен (подготовлено к печати 415 листов).<...> С середины истекшего 1936-го года Словарный Отдел перешел на новое потомное, в строгом алфавитном порядке, издание Словаря русского языка. До той поры Словарь издавался на разрозненные буквы небольшими (в 10 печ. л.) выпусками. Часть истекшего года (до половины мая месяца) подготовка Словаря отправлялась от прежнего типа его издания. Так обработка велась по буквам от А до О, также по букве С. Те обработанные части Словаря, которые в период реорганизации плана издания находились уже в наборе, признано было целесообразным (Издательством АН) все же напечатать, хотя позднее они все равно подлежали бы переизданию в новом типе издания Словаря. Таким образом, одновременно с развертыванием работы по подготовке нового потомного издания Словаря пришлось продолжать кропотливое и затянувшееся дело доиздания отдельных выпусков Словаря прежнего типа. В этом порядке в истекшем году напечатаны: 4-й выпуск Словаря на букву А (от анархический до сл. антиципироваться), 1-й выпуск на букву Д (Д—даятельный), 1-й выпуск на букву Е (Е—ёкать)*, 3-й выпуск на букву М, 4-й выпуск на букву Н (второй половины буквы, от нежуреный до некрытый), 5-й выпуск на букву О (ободрить—обратность), т. е. всего 6 выпусков листажом 70 печ. л.» [Отчет 1936: л. 17, 29].

Содержание Отчета за 1936 г. позволяет утверждать, что работа над Словарем набирала обороты и становилась все более организованной: «В согласии с результатом обработки Словаря в истекшем году на 1937-й год падает задача: восполнить недоработанные места Словаря на букву Б, то же по букве В и ее окончание, обработка на букву Г, если того потребует листаж плановый, то частично и на букву Д. Общий листаж ориентировочно намечается в количестве 320 печ. л., т. е. от 5 до 6 томов Словаря. В линии печатания Словаря обеспечен выпуск из печати I-го тома; в условиях Типографской возможности, можно думать, будет напечатан II-й том и пойдет в набор III-й том Словаря, т. е. печатанием будут охвачены буквы А, Б.

Для осуществления работы по подготовке Словаря основной базой должны служить источники в виде цитат из различных произведений литературы, науки, техники, соответствующие выборки из словарных (всякого рода) изданий и под. Словарный Отдел обладает картотекой приблизительно в 3 миллиона карточек, собиравшейся десятками лет. Этот материал неровный, преимущественно относится к издававшимся ранее буквам Словаря, не всегда доброкачественный с разных точек зрения. Издание Словаря поэтому требует

*Выпуск печатается (сноска источника — Е. С.).

непрерывной и ответственной работы по новому производству выборок. Работа истекшего года дала прирост картотеки приблизительно в 500 тысяч карточек. Этот прирост ниже намечавшегося плана. План в полном виде не мог быть выполнен за недостатком средств. В 1937 году прирост должен быть в 600 тысяч карточек, если окажутся достаточными ассигнования на этот вид работы.

Конечно, картотека Отдела вообще имеет и для издания Словаря и для общего научного употребления колоссальное значение. Подготовленный в Орфографической комиссии при ИЯМ академический справочник по орфографии, также орфографический словарь в значительной мере опирался на материал картотеки. Словарный Отдел дает (письменные) ответы на многообразные запросы, подчас от высоких инстанций, по вопросам письма и языка благодаря именно богатому картотечному материалу по языку, обнимающему половину XVIII-го, XIX-й век, наше время. К сожалению, картотека в истекшем году по плану должна была быть вся упорядочена, но за недостатком средств полного ее приведения в порядок осуществить не удалось. Задача полного упорядочения картотеки — безусловная задача 1937 года. Здесь предстоит заново привести в алфавит до 600 тысяч карточек, включить в общий картотечный фонд прирост текущего года, свести в один алфавит не объединенные части алфавита, наконец организация дела с упорядочением архива картотеки.

Состав работников Отдела: ответств. редактор всего издания (акад. Н. С. Державин), секретарь (чл.-корресп. С. П. Обнорский), политредактура (3 лиц), 16 редакторов (в том числе 4 лиц договорников), 16 помощников редакторов (в том числе 6 лиц договорников), 8 научно-техн. сотрудников (в том числе 2 лиц договорников, не считая отдельных работников со сдельной оплатой), специалист по типогр.-изд. части, библиотекарь. Работа по выборкам осуществляется сдельно (контингентом до 50 человек).

При большом размахе всего предприятия состав этот далеко недостаточен. Отсутствуют специалисты-консультанты, отсутствуют ответственные руководители отдельных цельных участков в работе Отдела (как заведывание делом выборки, картотекой, библиотекой и проч.), количество научно-техн. персонала недостаточно и т. д.» [Отчет 1936: лл. 30–31].

Достаточно большой фрагмент из Отчета 1936 г. приведен с целью показать, что работа над Словарем выходила на новый уровень ее организации; количество сотрудников (штатных и внештатных), работающих над Словарем, уже через 4 года после создания Отдела было увеличено более чем в 10 раз.

Однако все изменилось весной **1937 года**.

В 1937 г. после серии политически ангажированных обвинительных статей в адрес словаря работа над ним была прекращена. Пафос этих обвинительных статей, помимо довольно поверхностной лингвистической критики, заключался в том, что составители словаря занимаются намеренным вредительством, контрреволюционной деятельностью и т. п. [Беляев 1937, 1937а, 1937б]. Следует отметить, что еще летом 1936 г. был арестован, а в декабре 1936 г. расстрелян как активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации Федор Васильевич Кипарисов — зам. гл. ред. Словаря в 1933–1935 гг., до смерти Н. Я. Марра — его первый заместитель.

В результате этих событий на заседании Президиума АН СССР 5 августа 1937 г. «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина был официально закрыт: «Президиум в своем постановлении по докладу <акад. И. А. Орбели об издании Словаря русского языка> констатировал следующее: работа над Словарем русского языка была в высшей степени запущена. Картотека словаря засорена словами и выдержками явно контрреволюционными, а также вульгарного, нередко порнографического и искусственного языка. Цитаты приводились иногда с недопустимо искаженным содержанием, что указывает на отсутствие руководства над выборщиками в процессе их работ. Равным образом и сам подбор кадров выборщиков был весьма неудовлетворителен.

Благодаря возмутительной небрежности в работе по словарю со стороны главного редактора акад. Н. С. Державина, ручавшегося за правильное направление работы, и его заместителя чл.-корр. С. П. Обнорского, своевременно не установившего, что словарь имеет вредное направление, равно как и руководства Института языка и мышления, не проявившего никакой инициативы в части словарной работы, была выпускаема недоброкачественная и вредная продукция, а аппарат словарного отдела оказался засоренным работниками, направившими работу по словарю по антигосударственному пути.

Отстранение от работы ряда редакторов и выборщиков как виновных в выпуске вредной продукции, проведенное Дирекцией Института в мае, является правильным, хотя и проведено со значительным опозданием.

Президиум признал необходимой коренную перестройку всей словарной работы и точное установление профиля <нового> словаря». [Постановление Президиума АН СССР 1937: 80].

На основе личных дел сотрудников, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, установлено, что за период с мая по июль 1937 г. были уволены Т. Д. Алексеев, А. М. Бабкин, Т. В. Белявская, Н. П. Вишняков, Е. З. Волков (и. о. политредактора Словарного отдела), Е. И. Кутилова, Л. М. Леонтьева, В. А. Лукин, В. Ф. Романова, С. А. Ратнер, Л. А. Рымникова, В. В. Сосов, Н. Ф. Текутьева, А. И. Чижик-Полейко и мн. др.

Из авторов Словаря остались или были восстановлены в должности в конце 1937 г.: Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, Р. Э. Порецкая, В. И. Чернышев, И. А. Фалев, Л. В. Щерба.

На том же заседании Президиума было сообщено о начале работы над новым словарем — будущим «Словарем современного русского литературного языка» в 17-ти томах.

Изданные выпуски Словаря были изъяты из библиотек. Подготовленные к изданию выпуски так и не были напечатаны. Опубликованные в 1929–1937 гг. выпуски «Словаря русского языка» стали библиографической редкостью и были переизданы издательством А. Флегона в Лондоне в 1974 году [Slovar russkogo jazyka 1974]. Объем опубликованных в 1929–1937 годах выпусков этого словаря составил около 250 а. л.

Таким образом, первые годы работы Словарного отдела ИЯМ под руководством Н. С. Державина были посвящены работе над новым изданием академического «Словаря русского языка». «Словарь» оказался очередным незакон-

ченным проектом (ни одна из букв так и не была завершена). Тем не менее, это был самостоятельный и во многих отношениях интересный лексикографический проект, ставший основой, на которой началось создание нового большого академического словаря (см. подробнее [Приемышева, Стукова 2018]).

Деятельность Словарного отдела с конца 1937 г. была целиком посвящена работе над новым «Словарем современного русского литературного языка». Работу над Словарем возглавил В. И. Чернышев. Но это уже следующая страница в истории Словарного отдела...

Литература

- Беляев 1937 — *Беляев С.* Нужна прямая политическая оценка // Ленинградская правда. 4 сентября 1937. №204 (6790). С. 3.
- Беляев 1937а — *Беляев С.* Троцкистские упражнения в «Академическом» словаре // Правда. 11 мая 1937. №128 (7094). С. 3.
- Беляев 1937б — *Беляев С. Ф.* «Академический» словарь // Вестник АН СССР. 1937. №4–5. С. 37–42.
- Державин 1932 — *Державин Н. С.* История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии наук СССР. 1932. №4. С. 1–12.
- Державин, Обнорский 1932 — *Державин Н. С., Обнорский С. П.* История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. №7. С. 13–26.
- Инструкция для выборщиков 1936 — Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков / сост. Е. С. Истриной, И. А. Фалевым. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 39 с.
- Инструкция для редакторов 1936 — Словарь русского языка. Инструкция для редакторов / сост. С. П. Обнорским. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 75 с.
- Отчет АН 1931 — Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1931 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.
- Отчет АН 1932 — Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.
- Отчет АН 1933 — Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1933 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
- Отчет АН 1934 — Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
- Отчет 1936 — Научный отчет о деятельности Института языка и мышления им. Н. Я. Марра за 1936 год // СПбФ АРАН. Фонд 77. Оп. 1 (1936). Ед. хр. 5. Материалы к отчету о выполнении плана научно-исследовательской работы за 1936 год.
- Постановление Президиума АН СССР 1937 — Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. №7–8. С. 80.

Приемышева, Стукова 2018 — *Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей / ИЛИ РАН; отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемышева, Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 18–28.*

Slovar ruskogo jazyka 1974 — Slovar ruskogo jazyka. 1891–1937. London, 1974.

Ekaterina Stukova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**THE FIRST YEARS OF WORK OF THE LEXICOGRAPHY DEPARTMENT OF
THE INSTITUTE OF LANGUAGE AND THINKING (1931–1937)**

Abstract. The article briefly covers the history of the Lexicography Department of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. On the basis of reports and archival materials, the author demonstrates the process of creating card indices and publishing volumes of the academic Dictionary of the Russian Language as well as the alteration of the staff at the Lexicography Department in the 1930s.

Keywords: history of Russian linguistics, lexicography, theory, practice, and history of Russian lexicography, Lexicography Department of the Russian Academy of Sciences

Светлана Аркадьевна Эзериня
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

К 135-ЛЕТИЮ БОЛЬШОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКИ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН¹

Аннотация. Статья посвящена истории создания и формирования словарного фонда Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, ее значимости для отечественной лексикографии и филологической науки в целом, а также описанию научных и практических достижений сотрудников картотеки.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, история академической лексикографии, Большая словарная картотека

2021 год стал для Института лингвистических исследований Российской академии наук воистину юбилейным — сам институт отметил свой 100-летний юбилей, его Словарный отдел — 90-летний. Но есть в нем особое подразделение, история которого уходит корнями еще в конец XIX века: это Большая академическая словарная картотека, отметившая в том же году уже свое 135-летие. Подлинная сокровищница лексики русского языка, в своих недрах она хранит огромное количество собранных за эти годы научно обработанных и систематизированных лексических материалов — словарных карточек, позволяющих вести самые разнообразные лексикографические и общепилологические работы. По самым скромным подсчетам она насчитывает более 9 млн цитатных и справочных единиц...

Возникновение этой уникальной картотеки было объективно обусловлено проектом создания крупнейшего академического лексикографического предприятия конца XIX века — большого академического словаря национального языка.

В ноябре 1886 года Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук «приступило, с одной стороны, к приготовлению материалов для Словаря, в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начи-

¹ Статья подготовлена с использованием материалов по истории БКСО, любезно предоставленных в распоряжение автора в начале 2000-х годов доктором филол. наук Р. П. Рогожниковой, руководителем группы картотеки и ее историографом.

ная с Ломоносова, в их хронологической последовательности, а с другой, к новому изданию прежнего словаря» [Отчеты ОРЯС 1903: 607] (имеется в виду «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года).

Работа по подготовке словаря русского языка была поручена акад. Якову Карловичу Гроту (1812–1893), который с 1865 года становится Председательствующим в Отделении русского языка и словесности, а с 1889 года — вице-президентом Академии Наук. В Предисловии к «Словарю русского языка» отмечалось: «В прежнем академическом словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большей частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все наши первоклассные писатели» [Словарь... 1891: XI–XII]. Именно с выписок из произведений «первоклассных» писателей и началась история Большой словарной картотеки.

Я. К. Грот считал, что «коллективный труд над словарем может быть допущен только разве в приготовительных к нему работах, именно в чтении различных писателей или памятников, с выборкою из них слов и примеров. Окончательная же редакция словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумеется, при помощи нескольких, отданных в его распоряжение помощников» [Грот 1876 I: 172]. Такими стали магистранты Петербургского университета Н. А. Смирнов и Е. В. Петухов (1863–1948). Постоянными помощниками Грота вскоре стали Павел Васильевич Шейн (1826–1900) и Павел Константинович Симони (1859–1939).

В разное время в подготовке материалов для словаря принимали участие этнографы, фольклористы, библиографы, деятели науки и культуры, а также энтузиасты. Известно, что П. И. Чайковский принимал участие в чтении гранок, которые присылались ему для консультации по поводу музыкальных терминов и ему даже выражалась благодарность за содействие полноте и обработке 2-го выпуска словаря 1892 года.

После смерти Я. К. Грота руководство работой по Словарю русского языка продолжил акад. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). В своем первом официальном выступлении о «Словаре русского языка» Шахматов так характеризовал имеющиеся в его распоряжении картотечные материалы: «Имею честь представить Отделению подробный перечень карточного материала для Словаря, собранного разными лицами и доставленного Академии Наук частью при покойном редакторе Словаря академиком Я. К. Гроте, частью после смерти его. <...> В нашем распоряжении видим выписки более чем из ста писателей: судя по ходу подготовительных работ, имелось в виду пополнять их и расширять» [Извлечения... 1899: XII]. Однако в связи с изменением концепции словаря — отражением всех слов русского языка, когда-либо встречающихся в письменных памятниках — А. А. Шахматов предложил расширить круг его источников преимущественно за счет включения древнерусских письменных текстов и диалектных материалов.

Важным для истории картотеки стало обращение Отделения ОРЯС в 1895 году к широкой научной общественности: «Выборку слов и выражений из языка <первостепенных> писателей Отделение нашло целесообразным произвести под непосредственным своим наблюдением. В деле же исследования и разработки словарного материала других наших писателей, <...> начиная от Ломоносова и кончая новейшими, отделение надеется найти помощь у русских ученых и у всех тех, кому дорого развитие языка» (цит. по [Рогожникова 2003: 23]). С этого момента в картотеку начинают поступать цитаты из провинциальных газет и журналов, редких изданий, примеры разговорной и диалектной речи, записанные учителями, представителями духовенства, филологами-любителями и т. п. Отделение посылало всем корреспондентам письма с благодарностью и в Предисловии к Словарю указывало их фамилии с выражением признательности за их труд.

С 1896 года картотека начинает пополняться цитатами не только из русских писателей, но и записями живой диалектной речи, полученными в экспедициях Академии наук, выписками из исторических памятников, цитатами из учебных и научно-популярных изданий, терминологических словарей. Активное участие в пополнении картотеки областными материалами принимали известные исследователи народного языка; В. Н. Добровольский (1856–1920), Н. М. Каринский (1873–1935), Н. Е. Ончуков (1872–1942). Множество диалектных материалов присылал П. А. Дилакторский, вологодский библиограф.

К 1912 году в Картотеке было собрано такое количество материала, что возникла необходимость в специалисте, который бы ведал их хранением. На его место был определен Петр Лазаревич Маштаков, который активно включился в словарную работу. В отчете Отделения за 1917 год отмечалось, что приведен в алфавитный порядок (на первую и вторую букву) весь имеющийся на карточках материал (более 800 000 карточек).

За годы руководства А. А. Шахматова картотека начала очень быстро пополняться и к 20-м годам XX века включала около 1 млн единиц. В истории русской толковой лексикографии выпуски «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова (Е–Ж) были первыми, которые содержали Указатели использованной литературы: тем самым эмпирический материал словаря становился важнейшей частью его концепции и методологической базы.

Однако пополнение картотеки приостановилось в связи с революционными событиями в Петрограде, и картотека вместе с рукописями и ценными книгами была эвакуирована в Саратов, где хранилась более трех лет. В декабре 1920 года Картотека была возвращена из эвакуации и помещена в здании Библиотеки Академии наук.

После смерти в 1920 году акад. А. А. Шахматова председателем Отделения русского языка и словесности был избран акад. Василий Михайлович Истрин (1865–1937), который оставался на этом посту до закрытия Отделения в 1930 году. В 1922 году была образована «Комиссия по составлению „Словаря русского языка“», переименованная в 1925 году в «Постоянную Словарную Комиссию» при ОРЯС. В нее входили академик В. М. Истрин (председатель), научные сотрудники первого разряда П. Л. Маштаков (ученый секретарь), Е. С. Истрина, С. П. Обнор-

ский, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, Н. К. Ядрышев и позднее — в 1928 году — сверх штата доцент ЛГУ И. А. Фалев. Заместителем председателя стал Лев Владимирович Щерба (1880–1944).

Еще с 1922 года Л. В. Щерба являлся членом Постоянной Словарной Комиссии и принимал участие в подготовке ряда выпусков Словаря русского языка. В своей докладной записке от 23 августа 1929 года «О положении дел в Словарной Комиссии Академии Наук» он писал: «Он (Истрин. — С. Э.) прежде всего привлек к делу оставшийся после Шахматова ценный аппарат из людей, хорошо знавших источники Словаря и могших продолжить дело создания его картотеки, которая является основным орудием работы» (цит. по [Рогожникова 2003: 41]).

В 1920-е годы возникла необходимость расширения словника «Словаря русского языка» за счет включения в него новой лексики времен революции и Гражданской войны. Темпы накопления новых материалов значительно ускорились, и к работе стали привлекать студентов-филологов, но лексикографов не хватало, и это замедляло работу по Словарю. Требования к словарникам были сформулированы Щербой в записке, адресованной Постоянной словарной комиссии, в которой он подчеркнул: «Опыт Комиссии показал, что словарная работа вообще, и составление словарных статей, в особенности, является делом исключительной трудности и требует от лиц, посвящающих себя этому делу, целого ряда качеств. Во-первых, это должны быть люди с общей лингвистической и филологической подготовкой выше обычной университетской. Далее, это должны быть люди, лично настолько заинтересованные подобной работой, что она не должна быть лишь временным этапом их жизненной карьеры. Наконец, они должны обладать, с одной стороны, достаточной усидчивостью для преодоления подчас очень скучных подготовительных работ, с другой, специфическим талантом для разыскания тонких оттенков значения слов, их классификации и определения, а также особым чувством языковой нормы» (цит. по [Рогожникова 2003: 44]).

С конца 1929 года характер издания академического «Словаря русского языка» меняется. Новым ответственным редактором словаря — академиком Н. С. Державиным (1877–1953) — был предложен новый тип словаря, который стал называться «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом разрезе». Его задачей было «наиполнейшим образом охватить современный русский язык, живой и письменный, литературный, научный, технический и областную речь, заходя вместе с тем в прошлое до половины XVIII столетия. Цель Словаря — не ограничиваться показом семантической стороны слова: словарь с возможной полнотой развертывает жизнь слова в фразе, давая соответствующие иллюстрации бытования слова на материале классиков литературы XVIII–XIX веков, вскрывает, насколько позволяют источники и живое употребление, стилистическую и фразеологическую роль слова, наконец, дает в широких рамках элементы грамматической (и орфографической) характеристики слова. Словарь русского языка в этом охвате должен действительно стать полнейшей сокровищницей русского слова» (цит. по [Лингвистические источники 1967: 13]).

Программа дальнейшего развития картотеки выходила за рамки Шахматовской программы, пытаясь отразить язык современной эпохи: существенно

стал расширяться круг источников. Особенно велик был приток материалов в 1933–1937 годах. За это время в картотеку поступило около 2 млн карточек. В работе по созданию словаря и в пополнении картотеки принимали участие Евгения Самсоновна Истрина, Иван Александрович Фалев, Сергей Петрович Обнорский, Сергей Иванович Ожегов, Василий Ильич Чернышев, Лев Владимирович Щерба, Петр Лазаревич Маштаков. Большое число цитатных материалов обрабатывалось внештатными сотрудниками, число которых достигало 50 человек. Среди них: С. Ф. Геккер, В. А. Водарский, П. В. Белявская, Н. И. Колюбакина, А. И. Махонина, Н. Ф. Текутьева, С. Л. Чернявская и мн. др.

Выборка материалов для картотеки велась очень широко. Расписывались такие современные газеты и журналы, как, например, «Правда», «Известия», «Вестник коммунистической академии», «Социалистическая реконструкция и наука», «Техника», «Искусство», «Красная Новь», «Октябрь» и мн. др. Довольно значительно была представлена художественная литература послереволюционного периода: произведения В. Маяковского, Л. Леонова, М. Шолохова, М. Горького, Д. Фурманова, А. Фадеева, Д. Бедного, Ф. Гладкова и др. Велась выборка из специальных источников, таких как «Спутник ленточницы», «Птицы Европы», «Справочник по саперному и маскировочному делу», «Колбасное производство», «Спутник водника» и мн. др.

В этот период производилась выборка из словарей и энциклопедий XIX–XX веков. В это же время в Картотеку поступило большое количество новых диалектных материалов и фольклорных записей.

В 1937 году работы Словарного сектора и состояние картотечных материалов были подвергнуты резкой критике. После статьи С. Беляева в газете «Правда» от 11 мая 1937 года состоялось обсуждение словарной работы на специальном заседании Президиума АН СССР, где, в частности, была отмечена засоренность картотеки цитатами из идеологически не выдержанных произведений. Со своих должностей были сняты акад. Н. С. Державин, чл.-корр. С. П. Обнорский и ученый секретарь С. И. Успенский.

В том же году Президиум АН СССР принял постановление о прекращении работы над «Словарем русского языка» и о необходимости начать работу над «Словарем современного русского литературного языка», в котором бы сочетался исторический принцип с нормативным. К этому времени в картотеке насчитывалось уже более 4 млн карточек, и она постоянно пополнялась. Источниками словаря стали не только классические произведения авторов XIX века, но и произведения современных авторов.

Руководство этой работой было возложено на Василия Ильича Чернышева (1867–1949). Чернышев придавал особое значение картотеке. Хорошо зная ее материалы, в пополнении которых он сам принимал участие, Чернышев писал, что «еще недостаточно использованы: Карамзин, Крылов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Герцен, Гончаров, Л. Толстой, Достоевский, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, кодексы Советского правительства и его законодательные распоряжения. Недостаток соответствующих выборок из литературных,

научных и других источников лишает нас возможности представить то самое богатство языка, к отражению которого мы стремимся» [Чернышев 1970: 344].

В 1938 году было принято решение о назначении ответственного лица за фонды картотеки — заведующего. Им стал Александр Васильевич Семериков (1902–1968), который более 20 лет занимал эту должность.

Началась Великая Отечественная война. Перед самой войной был подготовлен к печати 1-й том «Словаря современного русского литературного языка», шла подготовка следующих томов, продолжалось пополнение картотеки. Подготовкой материалов для картотеки занимались внештатные выборщики. Война нарушила весь ход работ. Прежде всего было необходимо сохранить уникальные материалы. Картотечные фонды Словарного отдела, которые тогда размещались на третьем этаже Пушкинского дома, были переведены на первый этаж, где находились в большей безопасности. Многие сотрудники Института ушли армию и в народное ополчение, среди них Ф. П. Филин, М. Д. Мальцев, С. С. Перепелкин и А. В. Семериков. Значительно уменьшилось число внештатных работников, но работа продолжалась.

После войны возобновилась работа над «Словарем современного русского литературного языка», было продолжено упорядочение фондов картотеки и одновременно пополнение ее новыми материалами. Руководство Словарным сектором и работой над Словарем возглавил чл.-корр. АН Степан Григорьевич Бархударов (1894–1983).

В 1953 году Президиум АН СССР принял решение о создании «Словаря русского языка» в 4-х томах. Таким образом, в секторе в это время велась работа одновременно над двумя большими словарями: 17-томным и 4-томным. Начиная с 1953 года было предусмотрено ежегодно отпускать для картотеки по 150 тысяч рублей в течение 4 лет. Были составлены списки источников, в которые вошли произведения главным образом авторов советской литературы: И. Арамилева, Вл. Бахметьева, Ф. Гладкова, Б. Горбатова, В. Каверина, В. Катаева, Г. Маркова, Г. Николаевой, П. Павленко, К. Паустовского, А. Н. Толстого и мн. др. Была организована разметка текстов силами научных сотрудников Словарного отдела, организован Картотечный совет. Тогда же началась работа по созданию новой инструкции для выборщиков. В ее составлении принимали участие А. М. Бабкин, Е. Э. Биржакова, С. Ф. Геккер, И. К. Зборовский, Л. В. Павленко, В. П. Фелицына, Ф. П. Филин.

Большую заинтересованность и умение организовать коллективную работу по подготовке словарей проявил Федот Петрович Филин (1908–1982), который с 1954 по 1962 год был заведующим Словарным сектором ЛО Института языкознания. После его отъезда в Москву Словарный сектор возглавил доктор филологических наук Юрий Сергеевич Сорокин (1913–1990), который заботился и о развитии Большой словарной картотеки. Регулярно работал Картотечный совет, ежегодно составлялись и обсуждались списки источников, велась выборка и пополнение картотеки.

В 1961 году закончилась работа по составлению, редактированию и изданию «Словаря русского языка» в 4-х томах, а в 1965 году — «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах. Картотека Словарного отдела к этому моменту насчитывала уже около 6 млн карточек. На их основе были в дальнейшем подготовлены и изданы «Словарь синонимов русского языка» в 2-х томах, словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» и ряд других словарей и справочников.

С 60-х годов XX века наряду со Словарной картотекой в Словарном отделе начали формироваться новые картотеки. В 1960 году Г. П. Блок, а затем и Ю. С. Сорокин по предложению акад. В. В. Виноградова начали работу по подготовке «Словаря русского языка XVIII в.» (на начало 2000-х годов картотека этого Словаря включала около 3 млн. единиц). В 1963 году Ф. П. Филин начал работу над «Сводным словарем русских народных говоров», и с 1965 года для нужд словаря также была выделена специальная картотека (включает около 2 млн. единиц). В 1965 году в Словарном секторе была создана группа Словаря новых слов, выпускающая в свет словари-справочники, составленные на основе новых газетных материалов. Эта группа также начала работу с создания специализированной картотеки, которая к началу 2000-х годов включала около 1 млн карточек-цитат.

Именно с 1960-х годов, когда начали возникать специализированные картотеки, появилось название «Большая картотека Словарного отдела» (БКСО).

В 1966 году для подготовки материалов нового издания Академического словаря была организована группа картотеки, которая разрабатывала теоретические вопросы, связанные с пополнением и отбором материалов, составляла списки источников, вела разработку (выборку) и систематизацию лексических материалов. Руководство группой было поручено Розе Павловне Рогожниковой, которая заведовала картотекой до 2010 года.

Любой лексикограф, работающий над составлением словаря на основе фактического цитатного материала (в первую очередь это касается словарей толковых и исторических), на собственном опыте прекрасно знает, насколько качество словаря зависит от его эмпирической базы, представлена ли она картотекой или, как это чаще всего имеет место в наши дни, компьютерной текстовой базой данных. Так или иначе, но для любой включаемой в словарь лексической единицы правильный отбор и представление контекста, подтверждающего ее значение (или его оттенки), употребление, стилистическую принадлежность, вариативность, сочетаемость, особенности грамматики и т. д., имеет важнейшее значение для объективности и полноты ее лексикографического описания. От языкового чутья и опытности словарников-выборщиков напрямую зависит качество формирующего картотеку лексического материала. Для успешной профессиональной деятельности выборщики должны обладать теми же качествами, что и словарники-составители, а требования к последним, как мы видели, были определены акад. Л. В. Щербой еще в 1929 году.

Весь накопленный за многие десятилетия опыт подготовки филологически обработанных словарных материалов для картотеки нашел свое научное

воплощение в небольшом по объему, но емком по содержанию пособии по выборкам «Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка», составленном в 1972 году известным лексикографом, многолетним сотрудником Словарного сектора докт. филол. наук А. М. Бабкиным. В этом издании, ставшем настольной книгой начинающих лексикографов, подробно, на большом количестве примеров рассматриваются типы источников картотеки, основные типы выборки (общая — специальная, полная — частичная) и их характер; особенности выборки различных классов лексем, словосочетаний и фразеологизмов; характеристики текста цитаты, принципы ее библиографирования и оформления.

Особый акцент в пособии делался на недочетах и ошибках, которые нередко допускали невнимательные или неопытные выборщики при отборе и разметке цитат (к большому сожалению, такие неудовлетворительные контексты цитат довольно часто приходится встречать в современных лексикографических изданиях, когда составители некритично извлекают цитату на искомую лексему из электронных библиотек или текстовых фондов, откровенно не задумываясь о ее качестве и о том, как она будет восприниматься читателями словаря). Самое главное требование, предъявляемое к цитате с точки зрения лексикографии, помимо раскрытия определенного аспекта бытования лексикофразеологической единицы, — ее полнота и самодостаточность вне текста источника, при этом величину цитаты определяет «только то словесное окружение, которое способствует смысловой и стилистической отчетливости слова, для которого берется цитата» [Разработка лексики 1972: 48]. Отметим наиболее часто нарушаемые правила отбора и формирования контекста цитаты: 1) *Недостаточная полнота цитаты* для раскрытия значения или особенностей употребления лексемы; 2) *Неясность содержания цитаты*, необходимость ее расширения для правильного понимания ее текста; 3) Цитата, кроме фиксации лексикофразеологической единицы, не содержит о ней *никакой информации* (это не касается цитат, помечаемых как справочные); 4) Источником текста цитаты служит *стилизованное произведение*, относящееся к историческому, фантастическому или фэнтезийному жанрам; 5) *Сокращение* текста внутри цитаты приводит к *искажению смысла* текста; 6) Внутри стихотворной цитаты допущены пропуски текста *с нарушением ритмики* стиха; 7) Цитата начинается со слов, *подводящих итог* (е. г. *таким образом, следовательно, таков, вот почему* и т. п.) либо со слов, *вводящих противопоставление предыдущему*, оставленному за рамками цитаты, тексту (е. г. *но, а, однако, тем не менее* и т. п.), — это затрудняет восприятие содержания контекста, свидетельствуя о его смысловой незаконченности; 8) В цитате *не раскрываются* анафорические связи местоимений и местоименных наречий *он, она, оно; этот, эта, это; тогда* и др., что также приводит к неясности цитаты и двусмысленности ее понимания. (Такие случаи требуют обязательного комментария выборщика в специальной зоне карточки-цитаты или за специальным знаком внутри цитаты непосредственно в тексте словаря.); 9) В цитате *отсутствует раскрытие кличек животных, прозвищ людей, топонимов* — в тех случаях, когда это необходимо в целях устранения двусмысленности; 10) Цитата содержит *искажения текста по отношению к*

оригиналу (это не касается сокращений и ряда аспектов, касающихся текстов в старой орфографии), не полностью ему соответствует; 11) Цитата *неполно* или *неверно библиографирована*. Кроме того, для академической толковой лексикографии совершенно недопустимо, чтобы содержание цитаты оскорбляло или унижало читателя, содержало описание сцен жестокости, насилия, извращений и т. п., пестрело грубыми жаргонизмами и обценной лексикой, увлечение которыми стало характерной чертой для многих современных литераторов.

Через всю книгу А. М. Бабкина красной строкой проходит мысль о высокой научной значимости Академической картотеки, о том, что «всемерное обогащение ее следует рассматривать как важное дело *государственно-общественного значения*» (курсив наш. — С. Э.) [Разработка лексики 1972: 4].

В 1980-е годы именно в этой группе по инициативе Розы Павловны Рогожниковой (1926–2017), на протяжении почти четырех десятилетий бессменно возглавлявшей БКСО, в институте *впервые* были начаты работы по компьютерной обработке и подготовке текстовых данных для лексикографических целей, по автоматизации весьма трудоемкой подготовительной словарной обработки источников картотеки. Так, были получены словоуказатели, а затем и ряд конкордансов к произведениям Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, К. Ф. Рыльева, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, А. С. Грибоедова и др., что позволяло *полностью* учесть лексико-фразеологический состав этих текстов классической русской литературы XIX века и дополнить выявленные таким образом лакуны картотеки, тем самым устранив недочеты вынужденно неполной выборки прежних лет. Одновременно проводилась научная оценка тех групп и разрядов лексики из этих произведений, которые по разным причинам оказались вне зоны лексикографической фиксации.

Когда в середине 1980-х годов автор этих строк с университетской скамьи непосредственно влилась в высокопрофессиональный коллектив БКСО, деятельность группы была отлажена как точный сбалансированный механизм. Костяк коллектива составляли штатные сотрудники института — докт. филол. наук Р. П. Рогожникова, канд. филол. наук К. А. Логинова и Н. П. Пеньковская, выпускница отделения математической лингвистики ЛГУ Е. Ж. Кузнецова, а также приданные в помощь БКСО сотрудники Библиотечного коллектора А. В. Трофимова, Т. Б. Стельмах и С. Ю. Лихоманова (в 1990-е годы в группу также пришла М. Н. Приемшева, а в начале 2000-х годов — И. Б. Дягилева). Об объеме работ в группе в это время может свидетельствовать уже один тот факт, что за день раскладка и вливание карточек в картотеку могло достигать нескольких тысяч, а за год — порядка ста тысяч. В соответствии с задачами академического словаря цитатный материал извлекался из литературных источников различных жанров и направлений, включавших художественную прозу, поэзию, драматургию, публицистику, мемуары, эпистолику, деловую литературу, литературу научную и научно-популярную.

Прежде чем цитатная или справочная карточка занимала свое место в картотеке, она проходила несколько подготовительных этапов. Сначала в тесном сотрудничестве с БАН выявлялись подходящие для словарной выборки издания из проспектов, как правило, центральных отечественных издательств и

заказывались библиотекой для нужд Словарного сектора (впоследствии эти издания отбирались уже непосредственно на выставках новых поступлений в БАН, много времени и внимания этой миссии уделял филолог-литературовед сотрудник группы БАС А. А. Заяц). Когда заказанные издания поступали в библиотеку института, члены группы внимательно знакомились с их текстами, делая предварительную разметку, и на заседании группы во главе с Розой Павловой на фактическом материале доказывали их полезность для пополнения словарных фондов картотеки с точки зрения всех интересующих лексикографов аспектов; часть казавшихся первоначально перспективными источников при этом не проходила проверки и отсеивалась. По итогам этих обсуждений, проходивших не реже раза в месяц, оформлялись библиографические карточки для картотеки источников БКСО (обычно ее новой части) с кратким описанием источника и примерами характерной для него лексики; также в обязательном порядке отмечалось, на какие именно группы лексики из этого источника будущим выборщикам следует обратить внимание при разметке текста. После этого полученные списки книг с отпечатанными библиографическими карточками предлагались вниманию Картотечного совета, который на своем заседании рассматривал списки и утверждал их. Только затем выбранные источники попадали в руки опытным выборщикам для разметки; отобранный цитатный материал распечатывался на карточки на машинке или расписывался от руки и через несколько месяцев пополнял фонды картотеки.

При постоянной работе с картотеккой с течением времени возникла объективная необходимость создания справочника, который бы облегчал работу по поиску и включению в картотеку и словарь лексики, в первую очередь такой, которая еще не была лексикографически кодифицирована. В результате в группе картотеки был создан и в 1991 году издан справочник «Сводный словарь современной русской лексики», объединивший словники 14 наиболее значительных современных словарей русского языка и энциклопедий (более 170 000 слов) и впоследствии далеко вышедший за рамки первоначальных целей его практического использования [Сводный словарь 1991: 3].

Начиная с конца 1970-х годов группой картотеки был также подготовлен ряд научных сборников, проведены конференции по проблемам лингвистического источниковедения и создания информационной базы современной академической лексикографии. В 2003 году увидела свет книга Р. П. Рогожниковой «Сокровищница русского слова» (История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН), ставшая своеобразным итогом многолетнего труда автора в БКСО.

В настоящее время Большая картотека состоит из двух частей: «старой» (с 1886 по 1968 год) и «новой» (с 1968 по 1998 год). По инициативе Розы Павловны Рогожниковой на рубеже прошлого и нынешнего веков была начата еще одна весьма кропотливая, трудоемкая, но имеющая важное значение для отечественной русистики работа по созданию электронного Генерального словника картотеки. Работа осуществлялась как сотрудниками группы, так и проходя-

щими в ИЛИ РАН профессиональную практику студентами-филологами СПбГУ, Балтийского университета и других высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Оцифровка же огромного объема лексических материалов БКСО для ее сохранения и более широкой доступности для научного сообщества столкнулась на практике с большим количеством объективных трудностей и, как хочется надеяться, является делом будущего.

Большая Словарная Картотека с 1886 года формировалась как эмпирическая база целого ряда фундаментальных лексикографических проектов, поэтому по своим масштабам она давно переросла мыслимые задачи какого-либо одного словаря, на определенном этапе став генеральным лексическим фондом русского языка. Она служит базой не только для большинства словарных работ, ведущихся в Словарном секторе ИЛИ РАН, но является источником для самых разнообразных лингвистических исследований по семантике, лексике, грамматике, синтаксису. На современном этапе, когда функции этой Картотеки во многом взял на себя Национальный корпус русского языка и другие электронные текстовые базы данных, она представляет собой уникальное по количеству и в значительном объеме неповторимое по качеству собрание лексических материалов, формирование которых шло вслед и по стопам русской истории и русской науки. Более века формирования и существования фонда Большой словарной картотеки позволяют говорить не только о его исторической и научной уникальности, о несомненной его научной значимости, но и о его несомненных научных перспективах...

Литература

- Грот 1876 — Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876.
- Извлечения 1899 — Извлечения из протоколов Отделения русского языка и словесности // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб., 1899.
- Лингвистические источники 1967 — Лингвистические источники: фонды Института русского языка / Отв. ред. С. И. Котков, А. И. Сумкина. М.: Наука, 1967.
- Отчеты ОРЯС 1903 — Отчеты ОРЯС за 1866–1891 гг. СПб., 1903.
- Разработка лексики 1972 — Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка. Пособие по выборкам / Сост. А. М. Бабкин. Л.: Наука, 1972.
- Рогожникова 2003 — Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003.
- Сводный словарь 1991 — Сводный словарь современной русской лексики. В 2 т. М., 1991.
- Словарь 1891 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1. А–Д. СПб., 1891.

Чернышев 1970 — *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка // В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. I. М., 1970. С. 342–350.

Svetlana Ezerinya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**TO THE 135TH ANNIVERSARY OF THE GREAT LEXICOGRAPHIC
CARD-INDEX OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Abstract. In 2021, the Great academic lexicographic card-index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences celebrated its 135th anniversary. The article is devoted to the history of its creation and the formation of the lexical fund, its significance for Russian lexicography and philological science in general, as well as the description of scientific and practical achievements of its contributors.

Keywords: Russian language, lexicography, word card-indices

Лариса Леонидовна Шестакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

**МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЯМ ЯЗЫКА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В БОЛЬШОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКЕ ИЛИ РАН:
ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА**

Аннотация. В статье рассматриваются материалы к словарям П. А. Вяземского и Ф. М. Достоевского, хранящиеся в Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН. Анализируются оформление карточек, их содержание, выделяются параметры, значимые именно для словаря языка писателя. Также проводится краткое сравнение материалов с фрагментами современных словарей языка названных авторов.

Ключевые слова: авторская / писательская лексикография, авторский словарь / словарь языка писателя, Большая словарная картотека, словарная карточка, Вяземский, Достоевский

Усилиями филологов разных поколений в целом воссоздана история русской авторской/писательской лексикографии — см., например: [Винокур 1949; Фонякова 1993; Шестакова 2011]. Рассмотрение начального этапа в развитии этого научного направления было бы неполным без обращения к словарным материалам по произведениям разных авторов, хранящимся в Институте лингвистических исследований РАН. В том числе, конечно, — в Большой словарной картотеке (БСК), начало которой было связано с подготовкой «Словаря русского языка» Грота–Шахматова [Рогожникова 2003]. При его составлении велась, напомним, определенная работа и над словарями языка писателей, которые рассматривались в первую очередь как источник добротных примеров для словаря национального языка. Под словарем языка писателя понимался при этом не толковый словарь, «а перечень слов, употребляемых писателем, с цитатой к каждому слову» [там же: 21], т. е., по сути, конкорданс.

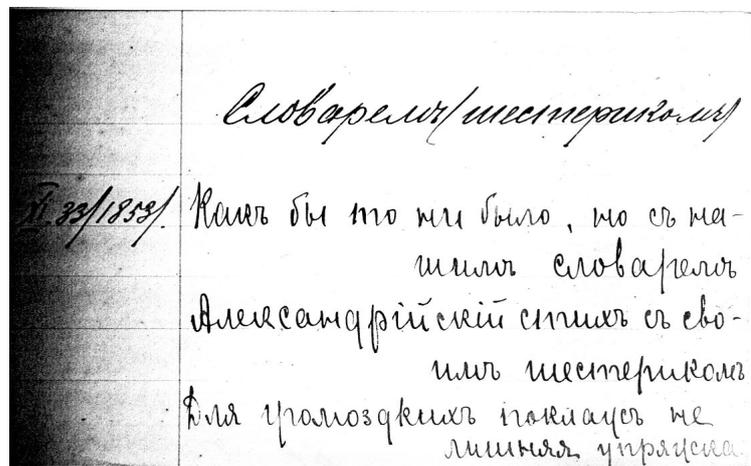
В БСК представлены материалы к словарям языка ряда литераторов XIX века. На карточках выписаны слово в исходной форме или конкретная словоформа, один или несколько иллюстративных примеров, приводится шифр произведения или его название. В некоторых случаях, однако, сведения указанного типа, достаточные для словаря общего языка, дополняются другими, соотносимыми со словарем языка писателя.

Весьма объемны материалы к словарю поэтического языка П. А. Вяземского. Карточки хранятся в 12 ящиках, содержат примеры из произведений разных периодов творчества поэта.

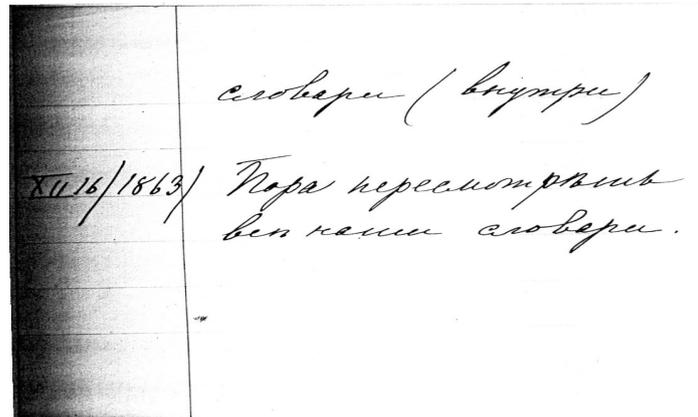
Материалы попали в рукописное собрание Комиссии по составлению словаря русского языка в 1926 году. Как отмечается в Отчетах АН за этот год, «приобретен сохранившийся в остатках (свыше 30 000 карточек) словарь к поэтическим произведениям кн. П. А. Вяземского. Словарь был составлен в свое время внучкой поэта В. А. Шереметевой, под наблюдением Д. К. Зеленина, и до 15 листов было отпечатано в Московской синодальной типографии, но за истекшие годы отпечатанные листы погибли; погибло также значительное количество карточек» [Отчет АН 1926: 304].

Литературным источником для формирования картотеки послужило, как удалось установить, издание графа С. Д. Шереметева — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в 12 томах (СПб., 1878–1896). Хотя собрание сочинений вышло после смерти писателя, он, как говорится в первом томе, успел пригласить к участию в издании («князь Петр Андреевич письменно пригласил») нескольких лиц, первым среди которых был назван Я. К. Грот.

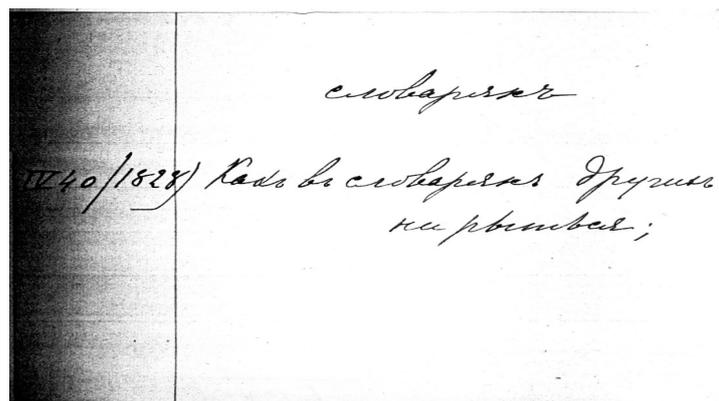
Обратимся к анализу карточек из материалов к словарю Вяземского. Для обозначения единицы (слова, словоформы), к которой составлена карточка, будем здесь и далее использовать, для простоты, номинацию «заголовок». В этих материалах, принадлежащих разным авторам, в качестве заголовков последовательно выступают формы отдельного слова (существительного, прилагательного и т. д.), даваемые то с прописной, то со строчной буквы. После словоформы, если в тексте она стоит в рифменной позиции, как правило, указывается в скобках рифма к ней. Иллюстрация сопровождается адресом, данным в левой части карточки. Его составляют: указание на том собрания сочинений (и часть тома, если она есть), номер страницы, а также год написания произведения (по этим данным нетрудно найти строки, выбранные в качестве иллюстраций, в собрании сочинений Вяземского). См., например, карточки к существительному *словарь* в разных значениях (как хорошо показывают контексты), в формах ед. и мн. числа:

Как видно, форма *словарем* (здесь словарь ‘совокупность слов языка’) встречается в тексте 1853 года (в собрании сочинений приведенные строки представлены в т. XI, с. 33). Это — известное стихотворение Вяземского под названием «Александрийский стих», в котором форма *словарем* нетривиально рифмуется со словом *шестериком* (напомним, что александрийский стих — это французский двенадцатисложный стих или русский шестистопный ямб (с цезурой после шестого слога) с парной рифмовкой).

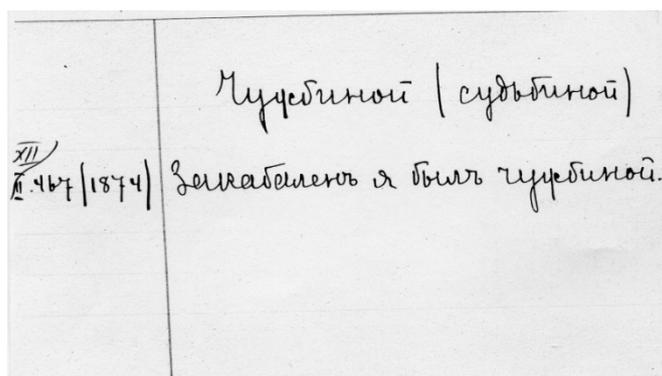
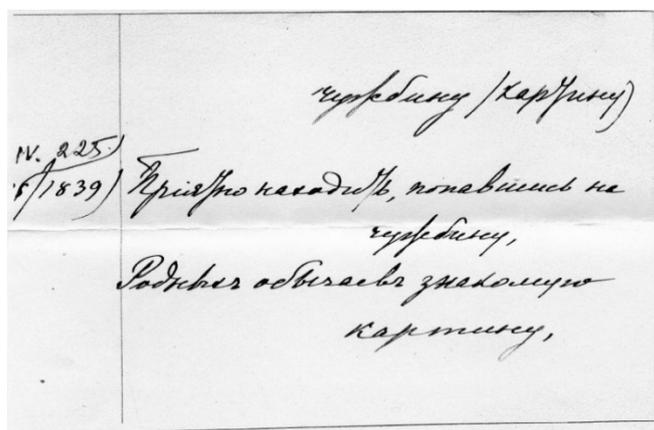

Форма *словари* (вин. мн.; здесь словарь ‘книга как собрание слов’) сопровождается выразительной строкой: *Пора пересмотреть все наши словари* (т. XII, с. 16, 1863). Обращение к собранию сочинений показывает, что это — строка из стихотворения Вяземского «Французские заметки»; вот она с продолжением: *Пора пересмотреть все наши словари. / Осталась внешность слов всё та же: но внутри / Значенье их прошло мытарством изменений. / Что прежде звали: плут, теперь читайте: гений, / Что звали черным мы, мы белым признаем.* Обратим внимание на то, что и на этой карточке дается рифма к заголовочной единице: (внутри), хотя строка с этим словом не приводится.

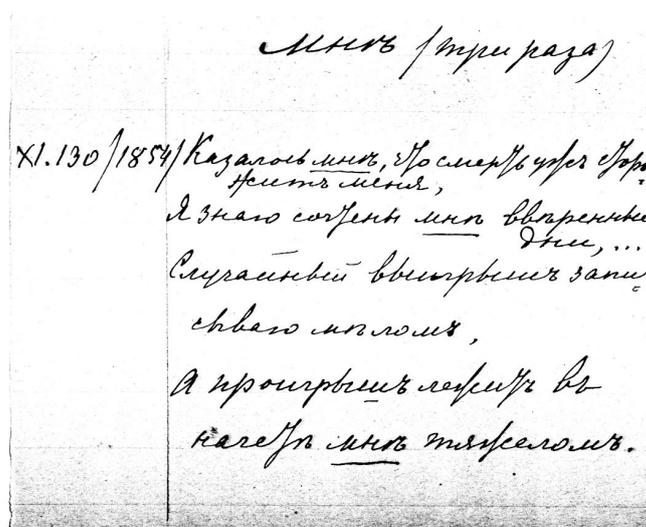

Еще одна карточка с формой *словарях*, встречающейся в тексте 1828 года (т. IV, с. 40): *Как в словарях других ни рыться.* Значение слова в этой цитате понятно, хотя, возможно, стоило ее расширить.

Существительное *чужбина* представлено в разных формах на 24-х карточках. подача форм такая же, как и приведенных выше (здесь тоже даются слова, образующие с заголовками рифменные пары). Сразу отметим, что шифр на второй карточке указывает не только на том и страницу, но и на часть тома (XII II. 467):

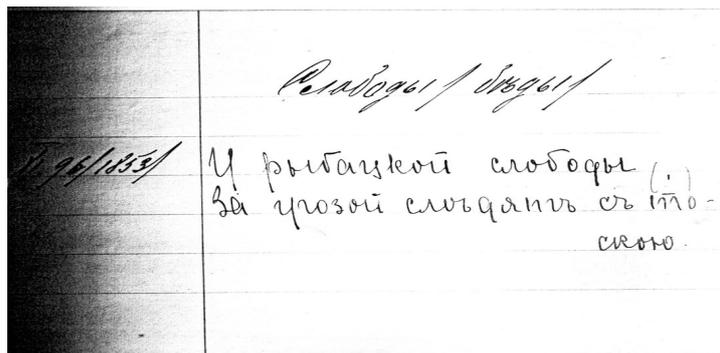
Интерес представляет карточка с формой дат. падежа личного местоимения я — *мне*. Здесь после самой формы дается количество ее употреблений на карточке: (три раза); они встретились, как указано в шифре, в стихотворении 1854 года, опубликованном в т. XI, с. 130. Уточним, что это — написанное в день 62-летия Вяземского стихотворение «12 июля 1854 года», трактуемое обычно как исповедь поэта. Так что выбор приведенных строк для иллюстрирования формы личного местоимения кажется удачным:

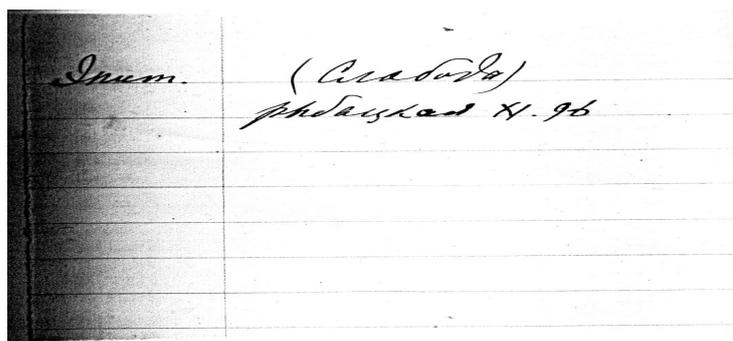
Обратим внимание на то, что составитель карточки для наглядности выделил подчеркиванием в иллюстрации каждое из трех употреблений формы *мне* (этот прием использовался при оформлении материалов для картотеки «Словаря русского языка»).

Заметим также, что фрагмент, образующий иллюстративную часть, дан с пропусками (например, между первой и второй строками пропущено шесть строк), однако многоточие как знак пропуска использовано только один раз. В этом случае проверка иллюстрации составителем словарной статьи была бы обязательной.

Признаком того, что описываемые материалы могут рассматриваться как основа для создания писательского справочника, является не только рифменный параметр, но и, например, указание на эпитет. Карточка к существительному *слобода* в форме *слободы́* (род. ед.) строится по уже знакомому нам образцу:

В то же время на отдельной карточке это слово, данное в исходной форме в скобках: (слобода), сопровождается прилагательным *рыбацкая* (из той же иллюстрации), к которому относится помета *Эпит.* — эпитет. По современным представлениям это прилагательное едва ли можно отнести к эпитетам (как образным, художественным определениям), однако в данном случае важен сам факт акцентирования, фиксации признакового слова, сопровождающего в строках поэта конкретное существительное:

Материалы к словарю Вяземского из БСК основаны на надежном и наиболее полном для своего времени литературном источнике, выстроены по единой схеме (на карточке даны словоформа, иллюстрация, шифр) и вполне могли быть использованы в «Словаре русского языка». Важно, однако, сказать, что эта схема расширяется за счет введения других параметров (в первую очередь рифменного), дающих представление о некоторых чертах языка поэзии Вяземского.

Лексикон Вяземского-поэта долгое время не выбирался в качестве объекта описания в словаре авторского типа. Только относительно недавно вышел в свет алфавитно-частотный «Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и не публиковавшихся его стихотворений)»

[СПЯВ]. Как отмечается в обширном введении к нему, общее число словарных единиц в языке этого поэта (считая имена нарицательные, слова других частей речи, имена собственные, иноязычные вкрапления) составляет 16 178, суммарное количество их употреблений — 191 387 раз. «Поэтический лексикон Вяземского оказывается самым богатым среди „просчитанных” словников других поэтов XIX в.», и это, по мнению авторов, «вполне закономерно — не столько из-за большого объема поэтических текстов Вяземского, что существенно отражается в квантитативной структуре авторских словарей, 70-летней (!) литературной деятельности поэта, что тоже немаловажно, учитывая появление многих новых слов, понятий, явлений в послепушкинское время и тем более во второй половине XIX века, — сколько вследствие его ментальной “энциклопедичности” и блестящего владения русским языком» [там же: 36–37]. Слова, зафиксированные на рассмотренных выше карточках, относятся к единицам невысокой частоты употребления (не считая, конечно, местоимения я): существительное **чужбина** встречается у поэта 23 раза, **словарь** — 15 раз. Значимость их, однако, подчеркивается постановкой в текстах в сильную — рифменную позицию. Интересно, что прилагательное **рыбацкий** принадлежит к «одноразовым» лексическим единицам у Вяземского, которые составляют 39% от общего количества слов и заметно разнообразят лексикон поэта.

Добавим к сказанному, что в названный словарь введены и дополнительные сведения о словоупотреблении Вяземского (здесь, например, толкуются устаревшие, редкие и окказиональные лексемы, поясняются многие имена собственные, указывается на функционирование слова в составе устойчивого сочетания и т. д.), что, однако, не исключает важности создания многоаспектного словаря языка Вяземского. Словарь подобного типа необходим как для изучения идиолексикона, идиостиля, поэтики этого культурного героя, так и для исследования литературного языка его эпохи.

Обратимся к другой писательской картотеке, включающей материалы к словарю языка Ф. М. Достоевского.

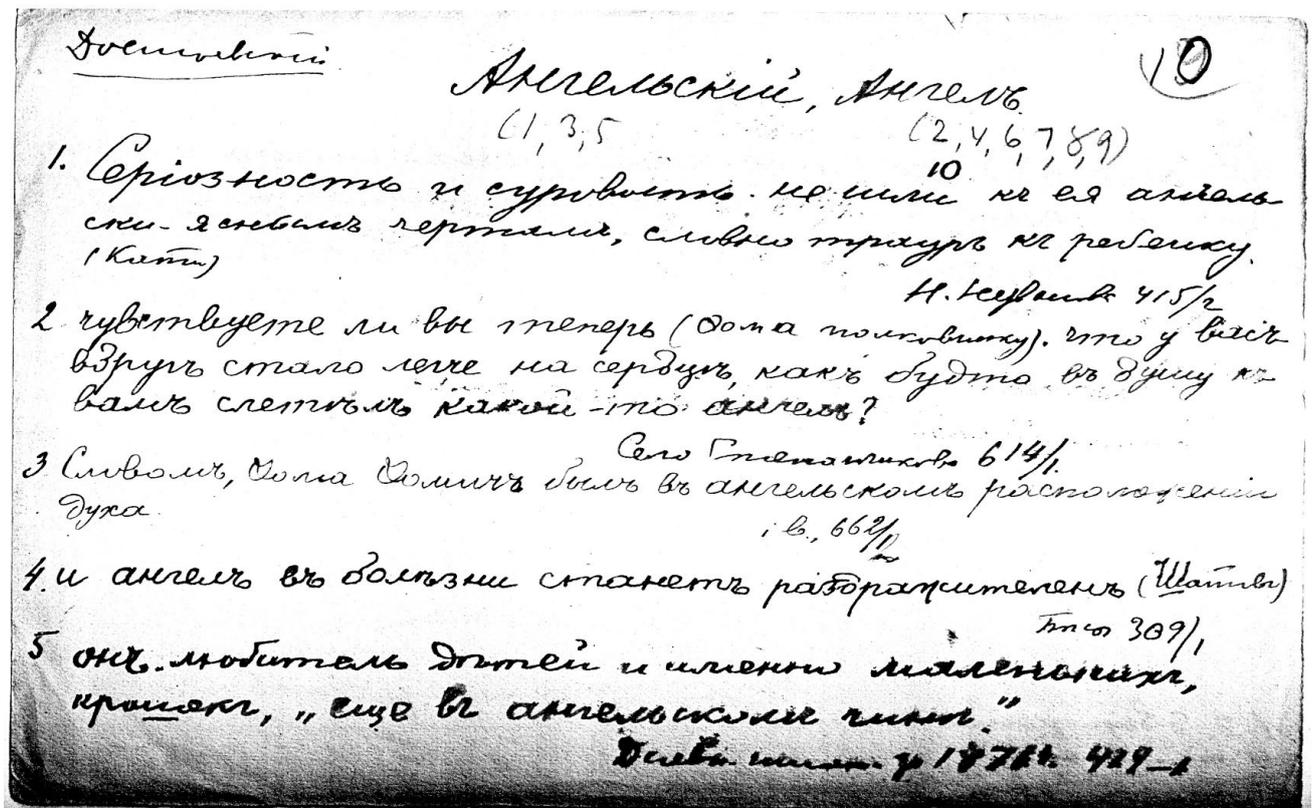
Фиксируемое на карточке слово, иногда вместе с однокоренным словом, представлено здесь в своей исходной форме. В качестве примеров даются цитаты разного объема, в некоторых случаях с пропусками. При большом количестве примеров может использоваться нумерация арабскими цифрами, переходящая с карточки на карточку. Адрес цитаты включает название произведения (полное или сокращенное; если приводятся цитаты из одного текста, используется помета *ibidem/ib.* (там же)), номер страницы в соответствующем издании и, по-видимому, количество употреблений слова на странице. Кроме того, на карточках в левом верхнем углу указывается фамилия писателя, в правом — количество иллюстраций.

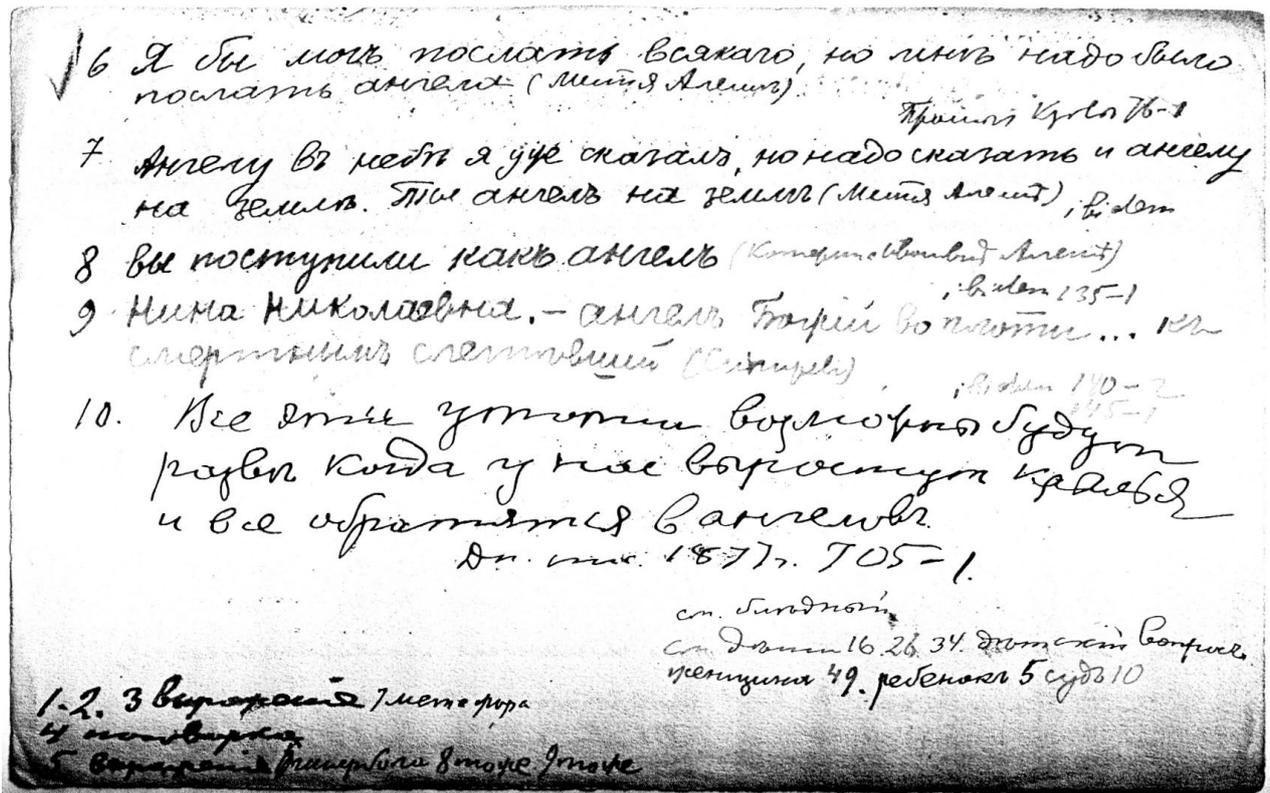
Содержание карточек свидетельствует о том, что в процессе их составления велась определенная систематизация примеров, употреблению слова давалась та или иная лингвистическая характеристика. Это выражается в наличии комментариев разного рода, касающихся написания слова, использования его в свободных или устойчивых сочетаниях, принадлежности публицистике, быто-

вой сфере, образного употребления слова, его звучания (иронического или иного) и т. д. Например, в материалах к прилагательному **русский**, частотному и концептуально значимому у Достоевского, содержится порядка 80 иллюстраций из разных произведений писателя. На карточках специально выделяются встречающиеся у него сочетания: *русский вопрос*, *русский человек*, *русский барин*, *русская история*, *русская воля*, *русские люди* и др. На карточке к слову **вливаться** дан пример из романа «Братья Карамазовы»: *...ответил Алеша, чувствуя всем сердцем своим, как надежда вливается в его сердце*. После адреса цитаты дается комментарий: метафора.

При последовательном анализе карточек видно, что в своей комментирующей части они заполнялись без строгой ориентации на какие-то правила и установки. Однако при всей фрагментарности комментариев нельзя не отметить их ценность для составления именно авторского словаря, для лексикографирования языка писателя в совокупности самых разных его черт.

Рассмотрим далее две карточки, содержащие материал к словам **Ангельский**, **Ангел**, которые относятся к ключевым словам Достоевского (на первой карточке эти однокоренные лексемы даны по центру именно в такой последовательности). Разные почерки показывают, что к этим карточкам имеют отношение несколько человек:

Как отмечалось, в левом верхнем углу карточки приводится фамилия писателя — Достоевский, в правом — количество цитатных примеров, в данном случае 10. Цитаты пронумерованы арабскими цифрами, причем под каждым из двух слов указываются номера относящихся к ним примеров: *Ангельский* — 1, 3, 5 (три цитаты), *Ангел* — 2, 4, 6, 7, 8, 9, 10 (семь цитат). Примеры взяты из художественных и публицистических текстов Достоевского, относящихся к разным периодам его творчества. Слово *ангельский* иллюстрируется цитатами из повестей «Неточка Незванова» (здесь находим прилагательное с дефисным написанием, с первой наречной частью *ангельски-ясный*), «Село Степанчиково и его обитатели», а также из моножурнала Достоевского «Дневник писателя» (1876 год) (в двух последних случаях представлена форма *ангельском*).

Слово *ангел* (в исходной форме и в формах *ангела*, *ангелу*, *ангелов*) иллюстрируется контекстами из повести «Село Степанчиково...», романов «Бесы», «Братья Карамазовы» (из второго романа приведены четыре цитаты), из «Дневника писателя» (1877 год). Обратим внимание на отмеченный галочкой (как, по-видимому, важный, по мнению составителя карточки) пример 6 из «Братьев Карамазовых»: *Я бы мог послать всякого, но мне надо было послать ангела* (Митя Алеше), а также на пример 7 из того же романа, в котором слово *ангел* встречается в разных значениях три раза (таким образом, общее число употреблений этого слова на карточке возрастает до девяти): *Ангелу в небе я уже сказал, но надо сказать и ангелу на земле. Ты ангел на земле* (Митя Алеше). Как видно, после приведенных цитат в скобках уточняется, кому из персонажей принадлежат слова и к кому они обращены. Ср. также: Фома полковнику (уточнение дано в самом примере 2), Катерина Ивановна Алеше (8), Шатов (4) и др. Отметим, что «речь персонажа» станет позже важным параметром писа-

тельских словарей. В целом же можно говорить о продуманном подборе цитат, отражении в них разных значений слова *ангел*, его семантических преобразований, употреблении в речи автора и, чаще, в речи персонажей и т. д.

Дополнения к цитатному материалу, комментарии содержатся в нижней части второй карточки. Вначале, справа внизу, дана отсылка: см. бледный (сочетание *бледный ангел*, в конструкции *бледным ангелом ходит*, встречается в «Преступлении и наказании», в монологе Порфирия Петровича: ...убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, **бледным ангелом ходит**). Далее идут тематические отсылки: см. дети, детский вопрос, а также обозначения субъектов (названных в приведенных цитатах или подразумеваемых), которые уподобляются ангелу: женщина (примеры 4, 9), ребенок (5), суд (имеются в виду представители судебной власти, пример 10).

Слева внизу написано: 1–2. 3 выражения/метафора. Так фиксируются образные употребления слов *ангел*, *ангельский*. В примере 2 *ангел* входит в состав сравнительного оборота: ...как будто в душу к вам слетел какой-то **ангел**; в примере 1: **ангельски-ясные черты** — можно видеть олицетворяющий эпитет, а в примере 3: в **ангельском расположении духа** — реализуется, по-видимому, переносное значение прилагательного (‘исполненный спокойствия, безмятежный’). Далее указано: 4 поговорка. Так интерпретируется на карточке цитата из романа «Бесы»: и **ангел в болезни станет раздражителен**. Наконец последняя строка выглядит следующим образом: 5 выражение/гипербола 8 тоже 9 тоже. То есть употребления слов *ангельский*, *ангел* в цитатах 5, 8, 9 квалифицируются как гипербола. Что показывает анализ этих цитат? В примере: *Нина Николаевна — **ангел Божий во плоти*** — выделяется устойчивое сочетание, выступающее, по сути, образом сравнения; в цитате: *вы поступили как **ангел*** — тоже употребление в сравнении, и пример: [дети] *«еще в **ангельском чине**»* — можно рассматривать в образном плане. Есть ли в этих примерах гиперболизм? Мы бы не стали совсем его отрицать, имея в виду разные факторы, в том числе собственное восприятие составителем словарных материалов этих строк Достоевского.

Рассмотренные карточки не просто предлагают к использованию цитаты, иллюстрирующие употребление Достоевским слов *ангельский*, *ангел*. Они фактически являют собой заготовку, в которой заложены возможные направления, параметры описания этих слов в статьях авторского словаря. Имея в виду сказанное, интересно взглянуть на статью **АНГЕЛ** в первом выпуске «Идиоглоссария» Достоевского [СЯД 2008], издаваемого в рамках фундаментального современного проекта «Словарь языка Достоевского». Уточним, что в основе «Идиоглоссария» — словник самых важных для писателя лексических единиц (идиоглосс), репрезентирующих мир Достоевского как многоликой языковой личности.

Статья **АНГЕЛ** начинается с количественных данных: общая частота употребления слова достаточно высокая — 385, в художественной прозе оно встречается 175 раз, в публицистике — 16, в личных письмах — 194, в деловых письмах и документах — 0. В статье выделены три значения (в кратком виде это: ‘духовное существо, служащее Богу’; ‘о ком-л. как идеале, олицетворении доброты, кротости, невинности, красоты (часто о детях)’; ‘ласковое обращение’), каждое из которых сопровождается большим количеством примеров, зо-

на фразеологии и отдельная зона «Комментарии»; в последней зоне заполнены многие из предусмотренных инструкцией разделов. И надо сказать, что большинство примеров, составивших содержание разобранных выше карточек, присутствует в словарной статье. Так, цитата из «Братьев Карамазовых» с тройным повтором слова *ангел* иллюстрирует в «Комментариях» раздел **КОМБ1** (использование в одном предложении или в рядом стоящих предложениях двух либо нескольких текстоформ с разными значениями). Вот как она подана в «Идиоглоссарии»: [Митя Алеше] *Ангелу* <зн. 1> в небе я уже сказал, но надо сказать и *ангелу* <зн. 2> на земле. Ты *ангел* <зн. 2> на земле. (БрК 97). Квалификация некоторых примеров в «Идиоглоссарии» созвучна той, которая дана на карточках. Например, в разделе **АФРЗ** (фразы с описываемым словом, употребляющиеся как афоризмы) приводится, кроме прочих, уже знакомая нам цитата из романа «Бесы»: и *ангел* в болезни станет раздражителен (на карточке, напомним, дан комментарий: поговорка). Отметим также, что в словарной статье **АНГЕЛ** есть самостоятельный раздел «Примечания». Включенная в него информация перекликается с тем, что мы говорили выше, анализируя карточки, ср.: «(1) Слово *ангел* встречается во всех периодах творчества Достоевского <...>; (2) Слово *ангел* во всех 3-х значениях характеризуется преимущественным употреблением в прямой речи» [СЯД 2008: 25].

В первом выпуске «Идиоглоссария» есть и отдельная статья **АНГЕЛЬСКИЙ**. Хотя это слово у Достоевского не частотно (встречается 35 раз), статья составлена весьма подробно. И, например, иллюстративная зона четвертого значения («безмятежный, не обремененный заботами, мыслями и др.») открывается примером из повести «Село Степанчиково...», который был и на карточке: *Словом, Фома Фомич был в ангельском расположении духа* (СС 156).

Подведем краткий итог сказанному.

Большая словарная картотека ИЛИ РАН является важным источником в изучении русской авторской лексикографии периода ее становления. Анализ картотечных материалов к словарям языка П. А. Вяземского и Ф. М. Достоевского, собранных на этапе подготовки словаря Грота–Шахматова, показывает следующее. Эти материалы не просто аккумулируют в себе цитатные массивы, ценные и для общих, и для авторских словарей. Они обогащены комментариями разного рода, которые могут быть сведены (с некоторой долей условности) к оформившимся позднее параметрам описания языковых единиц в авторских словарях. Последнее может служить еще одним свидетельством того, что уже в ранней русской авторской лексикографии писательский справочник виделся как словарный труд, многоаспектно характеризующий язык и слог того или иного автора.

Литература

- Винокур 1949 — *Винокур Г. О.* Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 5–27.
- Отчет АН 1926 — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г. Л., 1927.
- Рогожникова 2003 — *Рогожникова Р. П.* Сокровищница русского слова: История большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2003.
- СПЯВ — *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
- СЯД 2008 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008.
- Фонякова 1993 — *Фонякова О. И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134.
- Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.

Larisa Shestakova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

MATERIALS TO RUSSIAN WRITERS DICTIONARIES IN THE GREAT LEXICOGRAPHIC CARD-INDEX OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: AN EXPERIENCE OF ANALYSIS

Abstract. The paper deals with materials to the dictionaries of P. A. Vyazemsky and F. M. Dostoevsky, stored in the Great lexicographic card-index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The design of the cards, their content are analyzed, the parameters that are significant specifically for the writer dictionary are highlighted. A brief comparison of the materials with modern dictionaries of the language of the named authors is also carried out.

Keywords: author/writer lexicography, author/writer dictionary, Great lexicographic card-index, dictionary card, Vyazemsky, Dostoevsky

Ирина Евгеньевна Кузнецова
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ «СЛУЖБЫ РУССКОГО ЯЗЫКА» ИЛИ РАН

Аннотация. С конца 1960-х годов научные сотрудники Института лингвистических исследований РАН регулярно по телефону отвечали на вопросы граждан, а с 2003 года Служба русского языка работает постоянно. Служба не имеет собственного штата сотрудников, у телефона на добровольной основе дежурят научные сотрудники и аспиранты Института. За 19 лет в Службу поступило более 50 000 вопросов. Среднее число обращений в день — 8–10, в последние десять лет оно остается неизменным. Каждый вопрос фиксируется в электронной базе, где отмечается языковая единица, относительно которой был задан вопрос, суть вопроса, ответ, данный сотрудником, и источник, который был использован при ответе. Кроме того, для удобства дальнейшей обработки данных отмечается отнесенность вопроса к той или иной условной категории (произношение, вопросы об управлении и согласовании слов, толкование, орфография, пунктуация и т. п.). Помимо ответов на вопросы по телефону, Служба отвечает на письменные запросы граждан и организаций. Большая часть письменных вопросов от граждан — вопросы об идентичности имен собственных.

Ключевые слова: русский язык, история ИЛИ РАН, лингвистическая экспертиза, лингвистическая консультация

Традиция отвечать на вопросы граждан о правильном написании, произношении и употреблении слов или выражений сложилась еще в первые десятилетия существования Института, в те годы — Института языка и мышления АН СССР. В архиве ИЛИ РАН сохранились письма 30-х годов XX века, в которых организации и граждане задают вопросы ученым. Так, например, Всесоюзный научно-исследовательский институт каучука и гуттаперчи обращался с просьбой сообщить, какую русскую транскрипцию следует считать «наиболее удобной для передачи испанского слова „guayule”, сообразно структуре русского языка и общепринятым здесь правилам передачи иностранных слов», а Московская кофе-диетическая фабрика им. А. И. Микояна — с вопросами, какое написание — «диетическая» или «диэтическая» — следует использовать в названии фабрики и какого рода слово «кофе». Подробные письменные ответы на эти и другие вопросы готовились сотрудниками Института — членами-корреспондентами АН СССР Л. В. Щербой и С. П. Обнорским.

При Институте языка и мышления в Ленинграде до 1939 года работала и Орфографическая комиссия Академии наук СССР. В 1936 году ею был подготовлен и опубликован проект «Орфографического справочника» под редакцией С. П. Обнорского и Б. М. Ляпунова, в основе которого были, в том числе, отражены взгляды на русскую орфографию, которыми руководствовались авторы справочника, давая ответы на вопросы граждан и организаций. Авторами справочника являлись сотрудники Института языка и мышления АН СССР: С. Г. Бархударов, Е. С. Истрина, Б. М. Ляпунов, Н. Н. Филиппов, В. И. Чернышев. Во «Введении», в частности, отмечалось: «Несомненно, что у нас должна быть общая орфография, но также не подлежит сомнениям, что для школьника, учителя и корректора должны быть разные руководства для изучения орфографии, отличающиеся не только количеством содержащегося в них материала, но и характером изложения и целевыми установками. От недостаточной расчлененности и четкости орфографических установок и потребностей и происходят почти все те затруднения, все те жалобы, которые идут со стороны педагогов, корректоров, авторов, взаимно неудовлетворенных и предъявляющих требования, частью действительно законные и не исполненные, частью совсем неисполнимые. Учащихся детей поражает, что одно и то же слово может быть написано по-разному, и оба написания будут «правильные». Педагоги поэтому требуют, чтобы в русской орфографии было уничтожено всякое разнописание. Корректоры исправляют по школьному правописанию произведения авторов старых литературных эпох, истребляя все непонятные и непривычные им особенности их орфографии как «ошибки». Авторы нашего времени нередко возмущаются корректорским произволом и деспотизмом; корректоры в свою очередь обвиняют авторов в неграмотности и упрямстве» [Справочник 1936: 4]. Все сказанное остается справедливым и по сей день. Своей задачей авторы проекта «Орфографического справочника» видели упорядочение русского правописания, справочник был адресован «широкому кругу пишущих и печатающих людей». Отмечалось, что «потребности школьного обучения в нем не учитываются», хотя «для школы не может быть особой науки», но требуется «особое применение ее результатов», образцы и формы которого «не могут быть созданы вне педагогической практики» [Справочник 1936: 5]. В проекте справочника подробно рассматриваются вопросы правописания гласных и согласных, слитного и раздельного письма, написания аббревиатур, использования форм склонения и спряжения, написания иностранных слов. Большинство положений проекта «Орфографического справочника» легло в основу ныне действующих орфографических правил.

С конца 1960-х годов в Институте начинает действовать телефонная справочная служба, в те годы называвшаяся «Скорая лингвистическая помощь». Сотрудники, дежурившие в этой службе, вели журналы, где фиксировали поступающие вопросы и свои ответы. Эти материалы позволяют оценить, насколько востребованной жителями города была такая работа: в день поступало до пятнадцати звонков. Преобладали вопросы о правописании слов, их значениях и словоизменении. Граждане интересовались, какого рода слово *пенальти*, нужно ли склонять название *Комарово*, имя *Шава* и фамилию *Воронец*,

что значит *кейфовать*, *анекдот* и *прохиндей*, *пульмонолог* и *агреман*, *субретка* и *гризетка*, *парсуна* и *повапленный*, как писать: *колготки* или *калготки*, *фламастер* или *фломастер*, есть ли в русском языке слово *бездуховность* и где В. И. Ленин писал о засорении русского языка.

Работа «Скорой лингвистической помощи» в Институте была связана, прежде всего, с именем Николая Васильевича Соловьева — впоследствии автора нескольких орфографических словарей [Соловьев 1997, 2000, 2003, 2004, 2005, 2011], который, придя по окончании университета на работу в Институт в 1967 году, фактически и стал организатором этой службы.

В 1973 году коллективом авторов, в который вошел Н. В. Соловьев и другие сотрудники Словарного отдела, дежурившие в телефонной справочной службе и поэтому хорошо знакомые с проблемами культуры русской речи, актуальными для неспециалистов, под редакцией К. С. Горбачевича был издан широко известный и в настоящее время словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» [Горбачевич 1969, 1973]. На основе этого справочника впоследствии К. С. Горбачевич создал справочник «Словарь трудностей произношения и ударения» [Горбачевич 2000 и др.], который также был широко востребован и многократно переиздавался.

В конце 1980-х годов «Скорая лингвистическая помощь» приостанавливает работу: вопросы от граждан становились редкими, что можно объяснить происходившими в то время в стране социальными изменениями.

В 2003 году по инициативе директора Института Н. Н. Казанского телефонная справочная служба вновь начинает работать на постоянной основе, теперь она называется «Служба русского языка». В 2003-2005 годах работой Службы руководила Елена Николаевна Геккина, с 2005 года руководителем Службы является Ирина Евгеньевна Кузнецова, член Орфографической комиссии РАН.

Все задаваемые гражданами вопросы заносятся в электронную базу данных. За 19 лет существования Службы были даны ответы более чем на 50 000 вопросов. В среднем в день поступает до 25 телефонных звонков; во время пандемии среднее число обращений снижалось до трех вопросов в день. База данных заполняется информацией о каждом вопросе: языковая единица, о которой идет речь, вопрос, ответ и источник, из которого был получен ответ. Для облегчения анализа данных вопрос записывается под одной из тем: произношение, словесное ударение, грамматика, словообразование, синтаксис, значение слова, выбор лексических средств, лексическая сочетаемость, орфография, пунктуация, вопросы о том, существует ли слово в русском языке. В 2003–2005 годах люди в основном задавали вопросы, касающиеся написания и значения слов. К 2015 году 26% вопросов касались грамматики (правила словообразования, правила синтаксических связей), в настоящее время такие вопросы составляют более 50%. Еще 40% составляют вопросы пунктуационного оформления текста. Снижение количества вопросов о значениях слов и их правильном написании, как представляется, обусловлено наличием большого числа интернет-ресурсов, где эту информацию можно получить, не обращаясь к консультантам.

Существенно снизилось количество обращений с целью дать негативную оценку процессам, происходящим в русском языке. До 2015 года граждане ре-

гулярно сообщали о замеченных ими ошибках в речи политиков, журналистов, актеров, радио- и телеведущих, сегодня же такие звонки единичны. Тем не менее, замеченные гражданами ошибки фиксировались, в Службе была создана картотека таких ошибок. Значительную часть этой картотеки составили наблюдения Шиловой Инны Леонидовны — большого ценителя красоты русского языка и постоянного корреспондента Службы, в прошлом — преподавателя сценической речи.

В базе данных Службы отражается и некоторая информация о задающих вопросы. Чаще звонят женщины, количество звонящих мужчин меняется: в 2009 году мужчины задавали около 15% всех вопросов, в 2015 — около 30%, в 2021 — менее 7%. Неизменным остается количество обращений от тех, чья профессия непосредственно связана с русским языком: редакторов, корректоров, копирайтеров, многие из которых обращаются в Службу регулярно. Их звонки составляют около 20% от общего числа.

Не на все вопросы специалисты «Службы русского языка» могут найти ответ. Так, например, без однозначного ответа пока остался вопрос о значении выражения *пятизвездный лед* в стихотворении Ярослава Смелякова «Любка»:

*Затоскуем, вспомним
пушкинские травы,
дачную платформу,
пятизвездный лед,
как мы целовались
у твоей заставы,
рядом с телеграфом
около ворот.*

Помимо ответов на телефонные звонки, справочная служба также отвечает на письменные вопросы граждан о вариативности имен собственных. Эта проблема определяется существующим разнообразием форм, в том числе форм, которые сегодня практически не используются, как, например: *Феодора — Федора, Татьяна — Татиана, Аверьян — Аверкий, Прасковья — Парасковья — Параскева* и т. п. В числе прочих причин актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью употребления иностранных имен собственных в русском контексте, что обычно связано с появлением вариантов (ср., например: *Mantel — Мантел, Мантель; Houchill — Хаучил, Хучил, Хучилл; Warwick — Ворвик, Ворвик, Варвик; Rogier — Рогиер, Рогир, Рохиер, Рохир* и т. д.).

Служба русского языка тесно сотрудничает с Росреестром и Топонимической комиссией Санкт-Петербурга, давая ответы на вопросы, касающиеся правильности оформления новых топонимов.

В 2016 и 2017 годах Служба русского языка ИЛИ РАН принимала участие в конгрессах консультационных служб с участием стран Балтии и Скандинавии, где обсуждались вопросы организации консультирования, ведения и анализа соответствующих баз данных.

Таким образом, с 1960-х годов работа «Службы русского языка» является не только общественной деятельностью по консультационной поддержке жителей Ленинграда / Санкт-Петербурга и других городов России, но и одной из форм научно-консультационной деятельности Института, в которой на добровольной основе принимало участие большинство его сотрудников.

Литература

- Горбачевич 1969 — *Горбачевич К. С.* Проект «Словаря-справочника «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». Л., 1969.
- Горбачевич 1973 — Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л., 1973. / Сост. К. С. Горбачевич, Г. А. Качевская, А. М. Невжинская, М. Г. Николаева, Ф. Д. Перевозчикова, В. Н. Сергеев, Н. В. Соловьев, Е. Н. Толикина, В. П. Фелицына, И. Н. Шмелева / Под ред. К. С. Горбачевича. Л.: Наука, 1973. 518 с.
- Горбачевич 2000 — *Горбачевич К. С.* Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке: 12000 слов. СПб.: Норинт, 2000.
- Соловьев 1997 — *Соловьёв Н. В.* Русское правописание: Орфографический справочник (словарь, комментарий, правила) /1-е, 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Норинт, 1997.
- Соловьев 2000 — *Соловьёв Н. В.* Орфографический словарь: Комментарий. Правила: Справочник» (90000 слов) / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2000.
- Соловьев 2003 — *Соловьёв Н. В.* Соловьев Н. В. Орфографический словарь русского языка (130 000 слов). М.; Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003.
- Соловьев 2005, 2009 — *Соловьёв Н. В.* Орфографический словарь русского языка (60 000 слов). М.; Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2005; М.; Астрель, АСТ, 2009.
- Соловьев 2004 — *Соловьёв Н. В.* Словарь правильной русской речи (85 000 слов) / ИЛИ РАН. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004.
- Соловьев 2006, 2008 — *Соловьёв Н. В.* Словарь правильной русской речи (40 000 слов) / ИЛИ РАН. М.; Астрель, АСТ, Хранитель, 2006; М.; Астрель, АСТ, 2008.
- Соловьев 2011 — *Соловьёв Н. В.* Три главных словаря русского языка в одной книге: Орфографический, орфоэпический, грамматический словарь с комментариями. М.: Астрель АСТ, 2011.
- Справочник 1936 – Орфографический справочник. Составлен Орфографической комиссией при Академии наук СССР. Проект. Корректурa / Под ред. С. П. Обнорского и Б. М. Ляпунова. М., Учпедгиз, 1936.

Irina Kuznetsova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE REFERRAL SERVICE
AT THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

Abstract. Since the end of the 1960s researchers of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences have been answering questions of citizens. In 2003 the official Russian Language Referral Service was established. Its main mission is to answer the questions by phone. Language referral service doesn't have constant staff. Research officers and postgraduate students answer the calls on a voluntary basis. In spite of web-service development, the demand for work of the Russian Language Referral Service has not declined. The average number of daily calls has been 8–10 for the last 10 years. In the course of the 19-year period of work the Service recorded over 50,000 inquiries. The database is filled with the information about each inquiry: linguistic unit referred to, the question, the answer, and the source that was used to provide the answer. To facilitate the analysis of data, the inquiry is recorded under one of the topics: pronunciation, grammar, word-building, syntax, spelling, punctuation, etc. Besides answering phone calls, the Language Referral Service also provide answers to written requests of citizens and organizations.

Keywords: Russian language; Russian Language Referral Service, history of ILS
RAS

РАЗДЕЛ II

ТОЛКОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И НЕОГРАФИЯ

Екатерина Григорьевна Стукова
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

АКАДЕМИЧЕСКИЙ «СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕД. Н. С. ДЕРЖАВИНА И «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕД. Д. Н. УШАКОВА В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ 1920–1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются историко-политический и общественно-культурный контексты, в которых создавались академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937) и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940); кратко анализируется взаимосвязь их концепций, принципов и подходов в работе.

Ключевые слова: русский язык, толковая лексикография, история отечественной лексикографии, «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова

1920–1930-е годы для отечественной лексикографии связаны с двумя масштабными лексикографическими проектами, которые должны были описать язык молодого советского государства: это «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940 годы) и «Словарь русского языка» под ред. Н.С. Державина (1929–1937 годы).

Несмотря на общую задачу и общий языковой материал — русский язык послереволюционного периода, — концепции словарей, их реализации оказались различными. Судьбы этих словарей также сложились совершенно по-разному. В 1930-х годах после долгой работы оба проекта были закончены. Первый — завершен с выходом последнего тома в 1940 году, а второй — закрыт в результате обвинений сотрудников Словаря и выборщиков в троцкизме весной 1937 года; официально работа над Словарем была прекращена 5 августа 1937 года по решению Президиума АН СССР.

«Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937 годы)

Академический «Словарь русского языка» (далее — СРЯ) был задуман как переиздание шахматовского словаря с начала алфавита в новой орфографии, с новым иллюстративным материалом и с учетом изменений, происходящих в языке молодого советского государства (более подробно см. [Приемышева, Стукова 2018]). Главный редактор словаря Н. С. Державин так описывал задачу, стоящую перед словарем: «Учитывая наследие прошлого в нашей речевой современности, в центр нашего внимания <...> мы должны ставить <...> подлинно современное, новое, сегодняшнее массовое речетворчество, создаваемое в бурном росте социалистического строительства» [Державин 1932: 7]. В то же время задача описания лексики современного русского языка была поставлена очень широко: целью словаря являлось «наиполнейшим образом охватить современный русский язык, живой и письменный, литературный, научный, технический и областную речь, входя вместе с тем в прошлое до половины XVIII столетия» [Отчет АН 1934: 386]. Однако столь масштабная задача, определенная тезаурусным подходом шахматовского издания, не могла быть выполнена: из-за острого недостатка средств на сбор нового языкового материала и жалование сотрудников словарь отчасти стал изданием материалов выпусков, подготовленных до 1929 года, а те выпуски, которые можно считать полностью новыми, — несмотря на то что многие из них представляют большую ценность и интерес (например, подготовленный Л. В. Щербой выпуск «И—Идеализироваться» 1935 года и подготовленный С. И. Ожеговым выпуск «Д—Даятельный» 1937 года), — лишь отчасти предоставляли новый лексический материал, отражающий текущую языковую ситуацию. К тому же примененный их авторами «исторический», дескриптивный (а не нормативный) подход к описанию языка в 1930-е годы в связи со сложившейся политической ситуацией уже не приветствовался.

СРЯ подвергался критике в печатных изданиях и ранее (см., напр., [Заславский 1930]), но фатальной для него оказалась серия статей, вышедших с мая по сентябрь 1937 года ([Ашукин 1937; Беляев 1937, 1937а, 1937б; Лавров 1937; Мещанинов 1937]), в которых создатели словаря были обвинены не только в лексикографической некомпетентности, но и в политической неблагонадежности и вредительстве. По решению Президиума АН СССР 5 августа 1937 года работа над словарем была официально прекращена [Постановление Президиума АН СССР 1937: 80].

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940 годы)

«Толковый словарь русского языка» (далее — ТСРЯ) изначально задумывался как воплощение идеи В. И. Ленина о «малом Ляруссе», озвученной в часто цитируемом письме А. В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького?» [Ленин, Луначарский 1971: 141]. Работа, порученная Д. Н. Ушакову, была начата в Москве при содействии ленин-

градских лексикографов (некоторые из них работали и над составлением СРЯ), но к 1923 году по ряду причин она была прекращена, и составленная для нее картотека утрачена (подробнее об этом периоде работы над словарем см. [Никитин 2012: 6–37]). Вновь работа была начата в 1927 году практически с нуля обновленным авторским коллективом: В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым и Б. В. Томашевским под руководством Д. Н. Ушакова [Никитин 2012]. В 1934 году выходит первый том ТСРЯ, что вызывает острую политизированную (и почти во всем несправедливую) критику, а в 1935 году в Институте языка и мышления АН СССР происходит тяжелая для создателей ТСРЯ дискуссия по поводу вышедшего тома [Казимирский, Аптекарь 1935; Никитин 2012: 77–86, Никитин 2016]. Но, несмотря ни на что, авторскому коллективу удалось отстоять свой словарь, и, хотя кое-что все-таки пришлось изменить, а вышедший первый том выпустить заново с насколько возможно полным изъятием тиража его первой версии, история ТСРЯ закончилась благополучно, и все четыре тома вышли в период с 1935 до 1940 года.

Лексикографическая ситуация 1920–1930-х годов

Представляется важным хотя бы пунктирно обозначить общественно-культурную и политическую ситуацию 1920–1930-х годов, в контексте которой кратко изложенная выше история двух словарей становится понятной и логичной. Для этого важно выделить несколько факторов.

1. 1920-е годы, в которые начиналась работа над обоими словарями, характеризовались сильным запросом на нормативный словарь со стороны широкой, малообразованной аудитории. Этот запрос был вызван тем, что после революции грамотой стали овладевать все более широкие слои населения и представители этих ранее преимущественно неграмотных социальных слоев получили доступ к печатному слову: требовались нормативные издания, которые могли бы предоставить доступную информацию по правописанию и культуре речи.

В связи с этим в 1920-х годах вышло в свет большое количество небольших по объему справочников. В частности, выходили пособия по культуре речи, стилистике и языку газеты. Хотя в пособии «Язык газеты» М. Гуса, Ю. Загорянского и Н. Кагановича отмечается, что «дальше разговоров и нескольких робких попыток практически заняться языковой проблемой дело не пошло» [Гус, Загорянский, Каганович 1926: 3], можно упомянуть книги «Культура языка» Г. О. Винокура (1925), «Деловая речь» Е. Сидорова, А. Шапиро и С. Шувалова, «Газета и деревня» Я. Шафира, «Книга о языке» М. Рыбниковой (1925) и некоторые другие.

Выходили и небольшие по объему словари, большое количество словарей-справочников («словарей-толкователей»), многие из которых были подготовлены наспех и людьми, далекими от лексикографии. Качество орфографических словарей было немного лучше [Язык советской эпохи 2018: 10–17]. Тем не менее, авторитетных, больших по объему профессионально подготовленных нормативных толковых словарей, включающих и новую лексику послереволюционной поры, не было. В результате в обществе и в государстве ощущалась

острая в них необходимость. Эта необходимость очень хорошо обоснована в предисловии к ТСРЯ: «В то время, как за границей в каждой стране толковые словари, как образцовые справочники своего языка, имеют большое распространение среди желающих сознательно и умело пользоваться языком и входят в школу в качестве пособий, — например, известный французский так называемый „Малый Лярус” (Petit Larousse) насчитывает свыше сотни изданий, — в дореволюционной России потребность в таких справочниках сознавалась недостаточно.

Но после Октябрьской революции, когда с победой класса, формирующего свою новую, пролетарскую интеллигенцию, стремящуюся усвоить все достижения предшествовавшей культуры, так расширился круг пользующихся письменной речью, нужда в толковом словаре русского языка, рассчитанном на широкого читателя, указывающем нормы употребления слов и близком к современности, должна особенно живо ощущаться» [ТСРЯ I: VIII–IX].

2. Другой чрезвычайно важный аспект — это запрос «сверху», который определялся не только практическими потребностями государства и его граждан, но и политическими факторами. Кроме того, на протяжении 1920–1930-х годов значительно менялась языковая политика власти.

1920-е годы — это время, когда цель построения коммунизма еще не исключала плюрализма мнений, а общественная жизнь не столь жестко регулировалась властью, как в последующие годы. Как пишет В. М. Алпатов, «это были 20-е годы, времена великих свершений и еще более великих надежд» [Алпатов 2012: 23].

Языковая ситуация в 1920-е годы определялась в том числе и специфическим явлением в области журналистики. Как отмечает Е. В. Маркасова, «середина 1920-х годов ознаменовалась становлением рабселькоровского движения, или движения рабоче-крестьянских корреспондентов» [Маркасова 2011: 98]. Сутью этого движения было то, что «редколлегии ведущих рабселькоровских изданий <...> разъясняли народу, как важно разоблачать врагов советской власти, показывать недостатки на местах, уличать тех, кто скрывает свое истинное лицо под маской бывших красноармейцев или активистов и пр.» [там же]. Таким образом, язык печатных изданий молодого советского государства практически не подвергался цензуре.

В 1930-е годы отношение «сверху» к деятельности печатных органов и их языку меняется: «Теперь смысл рабселькоровской деятельности — показывать достижения советской власти» [там же: 98–99].

Таким образом, в течение 1920–1930-х годов язык постепенно становится орудием идеологизации, что приводит к необходимости рассмотрения условий, в которых создавались и существовали СРЯ и ТСРЯ, в двух аспектах: борьбы за «чистоту языка» и «культуру речи», с одной стороны, и тенденции к слиянию лингвистического и энциклопедического в процессе идеологизации лексикографии, с другой.

Ярким примером различия этих двух тенденций в 1920-е и в 1930-е годы стало то, что в словник новых выпусков СРЯ, например, попала лексика и многочисленные иллюстративные примеры из газет и изданий 1920-х годов. Будучи опубликованными в 1930-е годы, они и стали основой и причиной идеологической критики и, в дальнейшем, политических репрессий.

3. «Борьба за чистоту языка» — явление, импульс которому задала заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка», опубликованная в газете «Правда» в 1924 году (№275. С. 1). Борьба эта имела разные, иногда противоречивые векторы.

Во-первых, как отмечает Е. Н. Басовская, «идея очищения языка вписалась в общую картину неуклонно улучшаемого мира. Кроме того, само понятие обладало необходимой степенью нечеткости, размытости, чтобы быть одним из удобных средств идеологической борьбы». Окончательно идея об очищении русского языка сформировалась к 1934 году, когда «обсуждение вопросов „чистоты языка” обрело характер организованной газетной кампании» [Басовская 2011: 117]. «Литературная газета», «Правда» и другие издания вели борьбу, с одной стороны, с диалектизмами и жаргонизмами, против которых высказывался М. Горький и неприятие которых в литературе и прессе приписывалось и самим трудящимся массам, а с другой — с «кучерявостью» и избыточностью в языке. Что касается диалектизмов, важно отметить, что несмотря на ориентацию на «народность», они из языка исключались, т. к. понятие «народное» соотносилось в тот период скорее с понятием «рабочее», нежели «крестьянское» [Басовская 2013: 42–43]. Борьба за чистоту языка приняла такой оборот, что к концу 1934 года газеты начинают популяризировать идею, что главный критерий качества речи — это простота, отодвигая в тень идею, пропагандируемую лингвистами, что главный критерий — это все-таки целесообразность [Басовская 2011: 121–122].

Во-вторых, специфическая черта формируемого языка советского государства — это выбор эталона: «Правда» и другие газеты, хотя и призывали опираться на «классический» язык, все-таки рекомендовали ориентироваться в первую очередь на язык политиков, а не писателей, и именно современные эпохе политические тексты должны были стать образцовыми [там же: 119–121].

В-третьих, важный аспект борьбы за чистоту языка — это его политизация: язык становится не только орудием грамотной речи, но и инструментом построения социализма и формирования его культуры, а при таком подходе формирование языка должно быть процессом, подконтрольным государству и власти.

4. «Официально одобряемый» язык влияет и на становление типа толкового словаря: он должен не просто отражать нормативный русский язык, но и через словарные статьи и метаязык пропагандировать идеологию, ценности советского государства и показывать окружающую (в первую очередь общественно-политическую) действительность так, чтобы она соответствовала официальной позиции государства.

Словарь, хотя он позиционируется как лингвистический, должен быть в определенной степени энциклопедическим, т. к. язык становится орудием идеологического воздействия, и достичь этого проще всего было путем введения энциклопедической информации: «В тоталитарном обществе словарь становится одним из важных инструментов формирования особой картины мира, которую отличает прежде всего однозначное деление реалий на „свои” и „чужие”, взглядов — на „верные” и „неверные”, вообще резкое противопоставление позитивного и негативного, а также выявление политической подоплеки нейтральных, на первый взгляд, фактов» [Басовская 2013: 41].

Следует отметить, что для ТСРЯ идея энциклопедичности была близка изначально, т. к., согласно идее В. И. Ленина, он задумывался как «Малый Лярусс», т. е. как энциклопедический словарь, и энциклопедическая информация (в том числе идеологически окрашенная) представлена достаточно обильно. Как отмечает Г. О. Илагаева, энциклопедичность (и, следовательно, политическая ангажированность) выражаются через имена собственные, географические названия и характеристики, описания исторических событий, пространственно-временные характеристики и т. п. Представленная в ТСРЯ энциклопедическая информация успешно служит целям идеологизации: ТСРЯ «в полной мере отразил процесс построения тоталитарного государства: события, время и факты, несущие на себе печать идеологии... По данным различных словарных статей можно реконструировать единый идеологизированный прецедентный текст того времени, определяющее значение в формировании которого имели труды возведенных в сан святых советских политиков». [Илагаева 2015: 12].

Таким образом, авторы ТСРЯ, выполняя государственный заказ по составлению словаря и создавая целенаправленно нормативный словарь русского языка послереволюционной эпохи, вольно или невольно смогли учесть все нюансы политического контекста, тогда как СРЯ, несмотря на значительное расширение словника за счет новых слов (напр., *агитсани*, *авиагородок*, *ленинец*, *маслосырозаготовка* и др.), несмотря на эпизодическое включение цитат из политических текстов, так и не смог создать сколько-нибудь целостную идеологически верную картину мира, оставшись пестрым сборником информации по самым разным областям, никак не объединенным вокруг идеи создания и идеологии советского государства. Отчасти это объясняется наследием традиции академической лексикографии — длительностью работы и издательского цикла, тем, что у создателей СРЯ не было технических возможностей на переработку материала, подготовленного еще до революции, что несмотря на некоторые попытки сделать так, «чтобы единый словарь русского языка отвечал в целом современной стадии живой речи» [Державин 1937: 26], целенаправленных попыток учесть политическую конъюнктуру в концепции Словаря предпринято не было, и каждый автор работал так, как считал нужным.

5. Еще один фактор, который нельзя не учесть при рассмотрении условий создания СРЯ и ТСРЯ и который связан с борьбой за чистоту языка, — это отношение к норме. Создатели ТСРЯ изначально понимали, что в эту эпоху требуется не просто толковый словарь, а именно нормативный толковый словарь. Не могло не сказаться, видимо, и то, что руководитель проекта Д. Н. Ушаков еще начиная с дореволюционного периода своей филологической работы, всегда чрезвычайно интересовался именно нормализаторской деятельностью, направленной на борьбу с безграмотностью [Алпатов 2012: 35], а создатели СРЯ так и не смогли отойти от дескриптивного подхода, введенного А. А. Шахматовым, и по-прежнему видели задачу в фиксации как старой лексики, так и новых языковых единиц, отражающих новые советские реалии, без попытки создать целостную языковую картину мира, к тому же еще и отражающую общественно-политическую реальность 1930-х годов.

Рассмотренные выше параметры общего политического и идеологического контекста эпохи, которые были по-разному учтены авторами СРЯ и ТСРЯ, тем не менее, не помешали процессу собственно научного, лексикографического взаимодействия этих двух различных проектов друг на друга.

Как отмечалось выше, 1934 год — год, когда чистота и нормативность языка стали официальными ценностями. И это год, когда в Москве выходит первый том ТСРЯ. Высокий профессиональный уровень издания, строгость, нормативность, учет политического контекста в словнике, научно обоснованные стилистическая, грамматическая концепция, краткие сроки подготовительной и составительской работы стали примером образцовой лексикографической работы. Более того, стало очевидным, что, следуя намеченному плану и реализуя ту же методологию работы, авторы скоро завершат начатое и в стране появится первый фундаментальный законченный словарь русского языка за последние 60–80 лет: последний законченный академический словарь «Словарь церковнославянского и русского языка» вышел в 1847 году, а авторский словарь В. И. Даля в 1860-е годы.

Выход первого тома ТСРЯ — важнейшее событие, которое не могло не обратить на себя внимание лексикографов в Ленинграде и не могло не быть учтено в процессе работы над продолжающимся академическим проектом. Несмотря на то, что в адрес первого тома ТСРЯ прозвучал ряд критических замечаний, высказанных авторами СРЯ и нашедших отражение в дискуссии 1935 года, при анализе выпусков СРЯ 1935–1937 годов очевидно, что они испытали на себе влияние ТСРЯ: они стали более структурированными и лексикографически строгими, в них становится очевидной тенденция нормативности, тенденция более строгого отбора лексики, отсутствием которой отличалась шахматовская концепция. А сам СРЯ с этого момента взял теоретический курс «на перестройку» всей словарной работы [Отчет АН 1934: 377].

В то же время, следует отметить и роль СРЯ при создании ТСРЯ. Новое издание ТСРЯ не могло не учитывать ошибок и недостатков затянувшегося с конца XIX века академического словаря. Авторы ТСРЯ: В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов в 1930-е годы еще жили и работали в Ленинграде, взаимодействовали с ленинградскими лексикографами, а С. И. Ожегов, как уже упоминалось, был и одним из составителей СРЯ. Различные принципы и подходы в описании одного и того же языкового материала очень хорошо видны при сопоставлении материалов выпуска СРЯ на букву Д, автором которого был С. И. Ожегов, и материалов на букву Д в ТСРЯ (См. подробнее [Стукова 2020]). Очевидно, что переизбыток языкового материала, словника, цитатного материала, традиционно вызывающие критику СРЯ, позволил авторам ТСРЯ учесть его ошибки, строже и целесообразнее подходить к этим аспектам лексикографической работы.

Говоря о факторах, повлиявших на судьбу развития лексикографии в 1920–1930-е годы, нужно принимать во внимание факторы не только масштаба истории и целого государства, но и человеческого масштаба. Нельзя недооценивать роль личности руководителя и организатора словаря: персональная и профессиональная заинтересованность в успехе проекта, компетентность в данной предметной области, дипломатические способности не могли не влиять на то, как в такое сложное время сложится судьба предприятия.

Д. Н. Ушаков, руководивший ТСРЯ, принимал самое деятельное участие в судьбе словаря (отдельный эпизод — это история первой версии словаря, работа над которой прекратилась в 1923 году [Никитин 2012, 2016]). Во-первых, Д. Н. Ушаков своим образованием и кругом научных интересов был хорошо подготовлен к лексикографической работе: «В течение трех десятилетий Ушаков был не только крупным педагогом, но и виднейшим деятелем в области применения науки о русском языке. В первую очередь речь шла о поддержании и совершенствовании русской литературной нормы в трех ее аспектах: орфографическом, орфоэпическом (произносительном) и лексикографическом (словарном)» [Алпатов 2012: 34–35]. Во-вторых, он был искренне заинтересован в успехе предприятия и, будучи человеком деятельным и ответственным, прилагал все усилия к тому, чтобы работа над ТСРЯ продолжалась. В-третьих, научная правда была для Д. Н. Ушакова ничуть не менее важна, чем личные интересы и, видимо, даже личное благополучие (которое было так легко потерять в те годы), т. к. он имел мужество и решительность обращаться к высоким инстанциям и отстаивать там свою позицию и защищать своих подчиненных [Никитин 2012].

Д. Н. Ушаков не раз находился на волоске от самых для себя страшных последствий, например, его всерьез «разрабатывали» как организатора фашистской организации [Алпатов 2012: 34]. История с «Аптекариадой» (серией обвинительных газетных статей и дискуссией в ИЯМ в 1934–1935 годах) тоже могла закончиться для него серьезными проблемами [Никитин 2012: 83–86].

Сферой интересов Н. С. Державина, главного редактора СРЯ, была преимущественно славистика (в частности, болгарская филология и этнография). В годы руководства Словарным отделом ИЯМ и работы над Словарем он также осуществлял руководство Институтом литератур и языков Запада и Востока (до 1931 года), Институтом славяноведения (1931–1934 годы). Однако организаторские усилия ученого, очевидные в 1932–1934 годы, заметно ослабевают к 1935 году: согласно отчетам и протоколам заседаний Словарного отдела основную организаторскую работу по словарю вел до начала 1937 года С. П. Обнорский, исполняющий также целый ряд дополнительных административных функций. В эти годы также постепенно отходили от составительской работы Л. В. Щерба и В. И. Чернышев. Однако активное участие они оба приняли в разработке концепции нового «Словаря современного русского литературного языка», работа над которым началась с конца 1937 года.

Более того, О. В. Никитин, глубоко изучивший историю создания ТСРЯ, выделяет два фактора, которые, по его мнению, способствовали тому, что ТСРЯ, даже

несмотря на политические гонения 1935 года, хотя и не без проблем, но все же был успешно завершен: то, что он являлся воплощением идеи «Ленинского словаря», и то, что ТСРЯ имел влиятельных покровителей, в первую очередь, В. М. Молотова [Никитин 2012: 88], а также Б. М. Волина, Н. Л. Мещерякова и С. Б. Ингулова.

Итак, исторически так сложилось, что в 1920–1930-х годах шла параллельная работа над двумя фундаментальными лексикографическими проектами, которые внесли различный вклад в развитие отечественной лексикографии и заняли в ней различные места.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова — законченный нормативный словарь современного ему русского языка, лексикографический продукт высокого качества, испытавший закономерное идеологическое влияние эпохи; образец и эталон толкового нормативного словаря среднего объема, повлиявший на развитие всей русской лексикографии XX века. А академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина остался незаконченным изданием, отдельные выпуски которого, подготовленные различными редакторами, были очень разного качества, что так и не позволило завершить всю лексикографическую эпопею «шахматовского издания», оставив ее финал навсегда открытым. Причины нежизнеспособности издания заключались в идеалистической концепции полного отражения всей лексики русского национального языка за весь период его письменного существования — концепции, которая не могла быть реализована одним поколением авторов (как отмечается в Отчете 1934 года, если словарь издавать прежними темпами, то он будет закончен примерно через 250 лет), — а также в неудовлетворительной организации работы, в отсутствии лексикографической дисциплины, в консервативности подходов и методов, в отсутствии научной составляющей, в нечуткости к запросам времени и общества и в тех ошибках шахматовского издания, на которые обращал внимание еще Л. В. Щерба. Однако этот словарь выполнил свое главное предназначение — он стал той лексикографической лабораторией, в которой готовилась база для создания следующего академического словаря русского языка, работа над которым началась в августе 1937 года. Этот словарь стал той работой над ошибками, которая, не без влияния ТСРЯ, привела к осознанию необходимости нормативного подхода в фундаментальной лексикографии, что и отразилось в названии следующего академического словаря — «Словаря современного русского литературного языка».

Литература

- Алпатов 2012 — Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Ашукин 1937 — Ашукин Н. О словарях // Литературная газета. 1937. №38(674). С. 3.
- Басовская 2011 — Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920–1930-х годов) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. №7 (69). С. 114–124.

- Басовская 2013 — *Басовская Е. Н.* Чистота языка? Чистота словаря? (Из истории «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) // Филологический класс. 2013. №3(33). С. 41–46.
- Беляев 1937 — *Беляев С.* Нужна прямая политическая оценка // Ленинградская правда. 4 сентября 1937. №204 (6790). С. 3.
- Беляев 1937а — *Беляев С.* Троцкистские упражнения в «Академическом» словаре // Правда. 11 мая 1937. №128 (7094). С. 3.
- Беляев 1937б — *Беляев С. Ф.* «Академический» словарь // Вестник АН СССР. 1937. №4–5. С. 37–42.
- Гус, Загорянский, Каганович 1926 — *Гус М., Загорянский Ю., Каганович Н.* Язык газеты. М.: Работник просвещения, 1926.
- Державин 1932 — *Державин Н. С.* История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии наук СССР. 1932. №4. С. 1–12.
- Заславский 1930 — *Заславский Д.* Сделано на ять // Правда, 24 января 1930. №23 (4468). С. 5
- Илагаева 2015 — *Илагаева Г. О.* Металингвистика «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: словарь и идеология. Автореф. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2015.
- Казимирский, Аптекарь 1935 — *Казимирский К., Аптекарь М.* Игруны // Литературная газета. 1935. 20 окт.
- Лавров 1937 — *Лавров Л.* О политической нечестности академика Державина и антисоветском характере академического словаря // Ленинградская правда. 6 августа 1937. №180 (6766). С. 3.
- Ленин, Луначарский 1971 — В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы / Гл. ред. В. Р. Щербина. М.: Наука, 1971.
- Маркасова 2011 — *Маркасова Е.* Проблемы поиска и лексикографического описания советизмов 1920–30 гг. // Russian Language Journal. 2011. Vol. 61. С. 94–118.
- Мещанинов 1937 — *Мещанинов И.* Коренная перестройка всей работы // Ленинградская правда. 4 сентября 1937. №204 (6790). С. 3.
- Никитин 2012 — *Никитин О. В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012.
- Никитин 2016 — *Никитин О. В.* Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. №3. С. 27–40.
- Отчет АН 1934 — Отчет о деятельности Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
- Постановление Президиума АН СССР 1937 — Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. №7–8. С. 80.
- Приемышева, Стукова 2018 — *Приемышева М. Н., Стукова Е. Г.* У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академиче-

ская лексикография: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». СПб., 2018. С. 7–17.

Стукова 2020 — Стукова Е. Г. Лексикографическая деятельность С. И. Ожегова в 1926–1936 гг. (Ленинградский период) // Русский язык в школе. 2020. №5. С. 85–91.

ТСРЯ I — Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1934.

Язык советской эпохи 2018 — Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие. Коллективная монография / отв. ред. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018.

Ekaterina Stukova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE EDITED BY N. S. DERZHAVIN
AND EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE EDITED BY
D. N. USHAKOV IN THE CONTEXT OF LEXICOGRAPHIC, CULTURAL, AND
SPEECH SITUATION IN 1920–1930s**

Abstract. The article demonstrates the historical, political, and socio-cultural contexts in which in the 1920–1930s the academic *Dictionary of the Russian Language* ed. N.S. Derzhavin and *Explanatory Dictionary of the Russian Language* ed. D.N. Ushakov were created. Their mutual influence and attitude to normativity and ideology are considered.

Keywords: explanatory lexicography, academic *Dictionary of the Russian Language* ed. N.S. Derzhavin, *Explanatory Dictionary of the Russian Language* ed. D.N. Ushakov, ideology, polymathy, normativity, up-to-dateness

Виктория Викторовна Истратий
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

**РАБОТА НАД СЛОВНИКОМ
«СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» В 1930-е ГОДЫ
(ВЫПУСКИ ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. И. ЧЕРНЫШЕВА)**

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам работы над составлением академического «Словаря русского языка» в 1930-е годы. Несмотря на то что с 1929 года редколлегия формально начала работу над новым изданием словаря, предисловия к выпускам и другие публикации редакторов не содержали указаний на то, что новое издание строится на принципиально иных основаниях, чем более ранние выпуски, следующие программе словаря-тезауруса А. А. Шахматова. Сопоставление словников тех выпусков словаря 1920-х и 1930-х годов, редактором которых был В. И. Чернышев, указывает на то, что в 30-е годы словник продолжал пополняться просторечной, специальной, окказиональной и в особенности областной лексикой, продолжая воплощать шахматовскую программу универсального словаря.

Ключевые слова: лексикография, история русской академической лексикографии, Словарь Грота–Шахматова, словарь-тезаурус, нормативный словарь

В истории академического «Словаря русского языка» 1891–1937 годов, традиционно называемого в истории отечественной лексикографии Словарем Грота–Шахматова, отчетливо выделяются три периода:

- 1891–1895 годы, когда под руководством Я. К. Грота издание строилось как нормативный словарь современного литературного языка;
- 1897–1929 годы, когда публиковались выпуски, составленные по программе универсального словаря-тезауруса А. А. Шахматова;
- 1930–1937 годы, время работы над новым изданием словаря под руководством академика Н. С. Державина, которое с 1932 года, после нескольких лет поиска, получило название «седьмого» [СлРЯ XI (V), 3]¹.

¹ Ср. также: «Получился разнобой между вышедшими до революции частями словаря (академического «Словаря русского языка» Грота–Шахматова. — В. И.), которые отобразили одну стадию языка, и позднейшими выпусками словаря последних лет, свидетелями иной, резко отличной, стадии речи. Все это привело к решению Общего собрания Академии (1928 г.) — приступить, в связи с полным переходом издания словаря на принципы реформированной орфографии, к полному переизданию вышедших частей словаря с тем, чтобы

Общие принципы, на которые опирался словарь в первые два из этих периодов, известны нам из предисловий к первым выпускам, опубликованным под редакцией Грота (1891) и Шахматова (1897) [СлРЯ I, 1 (1891): V–XIV; II, 4: V–IX]. Принципы же, которыми руководствовались составители словаря во время работы над «седьмым изданием», отчетливо не ясны. Программного предисловия к нему написано не было: его первые выпуски, обозначенные на титульных листах как принадлежащие ко «второму изданию» — «Л—Лактукон» (1930), «Лактукопикрин—Лебедушка», «М—Малый» и «Не—Невинность» (все 1932) — содержали только формальные сведения о работавших над ними сотрудниках Словарного отдела Академии наук и консультантах. Предисловие к выпуску «А—Ажно» (1932) было чуть более подробным и давало определенные представления о том, как формировался словник нового издания: читателям сообщали, что в «данный выпуск нового, переработанного и дополненного издания I-го тома Словаря, согласно с общим планом издания, включаются как слова литературные (в пределах от второй четверти XVIII века до наших дней) и употребляющиеся в речевом обиходе различных социальных групп и местностей СССР, так и научные и технические термины по разным отделам знания и производства» [СлРЯ I, 1 (1932): I]. Статья, опубликованная в том же 1932 году главным редактором словаря Н. С. Державиным в соавторстве с С. П. Обнорским, проясняет взгляды редколлегии на место словаря вообще и его нового издания в частности в отечественной лексикографии, но не позволяет сделать выводов о каких-то существенных новациях в теоретической базе проекта [Державин, Обнорский 1932]. То же впечатление производят и опубликованные в 1936 году «Инструкция для редакторов» [Обнорский 1936] и «Инструкция для выборщиков» [Истрина, Фалев 1936]. В представлении этих инструкций «общий план издания», упомянутый в предисловии к выпуску «А—Ажно», выглядел столь же всеохватным, как и программа словаря-тезауруса Шахматова. Например, в «Инструкции для выборщиков» указано, что «седьмое издание» «представляет собой толковый словарь современного русского языка в историческом охвате за 200 лет, с учетом всех его жанров, стилей и диалектов» [Истрина, Фалев 1936: 3]. Тот же универсальный подход демонстрирует и «Инструкция для редакторов», согласно которой «в состав Словаря русского языка включаются по возможности все слова, употребляющиеся в русском языке — литературном, научном, разговорном, техническом — начиная с половины XVIII века и до наших дней» [Обнорский 1936: 3].

Все эти заявления редакции заставляют предположить, что новое издание 1930-х годов, вероятно, не имело какой-то принципиально новой программы и продолжало следовать шахматовскому плану, в соответствии с которым в словарь предполагалось включать лексику русского языка во всем ее стилистическом разнообразии. Такое положение вещей кажется вполне естественным, ес-

единый словарь русского языка отвечал в целом современной стадии живой речи. В таком плане осуществляется издание словаря в настоящий момент, как *седьмое предприятие* по лексикологическому изучению русского языка *за последние полтора столетия вообще, как седьмое предприятие и в цепи собственно академических изданий словаря русского языка* (курсив наш. — В. И.) [Державин, Обнорский 1932: 26].

ли учесть, что «история „Словаря русского языка” в 1930-е гг. определялась не развитием лингвистической мысли, а представляла собой цепь вынужденных действий в весьма неблагоприятных для работы обстоятельствах» [Круглов и др. 2015: 82–83], связанных прежде всего с критикой «идеологической» стороны издания в официальной печати (см. [Заславский 1930]).

Тем не менее, уже в 1950-е годы начинает формироваться представление о том, что «седьмое издание» Словаря отличалось от предыдущих не только номером, но и концепцией, при этом основные различия усматривались в большей нормативности выпусков 1930-х годов. Так, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, в 1929 году перед редакцией словаря была поставлена задача «дать толковый словарь современного русского языка <...>, который был бы и нормативным словарем» [Галкина-Федорук 1954: 186]. На то, что не только в 1930-е, но и в 1920-е годы в словаре «принцип thesaurus’a с каждым выпуском нарушался все более и более», указывала и Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1958: 105]. И хотя, например, по мнению В. В. Виноградова, в свои последние годы словарь «не походил ни на толково-исторический, ни на нормативный» [Виноградов 1977: 236], доказательства его движения к нормативности или, по меньшей мере, «условной нормативности» [Приемышева, Стукова 2018: 12] приводят и современные исследователи, опираясь в том числе и на данные неопубликованных материалов «седьмого издания» [Круглов 2015: 236].

Нормативность может быть реализована на нескольких уровнях словарного описания: при формировании словника, при описании семантических, грамматических, орфоэпических, стилистических характеристик лексики, при подборе источников и иллюстративного материала. В настоящей статье мы остановимся на первом из этих уровней и постараемся установить, насколько значим был принцип нормативности при формировании словника «седьмого издания» «Словаря русского языка». Для решения этой задачи мы сопоставим словники выпусков 1920-х и 1930-х годов.

Практически все выпуски, опубликованные в 1930-е годы, представляют собой переиздания материалов, которые уже публиковались ранее. Очевидно, что выпуски 1930-х годов на буквы *А* и *Д* должны были значительно отличаться от выпусков Я. К. Грота на те же буквы, напечатанных в начале 1890-х годов. Однако материалы на *И*, *Л*, *М* и *Н* впервые были опубликованы в 1927–1929 годах¹, то есть подверглись переработке спустя всего несколько лет. Очевидно, что если бы для «седьмого издания» редакторы сформулировали какие-то принципиальные новые требования, то как раз реализация этих требований и должна была бы отличать его выпуски от выпусков конца 1920-х годов, над которыми работа была завершена совсем недавно.

В настоящей статье мы остановимся на выпусках на букву *Н*, редактором которых был В. И. Чернышев.

К работе над «Словарем русского языка» он присоединился еще в 1896 году, когда он, в то время учитель Мещовского уездного училища Калужской

¹ За исключением первого из трех выпусков на *Л*, который был опубликован в 1915 году, и первого выпуска на *И*, опубликованного в 1920 году.

губернии, направил в Отделение русского языка и словесности Академии наук «Проект некоторых преобразований в дальнейшей обработке академического словаря», содержащий в том числе и многочисленные материалы для пополнения словника издания [Рогожников 2003: 59]. В качестве ответственного редактора В. И. Чернышев подготовил шесть выпусков словаря, последние четыре из которых вышли в рамках «седьмого издания»: «Не—Невремя» (1927), «Невремя—Недорубщик» (1929), «Не—Невинность» (1932), «Невинность—Недовернуться» (1933), «Недовернуться—Нежунька» (1935), «Нежурёный—Некрытый» (1936). Словники этих выпусков мы и рассмотрим, чтобы постараться выяснить, стал ли подход к отбору лексики для словаря меняться в 1930-е годы в сторону нормативности.

Слова, добавленные в словник «Словаря русского языка» в выпусках «седьмого издания»

В отрезок *Не—Недорубщик*, который впервые был опубликован в 1927–1929 годах в старой орфографии и по шахматовскому плану, в «седьмом издании» было добавлено 298 новых заголовочных слов. Почти треть из них — 98 слов — сопровождаются стилистическими пометами, указывающими на ограничения в их употреблении. Уже эти данные говорят о том, что составители словаря учитывали критерий нормативности, однако учитывали его при стилистическом описании лексики, но не при составлении словника. Сам же факт широкого включения в словник стилистически маркированных единиц свидетельствует скорее о том, что в этом отношении словарь продолжал следовать принципам словаря-тезауруса А. А. Шахматова.

Еще более показателен состав этой стилистически маркированной лексики. 77 слов сопровождаются пометой *Обл.* — областное, т.е. диалектное. Это, в частности, слова *небуявый* ‘небойкий’, *невса* ‘лихорадка’, *невтям* ‘непонятно’, *невума* ‘неведомек’, *недобачина* ‘молчаливый человек’, *недокурок* ‘недокуренная папироса’, *недо́лить* ‘не прокормить’, *недопадкий* ‘непадкий’. Три новых слова оказались диалектными омонимами слов, уже включенных ранее в выпуски 1920-х годов: *негде* ‘нигде не’, *негóдовать* ‘не прокормить’, *недомолка* ‘недомолвка’. При этом в словнике выпусков «седьмого издания» на *Не* появилось больше, чем 77 новых диалектизмов, но не все такие слова получили соответствующие пометы, и не всегда новые единицы словника были новыми словами для словаря в целом. Например, помет не содержат словарные статьи с отсылочными толкованиями: статья на пополнившее словник существительное *небогатество* содержит только отсылку к слову *небогатство*, и уже в этой статье диалектный словообразовательный вариант получает помету *Обл.* [СлРЯ VIII, 1 (1932): 62]. Так же описаны в словаре новые наречия *нёвде* [там же: 94] и *невцывилях* [СлРЯ VIII, 2 (1933): 224], которые получают свои пометы в статьях *1.негде* [там же: 248] и *невчивелях* [там же: 224], само слово *невчивелях* в выпуске 1929 года также отсутствовало.

Семь новых слов, вошедших в выпуски «седьмого издания», сопровождаются пометой *Простор.* — просторечное. Это слова *небрежка* ‘небрежность’,

неважнецкий ‘неважный’, *невезучий* ‘неблагоприятный’, *невсамделешный* ‘не настоящий’, *невылазь* ‘невылазная грязь’, *негулящий* ‘рабочий’, *недокумекать* ‘не понять’. При этом критерии, по которым лексика характеризуется как просторечная, из общего списка новых слов не всегда ясны: например, новое для словаря слово *невалид*, которое представляет собой испорченный вариант литературного *инвалид*, не сопровождается стилистическими пометами [СлРЯ VIII, 1 (1932): 92].

14 новых слов в выпусках В. И. Чернышева относятся к специальной лексике, они сопровождаются пометами *Техническое* (*негабаритный, недогрев, недодавок, недообжатый, недопрессовка*), *Ботаническое* (*невдушиник*), *Физическое* (*невидимоцветный*), *Анатомическое* (*неврапофиз*), *Химическое* (*невридин*), *Фармакологическое* (*неврозин*), *Радиотехническое* (*негадин, негадинный, негatron, негatronный*). Однако и постановка специальных помет не всегда оказывается последовательной. Например, прилагательное *недоокисленный* помет не имеет, хотя и дефиниция, и сопровождающая слово иллюстрация из работы академика И. П. Павлова указывают на его специальный характер, ср.: «**Недоокисленный**, ая, ое. Недостаточно, не вполне окисленный. *Первый толчок в своей деятельности он (дыхательный центр) получает из химических свойств крови, нагруженной угольной кислотой и другими недоокисленными продуктами обмена.* Акад. Павлов, Двадцатил. опыт, 93» [СлРЯ VIII, 3: 368]. Также без помет даны слова *недоливка* ‘неполная отливка (в металлург. производстве)’, *невостребование* ‘состояние невостребованного (о кредитах)’, *невмос* ‘первобытная система нотных знаков’.

Четыре новых слова сопровождаются хронологическими пометами *Стар.* и *Устар.*, которые в «седьмом издании» указывали на лексику XVIII и XIX веков соответственно. Это слова *невнимаемый* (*Устар.*), *невоображаемый* (*Стар.*), *неголемо* (*Стар.*), *негровладелец* (*Устар.*). Что касается слов противоположного характера, т. е. неологизмов, то можно указать по меньшей мере четыре очевидных неологизма советской эпохи, включенных в выпуски 1930-х годов и при этом отсутствующих в выпусках 1927 и 1929 годов, — это слова *небольшевистский, невозвращенец, невродиспансер* и *невхожденец*. Для первого из них статус неологизма в 1920–30-е годы кажется очевидным. Слово *невозвращенец* в «Словаре русского языка» сопровождается нейтральной дефиницией («Гражданин, оставшийся навсегда за границей») и двумя цитатами из газет 1930 года. Однако его описание в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова однозначно указывает на то, что речь идет о неологизме — об этом свидетельствует не только помета *новое*, но и дефиниция, ср.: «**Невозвращенец**, нца, м. (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР» [ТСУ: II, 486]. Пометой *новое* в Словаре Ушакова сопровождается и слово *диспансер* [там же: I, 715]. Слово *невхожденец* в Словаре Ушакова не вошло, однако его толкование в «седьмом издании» подчеркивает связь слова с актуальными советскими реалиями, ср.: «**Невхожденец**, нца, м. Крестьянин, не вступающий в колхоз. *Деревня сейчас разбивается на три группы: колхозник, выхожденец и невхожденец.* Изв. ЦИК 16 сент. 1930» [СлРЯ VIII, 2 (1933): 224].

Можно предположить, что среди 298 слов, добавленных в выпуски «седьмого издания» на *Н*, неологизмов существенно больше, однако история других слов требует дополнительной проверки.

Несмотря на то что в «седьмое издание» не должны были включаться «слова искусственные, случайно и единично употребленные тем или иным автором» [Обнорский 1936: 3], оно содержало авторские неологизмы и окказионализмы, и два таких слова были добавлены в выпуски под редакцией Чернышева. Это слова *неведный* и *неглядный*, единичные примеры употребления которых составители встретили в произведениях Л. М. Леонова и Д. В. Григоровича. Ср.: «**Неведный**, ая, ое. (Стар. напис.: невѣдный). Неведомый, неизвестный. Встрет. у Леонова. *Неведные, чуть не заячьи тропки ведут их* (Агапия и Егорушку). Леонов, Гибель Егорушки, XIII (I, 106)» [СлРЯ VIII, 1 (1932): 99–100]; «**Неглядный**, ая, ое. Необозримый. Встрет. у Григор. *Впереди расстилается на неглядное пространство серебристый залив*. Григор. Неудавшаяся жизнь, V (II, 199)» [СлРЯ VIII, 2 (1933): 256].

Слова, исключенные из «седьмого издания» «Словаря русского языка»

Изменения словника при подготовке выпусков «седьмого издания» на букву *Н* в основном заключались в пополнении его новыми словами. Однако некоторые слова, представленные в выпусках 1927 и 1929 годов, в новое издание не вошли. Всего было исключено 28 слов, 22 из них в выпусках 1920-х годов сопровождалась пометой *Церк.* — церковное (например, *невоспящаемый, негиблющий, невестоводитель, невестоводительница, небоявленный, небовидец, небокованный, небомысленный, небомерный, небомудренный* и др.), также были удалены четыре статьи с областными словами (*неболзебы, небощичек, невозродный, невпроти*), одно специальное («**Невейка**, и, ж. *Бот.* Анютины глазки, *Briza media* L.» [СлРЯ VIII, 1 (1927): 91]) и одно неупотребительное («**Небозёмь**, а, м. (Неупотр.) *Горизонтъ* (Д.)» [там же: 62]).

Исключение церковной лексики и малоупотребительных славянизмов из выпусков «седьмого издания» естественно для словаря, который подвергался критике в официальной печати за подход, устаревший и с лингвистической, и с идеологической точки зрения. На этом фоне тем удивительнее выглядит славянизм *невлаемый* ‘тихий, не подверженный бурям, волнению’, которого в выпуске «Не—Невремище» 1927 года не было, но в выпуск 1933 года он вошел в сопровождении пометы *Церковное* [СлРЯ VIII, 2 (1933): 169]. Широкой употребительностью, которая могла бы оправдать включение слова в словарь, этот славянизм не обладал: в выпуске 1933 года его иллюстрирует единственная цитата из романа П. И. Мельникова-Печерского «На горах», эта же цитата остается единственным примером для него в Большой словарной картотеке ИЛИ РАН и Национальном корпусе русского языка. Кроме того, следует отметить, что полностью «седьмое издание» от церковной лексики не отказывалось, и в том же выпуске 1933 года помимо слова *невлаемый* пометой *Церк.* сопровождаются, например, слова *невозрастный, неведительный, негда́*, а также отдельные значения, типичные сочетания, словообразовательные и орфоэпические варианты других слов.

Выводы

Сопоставление выпусков «Словаря русского языка» под редакцией В. И. Чернышева, опубликованных в конце 1920-х годов и в 1930-е годы, свидетельствует о том, что по крайней мере на уровне словаря в рамках «седьмого издания» продолжалась работа над словарем-тезаурусом, включающим в себя все богатство русской лексики XVIII–XX веков. Выпуски нового издания пополнились большим количеством стилистически ограниченной лексики, которая при строго нормативном подходе к формированию словаря не должна была попасть в словарь. Особенно значительно число новых диалектных слов, в отношении к которым «седьмое издание» продолжает следовать традициям шахматовских выпусков, так как принципиальный отказ от противопоставления литературной и областной лексики [СлРЯ II, 1 (1897): VI] и связанное с ним многократное увеличение числа диалектизмов были новацией программы А. А. Шахматова по сравнению с программой Я. К. Грота. Единственная лексическая группа, от которой выпуски 1930-х годов достаточно последовательно отказываются, — это славянизмы и церковная лексика, но, по всей видимости, связано это не столько с теоретическими взглядами редакторов на границы словаря, сколько с актуальными для 1930-х годов идеологическими требованиями.

Таким образом, словарь выпусков «седьмого издания» под редакцией В. И. Чернышева не демонстрирует большей нормативности по сравнению с выпусками 1920-х годов. Однако от распространения этого вывода на «седьмое издание» в целом следует воздержаться до тех пор, пока будут изучены выпуски на буквы *И*, *Л* и *М*, также представляющие собой переиздания материалов, впервые опубликованных в 1927–1929 годах.

Литература

- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 206–242.
- Галкина-Федорук 1954 — *Галкина-Федорук Е. М.* Современный русский язык. Лексика: Курс лекций для вузов. М., 1954.
- Державин, Обнорский 1932 — *Державин Н. С., Обнорский С. П.* История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. №7. Стб. 13–26.
- Заславский 1930 — *Заславский Д.* Сделано на ять // Правда. 24 января 1930. №23 (4468). С. 5.
- Истрина, Фалев 1936 — *Истрина Е. С., Фалев И. А.* Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков. М.; Л., 1936.
- Круглов 2015 — *Круглов В. М.* Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Русский язык в научном освещении. 2015. №1 (29). С. 228–241.

- Круглов и др. 2015 — *Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Ред. В. М. Круглов. СПб., 2015.
- Обнорский 1936 — *Обнорский С. П.* Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. М.; Л., 1936.
- Приемышева, Стукова 2018 — *Приемышева М. Н., Стукова Е. Г.* У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // *Русская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития* / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемышева, Е. В. Пурицкая. СПб., 2018. С. 7–17.
- Рогожникова 2003 — *Рогожникова Р. П.* Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003.
- СлРЯ — Словарь русского языка. Т. I–XIV. СПб., Пг., Л., М.;Л., 1891–1937.
- ТСУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Цейтлин 1958 — *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Viktoria Istraty

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

THE WORK ON THE VOCABULARY OF THE *DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE* IN 1920–1930s (ISSUES BY V. CHERNYSHOV)

Abstract. The article discusses the innovations of the so called “seventh edition” of the Grot–Shakhmatov Russian Language Dictionary (1891–1937). Despite the editors’ declarations that in 1929 they had started a fundamentally new edition of the dictionary, the preambles of the new issues and other publications did not contain any information about the new principles of the dictionary. A comparison of the 1920s’ and 1930s’ issues edited by V. I. Chernyshov shows, that in 1930s, as far as the problem of vocabulary formation is concerned, the “seventh edition” continued to follow the Shakhmatov’s program of thesaurus dictionary.

Keywords: lexicography, history of Russian academic lexicography, Grot–Shakhmatov Dictionary, thesaurus dictionary, standard dictionary

Елизавета Владиславовна Пурицкая
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ОТ «СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА» ДО «БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Аннотация. В статье показана история создания трех наиболее значительных словарей, созданных в Словарном отделе Института лингвистических исследований: «Словаря современного русского литературного языка» (первое издание, в 17 томах, 1948–1965, второе издание, тт. I–VI, 1991–1994, не окончено, третье издание: «Большой академический словарь русского языка», тт. 1–27, выходит с 2004 года по наст. вр.). Освещаются принципы работы над данными словарями, обсуждаются некоторые особенности их типа и концепций, вопросы преемственности словарных изданий. Подчеркнуто значение каждого из словарей для отечественной лингвистической науки и российского общества.

Ключевые слова: русский язык, академическая толковая лексикография, «Словарь современного русского литературного языка», «Большой академический словарь русского языка»

Одним из самых значительных лексикографических трудов, подготовленных сотрудниками Словарного отдела Института лингвистических исследований за 90 лет его существования, можно считать академический словарь русского литературного языка большого типа, в первом (1948–1965) и втором (1991–1994) изданиях носящий название «Словарь современного русского литературного языка», в третьем издании (с 2004 года) — «Большой академический словарь русского языка». В филологическом сообществе за этим крупным словарным предприятием сразу закрепилось сокращенное название «БАС», и, соответственно, каждое из изданий получило номер — БАС-1, БАС-2, БАС-3.

БАС-1: взгляд из дня сегодняшнего

Отправной точкой истории создания БАС-1 официально считается 5 августа 1937 года, когда, согласно постановлению Президиума Академии Наук СССР, было решено завершить работу над готовившимся тогда изданием академического «Словаря русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937) [Slovar russkogo

языка 1974], перестроить всю словарную работу и начать подготовку нового издания — «Словаря современного русского литературного языка» (далее БАС-1) [Круглов и др. 2015: 119; Приемышева, Стукова 2018: 18]. Начавшаяся работа над словарем была прервана Великой Отечественной войной и возобновилась в 1945 году. Однако, как показывают исследователи, БАС-1 стал преемником предыдущего незавершенного словаря: «первые тома „Словаря современного русского литературного языка“, опубликованные в 1948 и 1950 гг. под ред. В. И. Чернышева, были подготовлены еще до войны и сильно отличаются от последующих томов» [Приемышева, Стукова 2018: 19]. Особенно же важно то, что при работе над «Словарем русского языка» под ред. Н. С. Державина «формировались основные теоретические и практические принципы русской толковой академической лексикографии, которые фактически тем же авторским коллективом были реализованы в первых томах будущего ССРЛЯ» [там же].

Принципы создания БАС-1, его задачи, концепция отражены в «Проекте Словаря современного русского литературного языка» [Проект 1938] и в предисловиях к каждому из 17-ти томов. Степень достижения поставленных перед авторским коллективом задач, а также противоречия и недостатки издания освещены в достаточно большой научной дискуссии [Виноградов 1966; Виноградов 1977: 243–264; Ожегов 1952; Евгеньева 1957; Ковтун 1957; Ковтунова 1956; Сорокин 1967; Филин 1963; Цейтлин 1958 и др.], которая продолжается и сегодня и отражает становление и развитие теории и практики отечественной толковой лексикографии. В рамках данной статьи представляется важным оценить «уроки» БАС-1 для дня сегодняшнего, его значение для современного филологического и культурного сообщества, а также его роль в российской традиции словарного дела. Итак, сегодня БАС-1 — это:

— единственный **завершенный** академический словарь русского языка большого типа, который используется и сегодня, «самый полный из законченных словарей русского языка» [Филин 1963: 178];

— **«высшее достижение, вершина отечественной лексикографии»** [Ожегов 1974; Козырев, Черняк 2015]; «важное национальное дело» [Виноградов 1966], «одна из важнейших ступеней в развитии отечественной лексикографии» [Казанский 2018]; словарь является классическим; вошел в монографии по истории лингвистики и учебные пособия вузовского уровня [Современный русский язык 1987: 95–107; Лексикография русского языка 2013 и др.];

— словарь с **уникальной концепцией** («словарь толково-исторический и нормативный» [Проект 1938], представляющий «современный русский литературный язык в широкой исторической перспективе» [Ожегов 1952], — концепцией, прошедшей испытание временем;

— словарь, основанный на солидной теоретической и эмпирической **базе**, которую составляют: Большая словарная картотека (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), Инструкция для выборщиков [Инструкция 1936], Проект и Инструкция словаря [Проект 1938; Инструкция 1958];

— словарь, в процессе работы над которым формировались новые **лингвистические теории**: учение о типах лексического значения (В. В. Виноградов), концепция семантической структуры слова (Л. С. Ковтун),

просторечия (Ю. С. Сорокин), литературной нормы (К. С. Горбачевич). [История русской лексикографии 1998: 380];

— словарь, ставший основой последующих **лексикографических трудов** Словарного отдела: как последующих изданий БАС и МАС, так и аспектных словарей;

— словарь, ставший основой создания **словарей национальных языков** народов СССР, а также **русско-национальных словарей**;

— словарь, ставший авторитетным **источником изучения лексического состава русского языка**, базой научных исследований, студенческих работ и диссертаций.

Огромное значение для становления отечественной академической лексикографической традиции имеет также то, что в процессе работы коллектива Словарного отдела над БАС-1 сформировались основные принципы подготовки многотомных академических словарей, которые используются и сегодня. Эти принципы можно обобщить следующим образом:

— потомная работа (в отличие от одновременной подготовки материалов на разные буквы, как это было в предыдущем «Словаре русского языка»); долгосрочное планирование издания; возможность изменения принципов с целью усовершенствования словаря;

— широкое научное и общественное обсуждение, многократное редактирование и рецензирование, учет поступившей критики;

— дифференцирование и усложнение этапов подготовки рукописи, научно-издательского цикла;

— распределение обязанностей и ролей научных и технических сотрудников словарного коллектива;

— воспитание научных кадров и обеспечение научной преемственности (семинар Е. С. Истриной «Основы словарной работы»).

Важнейшим принципом подготовки многотомного академического словарного издания большого типа можно считать широкую научную экспертизу и стремление к учету критических замечаний. Безусловно, некоторые научные принципы, принятые в словаре, особенно в его первых томах, были скорее вынужденной мерой в условиях идеологического давления конца 1930-х — начала 1950-х годов и до определенного момента не могли быть пересмотрены — прежде всего это касается алфавитно-гнездового принципа размещения слов, который был принят в первых трех томах. Однако уже в 1954 году в предисловии к 3 тому БАС-1 авторы указывают, что «критические отзывы на первые два тома Словаря и обсуждение этих томов на Ученом совете Института языкознания АН СССР показали спорность с научной точки зрения и нецелесообразность с практической точки зрения ряда особенностей построения Словаря, характерных для первых двух томов. Сюда относятся гнездовая система, основанная, главным образом, на историко-семантическом объединении слов в одно гнездо, смешение исторической и нормативной точек зрения при характеристике словарного состава современного русского языка, смешение филологических и энциклопедических принципов толкования слова и др.» [БАС-1, т. 3, Предисловие, с. III]. Авторы не могли переработать третий том, это повлекло бы серьезную задержку его выпуска, и обновленные принципы решено

было реализовать, начиная с 4 тома (1955): «Возврат к гнездовому расположению слов в Академическом словаре в сороковые годы двадцатого века может быть понят в связи с путаницей и неразберихой в языкознании, порожденными „новым учением о языке” акад. Н. Я. Марра, и объяснен ими» [БАС-1, т. 4, с. III].

В Предисловиях последующих томов также часто приведены ответы на поступившие критические замечания и пожелания. Так, например, в 5 томе определена позиция авторов по вопросу омонимии: «Пожелание более широко провести в Словаре членение слов на омонимы во избежание смешения значения слова с отдельным словом, что нередко наблюдается в словарях, приемлемо, но до решения лексикологической проблемы омонимов лексикографическая практика неизбежно будет пользоваться лишь приемом чисто внешнего и в ряде случаев произвольного дробления слов на омонимы. Редакция не находит возможным становиться на этот путь» [БАС-1, т. 5, Предисловие, с. IV]. В 6 томе читателям словаря разъяснен смысл справочного отдела, в 8 томе указано на расширение цитатного фонда путем обращения «к рукописи третьего тома Словаря языка Пушкина и к картотеке Словаря автобиографической трилогии М. Горького» [БАС-1, т. 8, От редакционной коллегии, с. III]. После опубликования 6 тома отдельным изданием вышла Инструкция для составления словаря [Инструкция 1958].

Предисловие каждого тома заканчивается фразой «Всех, пользующихся Словарем, Редакционная коллегия просит присылать свои замечания по адресу...» — это предложение сохраняется и во втором издании БАС, но в БАС-3 отсутствует.

Над словарем работало более 60 человек. У истоков «Словаря современного русского литературного языка» стояли такие ученые, как В. И. Чернышев, Е. С. Истрина, С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, редакторами и авторами словаря в разные годы были сотрудники Словарного отдела А. М. Бабкин, Л. И. Балахонова, Е. Э. Биржакова, Л. А. Воинова, Г. А. Галаванова, Г. А. Качевская, Л. С. Ковтун, Э. И. Коротаева, Н. З. Котелова, Н. М. Меделец, В. П. Петушков, Р. П. Рогожникова, Ю. С. Сорокин, Ф. П. Сороколетов, Е. Н. Толикина, И. Н. Шмелева и др.

Примечательно, как шло становление этапов работы над материалами и рукописью словаря. Можно сравнить этапы работы и исполнителей, указанных в 3 и 16 томах (соответственно 1954 и 1964 годы):

БАС-1, т. 3, Г-Е, 1954 (655 стр.)

В составлении словарных статей третьего тома принимали участие научные сотрудники сектора: И. К. Зборовский, Л. В. Омельянович-Павленко, В. И. Пономарев, Е. Н. Шипова, Н. П. Яковлева и другие, под руководством покойного чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышева.

БАС-1, т. 16, У-Ф, 1964 (800 стр.)

Авторы-составители тома: С. Л. Баженова, Е. Э. Биржакова, К. С. Горбачевич, И. Л. Городецкая, З. Т. Короткевич, К. А. Логинова, И. М. Мальцева, Н. М. Меделец, А. И. Молотков, П. И. Павленко, В. П. Петушков, Т. Н. Поповцева, В. В. Розанова, Ю. М. Северинова, Г. А. Стахова, М. Н. Судоплатова, В. А. Тихомирова, В. Н. Цыганова.

Том отредактирован Н. М. Меделец и Н. З. Котеловой.

В 1951–1952 гг. весь том **прочитан в гранках** акад. С. П. Обнорским и **отредактирован** чл.-корр. С. Г. Бархударовым; **работы по окончательной подготовке тома к печати** выполнены младшими научными сотрудниками Е. Э. Биржаковой и Е. К. Никольской [БАС-1, т. 3, Предисловие, с. III].

Техническая подготовка рукописи тома к изданию и техническая работа по гранкам и верстке осуществлена Н. З. Бутаровой, Н. И. Андреевой-Васиной и А. М. Невжинской.

Редакторы воспользовались **замечаниями членов редакционной коллегии** Е. Э. Биржаковой, И. К. Зборовского и Ф. П. Филина.

Были учтены также замечания **рецензентов** В. В. Замковой и Л. В. Омелянович-Павленко.

Редакционная коллегия Словаря **выражает благодарность** докторам филологических наук И. М. Тронскому, М. А. Бородиной, Е. А. Реферовской, кандидатам филологических наук А. М. Мухину, В. С. Храковскому, Е. С. Шубину, К. Р. Эйюби, научному сотруднику В. М. Надеяеву за **замечания и поправки** к этимологической части справочного отдела в Словаре, а также **ученым и специалистам** <перечислено 42 организации>... взявшим на себя труд просмотреть и уточнить словарные статьи, связанные с терминологической лексикой [БАС-3, т. 10, От редакционной коллегии, с. III–IV].

Заметно, что за 10 лет увеличилось как количество видов работ по подготовке БАС, так и число исполнителей; усложнился процесс рецензирования и редактирования, большое место отведено проверке и уточнению сведений, не входящих в сферу профессиональных компетенций филологов (что особенно актуально для 16 тома, в котором описаны слова на буквы У–Ф, содержащие большое количество терминологии, и важно в условиях отсутствия современной на тот момент справочной литературы энциклопедического характера). Кроме того, мы видим научный рост многих сотрудников — от младшего научного сотрудника в 1954 году к редактору словаря в 1964 году.

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» был завершен в 1965 году, руководящие сотрудники были удостоены Ленинской премии.

БАС-2: на сломе эпох

Последний том 17-томного словаря вышел в 1965 году, и уже тогда Ф. П. Филин определил ближайшее будущее академической лексикографии: «С выходом в свет семнадцатитомного и четырехтомного словарей заканчивается целый этап в истории русской академической лексикографии. Однако завершение этого этапа не может и не должно означать прекращения работы в Академии наук СССР над толковыми словарями русского языка. Такая работа должна стать посто-

янной, для чего имеются веские причины: во-первых, лексика русского языка продолжает бурно развиваться, и ее развитие должно находить свое отражение в толковых словарях; во-вторых, требования, предъявляемые к словарям, непрерывно возрастают, и прежние издания перестают удовлетворять как широкие круги населения, так и потребности самой науки о языке» [Филин 1963: 177]. В течение 10 лет велись дискуссии о создании нового академического словаря русского языка [Бабкин 1971; Ожегов 1974; Виноградов 1977 и др.], и в 1975 году по инициативе Ф. П. Филина было принято решение о переиздании БАС.

Второе издание предполагалось сделать двадцатитомным с объемом более 120 000 слов. Необходимость переиздания определялась несколькими причинами:

- существенные изменения в лексическом составе русского языка;
- развитие научных основ лексикографии, лингвистической теории в целом;
- выход нормативных и аспектных словарных изданий (МАС, словарей новых слов, «Фразеологического словаря русского языка», «Словаря синонимов», ортологических изданий и др.).

В качестве еще одной причины переиздания был назван «крайне малый тираж» БАС-1 «Библиографической редкостью давно уже стал и семнадцатитомный „Словарь русского литературного языка”, изданный крайне малым тиражом (от 26 000 до 13 600 экземпляров каждый том)» [Филин, Сороколетов, Горбачевич 1976: 5].

Руководство работой над вторым изданием первоначально осуществлял Ф. П. Сороколетов, затем К. С. Горбачевич. К концу 1980-х годов была подготовлена полная рукопись переиздания. Принципы, положенные в основу переиздания, были изложены в публикации в журнале «Вопросы языкознания» [Филин, Сороколетов, Горбачевич 1976] и в Предисловии и Введении ко второму изданию в 1 томе БАС-2 [БАС-2, т. 1: 5–18]. Этими принципами стали:

- актуализация и пополнение состава Словаря;
- устранение алфавитно-гнездовой системы расположения слов;
- усиление принципов нормативности в оценке языковых фактов;
- стилистическая характеристика слов и выражений с точки зрения современной нормы;
- уточнение определений и унификация семантической разработки слов;
- углубление грамматической характеристики слов;
- изменения в составе, расположении и описании фразеологизмов и устойчивых словосочетаний.

Надо отметить, что концепция БАС-2 заключалась именно в переиздании БАС-1, а не в создании нового словаря. Это отражалось и в названии «Словарь современного русского литературного языка», и в указании роли ученых в подготовке словаря. Так, был утвержден главный редактор второго издания (д-р филол. наук К. С. Горбачевич), сформирована главная редакция второго издания (канд. филол. наук Л. И. Балахонова, д-р филол. наук Г. П. Князькова, д-р филол. наук О. Д. Кузнецова, д-р филол. наук Г. Н. Складаревская, канд. филол. наук Н. В. Соловьев, д-р филол. наук Ф. П. Сороколетов, канд. филол. наук В. П. Фелицына), а также назначены редакторы томов. Редактором I тома стала Г. П. Князькова, II — К. С. Горбачевич, III — Л. И. Балахонова, IV —

Г. П. Князькова, V–VI — Л. И. Балахонова и В. П. Фелицына (использовалась римская нумерация томов). Также в первом томе продублировано Предисловие к первому изданию БАС. Из вводных замечаний к томам встает следующая картина этапов подготовки словаря к печати: **составление** (указывались авторы-составители), **редактирование редактором тома**, **техническая подготовка** рукописи, **подготовка к сдаче** в издательство. Далее следовал очень важный этап **издательского цикла**, во время которого над томом работали практически все сотрудники группы. Отдельно в каждом томе указаны **рецензенты**; перед сдачей в издательство тома обсуждались на **заседаниях Словарного отдела**.

Второе издание БАС выходило в издательстве «Русский язык» с 1991 по 1994 год, за это время было выпущено 6 томов (5 и 6 тома изданы под одной обложкой).

В наши дни случается слышать негативные отзывы о БАС-2: например, что это «какой-то лексикографический нонсенс». Однако изданный лишь до буквы З и не очень качественно с полиграфической точки зрения (маленький формат, дешевая бумага, мрачная обложка), этот словарь, подготовленный на сломе эпох, в разгар Перестройки, в очень трудное и для Института, и для всей страны время, тем не менее, достаточно последовательно воплотил все заявленные принципы и даже те, о которых не мечтали его авторы во время подготовки переиздания. Так, за «актуализацией и пополнением состава словаря» стояло не только включение новой лексики и фразеологии, вошедшей в литературный язык за прошедший период (особенно терминов науки и техники), но и возвращение многих слов духовно-религиозной сферы, которым был закрыт доступ в словари в эпоху официального атеизма. Так, например, во второе издание вошла не только актуальная лексика (*авиабилет, автофургон, абстракционист, авангардист, автоинспектор, блокадник, блокадница, водоотталкивающий, вождизм, забегаловка, загазованный*), но и возвращены некоторые слова с пометой *устар.* (*всегласно, вселюбовь, всеблагий, всеблагой, всеблаженный, вселюбезный, всемилостивый, всенижайший* и др.); были исключены неупотребительные, редко встречающиеся в текстах лексемы (*агуленьки, агунечки, агунюшки, аккордовать, актуариус, болотняк* и др.) или слова, не закрепившиеся в языке, напр.: **Акрихин**, а, м. *Нов. Медиц.* Новый,готавливаемый в СССР, противомаларийный препарат, заменяющий хинин. [БАС-1, т. 1, стб. 78].

От идеологической составляющей была освобождена иллюстративная зона словарных статей (цитаты из произведений Ленина, речей Кирова, Дзержинского, передовиц газеты «Правда» были заменены на примеры из художественной литературы), из толкований были устранены оценочные лексемы типа «якобы», «пережиток», «буржуазный», «реакционный» и т. д. Ср.:

БАС-1

АД <...> ◇ Употребляется во многих выражениях как пережиток старых религиозных верований и представлений. Муки ада, исчадие, порождение ада [БАС-1, т. 1, стб. 49].

БАС-2

АД <...> // О темных, потусторонних силах. ◇ Исчадие, порождение ада. О жестоком, коварном человеке [БАС-2, т. 1, с. 87].

БОГ <...> ◇ В разговорной и литературной речи употребляется в ряде пережиточных выражений разнообразного значения [БАС-1, т. 1, стб. 525].

БОГОИСКА́ТЕЛЬСТВО, а, *ср.* *Истор.* Реакционное религиозно-философское течение среди русской интеллигенции начала XX в., искавшее примирения социальных противоречий в создании новой религии, которая должна была отвлечь трудящихся от классовой борьбы, от революции [БАС-1, т. 1, стб. 527–528].

БОГ <...> ◇ Господь бог. <...> □ Бó же, *зват. ф.* от бог [БАС-2, т. 1, с. 657].

БОГОИСКА́ТЕЛЬСТВО, а, *ср.* Религиозно-философское течение в среде русской либеральной интеллигенции начала XX в., проповедовавшее перестройку форм человеческого существования на основе обновленного христианства [БАС-2, т. 1, с. 665].

Огромная значимость БАС-2 состоит в том, что его вышедшие тома и неопубликованная рукопись, подготовленные лексикографами высочайшего уровня, стали основой толкового словаря большого типа следующего, третьего, поколения — «Большого академического словаря русского языка», БАС-3.

БАС-3: «время идет вперед»

В 1994 году издание БАС-2 было остановлено в связи с закрытием издательства «Русский язык», при этом подготовленные к печати (до буквы Я) и сданные в работу материалы могли оказаться утраченными. Сотрудник Словарного отдела и один из авторов словаря Н. В. Соловьев поехал в Москву и спас более чем десятилетний труд большого коллектива, привезя многочисленные папки с рукописью в Ленинград [Казанский 2018]. В 2004 году на заседании Президиума РАН было принято решение начать издание нового, «Большого академического словаря русского языка». Во главе этого словарного предприятия встали главный редактор К. С. Горбачевич и научный координатор (а затем и главный редактор) А. С. Герд. О том, что это не просто очередное переиздание, но новый словарь, говорит прежде всего его название, закрепляющее сложившееся в академической науке и практике неофициальное наименование. Новизна концепции БАС-3 заключается и в том, что авторы отказываются от его определения как словаря, во-первых, «современного», во-вторых, «литературного» языка. Принципы словаря можно вывести из его Предисловия, написанного так живо и эмоционально, что оно представляет собой скорее манифест, отражающий миссию словаря. Культурная, общественная миссия Большого академического словаря, по мысли его создателей, заключается в том, что это «уникальная сокровищница русской лексики XIX–XXI веков»; «уникальный справочник при чтении русской литературы XIX–XX веков, который расширяет интеллектуальный кругозор читателя, повышает его речевую культуру», является «хранителем культурной языковой традиции» [БАС-3, т. 1, Предисловие, с. 3–6]. Кроме того, в Предисловии закрепляется преемственность лексикографической традиции создания многотомных академических словарей в России (перечислены все предшествующие словари, начиная со Словаря Академии Российской 1789–1794 годов) и отмечается роль Института лингвистических исследований РАН как прямого наследника и правопреемника всех тради-

ций, опыта и достижений классической российской (петербургской, ленинградской) академической лексикографии [БАС-3, т. 1, Предисловие, с. 4].

Но «время идет вперед», и новый словарь не может не реагировать на актуальную языковую ситуацию: он призван отражать языковое сознание общества последних десятилетий XX века, хотя и преимущественно описывает слова, прошедшие уже определенный этап социализации, получившие достаточную степень распространения. Так, «в БАС-3 из современной художественной литературы вошла почти вся терминология общения пользователя с компьютером, десятки названий болезней, юридических и финансовых терминов и т. д.» [Герд 2015: 950]. Например, в Словарь включены такие широкоупотребительные термины, как *модем, маммология, мониторинг, нейропсихология, неонацизм, оригинал-макет, оффшор, паранаука, перцепция, праймериз, ревитализация, реинтеграция, рефинансирование, секвестрировать, сленговый*. Также БАС широко отражает русскую обиходно-разговорную речь конца XX — первой половины XXI века. Как указывает А. С. Герд, «БАС-3 не использует прямо в качестве источников чаты и блоги Интернета, но, хотим мы этого или нет, почти вся их лексика есть в современных художественных текстах» [там же]. Активным источником пополнения словника БАС-3 является и словообразование. Так, «в словарь были впервые включены глаголы с приставкой *по-*, указывающей на совершение действие в течение некоторого времени, время от времени или же несколько раз», «глаголы с приставкой *раз-* (*рас-*) и суффиксом *-ся*, вносящими значение ‘начать делать что-л. все больше и больше’», «широко отражены наречия и прилагательные с приставкой *по-*, увеличилось число отвлеченных существительных с суффиксами *-ость*» [Кругликова 2012: 182–184].

Кроме того, «одна из главных особенностей БАС-3 — показывая жизнь слова, он стремится заканчивать каждое значение иллюстрациями из источников 1990–2000-х годов, из авторов, современных по отношению ко времени создания словаря. Это такие авторы, как А. Азольский, В. Аксёнов, Б. Акунин, П. Алешковский, Г. Боровик, В. Быков, Д. Быков, И. Васильев, С. Довлатов, А. Маринина, В. Пелевин, Д. Рубина, А. Солженицын, А. и Б. Стругацкие, Л. Улицкая, М. Шишкин и мн. др. В результате список источников пополнился более чем на 500 новых авторов» [Герд 2015: 952]. Все эти изменения стали возможными благодаря расширению базы словаря от Большой словарной картотеки к электронным ресурсам — НКРЯ и компьютерной базе текстов («Библиотека лексикографа»), а также обновлению методов и технологий работы в связи с компьютеризацией словарного дела.

Можно назвать еще одну важнейшую особенность словаря, о которой говорят его создатели и которую можно по достоинству оценить только сейчас, по прошествии почти 20 лет выхода томов: «БАС завершает огромный этап в истории создания толковых словарей современного русского языка и одновременно открывает новые пути к размышлениям над перспективами академической лексикографии XXI века» [БАС-3, т. 1, Предисловие, с. 6]. Действительно, противоречия словаря данного типа — словаря одновременно исторического и нормативного, отражающего современные языковые факты и охватывающего временной период почти в два столетия — могут быть преодолены только с переходом академической лек-

сикографии в цифровой формат, путем создания на основе БАС-3 интегрального электронного лексикографического ресурса с возможностями оперативного пополнения, с выделенным современным нормативным ядром лексикографической информации и широкой историко-культурной периферией.

В заключение представляется возможным обобщить роль каждого из больших академических словарей русского языка, созданных в Словарном отделе ИЛИ РАН, следующим образом:

— БАС-1 — образец академического словаря большого типа, в процессе подготовки которого сформировались методы и принципы работы над многотомным изданием;

— БАС-2 — словарь, заложивший принципы работы над переизданием; основа БАС-3;

— БАС-3 — наследник двух предыдущих изданий; потенциальная основа создания интегрального цифрового словарного ресурса.

Литература

- Бабкин 1971 — *Бабкин А. М.* Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971.
- БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1–17 / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1–6 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Рус. яз., 1991–1994.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- Виноградов 1966 — *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. №6. С. 3–26.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 243–264.
- Герд 2015 — *Герд А. С.* Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого. Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемьшева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 948–954.
- Евгеньева 1957 — *Евгеньева А. П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 167–177.
- Инструкция 1936 — Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков. Сост. Е. С. Истриной, И. А. Фалевым. М.; Л., 1936.

- Инструкция 1958 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- История русской лексикографии 1998 — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. С. 346–366.
- Казанский 2018 — *Казанский Н. Н.* Большой академический словарь русского языка и филологическая культура современной России // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / Отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приёмышева, Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 7–17.
- Ковтун 1957 — *Ковтун Л. С.* О построении словарной статьи в «Словаре современного русского литературного языка» // Лексикографический сборник. 1957. Вып. 1. С. 68–97.
- Ковтунова 1956 — *Ковтунова И. И.* Обсуждение IV тома «Словаря современного русского литературного языка» // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 102–106.
- Кругликова 2012 — *Кругликова Л. Е.* Большой академический словарь русского языка как продолжатель традиций русской академической лексикографии // *Cuadernos de Rusística Española*. 2012. №8. С. 177–198.
- Круглов и др. 2015 — *Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Лексикография русского языка 2013 — Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / А. С. Герд, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова и др.; под ред. Д. М. Поцепни. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. 1-е изд.: М.: АН СССР, 1957–1961; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [<http://ruscorpora.ru/new/>].
- Ожегов 1952 — *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. №2. С. 85–103.
- Ожегов 1974 — *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. С. 158–182.
- Приёмышева, Стукова 2018 — *Приёмышева М. Н., Стукова Е. Г.* У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред.

- О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приёмышева, Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 18–28.
- Проект 1938 — Проект Словаря современного русского литературного языка / Сост. Е. С. Истрина, И. А. Фалев, В. И. Чернышев, Р. Э. Порецкая, С. С. Советов. М.; Л., 1938.
- Современный русский язык 1987 — Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. М.: Просвещение, 1987. [глава «Важнейшие словари русского языка». С. 95–107].
- Сорокин 1967 — Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. №5. С. 22–32.
- Сороколетов 1962 — Сороколетов Ф. П. Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. 1962. Вып. V. С. 125–131.
- ССРЛЯ — см. БАС-1.
- Филин 1963 — Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189.
- Филин, Сороколетов, Горбачевич 1976 — Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Горбачевич К. С. О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» // Вопросы языкознания. 1976. №3. С. 3–19.
- Цейтлин 1958 — Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Slovar ruskogo jazyka 1974 — Slovar ruskogo jazyka. 1891–1937. London, 1974.

Elizaveta Puritskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**FROM THE *DICTIONARY OF THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE*
TO THE *GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE***

Abstract. The author describes the history of the creation of the three most significant dictionaries that were created in the Lexicography Department of the Institute for Linguistic Studies: the *Dictionary of the Modern Russian Literary Language* (first edition, in 17 vols., 1948–1965, second edition, vols. I–VI, 1991–1994, not completed, third edition: the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, vols. 1–27, published from 2004 to the present). The author talks about principles of work on these dictionaries, discusses some features of their type and concepts, questions of the continuity of dictionary publications. The article highlights the significance of each of the dictionaries for the domestic linguistic science and Russian society.

Keywords: Russian language, academic explanatory lexicography, Dictionary of the Modern Russian Literary Language, The Great Academic Dictionary of the Russian Language

Роман Игоревич Воронцов
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ЕЩЕ РАЗ О НОРМАТИВНОСТИ И ИСТОРИЗМЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ БОЛЬШОГО ТИПА

Аннотация. Статья посвящена известной и неоднократно обсуждавшейся проблеме лексикографического типа большого толкового словаря, важнейшей чертой которого является сочетание нормативного описания лексико-фразеологической системы современного русского языка и показа ее исторической динамики. В статье обобщаются теоретические подходы к решению данной проблемы и анализируются пути их практической реализации. Несмотря на долгую историю разработки, проблема совмещения в словаре принципов историзма и нормативности до сих пор не нашла удовлетворительного разрешения. Автор статьи предлагает ряд предварительных соображений, которые в перспективе могут способствовать выходу из сложившейся ситуации. Предпосылкой для решения обсуждаемой проблемы в будущем академическом толковом словаре большого типа должна стать новая — электронная — форма его репрезентации.

Ключевые слова: Российская лексикография, современный русский язык, толковый словарь, Большой академический словарь русского языка, нормативность, историзм, электронные словари

Тип большого академического толкового словаря сегодня представлен в отечественной лексикографии тремя изданиями, состоящими в отношениях преемственности: «Словарем современного русского литературного языка» в 17 томах (1948–1965) (далее — БАС-1), «Словарем современного русского литературного языка» в 20 томах (1991–1994) (далее — БАС-2) и «Большим академическим словарем русского языка» предположительно в 35 томах (издается с 2004 года) (далее — БАС-3). Последние два издания не закончены, в настоящее время ведется работа над завершающими томами БАС-3. Вместе с тем, исторически, пусть и весьма условно (поскольку само понятие большого толкового словаря как лексикографического типа возникло только в середине XX века), к данной линии словарей примыкает целый ряд изданий, начиная со «Словаря Академии Российской» (1789–1794), чьи достижения были учтены в дальнейшей работе лексикографов.

Большой академический толковый словарь представляет собой ядро отечественной словарной системы: он предлагает интегральное описание русской

лексики и фразеологии на протяжении длительного исторического отрезка, традиционно определяемого формулой «от Пушкина до наших дней» и считающегося современным периодом в истории русского литературного языка. Таким образом, будучи, по существу, главным словарем русского языка и опираясь на более чем двухвековую историю, большой академический толковый словарь, безусловно, получит дальнейшее развитие в соответствии с новым уровнем науки и технологий и новыми запросами общества.

Главный редактор БАС-3 А. С. Герд предполагал, что следующий академический словарь будет создаваться «в новой форме, в совершенно иных информационно-технологических условиях», при этом создание такого словаря будет возможно не ранее второй половины XXI века, так как оно потребует длительного подготовительного этапа [Герд 2013: 136]. В ходе этой подготовки ученым-лексикографам при участии широкого научного сообщества предстоит решить массу научных задач, учесть многочисленные критические замечания, сформировать репрезентативную текстовую базу для словаря, создать цифровые системы обработки информации и главное — выработать строгую и непротиворечивую лексикографическую концепцию.

В этой связи одной из центральных проблем, требующих пристального внимания, является проблема *типа* большого академического словаря. Несмотря на долгую историю разработки, она до сих пор не получила удовлетворительного разрешения. Сложность ее определяется совмещением в данном лексикографическом типе двух противоположных начал — *исторического* и *нормативного*, — противоречие, отраженное и в хрестоматийной формулировке С. И. Ожегова: толковый словарь большого типа «представляет современный литературный язык в широкой исторической перспективе» [Ожегов 1952: 91].

Вопрос совмещения историзма и нормативности горячо обсуждался еще в 1950-х годах, когда словарь должен был отразить только 150 лет истории языка. Сегодня БАС-3 отражает уже более 200 лет истории, и проблема стоит еще более остро. Ее решение — дело будущего. Выскажем предположение (и надежду), что оно окажется возможным именно благодаря новой технологической форме академического словаря, которая будет только и исключительно электронной.

Настоящая работа представляет собой попытку обобщения теоретических подходов к проблеме историзма и нормативности большого академического словаря, равно как и путей их практической реализации. Этому посвящена первая часть статьи. Во второй части высказываются некоторые предварительные соображения о возможном развитии данной проблематики. Сегодня мы находимся в самом начале подготовительного этапа, о котором писал А. С. Герд, поэтому любые выдвигаемые положения пока представляют собой теоретические предпосылки, которым еще предстоит пройти проверку лексикографической практикой.

I

1. Началу работы над БАС-1 предшествовал длительный период противоречий, в течение которого методом проб и ошибок вырабатывались пути лексикографического описания русской лексики. В словарной историографии этот

период связывается со «Словарем русского языка» под редакцией Я. К. Грота (1891–1895), А. А. Шахматова (после его смерти — В. М. Истрина) (1895–1929), а затем Н. С. Державина (1929–1937) (подробно см. [История 1998, Никитин 2012, Приемышева 2015, Приемышева, Стукова 2018, 2020]). Каждый из этих этапов характеризовался своей спецификой. Если словарь Грота был образцом *нормативного* описания *литературной* лексики со времен Ломоносова, то в «шахматовской редакции» концепция претерпела кардинальные изменения. Словарь стал отражением русского *национального* языка: по замыслу Шахматова, «все русские слова, насколько их значение и употребление известно Отделению (Академии наук. — Р. В.), <...> должны войти в словарь и найти там объяснение» («Записка» А. А. Шахматова о «Словаре русского языка», 1895, цит. по [Приемышева 2015: 902]). В словник должны были войти в том числе слова из живого употребления, не зафиксированные в литературе. Понимая нормативность как ограничение реального словоупотребления, Шахматов отвергал саму ее идею: «Словарь должен содержать не плоды сочинительства и „научных“ соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.» («Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана», 1899, цит. по [Приемышева 2015: 903]). Так идея нормативного литературного словаря превратилась в свою полную противоположность — идею исторического словаря-*тезауруса*.

Учитывая грандиозный масштаб поставленной задачи и ограниченные практические возможности ее воплощения, словарь в шахматовской редакции не был доведен до конца. В 1929 году под руководством Н. С. Державина была начата работа над новым изданием словаря, который в силу новых научных и политических задач должен был стать отражением *современного* русского языка. При сохранившейся нижней хронологической границе (середина XVIII века) во главу угла ставился именно язык послереволюционных десятилетий, при этом он должен был быть отражен с максимальной полнотой, источником словаря становились даже ежедневные газеты. «Отсутствие принципа *нормативности* позволило авторам в угоду принципу *современности* широко включать сиюминутные, окказиональные, индивидуально-авторские, публицистические новообразования» [Приемышева, Стукова 2020: 202]. Тем не менее, начиная с середины 1930-х годов, скорее всего под влиянием «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, в академическом словаре все же «определился вектор работы в сторону нормативности» [Приемышева, Стукова 2018: 23]. Но так или иначе, словарь не был завершен. 5 августа 1937 года решением Президиума АН СССР работа над «Словарем русского языка» была остановлена, и было объявлено о начале работы над новым «Словарем современного русского литературного языка», известным сегодня как БАС-1.

Так, в течение почти полувека в непрекращающемся бурлении идей, в столкновениях порой прямо противоположных друг другу задач и попыток их решения, при ограниченности текстового материала и неразработанности фундаментальных лексикологических, грамматических, стилистических и прочих

научных вопросов — рождалась концепция академического толкового словаря большого типа. Сам факт того, что она состоялась и вылилась в создание полноценного завершённого словаря, аналогов которому не было в отечественной лексикографии, — огромная заслуга лексикографов XX века. В то же время неудивительно, что эта концепция вышла компромиссной.

2. Новому коллективу ученых пришлось не только решать научные задачи, но и увязывать свои решения с политической конъюнктурой. «Проект Словаря современного русского литературного языка» [Проект 1938] создавался в самый тяжелый период сталинских репрессий на фоне разгрома прежнего словаря и обвинения его в троцкизме. Новый словарь должен был стать в том числе орудием пропаганды, его задача — описать «содержание слова в том понимании, какое данное слово имеет в современном языке, в эпоху диктатуры пролетариата и победы социализма», в словаре «всячески выдвигаются прогрессивные начала в развитии языка и мышления в связи с развитием общества» [Проект 1938: 26]. Идея нормативности, в свое время отвергнутая Шахматовым, теперь ставилась во главу угла, при этом мыслилась не только лингвистически (показать образец употребления слова), но и политически (интерпретировать семантику с позиций советской идеологии).

В «Принципах построения академического Словаря...» В. И. Чернышева, первого главного редактора БАС-1, прямо сказано: «Принцип нормативности подчиняет себе интересы истории языка» [Чернышев 1970: 349]. И в первых томах БАС-1 эта идея воплощена буквально: сохранив хронологические рамки (XVIII–XX века) и поставив своей задачей в том числе демонстрацию исторического изменения слов и значений [Проект 1938: 26], лексикографы обратили историю вспять, расположив цитаты и значения многозначного слова в обратном хронологическом порядке. Например, семантическая структура прилагательного *богатый* (в сокращении) выглядит следующим образом:

БОГАТЫЙ. 1. а) В условиях социалистического общества — личным или коллективным трудом достигший полной обеспеченности, зажиточности; зажиточный. *Богатый колхоз. Богатая артель.* <Без цитат> **б)** В эксплуататорском обществе — обладающий большим, полученным путем эксплуатации или по наследству имуществом, главным образом, средствами производства и большим денежным капиталом (употр. часто в знач. *суц.*). <Цитаты: Сталин; Кр. курс ист. ВКП(б); И. А. Крылов>

2. Роскошный, дорого стоящий. <Цитаты: Достоевский, Лермонтов>

3. Содержащий в себе много чего-либо нужного, ценного, обильный чем-либо. *Богатая библиотека. Богатый ужин.* <Цитата: Чехов> [БАС-1, I: 529–530]

Более того, в «Проекте...» предлагается, например, в слове *борьба* выдвигать на первое место значение социальной борьбы как политически актуальное и более употребительное, а значение физической борьбы ставить на второе место [Проект 1938: 27]. Тем самым нарушается не столько даже историческая хронология, сколько сама логика семантической деривации. В первом томе словаря, однако, этой рекомендацией пренебрегли, отчасти восстановив лингвистическую справедливость. Ср.:

БОРЬБА́. 1. Рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается одолеть другого, свалив его с ног.

2. Активное столкновение противоположных общественных групп, противоположных направлений, мнений и т. п., имеющее целью приобрести господство одних над другими.

3. Переносно: о столкновении противоречивых чувств, мыслей, стремлений.

4. Действия, направленные на достижение чего-либо. [БАС-1, I: 584–586]

В обзорной статье С. Г. Бархударова лексикографические установки «Проекта...» и их (пусть и неполная) реализация в первых томах БАС-1 названы «вульгарным социологизмом» и списаны на то, что проект словаря создавался в рамках учения Н. Я. Марра [Бархударов 1957: 38], к моменту написания статьи давно признанного антинаучным. Однако такая характеристика сама по себе в известной мере тенденциозна. Идея обратной хронологии, реализованная в первых томах БАС-1, иллюстрирует принцип нормативности, возведенный в абсолют (насколько это возможно в словаре с преобладанием исторического материала), и в этом смысле не лишена своеобразного теоретического изящества. В то же время очевидно, что она противоречила самому ходу развития литературного языка и была поэтому отвергнута при очередном пересмотре концепции словаря в 1950-е годы.

Третий и четвертый тома БАС-1 стали переходными: в них происходил отказ от гнездового расположения слов, вводились новые пометы, пересматривались подходы к выборке цитатного материала и т. д. Отказ от обратной хронологии, декларировавшийся в предисловии к четвертому тому, был последовательно проведен в отношении расположения цитат, чего нельзя сказать о порядке следования значений многозначного слова. Так, например, в расположении первого и второго значений слова *знатный* легко угадываются рефлексы идей 1938 года:

ЗНА́ТНЫЙ. 1. Известный, знаменитый. <...> *Кто только ни жил у меня, мо-сье Лопатин! Многие знатные теперь инженеры, юристы и писатели знают капитана. Да, весьма многие известные люди помнят меня.* Гарш. Над. Николаевна. <...> ~ **Зна́тный человек, зна́тные люди.** О тружениках в советской стране, прославившихся своими успехами, трудовыми подвигами. *Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.* Сталин, т. 13, с. 335.

2. Принадлежащий к верхушке привилегированного класса. [Ильин] *беспрестанно упоминал о своем близком знакомстве с знатными людьми: графы, князья, генералы и действительные тайные советники не сходили у него с языка.* С. Акс. Литер. и театр. Воспом. <...> [БАС-1, IV: 1286–1287].

3. Выход первых четырех томов БАС-1 вызвал широкую дискуссию, которую можно считать точкой отсчета для выработки новой концепции словаря, построенной на чисто научных основаниях и свободной (насколько это было тогда возможно) от идеологического влияния. Результатом дискуссии стала

«Инструкция для составления „Словаря современного русского литературного языка” (в пятнадцати томах)», вышедшая в 1958 году. [Инструкция 1958].

Соотношение принципов историзма и нормативности стало ключевым вопросом, обсуждавшимся в рамках дискуссии — как устно (см. отчеты о заседаниях Бюро ОЛЯ АН СССР 12–14 апреля 1956 года [Земская 1956] и Лексикографической секции Ученого совета Института языкознания АН СССР 9 июня 1956 года [Ковтунова 1956]), так и в печати (см. [Бабкин 1955, Ахманова и др. 1956, Виноградов 1956, Бархударов 1957, Евгеньева 1957, Земская, Ковтунова 1958]).

Исходной позицией для обсуждения вопроса стало, по формулировке В. В. Виноградова, «типичное для Академического словаря столкновение и беспринципное смешение нормативной и исторической точек зрения» [Виноградов 1956: 86]. «Антиисторизм» первых томов БАС-1, по словам академика, состоял в том, что, во-первых, старые или устаревшие значения слов осмыслялись с точки зрения их современного понимания, а во-вторых, слова и их формы объединялись или разделялись механически, вне исторической перспективы (что обостряло проблему разграничения полисемии и омонимии) [Виноградов 1956: 87]. Еще одним важным следствием смешения исторического и нормативного подходов стал отказ от описания изменений в стилистическом качестве слов, приведший к двум компромиссным средствам: «поменьше стилистических квалификаций и поближе к стилистическому восприятию современности» [Виноградов 1956: 93].

Эти аргументы поддерживались сторонниками усиления историзма в словаре (см. высказывания В. А. Аврорина, А. М. Бабкина, Г. П. Блока, Е. А. Бокарева, В. И. Борковского, В. М. Жирмунского, К. А. Тимофеева, Б. В. Томашевского А. И. Федорова в [Земская 1956] и [Ковтунова 1956]). Кроме того, высказывались мнения о необходимости соблюдения хронологического порядка в расположении значений слов (В. И. Борковский), об односторонности в использовании иллюстративного материала в первых томах словаря (или только советские писатели, или только дореволюционные) и о невозможности установить историческую перспективу развития семантики по историко-лексикографической справке, приводимой в справочном отделе (Е. А. Бокарев). Наиболее радикальную позицию занял Б. В. Томашевский, заявивший, что «нет необходимости составлять словарь в 14 томов, отражающий только современную норму» [Земская 1956: 99].

Противоположное мнение последовательно продвигал Ф. П. Филин и поддерживавшие его Г. А. Качевская, Н. М. Меделец, Ф. П. Сороколетов и И. Н. Шмелева. По словам Ф. П. Филина, при современном (на тот момент) состоянии науки было невозможно представить в словаре правильную историческую перспективу: «Расположение значений слов в хронологическом порядке — требование при современном состоянии исторической лексикологии невыполнимое, а расположение цитат в хронологическом порядке есть очень наивное понимание историзма» [Земская 1956: 100]. В то же время позиция сторонников нормативности была достаточно гибкой: Г. А. Качевская, например, отмечала, что нормативность не должна стать единственной задачей словаря, иначе это бы отрицательно сказалось на отборе словника и форм слова [Ковтунова 1956: 104]. Однако редуцированная стилистическая характеристика (подвергшаяся критике В. В. Виноградова), по

мнению Л. С. Ковтун и Ф. П. Филина, как раз соответствовала задаче показа исторического изменения лексики с точки зрения современного литературного языка [Ковтунова 1956: 105].

Итогом обсуждения, на первый взгляд, стало торжество нормативного начала: в «Инструкции...» 1958 года сказано: «Будучи в основном нормативным, Словарь не может быть собственно историческим» [Инструкция 1958: 6]. Однако далее следует ряд уточнений, свидетельствующих о том, что авторский коллектив словаря на самом деле занял компромиссную позицию: «Все же настоящий словарь должен содержать в себе элементы историзма (разрядка наша. — Р. В.). Это означает, что в тех случаях, когда историческая последовательность в развитии значений и форм отчетливо выявляется в семантической и грамматической структуре слов современного литературного языка, <...> значения слов и другие их особенности должны располагаться в словарных статьях в исторической последовательности <...>. Это означает также, что помета *Устар.* (устарелое), а также элементы толкования слов типа „в древней Руси”, „в старину”, „в конце XVIII и начале XIX в.” и т. д. представляют некоторый материал для исторического осмысления слов, их значений. Справочный отдел содержит краткие сведения (правда, часто весьма относительные <...>). Хронологическое расположение иллюстраций-цитат также отчасти дает некоторое представление об истории употребления слов» [Инструкция 1958: 6–7]. Таким образом, вектор смещался в сторону нормы современного литературного языка, а «элементам историзма» была назначена вспомогательная функция: «давать читателю разного рода справки исторического характера» [Инструкция 1958: 7].

«Инструкция...» 1958 года имела решающее значение для типа большого толкового словаря. В ней аккумулированы лучшие (хотя порой слишком разнообразные) идеи лексикографов XIX–XX веков. Концепция толково-исторического словаря, предложенная в словаре Грота-Шахматова, скорректирована с учетом идеи словаря как отражения современной литературной нормы. Несмотря на свою внутреннюю противоречивость, «Инструкция...» стала лучшим из возможных на тот момент решений; благодаря выработанному в ней подходу удалось реализовать один из крупнейших проектов в мировой лексикографии. Более того, во всех принципиальных вопросах «Инструкция...» сохраняет актуальность и сегодня: именно на ней (с некоторыми частными изменениями) базируются концепции БАС-2 и БАС-3. Безусловно, это замечательный образец преемственности в российской академической лексикографии.

4. Как же воплощались теоретические положения «Инструкции...» на практике? Проблема соотношения исторического и нормативного подходов затрагивает многие аспекты словарного описания русской лексики, среди которых важнейшими являются а) построение семантической структуры слова (порядок следования значений), б) нормативно-стилистическая характеристика (с помощью системы помет) и в) отбор слов для включения в словарь. Большое значение представляет также справочный отдел, в котором, с одной стороны, приводятся историко-лексикографические сведения, а с другой — указываются орфоэпические, орфографические и грамматические варианты слова, имеющие ограниченное употребление относительно современной нормы (устаревшие, областные, просторечные).

В части *расположения значений* принцип состоял в следующем: необходимо по возможности отразить логическую последовательность. При этом важным было соотношение живых и устаревших значений. Если старое значение является опорным для современного, то предпочтение отдается хронологическому порядку, в противном случае устаревшее значение дается в конце словарной статьи [Инструкция 1958: 26–27]. Примеры второго типа многочисленны, ср.:

ПОВЕРХНОСТЬ. 1. Наружная (обычно верхняя) сторона чего-нибудь.

2. В геометрии — граница, отделяющая геометрическое тело от внешнего пространства или от другого тела; след движения какой-либо линии в пространстве.

3. *Устар.* Преимущество, превосходство над кем-либо (в борьбе, споре и т. п.). <Цитаты: Арх. бр. Тургеневых, Белинский, Бестужев-Марлинский> [БАС-1, X: 84–85]

ТЁШИТЬСЯ. 1. Проводить время в забавах, увеселениях; развлекаться.

2. Доставлять себе удовольствие, радость; получать удовлетворение от чего-либо.

3. *Устар.* Смеяться, глумиться над кем-, чем-либо. Т ё ш и т ь с я над кем, чем. <Цитаты: Добролюбов, Панаев, Салтыков-Щедрин> [БАС-1, XV: 430–431]

Такое решение отвечает принципу показа современной литературной нормы и не противоречит логике развития языка, как это было в первых томах БАС-1 с обратной хронологией. Устаревшие значения, отнесенные в конец словарной статьи, представляют собой «тушиковые ветви» семантической эволюции слова, не фигурирующие в лексической системе современного языка даже в качестве смысловой основы, мотивирующей актуальное значение. В то же время в словаре нередки случаи, когда логика семантической деривации оказывается нарушенной — как с точки зрения современной нормы, так и в историческом плане. Ср.:

ИСКУССТВО. 1. Творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах.

2. Отрасль творческой художественной деятельности.

3. Умение, мастерство, необходимое для ведения какого-либо дела. [БАС-1, V: 470]

Разбирая этот пример, В. В. Виноградов убедительно показывает, что исходным для русского языка значением слова *искусство* является то, которое помещено на третье место. Восходя ко второй половине XVII века, когда слово *искусство* оказывалось в одном ряду со словом *экспериенция* (опыт, испытание) (см. подробно [Виноградов 1966: 12–13]), третье значение, безусловно, является актуальным и по сей день (ср. из приводимых цитат: *искусство судостроения, сапожное искусство, искусство подчинять свое лицо образу* (об актерском мастерстве) и пр.). Первое значение, основанное на представлении об искусстве в поэтической парадигме реализма, является производным, его появление на первом месте, скорее всего, связано с установкой составителей на отражение в словаре научной картины мира в ее марксистско-ленинском преломлении. Однако к реальному состоянию лексической системы русского литературного языка это не имеет отношения.

В словаре есть и случаи прямого нарушения положений «Инструкции...», когда устаревшие значения, пусть и опорные для современных, но не представленные в современном языке и не ощущающиеся как их мотивирующая основа, все же выносятся вперед. Именно «благодаря» таким нарушениям мы находим в словаре поистине удачные примеры исторического описания семантической структуры слова. Ср.:

ХАЛТУ́РА. 1. *Устар.* Поминки по умершему; даровая еда, питье на поминках. // Денежное вознаграждение за заказную (особенно поминальную) церковную службу.

2. *Устар. простореч.* Пожива, выгода, добыча. // Взятка, отступное.

3. *Разг.* Побочный легкий заработок сверх основного, обычного. // В воровском жаргоне — облегченная «работа» в доме, где покойник.

4. *Разг.* Небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела. // Вещь, сделанная таким образом; продукт такой работы. [БАС-1, XVII: 18–19]

ЩЕПЕТИ́ЛЬНЫЙ. 1. *Устар.* Связанный с галантерейными и парфюмерными товарами.

2. *Устар.* Щегольской, опрятный в одежде.

3. *Устар.* Придирчиво-педантичный, мелочный.

4. Строго принципиальный до педантичности, чрезвычайно корректный в отношении с кем-либо или по отношению к чему-либо. О человеке.

5. Требующий осторожного и тактичного отношения; деликатный. *Щепетильное дело.* [БАС-1, XVII: 1675]

Нормативно-стилистическая характеристика лексики в БАС-1 затруднена широтой его исторического охвата: на протяжении периода «от Пушкина до наших дней» в русском языке сменилось несколько литературных норм, каждая со своими стилистическими особенностями. Именно поэтому система стилистических помет в словаре крайне упрощена и приближена к современности. По утверждению Ф. П. Филина, словарь «невольнo приписывает прошлому стилистическому состоянию русской литературной лексики то, чего в нем не было, что свойственно только нашему времени» [Филин 1963: 185]. Так, очень частотны случаи, когда, стремясь к более адекватной стилистической оценке лексики, составители вынуждены применять двойные пометы. Ср.:

ПОВСЮ́ДНОСТЬ. *Устар.* и *разг.* Свойство повсюдного. *Они* [А. Гумбольдт, К. М. Бэр, Ч. Дарвин] *выразили независимо друг от друга и почти одновременно, с большой глубиной, мысль о повсюдности жизни.* Вернад. Оч. геохимии. [БАС-1, X: 135–136]

СТРЯХА́ТЬ. 1. *Устар.* и *простореч.* То же, что стряхивать. *Над урной мишистою Наяда Проснулась в сумраке ветвей, Стряхает инеи с кудрей.* Барат. Весна. <...> [БАС-1, XIV: 1094–1095]

ТВАРЬ. 1. *Устар.* и *простореч.* Всякое живое существо (по религиозным представлениям — все живое, сотворенное богом). *Из всех мелких тварей, ползающих, прыгающих и летающих, — бабочка лучше, изящнее всех.* С. Акс. Собира бабочек. <...> [БАС-1, XV: 154]

В этих и подобных им примерах более ранние цитаты не подтверждают разговорную или просторечную окраску, характерную для слова в современном языке — отсюда двойная стилистическая характеристика. Логика этого решения понятна, и вряд ли можно было как-то иначе охарактеризовать слово, оставаясь в рамках концепции словаря, но все же это не способствует ясности, а лишь создает «научно-лингвистическую иллюзию» [Виноградов 1966: 7].

В БАС-1 отмечаются бесчисленные случаи непоследовательной или неточной постановки стилистических помет (их разбору уделяется много места в статьях [Филин 1963] и [Виноградов 1966]). Ср., например: **МИМОЕЗДОМ** — разг., **МИМОЕЗЖИЙ** — простореч., **МИМОЛЁТОМ**, **МИМОХОДОМ** и **МИМОХОЖИЙ** — без помет [БАС-1, VI: 1003–1005]; или: **ТАТАРВÁ** — разг., **ТАТА́РОВА** и **ТАТА́РОВЬЯ** — устар. и народно-поэт. (при очень схожих по стилистике цитатах) [БАС-1, XV: 138]. Остается неясным, обусловлены ли такие характеристики историческим подходом, взглядом с современной позиции, или же просто случайны.

Наконец, третий аспект, на который проецируется смешение исторического и нормативного подходов, — это *отбор слов* для словника. Данный вопрос тесно связан с проблемой употребительности лексики. В БАС-1 оценка употребительности нашла отражение только в спорадическом использовании ремарки «редко/реже» — как правило, в применении к редко встречающимся формам слова, ср.: **ГО́ЛБЕЦ** и (реже) **ГОЛБÉЦ** [БАС-1, III: 209]; **ОБОМЛЕВА́ТЬ**, несов. (редко) [БАС-1, VIII: 324]; **УДИЛÁ**, мн. (редко ед. удí ло) [БАС-1, XVI: 325]. К сожалению, подобные характеристики не нашли более широкого применения в словаре, тогда как именно они могли бы стать основанием для отбора лексики.

По наблюдениям Ф. П. Филина, в словник БАС-1 часто на равных правах включаются и общеупотребительные, и редкие слова, особенно это относится к лексике XIX века. Примером может служить включение крайне малоупотребительного слова *каботин* («Устар. Тот, кто стремится к артистической славе, блеску, внешним успехам, кто привносит в жизнь искусственность, манерность, притворство») [БАС-1, V: 629] и отсутствие широко использовавшегося и представленного в художественной литературе слова *елистратишка* — просторечного варианта слова *регистратор* (см. [Филин 1963: 183–184]). Ясно, что последовательный и внимательный отбор слов требует учета литературно-языковой нормы в исторической перспективе: необходимо с максимально возможной точностью определить место, которое занимает слово в лексической системе языка на данном историческом этапе, и исходя из этого принимать решение о включении слова в словник.

Отдельного комментария заслуживает *справочный отдел* словарной статьи. Заключая в себе, с одной стороны, сведения об этимологии и ранней фиксации слова в словарях, а с другой — указания на особенности произношения и написания, справочный отдел становится зоной прямого столкновения принципов историзма и нормативности. Несмотря на факультативный статус этой зоны («для справок»), на протяжении всей истории БАС ей придавалось чрезмерно большое значение. Так, по свидетельству А. М. Бабкина, при работе над пер-

выми томами господствовало мнение о том, что именно справочный отдел, дающий возможность восстановить историю слова, должен отвечать историческим задачам словаря (см. [Ковтунова 1956: 102]). В то же время очевидно, что история словарной фиксации предоставляет лишь весьма относительные и часто недостоверные сведения об истории слова как таковой. Многочисленны случаи, когда приводимые цитаты датируются ранее, чем первая фиксация слова в словаре. Ср., например, *мироздание*, *Митрофан*, *мишка* ('медведь'), где «историко-лексикографическая справка не ведет к истории слова, а уводит от нее» [Виноградов 1966: 18].

Роль справочного отдела как зоны, где указываются варианты слова, находящиеся за рамками современной нормы («с иным напис., удар., произнош.»), усиливалась и по мере работы над словарем, и при дальнейшей корректировке концепции. Так, в программной статье Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова и К. С. Горбачевича, знаменующей начало работы над БАС-2, предлагается переносить в справочный отдел все ненормативные варианты слова (устаревшие, областные, просторечные и т. д.), которые ранее получали описание в самой словарной статье (см. [Филин и др. 1976: 11–16]).

Безусловно, справочный отдел в БАС содержит много ценной информации, но он предназначен, прежде всего, для специалистов, а не для основного адресата словаря — «массового интеллигентного читателя» [Филин 1963: 182]. Тем удивительнее наделение этой вспомогательной зоны словарной статьи едва ли не ведущей ролью в реализации ключевых, типобразующих принципов словаря — историзма и нормативности.

В цитированных выше статьях [Филин 1963] и [Виноградов 1966] подводятся итоги составления БАС-1. Подчеркивая огромную научную и общественную значимость словаря, авторы все же приходят к малоутешительным выводам. По мнению В. В. Виноградова, стремясь совместить историческое и нормативное начала, семнадцатитомный словарь не стал ни толково-историческим, ни нормативно-стилистическим, из-за чего даже «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [Виноградов 1966: 20–25]. Причиной тому стала попытка охватить слишком длительный промежуток времени с неоднократной сменой литературно-языковых норм, тогда как совмещение принципов историзма и нормативности в словаре возможно только на небольшом и стилистически однородном временном отрезке [Виноградов 1966: 8]. БАС-1 поставил перед научным сообществом новые задачи: в первую очередь, создание исторических и нормативно-стилистических словарей. При этом задача составления комплексного исторического словаря русского литературного языка XIX–XX веков «историческим бременем ложится на нас» [Виноградов 1966: 10].

Ф. П. Филин иначе расставляет акценты. Оставаясь верным своей позиции (высказанной в 1956 году) о том, что словарь должен, прежде всего, отражать современную литературно-языковую норму, он критикует БАС-1, в первую очередь, за то, что в нем нет «последовательно выдержанного принципа нормативности», тогда как именно составление нормативного словаря современного русского литературного языка является важнейшей задачей лексикографии [Филин 1963: 179–186]. Нормативность при этом понимается дидакти-

чески: «главное назначение словаря — быть высококачественным пособием для дальнейшего повышения культуры речи широких масс населения» [Филин 1963: 187]. (В скобках напомним, что именно от такого понимания нормативности уходил А. А. Шахматов, стремясь к созданию исторического тезауруса.)

Любопытно, что Ф. П. Филин не усматривает противоречия между понятием современного языка и традиционными хронологическими рамками словаря. Эту коллизию он предлагает разрешить подразделением лексики на постоянный и переменный словарный состав. «Все, что является устойчивым на протяжении истории литературного языка от Пушкина до наших дней, должно войти в словарь. <...> Все, чего нет в современном языке, что не соответствует его нормам, <...> в словарь не помещается, даже если определенные слова, значения слов, словосочетания, употребления слов и т. п. имеются в произведениях классической литературы» [Филин 1963: 186]. Таким образом предлагалось исключить из словаря все устаревшее, «отжившее» и насытить его современными языковыми фактами. Эта идея не была реализована на практике, а позиция Ф. П. Филина, продолжившего руководить словарной работой в Академии наук, впоследствии, при разработке концепции БАС-2, была скорректирована и приближена к «Инструкции...» 1958 года.

5. Дальнейшая история БАС связана с усилением нормативного начала. Было принято решение о переиздании БАС-1, основная цель которого — «дать широкому читателю словарь, раскрывающий образцовые нормы современного литературного словоупотребления, словарь — сокровищницу лексики русского языка, справочник, призванный помогать читателю правильно понимать произведения русской литературы от Пушкина до наших дней, хорошее пособие по культуре речи» [Филин и др. 1976: 5]. По существу, теоретической базой словаря осталась «Инструкция...» 1958 года. Предполагалось усовершенствовать семнадцатитомный словарь путем актуализации словника, исправления ошибок и неточностей, унификации разработки однородных языковых явлений, уточнения стилистических оценок. Усиление принципа нормативности должно было состоять в переоценке вариантов слов, которые ранее трактовались как равноценные, а также в пересмотре цитатного материала и исключении слов и значений, подтверждаемых лишь единичными иллюстрациями (подробнее см. в статье [Филин и др. 1976: 11–16] и во введении к словарю [БАС-2, I, 8–9].)

В 1991–1994 годах вышли первые 6 томов БАС-2 (в 5 книгах), после чего издание по финансовым и организационным причинам было остановлено. Вышедшие тома очень важны, так как в них осуществлена переработка первых четырех томов БАС-1, вызвавших в свое время серьезную критику. Более того, составителям БАС-2 пришлось перерабатывать тома на буквы А–Е с алфавитно-гнездовым расположением слов. Несмотря на глубокое переосмысление семантики многих слов с учетом современного состояния теории лексикографии, в части соотношения историзма и нормативности переделка носила скорее «косметический» характер.

Рассмотрим два примера.

БАС-1

ГАЛЕРЁЯ. 1. Длинный крытый, иногда застекленный проход, переход; проход под навесом вдоль стены дома. <Цитаты: Л. Толстой, Гоголь>

◆ Длинное, узкое, открытое с боков или застекленное строение отдельно от жилья, предназначенное для прогулок, отдыха и т. п. <Цитата: Лермонтов>

◆ Длинный узкий проход, соединяющий два пункта (при устройстве горных дорог, в подземных ходах при горных работах и т. п.). <Цитата: В. Лидин> □ *Воен.* Минная галерёя — подземный ход к месту закладки мины.

2. В театральных залах верхние ярусы с дешевыми местами для публики. <Цитаты: Мамин-Сибиряк, Пушкин>

3. Помещение для выставки произведений искусства. <Цитата: Тургенев>

◆ Художественный музей, собрание произведений искусства, преимущественно живописи и ваяния <Цитата: Чернышевский>

◆ Переносно. Длинный ряд, перечень чего-либо. О ряде художественных образов, типов, картин и т. п. в литературных произведениях и произведениях изобразительных искусств. *Галерея гоголевских типов.* <Цитата: И. Гончаров> [БАС-1, III: 22–23]

БАС-2

ГАЛЕРЁЯ. 1. Длинный и узкий крытый коридор или балкон вдоль стены здания. <Цитаты: И. Гончаров, Н. Тихонов и др.>

□ *Устар.* Галлерёя. <Цитата: Гоголь>

// Крытый переход, соединяющий отдельные здания или части одного здания. <Цитаты: Л. Толстой, Грабарь>

// Длинный проход, коридор, соединяющий помещения внутри здания; длинная комната, зал со сплошным рядом больших окон в одной из продольных стен. <Цитаты: Гиляровский, А. Игнатъев>

// Длинное строение с застекленными стенами или открытое с боков, служащее для прогулок, отдыха на воздухе и т. п. <Цитата: Лермонтов>

// *Устар.* Крытая прогулочная палуба вдоль бортов судна. <Цитаты: Г. Успенский, Горький>

2. *Устар.* Верхний ярус в театре, цирке и т. п. <Цитаты: Пушкин, Мамин-Сибиряк>

// Балкон в верхней части большого зала; хоры. <Цитаты: Греч, Г. Успенский>

3. Подземный ход, служащий для производственных, военных и т. п. целей. *Водосборные галереи.* <Цитаты: Чернышевский, Сергеев-Ценский>

4. Специальное помещение, в котором размещены для обозрения произведения искусства; художественный музей. <Цитаты: Лесков, Поленов, Н. Телешов>

// Собрание, коллекция произведений искусства. <Цитаты: Пушкин, Шулейкин>

5. *Перен.* Последовательный ряд, вереница образов, типов и т. п. <Цитаты: И. Гончаров, В. Катаев> [БАС-2, III: 24–25]

Семантическая структура слова *галерея* представлена в БАС-2 более дифференцированно. С большей точностью выделены оттенки первого значения, один из оттенков вынесен в отдельное третье значение (судя по всему, в связи с функциональной сферой его употребления — производство, военные действия), переносный оттенок также получил самостоятельный статус. Кроме того, логично перегруппированы иллюстрации, добавлены новые, более современные при-

меры. Характерно добавление пометы *устар.* ко второму значению (что подтверждается иллюстративным материалом: все цитаты из XIX века) и добавление нового устаревшего оттенка к первому значению. Любопытно в связи с этим перенесение оттенка 'строение для прогулок' со второго на предпоследнее место: возможно в связи с тем, что он мыслился как устаревающий (единственная цитата из Лермонтова взята из БАС-1). В то же время два решения, как кажется, противоречат декларируемому примату нормативности: второе значение (*устар.*) не отнесено в конец словарной статьи, а устаревший и ошибочный с точки зрения современной нормы вариант написания *галерея* приводится за «шпалой» (□) в первом значении, а не только в справочном отделе.

БАС-1

ЗАКА́З. 1. Поручение изготовить, исполнить, доставить что-либо. <Цитаты: Чернышевский, Г. Успенский, Рылов и др.>

2. *Разг.* Вещь, сделанная по заказу. <Цитаты: Куприн, Короленко>

3. *Простореч.* Запрет, запрещение. <Цитаты: Мельников-Печерский, Л. Толстой>

4. *Обл.* Лесной участок, в котором запрещена рубка, охота; заказник. <Цитата: Тургенев> [БАС-1, IV: 487–488]

ЗАКА́ЗЫВАТЬ. 1. Поручать изготовить, исполнить, доставить что-либо. <Цитаты: Пушкин, Чехов, Горький>

2. *Простореч.* Приказывать, велеть. <Цитаты: Н. Успенский, Первенцев, Осеева>

3. *Простореч.* Запрещать, не позволять. <Цитаты: Батюшков, Салтыков-Щедрин, Н. Островский> ♦ *З а к а́ з ы в а т ь, з а к а з а т ь* путь, дорогу. <Цитаты: Кольцов, Некрасов, Лебедев-Кумач> [БАС-1, IV: 489–490]

БАС-2

1. ЗАКА́З. 1. Поручение изготовить, исполнить, доставить что-л. <Цитаты: Чернышевский, Рылов и др.>

2. *Разг.* Заказанная вещь <Цитаты: Куприн, Короленко>

2. ЗАКА́З. 1. *Устар.* и *прост.* Запрет, запрещение. <Цитаты: Мельников-Печерский, Л. Толстой>

2. *Обл.* Лесной участок, в котором запрещена рубка, охота; заказник. <Цитата: Тургенев> [БАС-2, V–VI: 356]

1. ЗАКА́ЗЫВАТЬ. 1. Поручать изготовить, исполнить, доставить что-л. <Речения; цитаты: Пушкин, Горький>

2. *Устар.* и *прост.* Давать наказ, наставление; велеть. <Цитаты: Лермонтов, Н. Успенский, Осеева>

2. ЗАКА́ЗЫВАТЬ. 1. *Устар.* и *прост.* Запрещать. *Людям, едуцим с братом, именем моим закази пить и скажи, чтобы вели себя исправно.* Батюшков. [Корчагин] *говорил ей ласково, успокаивающе: — Чего ты боишься?.. Спи спокойно. В нашу жизнь чужим вход заказан.* Н. Островский. — *Так что же, Сережа, сына отдашь в морское? — Капитан ответил не сразу. — Советовать не посоветую, а заказывать тоже не стану.* Л. Гумилевский. ♦ *З а к а́ з ы в а т ь, п у т ь, п у т и, дорогу кому-л.* <Цитата: Кольцов> [БАС-2, V–VI: 357–358]

В данном случае исправлена ошибка семнадцатитомного словаря, для первых томов которого были характерны неточности при различении омонимии и полисемии (об этом писал еще В. В. Виноградов в 1956 году). Кроме того, омонимы с семантикой запрета охарактеризованы как устаревшие, что вы-

зывает некоторые сомнения (особенно у глагола): даже если согласиться с характеристикой «прост.», представляется, что ее можно распространить здесь и на цитаты из XIX века и таким образом избежать двойной пометы.

Помимо прочего, при разработке концепции БАС-2 был выдвинут принцип экономии цитатного материала. В частности, нецелесообразным полагалось сопровождать каждое слово и значение двумя-тремя иллюстрациями (как это было принято в БАС-1). «Для многих общеупотребительных слов в их исходных значениях <...> достаточно одной хорошо подобранной цитаты, а в целом ряде случаев необходимо ограничиваться сочетанием (речением) <...>. Во многих случаях цитата и речения и вовсе не нужны» [Филин и др. 1976: 18–19]. Заметим, что схожие предложения были внесены ранее А. П. Евгеньевой, критиковавшей печально знаменитые речения в IV томе БАС-1 (типа: *Дачники блаженствовали. Пол заслезивается сапогами* и т. п.) [Евгеньева 1957: 173]. Аргументами в пользу такого подхода были и искусственность речений, и перегрузка словарной статьи, усложняющая ее восприятие; немаловажным аспектом была и экономия пространства на листе бумаги.

На самом деле, все это не вполне убедительно. Если цитата или речение плохи, нужно найти более подходящие, а не отказываться от них вовсе (а если найти невозможно, то существует ли действительно данное слово в реальной речевой практике?). Понятно, что лексикографы XX века были ограничены картотечкой, у них не было под рукой цифровых текстовых баз, которые есть сегодня. Тем удивительнее сохранение установки на экономию цитат в современном словаре, ср.: «Мы не считали нужным искусственно осовременивать словарь (БАС-3. — *Р. В.*), давая, например, цитаты из произведений, появившихся в самые последние годы. При наличии хороших примеров, относящихся ко второй половине XX в., в этом, на наш взгляд, не было необходимости» [Кругликова 2012: 190].

Характерно, что экономия цитат в словаре, который заявлен как словарь современного русского языка, осуществляется, в основном, за счет цитат последнего времени. Научное обоснование такого подхода находим в статье Ю. С. Сорокина о задачах создания нормативно-стилистического словаря: «Нормы и живые особенности современного словоупотребления исторически складывались непрерывно и постепенно. Одни из них вполне совпадают с исторической традицией, другие оказались в определенный момент сдвинутыми и измененными. В случае нормативного словаря интересует не то, как, когда и при каких условиях они сложились, а то, что они есть (разрядка автора. — *Р. В.*), существуют, действуют» [Сорокин 1967: 27]. Согласимся, что в нормативном словаре цитата из Пушкина или Чехова, отражающая неизменную норму, вполне может быть актуальной и для современного состояния лексико-семантической системы. Однако БАС-2 и БАС-3 — это синкретичные словари, сочетающие нормативность с историзмом, и последовательный отказ от современных иллюстраций в значительной степени их обедняет.

Задуманный как качественно новый лексикографический продукт, БАС-2 все же не стал новой страницей в отечественной лексикографии. Эту роль должен был принять на себя БАС-3, издание которого началось в 2004 году. Однако и здесь не случилось прорыва. При том, что новый словарь фиксирует мно-

жество новообразований последнего времени и в большинстве случаев учитывает специфику современной языковой нормы (подробно и с массой примеров об этом рассказано в статье [Кругликова 2012]), — концепция словаря осталась неизменной: она базируется на «Инструкции...» 1958 года. Ключевым отличием БАС-3 от предшественников является протяженность исторического периода: если в БАС-1 она составляла 150 лет, то сейчас — уже более 200. Кроме того, современному словарю приходится отражать актуальное состояние русского литературного языка, характеризующееся взаимопроникновением разных лексико-семантических субстратов: книжного, разговорного, узкоспециального, диалектного, жаргонного и т. д. Стремясь отразить современную языковую ситуацию путем включения новых материалов, БАС-3 в чем-то приближается к шахматовской концепции исторического тезауруса [Пурицкая 2015: 955]. И конечно, это еще сильнее обостряет проблему соотношения историзма и нормативности, которая за полвека так и не была решена. Все то, за что критиковали БАС-1: слабая стилистическая квалификация, нарушение исторической и логико-деривационной перспективы в построении семантической структуры слова, размытость нормативных характеристик и т. д. — все это усугубляется с расширением хронологических рамок и увеличением описываемого материала.

Безусловно, БАС-3 станет значительным произведением отечественной лексикографии, главным словарем русского языка нашего времени, но он будет так же противоречив и подвержен многим недостаткам, как и его предшественники. В Предисловии к первому тому БАС-3 сказано: «БАС завершает огромный этап в истории создания толковых словарей современного русского языка и одновременно открывает новые пути к размышлениям над перспективами академической лексикографии XXI века» [БАС-3, 1, 6]. Об этих перспективах и настало время задуматься.

II

1. История трех больших академических словарей русского языка убедительно продемонстрировала крайнюю противоречивость и практическую трудность совмещения принципов историзма и нормативности в одном лексикографическом издании. Несмотря на то что во всех установочных текстах (проектах, инструкциях, предисловиях и т. д.) декларировался примат современной нормы над показом исторических форм и значений, сам языковой материал (равно как и интуиция лексикографов) часто подсказывал другие решения. Во всех трех словарях представлена масса исторического материала, имеется много удачных примеров исторического описания семантики слова, большое внимание уделено справочному отделу, где сосредоточены сведения об истории словарной фиксации слов и динамике орфографической и грамматической нормы. Историзм, декларативно вынесенный на периферию концепции словаря, фактически стал конституирующей чертой лексикографического *типа* (ср. хотя бы формулировку С. И. Ожегова). Это говорит о том, что будущее большого академического словаря, так же, как и его прошлое и настоящее, лежит на пересечении исторического и нормативного начал, и проблема их соотношения не может быть решена путем

отсечения одной из составляющих. Важнейшая задача, стоящая перед лексикографическим сообществом, — найти необходимую пропорцию.

Далее будет представлен ряд предварительных соображений на данную тему. Подчеркнем, что это чисто теоретическое видение проблемы, не подкрепленное пока реальной лексикографической практикой. Мы отдаем себе отчет в том, что выдвигаемые положения могут быть скорректированы.

2. Основополагающей дихотомией в западной теории лексикографии является оппозиция *прескриптивного* и *дескриптивного* словаря. Издания первого типа предписывают «правильное» употребление языковых средств, а словари второго типа описывают словарный запас того или иного сообщества. При этом усилия лексикографов (во всяком случае в англоязычной традиции) сконцентрированы на создании дескриптивных словарей, не навязывающих пользователям субъективных установок составителей [Atkins, Rundell 2008: 2] (о применении оппозиции дескриптивного и прескриптивного словаря к словарям русского языка см. [Кругликова 2015, Васильев 2017]). В отечественной традиции важнейшей лексикографической дихотомией, характеризующей словари с точки зрения нормативности, является противоположение *академического*, или *нормативного*, словаря и *словаря-справочника*, обоснованное Л. В. Щербой. Иногда между двумя этими дихотомиями ошибочно ставится знак равенства, тогда как на самом деле идея Щербы имеет принципиальное отличие.

Лучше всех объяснил это отличие сам автор идеи: «Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [Щерба 1974: 276]. Получается, что и нормативный («академический») словарь, и словарь-справочник в сущности являются описательными (дескриптивными). Их различие более глубоко: если первый описывает словарный состав как систему, которой соответствует «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», то второй представляет собой «собрание слов, так или иначе отобранных, которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности». При этом необходимо составлять словари обоих типов, а «если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» [Щерба 1974: 270–276].

Легко заметить, что концепции всех трех больших академических словарей опираются на идею Л. В. Щербы: описывая лексическую систему современного русского литературного языка, они в то же время являются «справочниками при чтении русской литературы XIX–XX веков» [БАС-3, 1, 6]. К сожалению, как было показано выше, этот компромисс не выдержал испытания практикой. Словари декларировались как нормативные (иногда даже с усилением прескриптивного компонента, ср. у Ф. П. Филина: словарь как пособие по культуре речи [Филин 1963, Филин и др. 1976]), но в реальности часто тяготели к историческим справкам. Согласно щербовскому представлению о нормативном словаре, который «основывается на рассмотрении языка в синхронном

плане» [Сорокин 1967: 25], к нему в равной мере принадлежит и современная литература, и тексты пушкинской эпохи, так как словарный запас современника определяется «кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе» [Щерба 1974: 271]. Эти произведения составляют неотъемлемый культурный багаж современника и в начале XXI века, но такое удлинение исторического отрезка (с момента первой публикации статьи Щербы (1940) прошло уже 80 лет) совершенно точно не позволяет больше говорить о синхронии.

Означает ли это, что большой академический нормативный словарь, построенный на материалах, относящихся к периоду «от Пушкина до наших дней», сегодня уже невозможен? На наш взгляд — нет, не означает. Такой словарь возможен и необходим, но с одним очень значимым изменением в концепции.

И здесь нужно определиться с понятием историзма. По Л. В. Щербе, «историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи». Однако это осложняется тем, что «слова каждого языка образуют систему», и «исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом» [Щерба 1974: 303–304]. Более подробно идея историзма раскрывается В. В. Виноградовым: исторический словарь должен отразить «изменения в исходной лексической системе, т. е. случаи отмирания слов и выражений, способы образования и функционирования новых слов, перегруппировки семантических рядов и групп слов, сдвиги в синонимических соотношениях слов и выражений, пути развития и утраты омонимических явлений, стилистические колебания и взаимодействия, перемещения в семантической структуре слов и т. п. Все это должно найти и системно-динамическое, и историко-хронологическое выражение» [Виноградов 1966: 9–10].

Получается, что в историческом словаре должна быть показана динамика лексико-семантической системы, определяемая сменами литературно-языковых норм. От Пушкина до наших дней произошло несколько таких смен (по В. В. Виноградову, по крайней мере, три [Виноградов 1966: 25], но очевидно, что на сегодняшний день уже больше). Поэтому не вызывает сомнения, что словарь большого типа, описывающий этот отрезок времени, непременно должен быть историческим, принцип историзма не может быть вынесен на периферию и сведен до уровня «справок». В то же время такой словарь должен остаться академическим, т. е. нормативным, с той только разницей, что он будет описывать не одну лишь современную норму, а несколько норм, исторически сменяющих друг друга. **Историзм академического толкового словаря большого типа будет состоять в описании последовательной смены литературно-языковых норм.** В отношении словарной типологии такой словарь будет а) дескриптивным, б) историческим и в) нормативным (или, по Л. В. Щербе, академическим).

Безусловно, эту идею нельзя расценивать как новую для академической лексикографии. Судя по всему, наши предшественники так или иначе стремились именно к такому пониманию задач словаря. А. А. Шахматов решительно отказался от прескриптивного подхода, но зашел слишком далеко в расширении объекта описания (неслучайно шахматовскую редакцию «Словаря русского языка» Л. В. Щерба

приводит как пример словаря-справочника [Щерба 1974: 266]). Все дальнейшие словари большого типа вольно или невольно тяготели к историческому описанию русской лексики, но, так как главный концептуальный акцент ставился на описании современной нормы, многие лексикографические решения были противоречивы и непоследовательны. Представляется, что лексикографы XX века оказались в плену у идеи современности — как в силу насущных запросов общества (потребность в словаре современного русского литературного языка), так и (во всяком случае на начальном этапе) под давлением идеологии (запрос на отражение в словаре «прогрессивных» начал эпохи «победы социализма» [Проект 1938] и подчинение исторического материала этой задаче).

Сегодня стало очевидно, что с удлинением описываемого исторического отрезка, которое происходит с каждой новой итерацией словаря, рассматривать ход развития литературно-языковой нормы ретроспективно (т.е. с позиций современности) становится все сложнее и сложнее, и вряд ли вообще это целесообразно. Поэтому будущий большой академический словарь должен стать не словарем современного русского литературного языка, а словарем русского литературного языка Нового времени: в нем должен быть представлен не ретроспективный, а перспективный взгляд на историю изменения лексической системы. Его составители должны смотреть на лексику не с позиции современности, а с позиции поочередно сменяющихся друг друга литературно-языковых норм.

В. В. Виноградов полагал, что словарь, органично сочетающий историческое и нормативное начала, «может охватывать лишь не очень длительный промежуток времени, в течение которого не происходило частой и множественной смены лексических систем, а также резких преобразований стилей литературного языка» [Виноградов 1966: 8]. В хронологическом отрезке «от Пушкина до наших дней» — целый ряд таких промежутков, каждый из которых может представлять один из *нормативных периодов*, подлежащих описанию в новом словаре. Главным признаком такого нормативного периода является относительная стабильность литературно-языковой нормы на всем его протяжении. И, разумеется, должна быть поставлена проблема периодизации: сколько таких периодов можно выделить и каковы их хронологические границы?

Важно подчеркнуть, что речь не идет о составлении нескольких нормативно-исторических словарей и их механическом соединении. Напротив, новый академический словарь должен стать органичным вместилищем всего этого лексикографического конгломерата, скрепленного кристаллической решеткой метаязыка и выстроенного в соответствии с однажды избранными структурными принципами. Без сомнения, разработка архитектуры будущего словаря является самой сложной задачей из всех, которые предстоит решить. Конструкция словаря должна быть одновременно монолитной и гибкой, она должна обеспечивать незыблемость концепции, но в то же время предоставлять возможность творческой интерпретации языкового материала. До сих пор эта задача была принципиально неразрешимой, но в сегодняшней технологической реальности решение, по нашему глубокому убеждению, может быть найдено.

3. Новый академический словарь будет существовать в электронной форме. Многотомные печатные справочные издания уже сегодня не вполне соот-

ветствуют запросам общества, и еще менее они будут востребованы через несколько десятилетий. Электронная форма словаря обеспечит ему не только близость к пользователям, но и необходимую структурную гибкость, маневренность, возможности пополнения, корректировки и комбинирования в режиме реального времени. При этом важно понимать, что электронной станет не только конечная форма представления словаря, но и сам процесс его составления: он будет осуществляться в специально разработанной программной среде с архитектурой, отвечающей принятой словарной концепции и обеспечивающей единообразие и структурную целостность конечного продукта. Судя по всему, промежуточным итогом составительской работы будет особым образом организованная база данных, которая затем по заранее заданным алгоритмам будет преобразовываться в словарь, доступный пользователям.

Каркасом этой базы данных (как и словаря в целом) должна стать система лексикографической разметки. Она будет выполнять функцию, схожую с функцией системы помет в традиционном словаре, но в отличие от последней, должна обладать свойствами предельной строгости и непротиворечивости.

Так, прежде всего, необходимо будет отказаться от пометы *устар.* (и ее разновидности *устаревающее*). Эта помета включает в себе не абсолютную, а относительную характеристику и подходит для нормативно-стилистического словаря современного русского языка, где с ее помощью маркируются архаизмы. Однако в словаре, описывающем целый ряд нормативных периодов, каким, по нашему мнению, должен стать новый академический словарь, хронологическая характеристика приобретает первостепенное структурное значение и поэтому должна быть только абсолютной. Вместо пометы *устар.* должно быть введено несколько хронологических помет, однозначно относящих описываемую единицу к тому или иному нормативному периоду.

Таким образом, *хронологическая характеристика* представляет собой верхний уровень системы лексикографической разметки. Ей подчинена *нормативно-стилистическая характеристика*. Это подчинение строится по принципу инклюзивности: то есть радиус действия любой стилистической пометы не может выйти за рамки, очерченные пометой хронологической. При этом сам по себе вопрос о стилистической характеристике лексики в словаре чрезвычайно сложен и многогранен, и мы еще очень далеки от его решения. На самом предварительном этапе можно предложить следующее.

Одним из аспектов критики БАС было отсутствие указаний на характер употребительности слова: в словаре нередко одинаково трактуются частотные и малоупотребительные слова или же слова, относящиеся к разным функциональным сферам речевой деятельности. Еще одним общим местом было указание на слабую стилистическую квалификацию лексики (об этом см. в первой части настоящей статьи). Ю. С. Сорокин, намечая перспективы создания нормативно-стилистического словаря русского языка, так сформулировал задачу разработки системы стилистических характеристик: «Нам представляется, что в основу этих характеристик должен быть прежде всего положен принцип функциональных различий в литературном языке. Шире и тоньше должны быть выделены различные типы стилистической тональности слова, связанные во

многим с особой экспрессией (разрядка наша. — Р. В.)» [Сорокин 1967: 31]. Этими задачами, на наш взгляд, должны определяться основные векторы нормативно-стилистической характеристики лексики в новом словаре.

Так, можно выделить два уровня: *функционально-стилистический*, где каждая единица описания будет маркироваться с точки зрения ее употребительности, и *экспрессивно-стилистический*, где будут указываться стилистические тональности слова. К первому уровню следует отнести такие характеристики, как «общеупотребительное» (с подразделением на «частотное» и «редкое») и «с ограниченным употреблением» (с дальнейшим указанием на функциональную сферу, например: «специальное», «жаргонное» и т. д.). На втором уровне единицы описания будут получать такие характеристики, как «нейтральное», «сниженное», «высокое», «архаическое» (пометой *арх.* можно заменить исключаемую помету *устар.* — для обозначения архаизмов в рамках того или иного нормативного периода) и т. д. Не совсем пока понятно, к какому из уровней отнести пометы *разг.* и *прост.*: они характеризуют и сферу употребления слова, и его экспрессивные коннотации. Разработка системы нормативно-стилистических помет должна стать одной из приоритетных задач, при этом чрезвычайно важно, чтобы каждая помета была предельно точной и соответствовала единственной характеристике описываемой единицы.

Как компоненты системы лексикографической разметки данные пометы (и хронологические, и нормативно-стилистические) отличаются от помет, традиционных для бумажной лексикографии. Это даже не столько пометы, сколько «теги», т. е. метки, присваиваемые каждой единице описания. При этом под единицей описания понимается не только слово, но и каждая структурная единица словарной статьи: значение, оттенок, устойчивое сочетание, грамматическая характеристика, варианты произношения и написания и т. д. Каждой такой единице в словарной базе данных должен сопутствовать целый «шлейф» тегов, дающий ей исчерпывающую хронологическую и нормативно-стилистическую характеристику. При этом важно подчеркнуть, что конечный пользователь словаря, скорее всего, не увидит все эти теги. Так, если на протяжении всех нормативных периодов какая-либо единица сохраняет одинаковые свойства, то в конечном представлении словаря эти свойства будут обозначены однажды, а не для каждого периода по отдельности.

Пометы-теги будут выполнять не только функцию характеристики лексики, но также смогут служить фильтрами для пользовательского поиска. Например, выполнив поиск по хронологической помете, относящей единицу описания к текущему нормативному периоду, пользователь сможет получить описание словарного состава современного русского языка. Сейчас, разумеется, сложно представить, как это будет выглядеть в действительности, и поэтому вряд ли можно утверждать, что подобными фильтрами будут служить любые теги, но принципиальная возможность такого их использования не вызывает сомнений.

Важнейшим в плане соотношения нормативности и историзма является также вопрос о построении семантической структуры слова. На данном этапе здесь очевидно только одно: порядок размещения значений многозначного слова в новом академическом словаре должен быть хронологическим. Это — необходимое след-

ствие «перспективного» взгляда на историю русского литературного языка Нового времени. В то же время хронологический принцип здесь должен быть увязан с логико-деривационным. Теоретически эти принципы не противоречат друг другу: семантическая деривация осуществляется во времени, а значит соответствует исторической логике. Однако в практическом плане все не так однозначно. В частности, как поступать с «тупиковыми ветвями» семантического развития слова? Это значения, актуальные только в ранних нормативных периодах и не ставшие мотивирующей базой для современных значений (см. примеры из первой части статьи: *поверхность, тешишься*). Хронологический принцип требует их помещения в начале словарной статьи, но в таком случае будут нарушены прямые логические связи в отражении семантической эволюции слова.

Решение этого вопроса так или иначе должно быть найдено, хотя для этого, конечно, потребуются новые теоретические исследования семантической структуры слова и принципов ее лексикографической интерпретации. Кроме того, принцип хронологического расположения значений потребует серьезных размышлений над семантической историей каждого помещаемого в словарь слова. Историзм здесь не может определяться только лишь датировкой подобранных цитат. Поэтому одной из важнейших задач, которые необходимо решить на этапе подготовки к созданию нового словаря, должна стать аккумуляция и систематизация всех имеющихся в научном обороте материалов по истории слов и выражений.

Размышляя о подготовке к созданию нового академического словаря, А. С. Герд выдвинул идею шести взаимосвязанных автоматизированных корпусов, которые должны лечь в основу работы лексикографов. Это (1) корпус БАС-3 в его неизменном виде, (2) корпус дополнений к БАС-3, (3) корпус откликов и замечаний читателей словаря, (4) корпус текстовых источников, (5) корпус истории слов и (6) корпус библиографии [Герд 2013: 136]. Формирование и организация работы этих корпусов является важнейшей предпосылкой для создания нового академического словаря. Но необходимо добавить к этому еще один, едва ли не самый важный фактор: фундаментом словаря должна стать тщательно продуманная концепция. В отличие от концепций предыдущих академических толковых словарей большого типа, концепция нового словаря не может более быть декларативной, она должна базироваться на многолетней подготовительной словарной работе.

Подводя итоги составления БАС-1, В. В. Виноградов подчеркивал, что хотя словарь и не стал в полной мере ни толково-историческим, ни нормативным, он все же значительно обогатил и русскую лексикографию, и вообще науку о русском литературном языке. Важнейшим итогом стало то, что словарь «выдвинул перед нами новые задачи — создание исторических и нормативно-стилистических словарей» [Виноградов 1966: 25].

За прошедшие годы в этих двух направлениях сделано очень много. В Институте лингвистических исследований завершается составление «Словаря

русского языка XVIII века», готовится к изданию «Словарь русского языка XIX века», через какое-то время со всей очевидностью будет поставлена задача разработки словаря русского языка XX века. С другой стороны, у нас много изданий, описывающих современную литературную норму. Это и многократно переизданный словарь С. И. Ожегова, а затем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, и Малый академический словарь, который сегодня обретает новую жизнь в «Академическом толковом словаре русского языка» (проект Института русского языка им. В. В. Виноградова), и «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, и принципиально новый по концепции «Словарь русского языка XXI века», разрабатываемый коллективом лексикографов под руководством Г. Н. Складневской.

Все это многообразие может привести к простой мысли: а действительно ли нам нужен новый академический толковый словарь большого типа, раз уж он оказался настолько противоречивым в своих фундаментальных основах?

По нашему глубокому убеждению, такой словарь совершенно необходим; более того, именно он должен стать организующим центром всей системы словарей русского языка. Конечно, необходимо провести капитальную ревизию его концепции и выполнить огромный объем подготовительной работы. Итогом должен стать электронный словарь, рассчитанный на максимально широкого пользователя, предоставляющий ему всестороннюю информацию о лексике и фразеологии русского литературного языка Нового времени — эпохи, через свои тексты определяющей национальное самосознание современника. Создаваемые сегодня исторические словари русского языка — это, прежде всего, издания для специалистов, а словари, нацеленные на отражение современной нормы, не могут дать такую глубокую и многогранную историческую и стилистическую перспективу. Новый академический толковый словарь большого типа призван донести до массового читателя ту сокровищницу смыслов и форм их выражения, которую представляет собой словарный состав русского литературного языка.

Безусловно, такая масштабная задача не под силу малому научному коллективу. Для ее реализации потребуются общие усилия ряда лексикографических центров, как академических, так и работающих в рамках других институций. Остается надеяться, что такое сотрудничество окажется плодотворным.

Литература

- Ахманова и др. 1956 — *Ахманова О. С., Виноградов В. В., Иванов В. В.* О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии // *Вопросы языкознания*. 1956. №3. С. 3–24.
- Бабкин 1955 — *Бабкин А. М.* Лексикографические заметки // *Вопросы языкознания*. 1955. №2. С. 90–97.
- Бархударов 1957 — *Бархударов С. Г.* Русская советская лексикография за 40 лет // *Вопросы языкознания*. 1957. № 5. С. 31–45.
- БАС-1 — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1–17.* / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

- БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1–6. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Рус. яз., 1991–1994.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- Васильев 2017 — *Васильев Н. Л.* Возможен ли *идеальный* толковый словарь: дескриптивность vs нормативность // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. №3. С. 23–29.
- Виноградов 1956 — *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 80–94.
- Виноградов 1966 — *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. №6. С. 3–26.
- Герд 2013 — *Герд А. С.* Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX, ч. 2. С. 131–137.
- Евгеньева 1957 — *Евгеньева А. П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 167–177.
- Земская 1956 — *Земская Е. А.* О состоянии работы над четырнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 95–101.
- Земская, Ковтунова 1958 — *Земская Е. А., Ковтунова И. И.* Рец. на кн.: «Словарь современного русского литературного языка». Тт. V и VI // Вопросы языкознания. 1958. №2. С. 135–140.
- Инструкция 1958 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / Ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- История 1998 — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998.
- Ковтунова 1956 — *Ковтунова И. И.* Обсуждение IV тома «Словаря современного русского литературного языка» // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 102–106.
- Кругликова 2012 — *Кругликова Л. Е.* «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rusística Española. 2012. №8. С. 177–198.
- Кругликова 2015 — *Кругликова Л. Е.* Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 963–970.
- Никитин 2012 — *Никитин О. В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ, 2012.

- Ожегов 1952 — *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. №2. С. 85–104.
- Приемышева 2015 — *Приемышева М. Н.* Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 887–909.
- Приемышева, Стукова 2018 — *Приемышева М. Н., Стукова Е. Г.* У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей / ИЛИ РАН; отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемышева, Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 18–28.
- Приемышева, Стукова 2020 — *Приемышева М. Н., Стукова Е. Г.* Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. №17. С. 195–212.
- Проект 1938 — Проект Словаря современного русского литературного языка / Отв. ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- Пурицкая 2015 — *Пурицкая Е. В.* «Большой академический словарь русского языка»: шахматовские идеи и литературный язык нашего времени // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 955–962.
- Сорокин 1967 — *Сорокин Ю. С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. №5. С. 22–32.
- Филин 1963 — *Филин Ф. П.* О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1963. Т. XXII. Вып. 3. С. 177–189.
- Филин и др. 1976 — *Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Горбачевич К. С.* О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» (в семнадцати томах) // Вопросы языкознания. 1976. №3. С. 3–19.
- Чернышев 1970 — *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка. // Чернышев В. И. Избранные труды. Т. I. М.: Просвещение, 1970. С. 342–350.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
- Atkins, Rundell 2008 — *Atkins B. T. S., Rundell M.* The Oxford guide to practical lexicography. New York: Oxford University Press, 2008.

Roman Vorontsov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**THE *GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE*:
PRINCIPLES OF NORMATIVITY AND HISTORICISM RE-EXAMINED**

Abstract. The article is dedicated to an issue well-known and well-discussed within the scope of the Russian lexicography: this is the problem of the so-called *great explanatory dictionary* lexicographic type. The essential feature of this kind of dictionary is combination of the normative description of the modern Russian lexical and phraseological system with the demonstration of its historical dynamics. The author provides a general view to the existing theoretical approaches to the problem as well as the ways of their practical realization. Although the problem of combining normativity and historicism in a single dictionary has been handled for a long time, it has not been resolved so far. The author brings forward some preliminary considerations that may be helpful in searching for a solution. An important prerequisite to it is the fact that the future great academic explanatory dictionary of the Russian language will be definitely represented in an electronic, rather than printed, form.

Keywords: Russian lexicography, modern Russian language, explanatory dictionary, Great academic dictionary of the Russian language, normativity, historicism, electronic dictionaries

Рената Беленчикова
Университет им. Отто фон Герике,
(Магдебург, Германия)

К ВОПРОСАМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ МАКРОСТРУКТУРЫ В «БОЛЬШОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» И В БОЛЬШОМ «РУССКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ»

Аннотация. «Большой академический словарь русского языка» (БАС) как самый большой современный толковый словарь является одним из важных источников для большого «Русско-немецкого словаря» (РНС). В статье выделяются новации словника БАС; представляется необходимым расширение словника РНС за счет специальной лексики, неологизмов, устаревшей лексики и др. сфер русской лексики, за счет пополнения гнезд и т. д. Рассматриваются некоторые вопросы макроструктуры и медиоструктуры (отсылочной системы) в обоих словарях.

Ключевые слова: толковый словарь, двуязычный словарь, словник, макроструктура, вокабула, омонимия, медиоструктура

1. Постановка вопроса

В нижеследующей статье рассматриваются некоторые аспекты лексикографической макроструктуры (словник, омонимия) и связанной с ней медиоструктуры (отсылочной системы) в двух самых больших современных словарях — «Большом академическом словаре русского языка» и издающемся в Германии «Русско-немецком словаре» (РНС). Концепция РНС была разработана в 1990-е годы при Майнцской Академии наук и литературы. Согласно этой концепции предполагался обширный словник: «РНС содержит большое количество слов и значений, которые до сих пор отсутствовали в общих русско-немецких словарях: так, ограничено учитываются русские неологизмы последних двух десятилетий 20 века; выборочно включены слова из социолектов и просторечия; в большом количестве представлены специальные слова и терминологические словосочетания их тех сфер, которые значимы для общезыковой коммуникации» [РНС 2003, т. 1: XXXIII].

При составлении такого словника русского языка в РНС (более 230 тыс. заголовочных слов) авторы РНС опирались на самые современные русские словари, в том числе на труды Института лингвистических исследований РАН:

«Новые слова и значения» (1971, 1984, 1997), позднее — на трехтомное издание «Новых слов и значений» (2009, 2014) [НСЗ-90] и, в особенности, на «Большой академический словарь русского языка» (БАС).

Указанный в РНС огромный объем заголовочных слов в сочетании с «глубиной» словарной статьи вызвал необходимость решать при разработке словарных статей многие проблемы лексикографической структуры, которые не имели места во всех предшествующих русско-немецких словарях.

В свою очередь, словник БАС включает более 150 тыс. слов русского языка классического и нового периодов (XIX–XXI века) и является самым обширным толковым словарем в настоящее время. Как и предшествующий ему ССРЛЯ (1948–1965), он отражает общенациональный литературный язык (ЛЯ) и является нормативным. В его Предисловии указывается, что «под нормой ЛЯ понимается относительно устойчивый способ выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закрепленный в лучших образцах литературы и предпочитаемый образованной частью общества» [БАС, т. 1: 3]. В словнике БАС учтена не только лексика предшествующих академических словарей, но «он содержит и широкие пласты сугубо современной обиходно-разговорной и специальной лексики», также он «включает большое число новых слов и тем самым резко отличается от всех словарей русского языка» [БАС, т. 1: 5].

Вместе с тем, представляя состав словника, авторы БАС указали на то, что их словарь «не ставит задачу исчерпывающего показа всей лексики русского литературного языка прошлого времени, а также всей современной лексики, в частности специальной терминологии и некоторых иных разрядов слов» [БАС, т. 1: 7].

2. РНС — особенности словника

В свою очередь, авторы РНС поставили при составлении словника задачу максимального представления для немецкого пользователя русской лексики в том числе и из узких сфер употребления и, в особенности, из целого ряда специальных сфер, которые, по мнению авторов РНС, относятся к рецептивной лексике большинства носителей языка и, наконец, в весьма ограниченной степени, некоторые слова из русской табуизированной лексики, которая не является таковой в немецком языке и интересна для пользователя.

При отборе для РНС и современной трактовке большой группы устаревших, устаревающих или редких слов и значений, которые встречаются в литературных или публицистических текстах XIX и XX веков, БАС является, наряду с Русско-немецким словарем Павловского и словарями старых и редких слов, самым компетентным источником. С учетом указанных источников в РНС объединены целые гнезда устаревшей лексики, напр.: *радѣть, радѣние, радѣтель, радѣтельница, радѣтельный* (все в [РОС, 617] и [БАС, т. 22: 62–64]), *порадѣть* ([РОС, 557], [БАС, т. 18: 743]), *радѣтельский* (только в [РОС, 617]). Другие лексемы этого гнезда слов, включенные в РНС, в БАС снабжены пометой *устар. прост.*: *радѣльный, радѣлец, радѣльник, радѣльница, радѣльщик, радѣльщица, радѣльник* [БАС, т. 22: 62–64].

В словник БАС впервые в русской академической лексикографии были включены те слои современной русской лексики, которые относятся к ограниченной сфере употребления, но все же встречаются в бытовой речи, в беллетристике и в научно-популярной литературе. Наряду со специальной лексикой и диалектизмами сюда относятся и жаргонизмы, большинство из которых маркируется пометой *прост.* или *разг.*, так как они уже перешли в «жаргонизированную разговорную речь» (В. М. Мокиенко), напр., *домушник, домушница, домушничать* (все *разг.*), *кайф, кайфовальщик, кайфовальщица, кайфовать* (все *разг.*), *кайфовый, кайфово, долбёжка (1), жлоб, жлобство, жлобский, балдеть, балдёж, отморозок* (все *прост.*). Далее, в словник БАС вошло большое количество неологизмов последних четырех десятилетий и реактивизированных лексем, в частности, значительное количество религиозной лексики, напр., *божница (1, 2), греховный, греховность, новомученик, конфессия*. Но БАС отказался, по определенным причинам, включить в еще большем количестве специальную лексику, следуя при этом русской лексикографической традиции. Эта лакуна заполняется в русской лексикографии огромным количеством одноязычных специальных словарей, которые призваны отражать полноту современного русского языка.

В противоположность этому, словник РНС объединяет в одном труде различные сферы заголовочных слов. Сверх нормативного состава лексики, представленного в БАС, словник РНС расширился по разным направлениям:

На основе различных одно- и двуязычных словарей после проверки употребления словообразовательные гнезда были дополнены производными лексемами (в частности, это наименования лиц женского пола, относительные прилагательные, отглагольные и отадективные отвлеченные существительные), напр., *радиофикация* [БАС, т. 22: 116; РСС, т. 4: 698], *радиофикационный* [РСС, т. 4: 698], *радиофицировать* [БАС, т. 22: 117; РСС, т. 4: 698].

В словнике РНС имеются устаревшие и устаревающие слова и значения, еще присутствующие в ССРЛЯ, но не включенные в БАС, напр.: *разувальныйщик* “Stiefelknecht”, *разувальщица* “Stiefelmagd”, *разувной, разувочный*. Эти слова входят в словообразовательное гнездо русского языка (*разуть*, ср. *обуть* с той же связанной корневой морфемой); также как их немецкие эквиваленты с лексемой „Stiefel“ относятся к соответствующему гнезду слов, они указывают на быт или деятельность человека, характеризуют еще не забытый конкретный период в обществе.

Более последовательно, чем в БАС, в РНС учитываются специальные лексемы из коммуникативных сфер, роль которых растет в публичной коммуникации, это сложные слова с первыми компонентами *арт-, бизнес-, интернет-, стерео-, евро-*. Следует отметить, что в академических толковых словарях русского языка первые компоненты сложных слов (такие как *авто-, видео-, радио-*) выступают в качестве вокабулы. Многие из них без затруднения раскрываются носителями родного русского языка. В двуязычном же словаре такие компоненты не указываются, а приводится эквивалентное наименование на языке для специальной цели (чаще всего, это специальный термин).

В словник РНС включены в значительном количестве широко распространенные сокращения и сложносокращенные слова, в частности, указаны сокращенные и полные наименования всех правящих политических партий Российской Федерации, учреждений советского и настоящего периодов, таких как ГПУ (*Главное политическое управление*), ГУЛАГ (*Главное управление исправительно-трудовых лагерей*), международных организаций, таких как ЕС (*Европейский Союз*) и др.

Из словарей неологизмов русского языка были отобраны новые слова и значения последних четырех десятилетий, которые уже укрепились в общеразговорном языке или в качестве историзмов характеризуют определенный период в жизни российского общества. Особое внимание в РНС уделено более полному представлению словообразовательных гнезд, напр., к словам *пиар*, *пиарить* в БАС — неологизмы из НСЗ-90 *пиармен*, *пиаровец*, *пиарщик*, *пиарщица*.

Главная проблема усматривается в том, что лексикографы не в состоянии следовать темпам развития лексики — этот опыт приобрели и авторы РНС. Нужны были бы другие форматы лексикографической работы — быстрые и эффективные, благодаря новым технологиям, а вместе с тем надежные в научном отношении, обеспечивающие последовательность и постоянство в будущем.

3. Некоторые вопросы макроструктуры РНС

3.1. Макроструктура и словник РНС

Макроструктура — как порядок вокабул, по которым доступна содержащаяся в словаре информация — является в РНС в основном алфавитной, но по образцу одноязычных словарей русского языка имеются и элементы гнездования. В качестве вокабулы в РНС выступают однословные наименования, среди них — сложные слова, написанные через дефис (напр., *пиар-агент*, *пиар-акция*, *пиар-услуга*, *пиар-ход*), сложносокращенные слова и аббревиатуры различных типов (напр., *постпредство* «постоянное представительство», *ППБ* «Правила пожарной безопасности»). В перечень вокабул вынесены графические сокращения (*пр.* «и прочее», *прост.* «просторечное») и нерегулярные словоформы (прежде всего, первое и второе лицо бесприставочных непродуктивных глаголов).

Термин «двойная макроструктура» («*doppelte Makrostruktur*» [Schwarze, Wunderlich 1985: 373]) означает, что часть макроструктуры словаря помещается в микроструктуре словарной статьи другой лексической единицы. В двойной макроструктуре РНС расположены составные наименования (типа *вагон-ресторан*), устойчивые неидиоматические словосочетания, идиоматические обороты, пословицы и поговорки. Кроме того, не все однословные наименования словника вынесены в вокабулы, а также размещены в двойной макроструктуре; поэтому число представленных в словаре лексических единиц значительно выше количества вокабул. Эта проблематика иллюстрируется ниже на примере отадъективных наречий и субстантивированных прилагательных.

3.2. Отадъективные наречия и макроструктура

Наречия на *-о/-е*, производные от прилагательных, трактуются в толковых словарях русского языка по-разному: в БАС (как и в ССРЛЯ) они приводятся в словарной статье производящего слова (ср. [БАС, т. 1: 11]). Как самостоятельная вокабула они представлены только тогда, когда они в семантическом отношении существенно отличаются от производящего, напр., *зло* — *злой*, *живо* — *живой*, ср. [там же, п. 2.6. д)]. В МАС подобные наречия зафиксированы как самостоятельные вокабулы с отсылкой на производящие прилагательные (и часто сопровождаются контекстным примером), напр., «**разрушительно** нареч. к разрушительный» [МАС, т. 3: 631]. Во всех названных толковых словарях наречия данного типа приводятся независимо от наличия краткой формы производящего прилагательного.

По первоначальной концепции РНС, «отприлагательные наречия на *-о/-е* [...], совпадающие формально и по своей лексической семантике с нейтральной краткой формой производящего прилагательного и имеющие одинаковый эквивалент, в словаре не приводятся» [РНС 2003, т. 1: XLII]. Так, наречия *бурливо*, *брюзгливо* в первом издании РНС не отмечены ни как вокабула, ни внутри словарной статьи прилагательных *бурливый*, *брюзгливый* [РНС 2003, т. 1: 327; 314]. При этом считалось, что в подобных случаях налицо только специфическая синтаксическая функция краткой формы среднего рода. Критерием для названия наречия внутри статьи производящего прилагательного были:

а) отсутствие краткой формы прилагательного (*пословный* — *пословно*, *принародный* — *принародно*, *присмирельный* — *присмирело*);

б) различия в семантике, в особенности, соотнесение наречия не со всеми значениями прилагательного, напр.:

(1) **басистый** [...] (*ugs.*) I. <Adj.; Kurzf. -сíst, -а, -о [...]> 1. Bass-, mit Bassstimme. 2. tief, volltönend (*Stimme, Lachen, Laute*), bassig (*ugs.*). II. басисто <Adv.> zu I 2;

(2) **брóский** [...] (*ugs.*) I. <Adj.; Kurzf. брóсок, броска́ и брóска, брóско> 1. auffallend, in die Augen springend, grell, schreiend (*Farben*); брóский гáлстук eine auffallende Krawatte. 2. heftig, ruckartig; брóские движéния ruckartige Bewegungen. II. брóско <Adv.> zu I 1;

(3) **результативный** [...] I. <Adj.; Kurzf. -вен, -вна, -вно> 1. <ohne Kurzf.> ergebnisreich, effizient, resultatsbezogen, ergebnisorientiert, produktiv; результативная встреча ergebnisreiches Treffen; [...]. 2. erfolgreich; сáмый результативный игрок в команде der erfolgreichste Spieler der Mannschaft. 3. [...] 4. [...] II. результативно <Adv.> zu I 2;

в) наличие особых эквивалентов, напр.:

(4) **посмéнный** [...] I. <Adj.; [...]> Schicht-; посмéнное дежурство Schichtdienst; [...]. II. посмéнно <Adv.; [...]> zu I: schichtweise, im Schichtsystem; дежурить посмéнно Schichtdienst haben; [...];

(5) **брига́дный** [...] I. <Adj.> 1. zu брига́да (1): Brigade-; брига́дная артиллéрия Brigadeartillerie. 2. zu брига́да (3): Brigade-; [...] брига́дный подря́д

Brigadevertrag; [...]. **II.** брига́дный <subst. Adj.; [...]> [...]. **III.** брига́дно <Adv.> zu I 2: brigadeweise.

В последующих томах РНС (начиная с буквы С) и во втором издании словаря (ср. РНС2) *все* наречия отмечаются в макроструктуре словаря как самостоятельные вокабулы. При этом для одних разрабатывается самостоятельная словарная статья, другие же снабжаются отсылкой от вокабулы к статье производящего прилагательного, напр.:

(6) **баси́сто** *s. unter*: баси́стый (II);

(7) **результати́вно** *s. unter*: результи́вный (II).

Тем самым, русская лексика представлена более систематично, и одновременно (без повтора совпадающих эквивалентов) соблюдается принцип «экономии» в словаре.

3.3. Субстантивированные прилагательные и макроструктура

В БАС, и вслед за ним в РНС, лексемы, выступающие «в функции» другой части речи, приводятся внутри словарной статьи производящего слова [БАС, т. 1: 11]. При этом очевидно, что наименование является результатом универбации в разговорной речи многословного наименования, напр., *проездной билет — проездной*.

Однако многие лексемы трактуются в БАС не как «субстантивированные прилагательные», а как самостоятельные лексические единицы, существительные адъективного склонения, напр., *булочная*, в отличие от прилагательного *булочный* [БАС, т. 2: 248], ср. *ванная* [БАС, т. 2: 248], *детская* [БАС, т. 5: 59], *закусочная* [БАС, т. 6: 289, ССРЛЯ, т. 4: 594]. Другая часть подобных наименований приводится в словарной статье мотивирующего прилагательного, напр., *блинная* в статье *блинный* [БАС, т. 2: 61], *бульонная* в статье *бульонный* [БАС, т. 2: 251], *пышечная* в статье *пышечный* [БАС, т. 21: 595], *проектировочная* в статье *проектировочный* [БАС, т. 21: 35], *пультовая* в статье *пультовой* [БАС, т. 21: 505]; они снабжены пометой, указывающей на употребление прилагательного в функции другой части речи (*в знач. сущ.*).

Следует напомнить, что в литературе по словообразованию (напр., [Лопатин 1967]) не раз было указано, что не все лексемы подобного типа восходят к морфолого-синтаксическому словообразованию (ср. *пивной бар* и синоним *пивная*), а существительные адъективного склонения определенных лексико-семантических групп образованы по продуктивным словообразовательным моделям. (Это касается, в частности, наименований женского рода для обозначения заведений общественного питания. В РНС зафиксированы слова этого типа, не вошедшие в БАС, напр., *бутербродная*, *пончиковая*, *рюмочная*.)

Неоднородную трактовку субстантивированных прилагательных и существительных адъективного склонения внутри одного и того же словаря (и в БАС, и в РНС) можно объяснить тем, что узуализация и лексикализация данного наименования в другой синтаксической функции носит переходный характер, а объективная оценка степени его узуализации оказывается сложной и иногда нерешаемой задачей для лексикографа. Несмотря на статус конкретного

наименования в этом процессе целесообразным считается единый подход к подобным явлениям. Возможным решением кажется вынесение такого наименования в перечень вокабул с отсылкой и его характеристика внутри словарной статьи мотивирующего слова (в данном случае — прилагательного), напр.:

(8) **блѣнный, -ая, -ое I.** <Adj.; [...]> zu блѣн (I 1): Plinsen-. **II.** блѣнная <subst. Adj.; [...]> f, GSg -ой> Imbissstube (bes. für Plinsen);

(9) **блѣнная s. unter:** блѣн (II).

Тем самым, пользователь получает доступ к данным лексемам и их эквивалентам. Основа данного компромиссного решения заложена в отсылочной системе РНС (см. Раздел 4).

Вместе с тем запросам немецкого пользователя более соответствовало бы вынесение *всех* однословных наименований в макроструктуру словаря, тем самым открылась бы возможность прямого доступа к ним. Тем не менее, при составлении макроструктуры словаря во многих случаях проблематичными остаются разграничение и идентификация самой словарной единицы. В частности, от лексикографа требуется конкретное решение вопроса различения лексической омографии и полисемии.

3.4. Макроструктура и омонимия

Омонимия указывается обычно в большинстве одно- и двуязычных словарей в зоне заголовочного слова. Однако отношение самих слов к омонимам или к лексико-семантическим вариантам (лексемам) одного и того же заголовочного слова в одноязычных словарях решается по-разному.

Так, в толковых словарях различаются два омонимичных глагола *колоть*¹ и *колоть*² [МАС, т. 2: 777–778; Ожегов, Шведова 2005: 285; БТС 1998: 442; БАС, т. 8: 263–264]. Однако префиксальные глаголы и производные от них словообразовательные гнезда трактуются по-разному: в МАС приводится глагол *сколоть* со значениями

(10) «**1.** Отделить слой, кусок чего-н. ударом, ударами (топора, лома и т. п.). **2.** Перевести на материю, бумагу путем накалывания. **3.** Соединить, скрепить вместе, прикалывая (булавкой, шпилькой и т. п.)» [МАС, т. 4: 113].

Соответственно дается полисемия глагола *сколоть* (под леммой несовершенного вида *скалывать*) и в БАС:

(11) «**1.** Отделять слой, кусок чего-н. ударом, ударами (топора, лома и т. п.). **2.** Соединять, скреплять вместе, прикалывая (булавкой, шпилькой и т. п.). **3.** Копировать, переводить (на ткань, бумагу и т. п.) путем накалывания иглой» [БАС, т. 25: 628].

Модифицированная в БАС перифраза значения (2) из МАС объясняет расширение семантики глагола и появление следующего значения: «**4.** Полностью повторять, копировать кого-л., что-л.»; к названным в МАС значениям в БАС добавлено еще следующее: «**5.** В речи охотников — терять след при преследовании зверя (о гончей собаке)» [БАС, т. 25: 628]. В отличие от МАС и БАС, БТС различает два омонима:

(12) «**1. СКОЛОТЬ.** Отделить слой, кусок чего-н. ударом, ударами (топора, лома и т. п.). [...]»

2. СКОЛОТЬ. **1.** Соединить, скрепить вместе, прикалывая (булавкой, шпилькой и т. п.). **2.** Перевести на материю, бумагу путем накалывания» [БТС 1998: 1198].

Подобная трактовка соответствует системе русского словообразования: так, «Словообразовательный словарь» дает два омонима *колоть* I ‘раздроблять’, *колоть* II ‘касаться острым; вонзать острие’ и соответствующие словообразовательные гнезда, а в них, в частности, префиксальные глаголы *сколоть* I и *сколоть* II [Тихонов 1985, т. 1: 666–667]. В РНС — в отличие от БАС — различаются производные омонимы ¹*сколоть* (несов. ¹*скалывать*), ¹*сколоться* (несов. ¹*скалываться*), ¹*скалывание*, ¹*сколка* (*сколка льда*), ¹*сколок* (*сколки с гранита*) и ²*сколоть* (несов. ²*скалывать*), ²*сколоться* (несов. ²*скалываться*), ²*скалывание*, ²*сколка* (*сколка чертежа*), ²*сколок*.

Среди омонимов в РНС, как и в БАС, выделяются лексемы-омонимы с одинаковым звучанием и различиями в написании строчными или прописными буквами, напр., в БАС:

(13) **1. ГЕЛИКОН** (с прописной буквы) [...]

2. ГЕЛИКОН [...] [БАС, 4: 67];

в РНС:

(14) ¹**геликон** <[г’и]-; *m, GSg -a*> (*Musik*) *Helikon n (Musikinstrument)*.

²**Геликон** <[г’и]-; *m, GSg -a*> *Helikon m (Gebirge)*. [...] [РНС2, т. 2: 67];

в БАС:

(15) **1. ГА**, *нескл., м сокр.* Гектар (обычно употр. при числительном). *Сто га*. [...] **2. ГА**, *межд.* [БАС, 4: 9]; ср. в РНС: ¹**га** <*Interj.*> [...] ²**га** <*m, unflekt.*> (*Abk. für* гектар) [...].

Помимо вышеуказанных, в РНС зафиксирован еще третий омоним:

(16) ³**ГА** <[гэ́а]; *f, unflekt.*> (*Abk. für* Генеральная Ассамблея) *Vollversammlung (der UNO)*.

Омографы выделяются в БАС и в РНС разными способами: в первом — они различаются в зоне заголовочного слова местом словесного ударения, ср., напр. **ГОЛУБИТЬ** и **ГОЛУБИТЬ** [БАС, т. 4: 258]; во втором — они трактуются тем же способом, как и омонимы, напр., ¹*голубить* и ²*голубить*, ¹*сва́риться* и ²*свариться*, ¹*све́дение* и ²*сведéние*, ¹*сво́йство* и ²*свойствó*, ¹*скли́кать* и ²*склика́ть*, ¹*сы́тить* и ²*сыти́ть* и мн. др.

Глагольные видовые пары, различающиеся в инфинитиве только словесным ударением, в РНС также представлены как омографы, напр.:

(17) ¹**всыпа́ть** <-аю, -аешь, *ipf*> *s.* ²**всыпать** (1).

²**всыпать** <[...], *pf*> **1.** (*ipf* ¹*всыпа́ть*) что-н. *hineinschütten, hineinstreuen*.

2. (*ugs.*) (кому-н.) *jmdn. verdreschen*. [...]

Таким образом, в РНС различаются и точно отражаются в вокабулах написание и ударение заголовочных слов. Это необходимо в связи с тем, что немецким пользователям РНС при чтении текста не всегда известно словесное ударение искомого слова.

4. Макроструктура и медиоструктура в РНС

При помощи указания омонимов и омографов арабскими цифрами в РНС поддерживается его медиоструктура (отсылочная система), которая является важным средством ориентирования пользователя в русском языке. В словарной статье РНС употребляются следующие основные виды отсылок:

а) отсылка от глагольной формы несовершенного вида к глагольной форме совершенного вида при помощи *s.* („siehe“), напр.:

(18) ¹**всыпáть** <-áю, -áешь, *ipf*> *s.* ²**всыпáть** (1);

б) отсылка от неопределенной формы страдательного залога к неопределенной форме действительного залога при помощи *zu*, напр.:

(19) ³**всыпáться** <-áется, 1. *u.* 2. *Pers. ungebr., ipf*> **1.** *s.* ¹**всыпáться**. **2.** <*Pass.*> *zu* ¹**всыпáть**;

в) отсылка от производного к производящему слову при помощи *zu*, напр., от глагола к отвлеченному существительному — названию действия:

(20) **всыпáние** <*n, GSg -я*> *Abstr. zu* ²**всыпáть** (1) *u.* ³**всыпáться** (1);

всы́пка <*f, GSg -и*> (*ugs.*) *Abstr. zu* ²**всыпáть** *u.* ¹**всыпáться**;

г) отсылка к словообразовательным синонимам или вариантам, а также лексическим, фонематическим или орфографическим вариантам при помощи *svw.* ("so viel wie"), напр.:

(21) **вернопóдданство** <[...]; *n, GSg -а*> *svw.* вернопóдданность;

верхáми <*Adv.*> (*ugs.*) *svw.* верхóм;

д) отсылка от нерегулярной грамматической формы слова к неопределенной форме заголовочного слова при помощи *s. unter* ("siehe unter"), напр.:

(22) **éм** *s. unter:* ²éсть;

е) отсылка от наречия к заголовочному слову производящего имени прилагательного, под которым разработана словарная статья, при помощи *s. unter*, напр.:

(23) **брóско** *s. unter:* брóский (II) (см. Раздел 3.2).

Все виды отсылочных отношений, представленные и в БАС, в РНС, формализованы маркерами (*s., s. unter, svw., zu*); при помощи нумерации точно указывается омоним или лексико-семантический вариант цели отсылки.

В связи с широкой омонимией и полисемией русского языка, особенно в сфере глагольного формообразования и словообразования, отсылки затрудняют иноязычным пользователям поиска слова-цели. Более удобной для них представляется концепция, по которой соответствующие слова вынесены в макроструктуру словаря, т. е. представлены как вокабула без отсылки.

5. В заключение

С точки зрения немецкого пользователя, БАС содержит определенные неудобства для раскрытия всего богатства русской лексики. Более оптимальным может стать «Словарь русского языка XXI столетия» [СРЯ XXI], первый том которого появился в 2019 году (автор проекта и главный редактор — Г. Н. Складневская). В отличие от обсуждаемых словарей (ССРЛЯ, БАС, РНС) в

нем «все слова вынесены в словник» [СРЯ XXI Проект: 24]. Таким образом, каждая единица словника появляется как самостоятельная вокабула. Кроме того, в нем как «в словаре без исторической перспективы [...] более широко, чем в других фундаментальных словарях (таких как БАС и МАС) представлена омонимия» [СРЯ XXI Проект: 12]; очень широко используется система отсылок [там же: 20].

СРЯ XXI отличаются следующие характеристики: уникальный словник, охватывающий более 200 тысяч слов и опирающийся на «Электронный лексический фонд современного русского языка»; легкодоступная для читателя макроструктура словаря; очень обширная информация в микроструктуре. В словник СРЯ XXI включены не только лексическое ядро современного русского языка, но и «два огромных лексических массива: терминология и стихия разговорной речи» [там же: 2]. Терминология признается редактором «естественной частью словарного состава современного русского языка» [там же: 3]. В словарь вошли в большом объеме специальные слова, в частности, из областей медицины, химии, спорта и т. д. Кроме того, СРЯ XXI отличает совершенно новый подход к иллюстрированию заголовочных слов и речений: иллюстративные примеры взяты не из литературных произведений, где часто отражается их окказиональное словоупотребление, а из ситуаций повседневного общения и текстов масс-медиа. Словарные единицы иллюстрируются наиболее употребительными словосочетаниями. Таким образом, СРЯ XXI может стать очень ценным источником и для составления учебных пособий по РКИ, и для подготовки переводных словарей с исходным русским языком.

Литература

- БАС — Большой академический словарь русского языка. Тт. 1–26 (А—Сом) / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2019.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Лопатин 1967 — Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. // Русский язык. Грамматические исследования / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1967. С. 205–233.
- МАС — Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981–1985.
- НСЗ-90 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т / Отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Ожегов, Шведова 2005 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 7-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999 (2005).
- Павловский 2006 — Павловский И. Я. Русско-немецкий словарь в двух томах. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.
- PHC — R. Belentschikow (ed.). Russisch-Deutsches Wörterbuch. Bde. 1-12: A–P. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003–2020.
- PHC2 — R. Belentschikow (ed.). Russisch-Deutsches Wörterbuch. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Bd.1: А, Б. Bd. 2: В, Г. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020.

- РОС — Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
- РСС — Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, Т. 1: 1998, Т. 2: 2000, Т. 3: 2003, Т. 4: 2007.
- СРЯ XXI — Словарь русского языка XXI столетия. Т. 1 (А–бета-частица) / Ред. Г. Н. Складерская. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019.
- СРЯ XXI Проект — Словарь русского языка XXI столетия. Проект / Отв. ред. Г. Н. Складерская. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948–1965.
- Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. М.: Русский язык, 1985.
- Schwarze, Wunderlich 1985 — *Schwarze Ch, Wunderlich D.* (ed.). *Handbuch der Lexikologie*. Königstein/Ts.: Athenäum, 1985.

Renate Belentschikow
Otto von Guericke University,
(Magdeburg, Germany)

**ON SOME ISSUES OF THE LEXICOGRAPHIC MACROSTRUCTURE IN THE
GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE
RUSSIAN-GERMAN DICTIONARY**

Abstract. The *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (BAS) is one of the most important sources of the great *Russian-German Dictionary* (RDW), edited in Germany. The article emphasises the innovations in the list of headwords of the BAS in comparison to earlier explanatory dictionaries of Russian. In accordance with the functions of RDW as a receptive dictionary, the list of headwords of RDW contains more lexemes from several spheres (specialist terms, neologisms, archaic words, etc.). The article deals with problems of the lexicographic macrostructure and mediostructure (system of references) in both dictionaries.

Keywords: explanatory dictionary, bilingual dictionary, list of headwords, macrostructure, homonymy, mediostructure

Екатерина Юрьевна Ваулина

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБЩЕНАУЧНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛНОГО ТИПА¹

Аннотация. В статье показаны основные способы лексикографического представления общенаучной лексики в двух толковых академических словарях полного типа и составляемом в настоящее время «Словаре русского языка XXI века»: введение в толкование уточняющих примеров или непосредственной отсылки к сфере использования, указание источников иллюстративных примеров, использование помет. Исследование позволяет сделать вывод, что представление в виде отдельного значения оказывается связанным с происхождением общенаучной лексики (формирование на базе изначальных терминов философии, логики, математики или в результате слияния близких терминологических значений, распространившихся в нескольких отдельных областях знания), а не с ее внутренним семантическим членением.

Ключевые слова: общенаучная лексика, книжная лексика, толковый словарь полного типа, словарная статья, толкование, функционально-стилистические пометы, иллюстративные примеры

1. К постановке вопроса

Академические толковые словари полного типа традиционно уделяют внимание лексическому составу научных текстов. Язык науки, рассматриваемый как стилевая разновидность литературного языка, образован несколькими лексическими пластами: в нем выделяются семантическое, специфичное для каждой научной сферы, терминологическое ядро, общенаучная лексика, обозначающая понятия, соотносимые с объектами, явлениями, свойствами, действиями и их связями в разных областях изучаемой действительности, а также периферия — общеязыковые единицы, формирующие «нейтральную словесную ткань специального текста» [Кожина (ред.) 2011: 258]. Вопросы включения терминологии в словник толкового словаря общего типа и принципов ее описания выделялись в самостоятельную проблему каждого серьезного словарного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований».

проекта, начиная со «Словаря Академии Российской» 1789–1794 годов, и подробно рассмотрены в работе С. Д. Шелова [Шелов 2014]. Общенаучная же лексика на первый взгляд не выделялась как особый объект описания толкового словаря и рассматривалась в основном в рамках практического применения лингвистики в области перевода и обучения языку, в том числе формирования навыков научной речи. Пособие по русскому языку и культуре речи для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов вузов сообщает, что общенаучная лексика «в словарях, как правило, сопровождается стилистической пометкой „книжн.“» [Дмитриева и др. 2014: 119]. Однако словарный опыт показывает, что лексикографические приемы выделения общенаучной лексики в толковых словарях полного типа не сводятся к маркированию пометой книжного стиля, а сложившаяся практика различной подачи таких единиц действительно отражает их внутреннюю неоднородность.

2. Современные представления об общенаучной лексике

Под общенаучной лексикой обычно понимаются слова и выражения, «характеризующие общие закономерности научной деятельности в разных сферах» [Татаринов 2004: 5]. Согласно современным терминологическим исследованиям, «в каждом конкретном случае употребления они способны выражать новое вариантное значение, эквивалентное вполне определенному понятию» [Сложеникина 2015: 64]; таким образом признается, что рассматриваемые единицы многозначны и их «многозначность предопределяется непрерывностью научного континуума, представленного всей совокупностью научных картин мира» [Хижняк 2016: 57]. В то же время характерным для познаваемого общенаучной категории признается «единство в его содержании отдельных свойств, признаков, понятий ряда частных областей научных знаний и философских категорий» [Клочков, Васильева 2011: 39]. На практике общенаучная лексика не становится объектом описания терминологических словарей, отображающих связи внутри определенной терминосистемы, но широко используется в их толкованиях. Это подразумевает ее функционирование пусть и в достаточно широком, но едином значении, отнесение к так называемой неспециальной лексике общенаучного употребления: «при опубликовании достижений ученые используют именно тот пласт метаязыка, который общедоступен и общепринят сообществами различных школ, смежных областей знания. Соответственно, под общенаучной терминологией мы понимаем те лексические единицы, которые используются как инструмент описания процессов и результатов познания, обмена знаниями» [Рохлина, Абрамова 2019: 174–175]. Существует и «точка зрения, согласно которой возможно разграничение общенаучной терминологии и общенаучной лексики, т. е. лексики неспециального содержания, широкого, обобщенного значения и книжного характера, использование которой также не ограничивается одной областью знания» [Граудина, Ширяев (ред) 1998: 189]. Действительно, рассматриваемый пласт лексики неоднороден; если рассматривать его как область, связующую терминологию с общеязыковым лексическим составом, то некоторые единицы и группы слов (прежде всего, если опираться

на семантическое разбиение «Стилистического энциклопедического словаря русского языка», — идентифицирующие формы познания и научного знания и фиксирующие методы обобщения [Кожина (ред.) 2011: 258–259]) оказываются гораздо ближе к терминологии, чем другие (например, выделяемые в том же источнике единицы, фиксирующие познавательные действия субъекта). Возникновение единиц общенаучной лексики связано с путями формирования общенаучных понятий при интеграции научного знания; так, во-первых, понятия могут возникать в отдельных частных науках, постепенно расширять свой объем и сферу применения и затем распространяться на широкие предметные области [Ким, Блажевич 1998: 4]. Во-вторых, такие понятия возникают на базе математики при использовании математического аппарата в различных сферах познания. В-третьих, как отмечают В. В. Ким и Н. В. Блажевич, «важным источником пополнения общенаучных понятий является философия. При этом отдельные понятия (например “определенность и неопределенность”, “гармония”, “система”, “элемент” и т. п.), возникшие еще в рамках натурфилософии, в ходе дивергенции этой формы знания могут приобретать общенаучный характер и переходить в частные науки» [Ким, Блажевич 1998: 85]. К этой группе следует отнести и понятия, возникшие в логике как науке о законах и операциях правильного рассуждения, термины которой традиционно выделяются в толковых словарях.

3. Толковые словари полного типа как источник сведений об общенаучной лексике

«Словарь русского языка XXI века» под редакцией Г. Н. Скляревской составляется в условиях, когда «уровень “терминологизации” языка достигает таких масштабов, что терминологическая лексика заметно окрашивает речь широкого круга носителей языка» [Шульдешова 2013: 412] и активно пополняется лексикой научно-популярных и научных текстов, в которых основной с точки зрения частотности массив представлен общенаучными единицами. Лексико-семантические единицы ядра общенаучной лексики в «Словаре русского языка XXI века» маркируются пометой «Научн.» — «общенаучное» (особенности составления и функционально-стилистической характеристики лексики изложены в Проекте словаря [Скляревская (ред.) 2019]). На момент написания статьи в материалах «Словаря русского языка XXI века»¹ зафиксировано 460 лексико-семантических единиц с такой пометой, которые можно рассматривать как ядро общенаучного пласта, наиболее близкое к терминологии. В формируемую выборку были добавлены единицы с пометами «Спец.» (ставится при терминах, используемых в том же значении в трех и более специальных сферах [Скляревская (ред.) 2019: 198]) и «Книжн», тяготеющие к общенаучному употреблению, а также некоторые термины научного математического аппарата, так что общий объем исследуемого материала с учетом словообразовательных рядов приблизился к 900 лексико-семантическим единицам.

¹Составленные словарные статьи покрывают около 60 % словника, рассчитанного на показ более 200 000 лексико-семантических единиц.

Для рассмотрения лексикографической подачи общенаучной лексики в перспективе исторического развития как русского языка, так и словарной практики привлекается материал из двух последовательных словарей полного типа: незавершенного «Словаря русского языка» 1891–1937 годов под редакцией Я. К. Грота (А—Д), далее А. А. Шахматова (Е—З), отдельные выпуски — В. И. Чернышева, Л. В. Щербы, В. М. Истрина, С. П. Обнорского и других, изначально ориентированного на показ лексики периода «от Ломоносова и Пушкина до наших дней», и «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах 1948–1965 годов под редакцией В. И. Чернышева, С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова и Ф. П. Филина [БАС], представляющего в исторической перспективе лексический состав «от Пушкина до периода составления». Кроме ориентации на максимальный охват языкового материала и академические принципы описания, включая лексикографическую преемственность, глубокую разработку семантической структуры слова и использование в той или иной мере разветвленной системы нормативно-стилистических помет, словари объединяет опора на обширнейшую картотеку и практика по возможности широкого приведения иллюстративных примеров.

«Словарь русского языка» 1891–1937 годов практически заложил основы нормативно-стилистической характеристики описываемой в плане синхронии лексики, используемой отечественной лексикографией. Исследователями обычно противопоставляются материалы под редакцией Я. К. Грота, как нормативное системное описание лексического состава языка, и материалы под редакцией А. А. Шахматова, стремившегося к созданию тезауруса, что нашло отражение в широком включении устаревшей, диалектной и специальной лексики. Однако с точки зрения анализируемого материала «Словарь русского языка», включая выпуски, составленные Вторым отделением Императорской Академии Наук и постоянной словарной комиссией Академии наук СССР, может рассматриваться как единый источник информации. Ныне Большая картотека ИЛИ РАН пополнялась для этого словаря материалами из научной литературы, в том числе из переводных изданий, а также учебников и специальных словарей, ссылки на которые нередко присутствуют в словарных статьях в качестве адреса источника иллюстративного материала или толкования в целом.

В рамках подготовки БАС картотека значительно пополнилась материалами классики марксизма-ленинизма, научно-политическими и художественными текстами соответствующего идеологического содержания, но семантика рассматриваемой лексики сохраняется и в цитатах из этих произведений. Именно в этом словаре показу типовой сочетаемости лексических единиц в предложениях впервые уделено особое внимание. Стилистическая маркировка лексических единиц в БАС использовалась не так широко [Инструкция 1958: 3]. Помета «Книжн.» в БАС не применялась (в некоторых случаях в толковании присутствует комментарий «В книжной речи») как из-за возможности изменения стилистической окраски лексики на протяжении длительной описываемой эпохи, так и из-за ориентации в первую очередь именно на показ письменной формы бытования литературного языка.

4. Способы лексикографического представления общенаучной лексики

4.1. Случаи введения поясняющего сферу употребления комментария непосредственно в толкование «Словаря русского языка» и БАС немногочисленны¹.

- (1) **2. Агент** <...> В научной терминологии — действующая, производящая причина, вызывающая те или иные явления (в природе, организме человека и т. п.). <...> [БАС]
- (2) **Квалитативный** <...> Только в научном языке: качественный. <...> [Шахматов (ред.) 1899]
Квалитативный <...> В научной терминологии — качественный. <...> [БАС]
- (3) **Квалифицировать** <...> Научный термин: определять качество вещи, случая и т. п. <...> [Шахматов (ред.) 1899]

4.2. Основной массив исследуемого материала — две трети анализируемой выборки — составляют лексико-семантические единицы, традиционно выделяемые в толковых словарях в рассматриваемом значении, но либо не маркируемые пометами до «Словаря русского языка XXI века», либо относимые к сфере философии или логики, реже математики. При отсутствии пометы отнесение к общенаучной лексике следует из самого толкования, приводимых иллюстративных примеров или указанной связи с определенным образом маркированными единицами словника. «Словарь русского языка» не всегда приводит иллюстративный материал, но в некоторых случаях вводит уточняющие примеры в само толкование. БАС нередко помещает общенаучное значение как основную лексико-семантическую единицу словарной статьи.

- (4) **Аксиома** <...> **1.** Истина, столь очевидная, что она не требует доказательств, как напр. целое более своей части. <...> **2.** *Филос.* Истина недоказуемая и лежащая в основе всех доказательств, напр. закон противоречия, по которому нельзя что-либо одновременно утверждать и отрицать относительно какой-либо вещи. [Грот (ред.) 1891]

Аксиома <...> Положение, которое по своей очевидной истинности не требует доказательств и принимается в качестве основного исходного принципа какой-либо науки. *Аксиомы математические, логические и т. п.* ◊ Распространительно. Совершенно очевидное утверждение, положение; неоспоримая истина. <...> [БАС]

Аксиома <...> **1.** *Научн.* Исходное положение, принимаемое без доказательств, лежащее в основе какой-л. теории и выражающее свойства основных понятий. *Система аксиом. Теорема базируется на двух аксиомах. Логические аксиомы. Аксиомы планиметрии, стереометрии. Непротиворечивость аксиом.* Δ Аксиома Архимеда *Матем.* <...>. **2.** *Книжн.* Очевидное, не требующее доказательств положение. <...> [СХХI]

- (5) **Апостериорный** <...> *Филос.* *Апостериорное понятие* — суждение, — знания, которые образовались на основании опыта, после (а не ранее) опыта, которые следуют за опытом. *Противопол.* априорный. [Грот (ред.) 1891]

¹Все примеры из «Словаря русского языка» приводятся в современной орфографии.

Апостериорный <...> *Филос.* Выведенный на основании имеющихся данных, на основании опыта («после» опыта; противоплагается априорному). [БАС]

Апостериорный <...> **1.** *Научн.* Основанный на опыте, подтвержденный опытом; апостериори²; противоп. априорный (1 зн.). *Апостериорное знание. Апостериорные суждения.* **2.** *Книжн.* Опирающийся на изучение фактов, учитывающий имеющиеся данные; противоп. априорный (2 зн.). *А. анализ безопасности системы производится после того, как нежелательное событие уже произошло. А. язык* (искусственный язык, элементы которого заимствованы из существующих языков). [СХХI]

(6) **Величина** <...> **2.** *Мат.* Употр. и мн. величины, чин. Все то, что может быть увеличено и уменьшено, или что состоит из частей, а отсюда и всякий предмет, имеющий значение, цену. *Это величина, с которой нужно считаться.* [Грот (ред.) 1891]

Величина <...> **2.** *Матем.* Все, что можно измерить или исчислить. *Равные величины. Способы измерения величин.* <...> [БАС]

Величина <...> **2.** *Научн.* Обобщение конкретных понятий (длины, площади, веса и т. п.), при выборе которого за единицу измерения можно выразить числом отношение любого объекта того же рода к единице измерения. *Равные величины. Искомая в. Постоянные, переменные величины. Средняя в. Измерение сложных величин. Статистические величины. Системы единиц физических величин. Размерность математической величины. В. заряда растительной клетки. Δ Абсолютная величина действительного числа <...> Δ Абсолютная звездная величина <...> Δ Бесконечно большая величина <...> Δ Бесконечно малая величина <...> Δ Дисперсия случайной величины Физ. <...> Δ Постоянная величина Спец. (= Константа). [СХХI]*

(7) **Дефиниция** <...> *Лог.* Определение. [Грот (ред.) 1895]

Дефиниция <...> Определение, истолкование. *Энгельс берет познание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы — с другой, и вместо всякого определения, всякой дефиниции, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное.* Ленин, *Материализм и эмпириокр.* (т. 44, с. 176). [БАС]

Дефиниция <...> *Научн.* Краткое определение понятия, отражающее его важнейшие признаки. *Реальные, номинальные дефиниции. Синтаксические, семантические дефиниции. Аналитические, синтетические дефиниции. Д. в словаре.* [СХХI]

Возможны случаи, когда в БАС в статье есть ремарка «В спец. терминологии», за которой следуют указания на определенные предметные области — логику или математику:

(8) **Класс** <...> **2.** Синоним слов: отдел, разряд; иногда: ступень. <...> [Шахматов (ред.) 1909]

Класс <...> **2.** Разряд, подразделение. <...> *К категории невольных движений с преобладающей деятельностью аппарата, усиливающего рефлекс, должно отнести еще многочисленный класс отраженных дви-*

жений. Сечен. Рефлексы головного мозга. // В спец. терминологии. а) В логике — совокупность однородных предметов, сходных в существенных признаках. *Основной принцип дедукции (аксиома силлогизма) состоит в том, что правильное или истинное для целого класса явлений правильно и истинно для каждого из этих явлений, правильно или истинно для каждого случая, относящегося к этому классу.* Вышинский, Теория судебн. Доказательств в сов. праве, с. 227. б) В зоологии и ботанике — ступень классификации животного или растительного мира, более мелкая, чем тип <...> в) В арифметике — совокупность цифр трех соседних разрядов чисел <...> [БАС]

Класс¹ <...> **1.** *Научн.* Совокупность, группа предметов, явлений, выделяемая при классификации по какому-л. признаку. *К. органических соединений, содержащих в своем составе фосфор. Классы минералов. Классы глаголов. Лексические классы. Звезда относится к классу новых звезд. В организме человека различают пять классов иммуноглобулинов.* Δ **Класс опасности** *Экол.* <...> **2.** *Биол.* В систематике растений и животных: таксономическая категория, объединяющая родственные отряды (4 зн.) животных или порядки¹ (11 зн.) растений. <...> **9.** *Матем.* Совокупность цифр трех соседних разрядов чисел. <...> [СХХI]

4.3. Общенаучная лексика, не выделявшаяся ранее в словарях как лексико-семантическая единица, в основном характеризуется значениями, сформировавшимися в результате расширения терминологического употребления в ряде областей знания с последующим формированием обобщенной семантики. Такое формирование — процесс достаточно длительный, и выделенные единицы не превышают четверти объема выборки.

(9) **Ассимилировать** <...> Уподоблять, усваивать; превращать одно в другое, ему подобное. [Грот (ред.) 1891]

Ассимилировать <...> **1.** Уподоблять себе, оказывая влияние на культуру, быт, язык и т. п. (об общественных, национальных, племенных группах). <...> **2.** *Биол.* Усваивать, воспринимать. *Ассимилировать пищу.* [БАС]

Ассимилировать <...> **1.** *Книжн.* Изменяя, уподобить/уподоблять что-л. своей системе, своим внутренним законам; освоить/осваивать, воспринять/воспринимать что-л. новое, накладывая это на уже сложившуюся систему знаний, понятий, явлений и т. п. *Постмарксизм активно ассимилирует идеи немарксистской философии. Православие на Руси ассимилировало некоторые языческие обычаи, вытеснив их прежнее содержание. < Страна ассимилировала множество чужеродных идей. А., преобразовывать и полезно направлять массивы знаний. Педагоги ассимилируют новейшие психологические данные при составлении учебных программ, разработке дидактических и методических материалов. Частично ассимилированная англоязычная лексика.* **2.** *Этногр.* Подвергнуть/подвергать (какой-л. народ) процессу ассимиляции (2 зн.), содействовать этому процессу. <...> **3.** *Биол.* Усвоить/усваивать какие-л. вещества (о живых организмах). <...> **4.** *Экол.* Принять/принимать и переработать/перерабатывать определенное количество загрязняющих веществ без нарушения сво-

ей нормальной деятельности (об экосистеме). <...> **5. Лингв.** Вызвать/вызывать ассимиляцию (5 зн.). <...> [СХХІ]

- (10) **Возмущение** <...> **3. Астрон.** о планетах и кометах: Неравенство движения небесного тела, отклонение его действием других планет от эллиптического пути около Солнца. **4. Жел.-дор.** о паровозе: Подергивание (противоположное перемещению постоянных частей паровоза вперед и назад). [Грот (ред.) 1891]

Возмущение <...> **3. Астрон.** Отклонение небесного тела от своего нормального пути под действием притяжения других планет. □ **Физ.** Возмущения магнитные — нарушение нормального состояния земного магнитного поля; магнитные бури. [БАС]

Возмущение <...> **2. Спец.** Нарушение нормального функционирования и развития системы. *Малое в. Волновое в. Спонтанное в. воздушного потока. В. гравитационного поля. Потенциал возмущения. Диапазон частот возмущений. Теория возмущений в квантовой химии. Возмущения в солнечной системе. Экстремальные возмущения экосистем.* **3. Спец.** Воздействие, вызывающее такое нарушение. *Внутреннее, внешнее в. Базы данных, устойчивые к возмущениям. Возмущения, действующие на производственный процесс. Способность автоматической системы противостоять возмущениям.* [СХХІ]

- (11) **Лакуна** <...> Незанятое место, пустота внутри какого-либо тела. // Углубление, вдавленность на поверхности чего-либо. // Переносно: промежуток, пробел, пропуск. *Лакуна в тексте. Именно перед этой фразой ... и приходится большая лакуна в тексте болландистов.* А. Н. Веселовск. Разыск. в обл. рус. Дух. Ст., т 2, 9. // **Анат.** **1.** Углубление, ямочка на верхней губе. **2.** Впадины, углубления желез; отсюда самые железы <...> // **Бот.** Родовое название моллюсков, из сем. Лужанковых <...> [Обнорский (ред.) 1915]

Лакуна <...> **Спец.** **1.** В анатомии — углубление, пустота между тканями или органами. *Лакуны миндалин.* □ *Лимфою.. называют главным образом ту жидкость, которая скопляется в промежутках (лакунах или синусах) между элементами тканей и органов [животных].* Холодк. Уч. зоологии. **2.** Пропуск, недостающее место в каком-либо тексте. **3.** В библиотечном деле — пробел в комплектовании, отсутствие книги. [БАС]

Лакуна <...> **1.** Пробел в чем-л., недостаток чего-л. <...> **2. Спец.** Пропуск, недостающее место в тексте. <...> **3. Научн.** Несовпадение, отсутствие эквивалента, возникающее при сопоставлении понятийных, языковых, эмоциональных и т. п. категорий двух или нескольких культурных общностей. *Этнографические лакуны. Лингвистические лакуны. Гносеологические лакуны. «Щука» — л. во французском языке. Грамматической лакуной для финского языка является категория рода в русском.* **4. Анат.** Пространство, полость между элементами тканей и органами, не имеющими собственной стенки. <...> **5. Мед.** Углубление на поверхности органа. <...> **6. Бот.** Прорыв в центральном цилиндре стебля в месте отхождения в лист проводящих пучков; листовая щель. <...> [СХХІ]

4.4. Последнюю группу составили сравнительно новые общенаучные лексико-семантические единицы, зафиксированные только в «Словаре русского языка XXI века» на материале современных источников.

- (12) **Агрессивный** <...> **6. Спец.** Оказывающий вредоносное, разрушающее действие, приводящее к износу, истощению, разрушению; чрезвычайно интенсивный, приводящий к стремительному разрушению. *Подсолнечник — достаточно агрессивная культура по отношению к земле. Агрессивная плесень. Химически а. расплав. Коррозия металла вызвана агрессивной средой. В контакте с агрессивными жидкостями полимеры становятся хрупкими. У бактерий и вирусов появляются новые агрессивные свойства. < Инфекция приобретает а. характер. Агрессивные формы рака. Δ Агрессивная вода Геол. и Хим. <...>*
- (13) **Базис** <...> **6. Спец.** Поверхность, уровень, характеризующиеся какими-л. особыми физическими свойствами геологических или гидрографических объектов. *Б. коррозии. Озеро Балхаш является основным базисом стока вод территории. Через источники гидрографического базиса осуществляется разгрузка карстовых вод массива. Б. денудации поверхности суши (ниже которого прекращается движение склоновых отложений). Б. карста (ниже которого не происходят процессы растворения и образования карстовых форм).*
- (14) **Маркер** <...> **2. Спец.** Показатель, признак чего-л. *Маркеры публицистического стиля. Маркеры времени в английском языке. Маркеры межкультурных различий.] Биол. Молекулярный м. старения. Маркеры биологического возраста. Маркеры раковых клеток. М. вируса гепатита. Маркеры воспалительного процесса. Генетический м. (ген или участок ДНК с известной локализацией в хромосоме, определяющий какой-л. признак особи).*

5. Выводы

Сопоставление данных толковых словарей полного типа, описывающих последовательно разные стадии развития лексической системы языка и в то же время представляющих разные этапы русской лексикографии, свидетельствует о том, что общенаучные лексические единицы, генетически связанные с философией, логикой, математикой, во множестве присутствуют уже в «Словаре русского языка» 1891–1937 годов, хотя при этом они в большинстве случаев сопровождаются пометой, указывающей на терминологическую систему исходной области знания. Эти пометы в некоторых случаях сохраняются и в БАС. Общенаучные лексические единицы, сформировавшиеся в ходе постепенного расширения терминов конкретных областей знания за их пределы, их семантического изменения при употреблении в родственных, а затем и более далеких научных сферах, толковые словари полного типа отображали не так системно. А. А. Залевская утверждает, что «одно и то же слово может иметь как широкое (общенаучное или «бытовое») значение, так и узкоспециальное значение, специфичное для разных областей науки или жизни общества» [Залевская 2017: 13]. Для «Словаря русского языка» 1891–1937 годов характерны словарные ста-

тью с большим количеством специфичных терминологических значений, в некоторых случаях сопровождаемых «бытовым»; в «Словаре русского языка XXI века» показано дальнейшее развитие таких многозначных слов с возникновением общенаучного значения.

В целом основными способами лексикографического представления общенаучной лексики в толковых словарях полного типа оказываются лексический состав толкования, показ внутрисловарных связей с непосредственной отсылкой к другим описываемым единицам этой группы, иллюстративные примеры, в том числе с указанием научного или специального источника, а также введение уточняющих примеров в само толкование (чаще используемое в «Словаре русского языка» 1891–1937 годов). Возможно также использование комментария «только в научном языке», «научный термин», «в научной терминологии» и т. п. перед толкованием, но этот способ встречается редко. Помета же «Книжн.» используется для маркирования только определенного пласта общенаучной лексики, занимающего пограничное положение между ее ядром и единицами, тяготеющими к общеупотребительным и в принципе не маркируемыми в толковых словарях, в «Словаре русского языка XXI века». Она оказывается характерной для словаря «среднего» типа, выделяющего значения слов на более обобщенном уровне — так, в «Словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой помета «Книжн.» встречается более чем в 75 % словарных статей при пересечении их заголовочных слов с анализируемой выборкой.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1–17. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Граудина, Ширяев (ред) 1998 — Культура русской речи / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М.: Норма: Инфра-М, 1998.
- Грот (ред.) 1891 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1. Вып. 1 / Отв. ред. Я. К. Грот. СПб., 1891.
- Грот (ред.) 1895 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Том 1. Вып. 3. / Отв. ред. Я. К. Грот. СПб., 1895.
- Дмитриева и др. 2014 — *Дмитриева О. И., Орлова Н. М., Павлова Н. И.* Русский язык и культура речи [электронный ресурс]: учебное пособие. М.: Флинта, 2014.
- Залевская 2017 — *Залевская А. А.* Общенаучное и узкоспециальное значение термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. №2. С. 7–13.
- Инструкция 1958 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

- Ким, Блажевич 1998 — *Ким В. В., Блажевич Н. В.* Язык науки: философско-методические аспекты. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
- Клочков, Васильева 2011 — *Клочков В. П., Васильева Н. О.* Дихотомический анализ основной мерности сложности общенаучной категории «совместимость» // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 39–41.
- Кожина (ред.) 2011 — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2011.
- МАС — Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981–1985.
- Обнорский (ред.) 1915 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 5. Вып. 1. / Ред. С. П. Обнорский. Петроград, 1915.
- Рохлина, Абрамова 2019 — *Рохлина Е. К., Абрамова Е. В.* Проблемы и перспективы систематизации общенаучной терминологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. №2. С. 173–185.
- Скляревская (ред.) 2019 — Проект «Словаря русского языка XXI века» / Под ред. Г. Н. Скляревской // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. №1. С. 136–249.
- Сложеникина 2015 — *Сложеникина Ю. В.* Классификация терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. 2015. №4–5. С. 51–71.
- Татаринов 2004 — *Татаринов В. А.* Немецко-русский общенаучный словарь: около 5 000 терминов, выражений и речевых клише. М.: Московский лицей, 2004.
- Хижняк 2016 — *Хижняк С. П.* Общенаучные концепты и термины и их роль в формировании научной картины мира // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы II Международной научной конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 55–57.
- Шахматов (ред.) 1899 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 2. Вып. 3. / Ред. А. А. Шахматов. СПб., 1899.
- Шахматов (ред.) 1909 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 4. Вып. 3. / Ред. А. А. Шахматов. СПб., 1909.
- Шелов 2014 — *Шелов С. Д.* Вопросы толкования специальной лексики в толковых словарях (из истории теории и практики отечественной лексикографии) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. №1. С. 434–453.
- Шульдешова 2013 — *Шульдешова Н. В.* Терминология в английских и русских общих и специальных словарях // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. №4 (54). С. 411–413.

Ekaterina Vaulina

Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

GENERAL SCIENTIFIC VOCABULARY IN THE FULL-TYPE EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. This article presents an analysis of the ways the general scientific vocabulary is described in the three full-type dictionaries of the Russian language: *The Dictionary of the Russian language* (1891–1937), *The Dictionary of the modern Russian literary language* (1948–1965) and *The Dictionary of the 21st century Russian language*, the latter being compiled now. The author takes into account functional and stylistic labels, definitions and illustrative examples. The comparison of entries showed that the main lexicographical technique to demonstrate a word or its meaning as belonging to the general scientific vocabulary is a specific lexical structure of definition (or a rarely used explicit comment as its part) as well as references to the special sources in either illustrative examples or the definition itself. Apart from that, the presentation of general scientific units as individual meanings within polysemantic word structures is caused rather by their origin (application of terms of philosophy, logics, and mathematics or synthesis of close terminological meanings typical of various branches of knowledge) than by the internal semantic division based on their functions (i. e. identification of forms of scientific knowledge, categories of cognitive forms, fixing generalization methods, recording the subject's cognitive actions, etc.).

Keywords: general scientific vocabulary, literary vocabulary, full-type dictionary, dictionary entry, dictionary definition, functional and stylistic label, illustrative material

Дарья Витальевна Андрианова
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РАСПОЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. В статье прослеживается история поиска лексикографически удачной концепции включения в толковый словарь фразеологического материала. Предпринятый анализ словарных источников показывает, что изначально авторы словарей включали фразеологизмы в статьи толкового словаря, ориентируясь на субъективное понимание семантически наиболее важного компонента фразеологизма. Поскольку этот подход оказался по ряду причин неудовлетворительным, в дальнейшем предпринимались попытки выявлять опорное слово фразеологизма на основании формальных критериев. Однако такие концепции не учитывают специфику фразеологии, фразеологическую системность. Как представляется, наиболее удачным оказывается принцип расположения идиомы в толковом словаре на первое существительное, а в его отсутствие — на компонент, выраженный другой частью речи, с учетом принятой иерархии.

Ключевые слова: фразеологизм, толковый словарь, история лексикографии, фразеография, русская фразеология

Одной из актуальных задач современной фразеографии является выработка принципов расположения фразеологических оборотов в толковом словаре. Сложность этой задачи объясняется, в частности, многокомпонентностью фразеологического оборота (ФО), и параметры определения одного компонента, на который дается толкование фразеологизма и комментарии к нему, по-разному задаются составителями. Безусловно, эта проблема может быть снята технически, если на каждый из компонентов фразеологизма, выраженный самостоятельным словом, будет дублироваться раздел статьи, соответствующий данной фразеологической единице (ФЕ). Для многотомных толковых словарей, работа над которыми ведется на протяжении долгого времени коллективом составителей, учитывая сложность организации соответствующих отсылок, такое решение, возможно, было бы оптимальным. Для современных электронных словарей, составленных на основе баз данных, отсылка на фразеологизм также

не требует выработки концептуальных решений и осуществляется через систему гиперссылок. При обсуждении Проспекта Нового академического словаря А. М. Бабкин и А. В. Кунин высказывались в пользу достаточно радикального решения этого вопроса: фразеологию вынести в отдельный том словаря [Сергеев 1995: 116]. Б. А. Ларин также признавал необходимость отделить фразеологию от лексики и предлагал помещать ФО в толковый словарь наряду со словами в виде отдельных статей [там же]. В то же время, согласно сложившейся лексикографической традиции, в классическом бумажном толковом словаре ФЕ и развернутый комментарий к ней приводится в статье на компонент ФО, который по тем или иным параметрам признается «главным» в составе оборота. Ниже рассмотрим несколько фразеологических концепций выявления такого компонента, реализованных в некоторых авторитетных толковых и фразеологических словарях русского языка.

В «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, составленный по принципу тезауруса, включено значительное количество фразеологизмов и разного рода устойчивых оборотов. Не всегда, однако, читателю понятно, почему та или иная ФЕ отнесена к определенной статье. Например, оборот *ворона в павлиньих перьях* приводится в статье *павлин* [Даль, 3: 1], а не на слово *ворона* [Даль, 1: 247], как можно было бы ожидать. Вместе с тем отдельные ФЕ дублируются на каждый из значимых компонентов. Например, пословица *Атаманом артель крепка* дается как на слово *атаман* [Даль, 1: 28], так и на слово *артель* [Даль, 1: 24] — «тут важны в смысловом отношении оба слова» [Игнатенко 2002: 118]. Можно предположить, что автор в распределении фразеологии в словаре руководствуется своим пониманием наиболее значимого в смысловом отношении компонента, который определяется для каждого оборота специально.

Ориентация на выявление компонента — смысловой доминанты ФЕ характерна и для ряда академических толковых словарей — в первую очередь для семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965) [БАС-1] и четырехтомного «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (1957–1961) [МАС]. Важно отметить, что к началу работы над БАС-1 «в теории русской лексикографии не сложилось еще никаких твердых принципов <...> детальной классификации фразеологизмов» [Виноградов 1956: 84]. И именно этот словарь стал «источником и толчком для развития фразеологии как самостоятельной научной и прикладной дисциплины, <...> где впервые в мировой лексикографии был представлен и лексикографически тщательно разработан громадный массив фразеологизмов» [Скляревская 2013: 587].

Авторами БАС-1 была разработана достаточно сложная концепция отнесения ФЕ к той или иной словарной статье: «устойчивые сочетания и выражения помещаются при том из входящих в него слов, с которым это сочетание наиболее связано в смысловом отношении или которое стоит на первом месте; при других же словах данного сочетания, располагаемых на своем месте в общем построении Словаря, дается (если это нужно) ссылка на первое слово» [БАС-1, I: 12].

Подобный подход к расположению толкования ФЕ в словаре применяется и в МАС: «объяснение фразеологического оборота дается <...> под тем словом, которое в данном выражении является наиболее значимым. Во всех других ста-

тьях, где приводится фразеологический оборот, при нем дается отсылка к слову, под которым он получает объяснение» [МАС, I: 9]. Как показывает анализ содержащих фразеологизмы словарных статей, этот принцип оказывается малопродуктивным для четкого определения местоположения ФЕ. Так, на слово *первый* с отсылками на соответствующие статьи даются фразеологизмы: *первый встречный* (см. *встречный*); *первая ласточка* (см. *ласточка*), *первое мая* (см. *май*), *первый попавшийся* (см. *попасться*), *первый сорт* (см. *сорт*), *в первую голову* (см. *голова*) и др. Одновременно с этим фразеологический отдел данной словарной статьи включает толкование оборотов: *первые петухи*, *первый план*, *первая помощь* и некоторых других. На фразеологизм *не первой свежести* дается отсылка на слово *свежесть*, однако вариант этого оборота — *не первой молодости* — толкуется в статье на слово *первый*. Для оборота *первое дело* выделяются два значения, причем на первое из них дается отсылка на слово *дело*, второе же толкуется непосредственно в этой статье. Подобных примеров сложной и не всегда понятной читателю логики расположения ФЕ в БАС-1 и МАС достаточно много.

В изданной спустя десять лет после выхода первого тома БАС-1 «Инструкции» для составителей концепция расположения фразеологии в словаре корректируется и отчасти усложняется. Так, фразеологические сращения и единства приводятся на тот компонент оборота, который с легкостью определяется как смысловой центр, аккумулирующий смысл всего выражения [Инструкция 1958: 48]. Составителям предлагалось выявлять «смысловой центр», опираясь на синтаксическую структуру фразеологического оборота и частеречную характеристику его компонентов. Например, в атрибутивных сочетаниях в качестве стержневого компонента следовало выделять прилагательное, глагол, местоимение (*телячий восторг* — *телячий*, *заколдованный круг* — *заколдованный*); аналогичным образом в сочетаниях двух существительных, одно из которых является несогласуемым определением, — это существительное (*на точке замерзания* — *замерзание*). В сочетании глагола и существительного составителю необходимо было определить, какой из компонентов является «смысловым центром» (*развесить уши* — *развесить*, *войти в колею* — *колея*). В неочевидных случаях Инструкция также предлагала применять общий принцип помещения описательного толкования ФЕ в словарной статье «по грамматически главенствующему слову, или же по первому (по порядку) слову» [Инструкция 1958: 48]. Отдельно оговаривается ряд случаев, для которых следовало руководствоваться особым правилом. Например, «фразеологические сращения, имеющие в своем составе архаические слова, помещаются и объясняются под этими словами» (*точить лясы* — *лясы*) [Инструкция 1958: 49] и др.

Авторы «Большого академического словаря русского языка» [БАС-3], значительно переработанного и дополненного преемника БАС-1, издаваемого с 2004 года по настоящее время, отказываются от опоры на выделение «смыслового центра» и ориентируются на формальный принцип: «Описательное толкование приводится в словарной статье, как правило, на первое (по порядку) знаменательное слово фразеологизма, если оно не является вариантным или факультативным» [БАС-3, 1: 28]. Такой подход к расположению ФЕ в толковом

словаре позволил авторам БАС в значительной степени упорядочить ФО по формальному признаку, что, безусловно, облегчает работу составителей. В то же время концепция опоры на первое знаменательное слово игнорирует фразеологическую моделируемость и вариативность. Чаще всего ФО представляет собой «живую» единицу, где порядок компонентов не фиксирован, а компоненты достаточно легко варьируются в пределах целого ряда синонимов, типологически близких или антонимичных компонентов при сохранении общего значения, образа, аксиологического акцента. Выделение в качестве стержневого слова формально первого компонента приводит к тому, что «родственные» фразеологизмы или даже варианты одного и того же фразеологизма оказываются разнесены по разным статьям толкового словаря. Так, например, в статье на слово *моргать* толкуются ФЕ *не моргнув (глазом)* и *хоть бы глазом и (устар.) бровью моргнул*. При этом на оборот *(и) глазом не моргнёт, не моргнул* дается отсылка на слово *глаз*, а на оборот *не успел (и) (глазом и (устар.) бровью, усом) моргнуть* — на слово *успевать*. Такое расположение не упрощает для читателя поиск фразеологизма в словаре. Не случайно исследователи указывали на то, что «реализация в словарях фразеологических материалов зачастую весьма субъективна, не раскрывает в надлежащей полноте и последовательности объекта описания». [Бушуй 1986] (цит. по [Мусаев 2011]).

Важно пояснить, что принятая в БАС концепция распределения фразеологии подчинена общей задаче полного и всестороннего освещения лексико-семантического богатства русского языка. Не случайно фразеологический раздел статьи помещается за знаком тильды под конкретным значением слова, а не выносится в отдельный блок словарной статьи. То есть фразеологизм, по сути, служит своеобразным продолжением иллюстрирования значения слова. Вместе с тем на примере приведенных выше ФЕ видно, что первый по порядку следования компонент фразеологизма не всегда является той лексической константой, которая группирует вокруг себя гнездо близких по образу и смыслу ФО, которые в свою очередь могли бы наилучшим образом продемонстрировать фразеологический потенциал этого слова. Необходимость поиска новых путей в решении целого континуума вопросов, связанных с фразеографией, тем более очевидна, что «несмотря на сложившиеся традиции, подача фразеологических единиц (ФЕ) (в словаре. — Д. А.) <...> не соответствует уровню развития современной лексикографии и фразеографии» [Мусаев 2011: 266].

Свой подход к расположению ФО в толковом словаре предлагают авторы трилогии толковых словарей современного русского языка под ред. Г. Н. Складчиковой. В «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» [ТС 1998], в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [ТС 2001], а также в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [ТС 2006] последовательно приводятся ФЕ «на первое по алфавиту слово, при других словах приводятся отсылки» [ТС 2001: 39]. Например, устойчивое сочетание *верхушка айсберга* («о том, что составляет лишь незначительную часть какой-л. проблемы, конфликта и т.п.»). приводится на слово *айсберг*, *болевая точка* — на слово *болевой*. Такой подход минимизирует субъективность составителя в понимании смыслового центра, «наиболее

значимого» слова фразеологизма, что в значительной степени упорядочивает и упрощает процесс лексикографирования. При этом, однако, полностью игнорируется смысловая нагрузка структурно-семантической модели фразеологизма, то есть не учитывается системность фразеологии, понимание которой во много способствует пониманию значений конкретных ФЕ.

Представляется, что сравнительно удачная формула для решения исследуемой проблемы найдена авторами современных фразеологических словарей русского языка. Отметим, что в последние пятьдесят лет фразеология, бурно развиваясь, достигла огромных успехов в разработке фундаментальных и частных вопросов, накопила большой словарный опыт, который может быть экстраполирован на смежные лингвистические области. Опираясь на принцип алфавитного упорядочения пословиц и поговорок, применяемый европейскими лексикографами, начиная с XIX века, фразеологи разработали концепцию, согласно которой ФЕ располагаются в алфавитном порядке «по первому знаменательному слову — обычно существительному, концентрирующему в себе основной смысл паремии» [Мокиенко, Никитина 2007: 7]. В отсутствие компонента-существительного его место занимает компонент-прилагательное, числительное, наречие, глагол и т. д. Эта концепция успешно используется в паремиологической трилогии В. М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина 2007: 8, Мокиенко, Никитина 2008: 10, Мокиенко и др. 2010: 7]. Подобным образом в «Академическом словаре русской фразеологии» [Баранов, Добровольский (ред.) 2015] ФЕ располагаются «в алфавитном порядке по первой букве опорного компонента в соответствии с принятой авторами за основу иерархией частей речи (от существительного до междометия)» [Ломакина 2015: 99].

Эту систему расположения фразеологизмов в теле толкового словаря успешно и последовательно применяют авторы «Современного толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [СТС]. Здесь ФО «описываются в рамках статей по первому компоненту-существительному, при его отсутствии — по первому компоненту-глаголу, прилагательному, местоимению» [СТС: 6]. Отметим, что иерархия частей речи стержневого компонента в СТС отличается от аналогичной иерархии в указанной выше паремиологической трилогии. В СТС на слово *лопнуть* под знаком черного ромба, отделяющим фразеологическую часть словарной статьи, приводятся обороты *лопни* [мой] *глаза* (см. *глаз*); *хоть лопни (тресни)*. ‘1. Во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило. 2. О бесполезности, тщетности предпринимаемых усилий, действий в достижении чего-л.’; [Чуть не] *лопнуть от (с) натуги* (см. *натуга*). [СТС: 325].

Завершая краткий обзор принципов распределения фразеологии в толковом словаре, нельзя не отметить тенденцию к поиску формальных параметров, которые позволили бы упорядочить фразеологический массив и адаптировать его наилучшим образом для соответствия целям толкового словаря. В словаре В. И. Даля, в первых томах БАС-1 и МАС преобладала концепция субъективного определения «смыслового центра» ФЕ, выраженного одним из компонентов оборота. В последних томах БАС-1 и БАС-3 авторы отходят от опоры на смысл и начинают ориентироваться на формальный признак — выявление первого знаменательного (по порядку) слова ФЕ. В словарной трилогии Г. Н. Склад-

ской за опорный компонент принимается первое по алфавиту слово в составе ФО. Наиболее удачным представляется подход, объединяющий выявление опорного слова по формальному критерию, однако с учетом структуры фразеологизма, т. е. с опорой на частеречную принадлежность компонентов. Этот принцип применяется в ряде современных фразеологических словарей, а также в СТС. Нельзя не признать, что последняя из приведенных концепций представляется наиболее удачной из рассмотренных в статье, но решает не все проблемы расположения фразеологии в толковом словаре. В частности, рецензент «Академического словаря русской фразеологии», О. В. Ломакина, отмечает, что такой «принцип расположения материала <...> усложняет поиск и заставляет подчас обращаться к указателю, благодаря которому можно найти идиому по любому из ее компонентов» [Ломакина 2015: 99–100]. Это наблюдение о целесообразности фразеологического указателя возвращает нас к идее А. М. Бабкина о вынесении фразеологии в отдельный том словаря. Возможно, указатель может служить полезным для пользователя и составителя дополнением, облегчающим поиск фразеологизмов и дающим представление о комплексном характере фразеологии как части лексико-фразеологической системы русского языка.

Литература

- Баранов, Добровольский (ред.) 2015 — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.
- БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1–17. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- Бушуй 1986 — Бушуй А. М. Словарная репрезентация фразеологизма // Фразеология в тексте и словаре. Самарканд: СамГУ, 1986.
- Виноградов 1956 — Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. №5. С. 80–94.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-во общ-ва любителей Российской словесности, 1880–1882.
- Игнатенко 2002 — Игнатенко О. Н. Фразеологизмы в «Толковом словаре живого великорусского языка» // Русская речь. 2002. №3. С. 118–120.
- Инструкция 1958 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Ломакина 2015 — Ломакина О. В. Рец. на кн.: Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. // Вопросы лексикографии. 2015. №1(7). С. 98–103.

- МАС — Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957–1961.
- Мокиенко, Никитина 2007 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.
- Мокиенко, Никитина 2008 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М.: Олма Медиа Групп, 2008.
- Мокиенко и др. 2010 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010.
- Мусаев 2011 — *Мусаев А. С.* Проблемы презентации глагольных фразеологизмов в толковых словарях русского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. №11. С. 265–276.
- Сергеев 1995 — *Сергеев В. Н.* Фразеология в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 114–123.
- Скляревская 2013 — *Скляревская Г. Н.* Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. М.: Азбуковник, 2013. С. 579–614.
- СТС — Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2001.
- ТС 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- ТС 2001 — Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: Астрель: АСТ, 2001.
- ТС 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: ЭКСМО, 2006.

Darya Andrianova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ON THE PRINCIPLES OF PRESENTING PHRASEOLOGY IN AN EXPLANATORY DICTIONARY

Abstract. The article traces the history of the search for a lexicographically successful concept of including phraseological material in the explanatory dictionary. The undertaken analysis of dictionary sources shows that initially the authors of the dictionaries included phraseological units in the articles of the explanatory dictionary focusing on their subjective understanding of the semantically most important component of the phraseological unit. Since this approach turned out to be unsatisfactory for a number of reasons, further attempts were made to identify the reference word of a phraseological unit on the basis of formal criteria. However, such concepts do not take into account the specifics of phraseology, phraseological consistency. It seems that the most successful is the principle of placing an idiom in an explanatory dictionary based on the first noun, and in its absence—on a component expressed by another part of speech, taking into account the adopted hierarchy.

Keywords: phraseological unit, dictionary of the Russian language, history of lexicography, phraseography, Russian phraseology

Юлия Сергеевна Ридецкая
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

НЕОГРАФИЯ В ИНСТИТУТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена истории становления русской академической неографии, а также перспективам развития этого лексикографического направления. В статье перечисляются теоретические и практические достижения группы словарей новых слов, основанной Н. З. Котеловой: кратко описываются типологические словари, словари вне типологии, сборники теоретических работ, картотечные, а также электронные неографические ресурсы.

Ключевые слова: словари новых слов, неология, неография, электронная лексикография

Коллектив группы «Словарей новых слов» Словарного отдела ИЛИ РАН существует с 1960-х годов. Формирование группы началось в 1965 году, но официальный статус она получила в 1966 году. Е. А. Левашов, один из редакторов группы, так комментировал тот факт, что точная дата основания группы неизвестна: «В 1975 году осенью в Ленинграде произошло стихийное бедствие — наводнение. В комнате, в которой находилась группа (полуподвал в историческом здании Академии наук на Университетской набережной), вода поднялась почти на метр. В воде оказались рабочие столы и шкафы с картотечными материалами. Карточки с текстами пришлось восстанавливать. Тогда же пропали архивные материалы, в которых была указана дата создания группы».

Инициатором создания группы стала Надежда Захаровна Котелова (кандидат, затем доктор филологических наук), именно ей принадлежала абсолютно новая «неографическая идея», реализованная в серии словарей «Новое в русской лексике», «Новые слова и значения» и «Словарь новых слов», автором и редактором которой она была до 1990 года. Н. А. Козулина, сотрудник группы словарей новых слов, так вспоминает о Н. З. Котеловой:

«Я пришла в институт на собеседование в 1988 году, осенью. Мне дал рекомендацию Евгений Александрович (Левашов. — *Ю. Р.*), но и собеседование с руководителем группы нужно было пройти успешно. Когда вошла в комнату,

меня ждал сюрприз: вместо пожилого ученого я увидела изящную элегантную женщину с темными с проседью кольцами волос, уложенных в прическу. Надежда Захаровна была очень мягким и доброжелательным человеком. Никакого контроля, только иногда интересовалась, что я сейчас делаю. Надежда Захаровна всегда делала то, что считала нужным. Очень женственная, хрупкая, интеллигентная, одетая с большим вкусом (ей очень шел фиолетовый цвет), — но это была своего рода железная рука в бархатной перчатке».

Н. З. Котеловой разработана типология словарей новых слов и типология неологизмов; а также основные принципы методологии словарной неографической работы; основной задачей практической неографии Н. З. Котелова видела оперативное отражение изменений словарного состава русского языка, а также постановку и решение теоретических проблем, связанных с разными уровнями языка. Н. З. Котелова отмечала: «успехи внелекسیкографических ее (лексической семантики. — Ю. Р.) описаний <...> всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии, — и потому, что лексикография представляет результаты изучения больших материалов, и потому, что она охватывает весь словарный состав, и потому, что лексикографическое описание предполагает одновременный учет разных свойств слова. Эксперимент такого большого размаха не может быть <...> вне лексикографии» [Котелова 2015: 57]. Именно теоретический потенциал отечественной неографии определял высокий уровень ее практической разработанности.

Триада неологических словарей, ориентированных на степень социализации (употребительности) лексики, реализованная Н. З. Котеловой и группой неографов, по своей временной очередности предстает в такой последовательности: *десятилетник* — *ежегодник* — *тридцатилетник*.

В разное время редакторами этих неографических изданий были, кроме Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокин, Е. А. Левашов, Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, а также Н. В. Соловьев и С. И. Алаторцева.

Типологические словари: десятилетник

Идею и реализацию первого неографического издания *десятилетника* «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» поддержал заведующий Словарным отделом д.ф.н. Ю. С. Сорокин. Совместно с ним в группе состоялось несколько заседаний, на которых обсуждались проблемы будущего словаря: что и применительно к какому времени считать новым словом, на какие источники опираться и др. Поскольку словарь начинался в 1960-х годах, было принято решение описывать неологизмы именно этого десятилетия и отчасти — предыдущего (послевоенного), т. е. 1950-х годов. Было определено, что словарь будет следовать традициям академического словаря и, следовательно, будет содержать только лексику литературного языка. В предисловии к первому словарю кратко описана история возникновения первого в отечественной академической лексикографии словаря новых слов: «В группе картографирования и библиографирования Словарного сектора Института русского языка АН СССР возник и был активно

поддержан издательством „Советская Энциклопедия” замысел подготовить словарь-справочник новых слов и значений. К сожалению, сектор не имел возможности использовать электронно-вычислительные машины для сплошного обследования текстов за большой период времени (например, за 10 лет). Последовательно и исчерпывающе была обследована по специально выработанной программе пресса и литература за 1965, 1966 и 1967 годы. По материалам созданной таким образом картотеки, пополнявшейся в процессе составления и редактирования словаря и насчитывающей 70 тысяч выписок, был подготовлен <...> словарь» [Котелова, Сорокин, 1971: 6].

Первый словарь десятилетнего цикла, НСЗ-60, был издан в 1971 году, второе издание — в 1973 году. Авторами-составителями первого словаря стали Н. З. Котелова, Е. А. Левашов, А. И. Литвиненко, К. А. Логинова, Н. М. Меделец, Н. З. Бутарова Э. Р. Сальмин. Словари по материалам одного десятилетия фиксируют только те новации, которые вошли в русский национальный язык того или иного десятилетия как узувальные, но актуальные лишь определенное время. В XX веке опубликовано три таких словаря: 1960-х, 1970-х (издание 1984 года), 1980-х (издание 1997 года); в начале XXI века — трехтомный словарь 1990-х (издание 2009–2014 годов). НСЗ-60 стал первым и потому пробным. Но на нем были отработаны все основные проблемы дальнейших словарей десятилетнего цикла (хотя эталонным словарем стал следующий — НСЗ-70, введший в словарные статьи словообразовательную справку, в толковых словарях обычно не даваемую) [Левашов 2006]. НСЗ-80 вышел под редакцией Е. А. Левашова в 1997 году. С 2000-х началась работа с электронной текстовой базой данных Интегрум (integrum.ru), что позволило неографам не ограничиваться в выборе иллюстративного материала, более дифференцированно и полно разрабатывать семантический аспект, четче определять хронологический параметр появления слов и значений в языке: с 2009 по 2014 год вышло трехтомное издание НСЗ-90, ответственным редактором которого была Т. Н. Буцева.

Типологические словари: ежегодник

Первый выпуск серии *ежегодников* — НРЛ-1977 — был опубликован в 1980 году. В середине 1970-х Н. З. Котелова пришла к мысли, что лексикографировать следует не только ту лексику средств массовой информации, которой пополняется литературный язык, но всю ту лексику, которая встречается в периодике и не попадает в словари как литературно не кодированная: слова и значения однократного употребления, сложные дефисные слова, разного рода окказионализмы, инициальные аббревиатуры, разовые заимствования, внутриязычные вхождения и др. Это был новый для лексикографии замысел: на словарном материале «показать поток стихийной языковой жизни» (Н. З. Котелова) [Левашов 2006]. Словари по материалам одного года (*ежегодники*) — «Новое в русской лексике. Словарные материалы», — в них фиксируются те речевые новации, которые были обнаружены за обследуемый период того или иного года, в том числе индивидуально-авторские и окказиональные слова, а также устойчивые словосочетания. Целью словаря-

ежегодника является отражение оперативной и объективной информации о лексических новациях русского языка.

Первый *ежегодник* как экспериментальный был составлен на основе выборки, ограниченной количественно и хронологически: 10 изданий СМИ (5 центральных газет и 5 литературно-художественных журналов) за четыре из 12 месяцев года. Авторами словаря стали Н. З. Котелова (редактор), В. П. Петушков, Ю. Е. Штейнсапир, Н. Г. Герасимова.

В XX веке опубликовано 12 выпусков: 1977–1988; в начале XXI века — 6 выпусков: 1989–1994, в конце 2010-х — 6 выпусков: 2015–2020. На 12 лет с 2006 года прерывался выпуск *ежегодников*, за это время в интернет-пространстве сложился сегмент разрозненных, но оперативных, ненаучных неологических ресурсов. В 2017 году была возобновлена работа над *ежегодниками*, описывающими неологизмы 2010-х, первым выпуском стал словарь «Новое в русской лексике. Словарные материалы–2016». Некоторые принципы отбора материалов, формирования словника и структуры словарной статьи были изменены в связи с компьютерной эпохой и новыми лексикографическими приемами: в работе с источниками было признано нецелесообразным ограничиваться сравнительно небольшим обследуемым периодом (3–4 месяца); в настоящее время такой анализ и отбор материала проводится в течение всего календарного года. В структуру словарной статьи были введены новые зоны, изменена система стилистических помет, которая стала соответствовать нормам современной толковой лексикографии. Важным также является то, что первая письменная фиксация неологизма в русскоязычных текстах (хронологический статус слова) уточняется по определенному алгоритму. Принципы отбора неологизмов были сформулированы авторским коллективом в начале 2010-х годов при работе над НСЗ-90.

Типологические словари: тридцатилетник

Третий тип неографических изданий по материалам трех десятилетий (*тридцатилетник*) — «Словарь новых слов русского языка 1950–1980-х гг.» — фиксирует только ту лексику, которая вошла в общее употребление. Основной его целью было пополнение новой лексикой толковых нормативных словарей русского языка. Выборочно сводный (объединяющий материалы десятилетников), дополненный и нормативный, он охватывает неологизмы всего послевоенного времени и, согласно пониманию Н. З. Котеловой, является собранием неологизмов — слов, «возникших на памяти применяющего <их> поколения». Проект словаря был представлен лексикографическому сообществу в 1982 году, но опубликован Словарь был опубликован уже после смерти Н. З. Котеловой в 1995 году.

Теория неологии и неографии

Разработка теоретических принципов, методов и подходов, а также типология словарей новых слов изложены в ряде статей и предисловий к словарям серии, собранным в книге «Избранные работы» Н. З. Котеловой [Котелова 2015]:

Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. (1971);

Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов (1978);

Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы–77 (1980);

Проект словаря новых слов русского языка (1982);

Словообразование без образования слов (1983);

Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. (1984);

Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов (1988).

Сборники статей серии «Новые слова и словари новых слов», основанной Н. З. Котеловой в 1978 году, положили начало традиции обобщения и теоретического осмысления научных результатов в области современной неологии и неографии. В предисловии к первому сборнику Н. З. Котелова так сформулировала его задачи, которые и в настоящее время остаются актуальными: «Прямые и обратные связи практики и теории являются залогом успешного развития неологии, понимаемой как изучение и описание нового в словарном составе языка». В XX веке было выпущено четыре таких издания под редакцией Н. З. Котеловой и Е. А. Левашова [НС 1978, 1983, 1990, 1997]. Сборники статей были дополнены библиографическими указателями по лексико-фразеологическим и семантическим новообразованиям, начиная с 1920-х по 1990-е годы (авторы-составители Е. А. Левашов, Н. С. Никитченко, С. Г. Беликова, Н. А. Козулина), также вне серии сборников был издан библиографический указатель 2001–2010 годов [Ридецкая 2012].

В 2020 году была возобновлена работа над серией изданий «Новые слова и словари новых слов», прежде всего «в связи необходимостью обсуждения широкого круга вопросов, связанных с планомерным и разноаспектным лексикографическим представлением новой лексики и фразеологии» [Козловская 2020]. Сборник 2020 года отражает материалы чтений, посвященных 95-летию со дня рождения основателя направления русской академической неологии и неографии «Неологизмы 2020 года: язык коронавирусной эпохи» и работы семинара «Современная неология и неография: актуальные проблемы и тенденции развития».

Ряд теоретических и исторических обобщений представлен также в сборниках конференций к 40-летию и 50-летию неографического направления, ответственными редакторами которых были Т. Н. Буцева и О. М. Карева [Русская 2006; Неология 2016].

Неография: от картотек до электронных баз данных.

Словари вне типологии. Перспективы

Помимо указанных выше словарей и сборников статей, за время существования группы «Словарей новых слов» коллективом лексикографов были созданы вспомогательные неологические ресурсы:

- бумажные неологические картотеки 1960–1990-х годов (более 400 000 карточек-цитат), которые стали источником материалов для изданий, описывающих неологизмы XX века;

- бумажная картотека 2000-х годов;
- банки неологизмов русского языка (алфавитные списки, объединяющие в индексы слова, значения слов, сочетания), созданные на материале изданных неологических словарей и картотечных материалов и охватывающие период 1950–1990-х годов. В 1983 году такой банк был опубликован Н. З. Котеловой [Котелова 1983] и продолжался благодаря работе Т. Н. Буцевой и Ю. Ф. Денисенко [Денисенко, Буцева 1997]. Именно идея банка, сложившаяся в результате длительной неографической практики, стала неотъемлемым звеном и основанием для перехода коллектива к использованию новых цифровых технологий в тот период, когда они еще были методологической редкостью [Приемьшева 2020].

Над созданием этих ресурсов и составлением на их основе неологических словарей в свое время работали С. И. Алаторцева, И. А. Бочкарева, В. Д. Бояркина, Н. З. Бутарова, Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Н. Г. Герасимова, С. Л. Гонобоблева, Ю. Ф. Денисенко, Н. А. Козулина, Н. З. Котелова, А. И. Литвиненко, Е. А. Левашов, К. А. Логинова, Н. М. Меделец, М. Ф. Найденьшева, Н. С. Никитченко, В. П. Петушков, В. Н. Плотицын, Т. Н. Поповцева, Э. Р. Сальмин, Е. П. Снегова, Ю. С. Сорокин, Н. В. Соловьев, Л. В. Степанова, Н. Г. Стулова, М. Н. Судоплатова, Е. П. Холодова, Е. Н. Шагалова, Ю. Е. Штейнсапир, А. Д. Юдина.

Неологический статус слов и сочетаний, помещенных в эти ресурсы и, соответственно, в создаваемые на их основе словари данной серии, изданные до 2009 года (дата выхода I тома НСЗ-90), является относительным. Неологическая единица маркировалась теми годом, десятилетием или тридцатилетием, в которые она была обнаружена и зафиксирована, при этом показателем новизны являлось отсутствие данной единицы в картотеках ИЛИ РАН и авторитетных словарях, изданных на тот период. Поиск более ранних фиксаций слова представлялся затруднительным из-за отсутствия текстовых баз данных.

На рубеже XX и XXI веков началась компьютеризация лексикографической работы, и наступил «новый этап» [Буцева 2016] развития отечественной академической неографии, который воплотился, в том числе в создании нового вспомогательного ресурса — электронной неологической базы данных.

В состав электронной неологической базы данных, формирование которой началось в начале 2000-х годов под руководством Т. Н. Буцевой (с тех пор группа много раз экспериментировала с форматами электронного представления материалов), входят изданные неографические словари трех типов, описанные выше, словари вне типологии; электронные картотеки авторитетных словарей и баз данных ИЛИ РАН; а также неизданные материалы, которые классифицируются авторским коллективом по временному и качественному параметрам: лексика, датированная периодом до 1990-х годов и по тем или иным причинам не зафиксированная толковыми, орфографическими, специальными и другими авторитетными словарями; неологизмы 1990–2000 годов; неологизмы 2001–2010 годов; неологизмы 2011–2021 годов; а также речевые новации, фиксация которых в русскоязычных текстах была единичной. Неологизмы последнего десятилетия сортируются по годам для создания первичных словников серии словарей «Новое в русской лексике. Словарные материалы». До попадания в электронную неологическую базу новые слова и устойчивые сочетания (их

значения) проходят отбор на новизну. Прежде всего, это отсутствие найденной единицы в неологической базе данных; проверка временных характеристик единицы по корпусу русскоязычных текстов Google.books (books.google.ru), корпусу текстов «Интегрум», Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru), а также по имеющим датировку ресурсам интернета.

Источником материала для пополнения электронной базы являются информационные и публицистические издания, круг которых сформировался в начале 2000-х годов, — это традиционные выбранные лексикографами «Известия», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Новый Петербург», «Аргументы и факты», а также зарекомендовавшие себя как отражающие актуальные события года журнал РБК, газета «Метро» и некоторые др.; тексты медийного дискурса: телевизионные программы, новостные ленты, блоги, социальные сети, чаты, комментарии, реклама, непрофессиональные интернет-словари и т. п. Другим источником материалов становятся поисковые запросы в корпусе текстов «Интегрум».

В работе по созданию, пополнению и унификации электронной неологической базы принимали участие Т. Н. Буцева, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, а в последние годы — Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева.

Кроме того, с 2008 года существовало несколько информационно-справочных компьютерных систем («Neolex»), предназначенных для хранения, поиска, редактирования, структурирования неологических материалов, разработчиками которых в разное время были В. Кочнев, Д. Дмитриев [Буцева 2006, 2008]. В 2013–2014 годах проходили эксперименты по реализации проекта Т. Н. Буцовой «Неологическая служба русского языка» — электронного ресурса в виде семантических полей, тематических групп (neologia.ru) [Буцева 2013; Дмитриев 2013].

В настоящее время разработан электронный информационно-поисковый ресурс «Русская академическая неография: неологизмы русского языка» (neographia.iling.spb.ru), продолжающий и развивающий концепцию предшествующих ресурсов. Некоторые опубликованные словари неографического направления представлены на сайте ИЛИ РАН (iling.spb.ru/dictionaries.html.ru), информация о неологизмах последних десятилетий и публикационной активности группы словарей новых слов размещена на странице академической неографии в социальных сетях (instagram.com/neographia.spb). Несколько видоизмененные материалы четырех *десятилетников* доступны в русском сегменте викисловаря (ru.wiktionary.org/wiki).

С 2021 года ведется работа по созданию электронных ресурсов на основе типологических (*ежегодников, десятилетников, тридцатилетника*), а также аспектных словарей вне типологии, созданных сотрудниками группы уже в XXI веке. Неологическими словарями вне типологии являются морфемный словарь «Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника» [АРЯ] и тематический — «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который был издан совокупно с коллективной монографией по неологии текущего периода [СлКЭ 2021; РЯКЭ 2021]¹.

¹ Подробнее о проектах аспектной неографии см. работы Т.Н. Буцовой [Буцева 2019].

Электронные ресурсы «Новое в русской лексике» и «Аффиксоиды русского языка» предназначены для совместной работы редакторов и составителей, то есть акцент сделан на редакторском интерфейсе, в пользовательском же интерфейсе отражены идеи предыдущих неологических ресурсов группы словарей новых слов.

Первый ресурс, который является презентацией избранных неографических материалов, находится на стадии разработки. Этот проект позволит повысить неографическую оперативность и осуществить поиск неологических материалов по многочисленным параметрам: грамматическому, морфологическому, стилистическому, семантическому, фразеологическому, хронологическому, тематическому, а также степени социализации. В ресурс будут добавляться в первую очередь неологические материалы 2010-х и 2020-х годов. Также будет предпринята попытка синхронного составления, внесения редакторской правки и публикации неологических материалов 2022 года с целью формирования словника выпуска «Новое в русской лексике. Словарные материалы–2022».

Второй ресурс спроектирован на основе словаря «Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника», который создавался сотрудниками группы словарей новых слов под руководством к.ф.н. Е. А. Левашова и был опубликован в 2009 году. По инициативе М. Н. Приемышевой была проведена редакторская правка и создание электронной версии опыта словаря.

Еще в 2012 году высказывался ряд замечаний в адрес этого лексикографического опыта [Зеленин 2012], но важным представляется следующее замечание: «Необходимо инвентаризировать наличный фонд аффиксоидов на основе цельной и непротиворечивой теории и наладить мобильную регистрацию инноваций, содержащих в своем составе форманты данного типа» [Зеленин 2012: 277].

Информационно-поисковый ресурс «Аффиксоиды. Словарь-справочник» (affixoid.iling.spb.ru) содержит более 900 начальных и финальных частей сложных слов русского языка (аффиксоидов), а также их описание (этимологию, толкование значений, иллюстративный материал разного типа, функционально-стилистические характеристики, орфографические особенности, дополнительную семантическую и словообразовательную информацию). Ресурс предназначен как для лингвистов, специалистов в области русской лексикологии, лексикографии, словообразования и морфемики, так и для самой широкой аудитории. На текущий момент ресурс находится на стадии редактирования, однако может использоваться как справочный в лексикографической работе.

В духе лексикографической практики группы словарей новых слов в этом электронном ресурсе аффиксоид трактуется как словообразовательный формант. Авторы же АРЯ придерживаются морфемного подхода, опираясь на трактовку термина аффиксоид А. Н. Тихонова [Тихонов 1989], поэтому, например, вторичные дериваты (...возка, ...мания, ...видный) в опыте словаря-справочника не рассматриваются. Словообразовательный подход к пониманию аффиксоида не противоречит его традиционному определению: «Аффиксоид (от аффикс и греч. εἶδος — вид) — компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу — суффиксу (для последних ком-

понентов сложения) или префиксу (для первых компонентов). Аффиксоиды подразделяются на префиксоиды (*авиа...*, *теле...*, *видео...*, *орг...*) и суффиксоиды (*...вод*, *...лог*, *...хоз*)» [Русский 1979].

В ходе работы над информационно-поисковым ресурсом «Аффиксоиды. Словарь-справочник» был выявлен ряд направлений редактирования и стратегий преобразований¹:

1. Формирование словника. Словник АРЯ, насчитывающий более 870 единиц, был соотнесен с кодифицированными в РОС (Орфографический академический ресурс Академос) формантами, а также дополнен такими частотными кодифицированными формантами, как *бизнес-*, *допинг-*, *интернет-*, *интранет-*, *онлайн-*, *офлайн-*, *пиар-*, *спа-*, *спам-*, *фитнес-*, *фешен-*, *флеш-* (более 20 единиц). В РОС содержится 227 единиц *первых частей сложных слов* (терминология РОС), однако отсутствуют кодифицированные суффиксоиды (финальные части сложных слов). Некоторые единицы, определяемые составителями словаря АРЯ в качестве аффиксоидов, кодифицируются в РОС как приставки (17 единиц): *анти...*, *архи...*, *вице-*, *гипер...*, *гипо...*, *интра...*, *интро...*, *контр...*, *мета...*, *обер-*, *пара...*, *пост...*, *прото...*, *суб...*, *супер...*, *ультра...*, *экстра...*. Эта информация также отмечена в информационно-поисковым ресурсом «Аффиксоиды. Словарь-справочник».

Словник электронного ресурса «Аффиксоиды. Словарь-справочник» позиционируется как постоянно пополняемый новыми частотными аффиксоидами, отображенными в электронную неологическую базу группы словарей новых слов (например, *крипто...* (от криптовалюта), *ИИ-...* (от искусственный интеллект)).

2. Унификация акцентологических характеристик в соответствии с кодификацией и тенденциями, зафиксированными в РОС.

3. Унификация орфографических вариантов в соответствии с кодификацией и тенденциями, зафиксированными в РОС. Например, в электронном ресурсе префиксоид *дэнс-*... заменен на *данс-*...; *зиц...* на *зиц-*).

4. Унификация помет. Система функционально-стилистических помет соотнесена с современной неографической, сформулированной при работе над серией *ежегодников* 2010-х годов (например, помета *проф.* заменена на *спец.*).

5. Унификация системы отсылок на синонимы и варианты.

6. Редактирование зоны этимологии. Первичное редактирование включало проверку этимонов. Предстоит выработать стратегию представления материала в этимологической зоне: последовательность вариантов этимологических справок, словообразовательных комментариев и рядов слов, подтверждающих заменительную деривацию (*гейт...*), а также уместность этимологических подтолковываний при этимонах (пример с *арм...*).

7. Дополнительная семантизация (выявление новых значений, омонимии) аффиксоидов, которая включает в себя перепроверку этимологической справки, иллюстративного материала (см. *тлон...*, *фельд...*, *онома...*), подбор дополнитель-

¹ Подробнее о техническом аспекте разработки ресурса см. выступление: Громенко Е. С., Егоров И. М., Павлова А. С., Ридецкая Ю. С. «Об электронном лексикографическом ресурсе «Русская академическая неография». Международная научная конференция «Неология-2021». ИЛИ РАН, 1–2 декабря 2021 г.

ного иллюстративного материала, в том числе созданного на русской почве. Последний становится актуальным в тех случаях, когда для выделения аффиксоида и подтверждения его значения используются лишь сложные слова-заимствования.

Таким образом, научный потенциал ресурса и его главные задачи — обобщить в лексикографической форме сведения о промежуточном словообразовательном и морфемном явлении русского языка — аффиксоидах, а также унифицировать их семантическое описание.

Неографическое направление продолжает традицию типологических изданий XX — начала XXI века: кроме проспективных неографических изданий (подготовлен *ежегодник* НРЛ-2021), ведется работа над ретроспективными словарями — *ежегодником* НРЛ-2014, а также над проектом «Словаря новых слов начала XXI века» (в основе которого промежуточный между *десятилетником* и *тридцатилетником* формат, задуманный в связи с отсутствием *десятилетников* 2000-х и 2010-х годов). Совокупный же объем словарей направления насчитывает более 120 000 единиц. Следует отметить, что перспективным для неографического направления является формат информационно-справочных ресурсов, повышающих неографическую оперативность, а также аспектные исследования неологического материала и его лексикографирование.

Литература

- АРЯ — Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Буцева 2006 — Буцева Т. Н. Инновационная лексическая служба русского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2006. Т. 2. №3. С. 99–123.
- Буцева 2008 — Буцева Т. Н. Неография в эпоху Интернета // *Материалы XXXVII Международной филологической конференции* / Отв. ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова. Вып. 15: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). СПб., 2008. С. 3–10.
- Буцева 2013 — Буцева Т. Н. Неологическая служба русского языка // *Лексикология, лексикография и корпусная лингвистика*. / Отв. ред. В. П. Захаров, М. Н. Приемышева. СПб., 2013. С. 93–98.
- Буцева 2016 — Буцева Т. Н. Сегодня и завтра академической неографии // *Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сб. научных статей* / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 16–21.
- Буцева 2018 — Буцева Т. Н. Проблемы современной академической неографии в аспекте неологической концепции Н. З. Котеловой // *Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики. Тезисы докладов международной научной конференции*. М., 2018. С. 14–16.
- Буцева 2019 — Буцева Т. Н. Аспектная неография // *Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации*.

- Сб. статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». Н. Новгород, 2019. С. 22–31.
- Денисенко 2006 — *Денисенко Ю. Ф.* Типы неологических словарей ИЛИ РАН и формирование их системности // Русская академическая неография (к 40-летию науч. направления): материалы Международной конференции (23–26 октября 2006 г.) / Отв. ред. Т. Н. Буцева, О. М. Карева. СПб., 2006. С. 39–47.
- Денисенко, Буцева 1997 — *Денисенко Ю. Ф., Буцева Т. Н.* Банк неологизмов русского языка 1985–1991 гг. // Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Е. А. Левашов. СПб., 1997. С. 17–33.
- Дмитриев 2013 — *Дмитриев Д. В.* Neologia.ru: принципы построения интернет-ресурса для коллективной лексикографической работы // Лексикология, лексикография и корпусная лингвистика. / Отв. ред. В. П. Захаров, М. Н. Приемышева. СПб., 2013. С. 99–109.
- Зеленин 2012 — *Зеленин А. В.* Рец. на: кн. Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009 // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. №3. С. 273–284.
- Кожевников, Ридецкая 2019 — *Кожевников А. Ю., Ридецкая Ю. С.* Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы–2017 / Сост. А. Ю. Кожевников, Ю. С. Ридецкая / Отв. ред. А. Ю. Кожевников.. СПб: ИЛИ РАН, 2019. С. 3–6.
- Козловская 2020 — *Козловская Н. В.* Предисловие // Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб., 2020. С. 3–4.
- Котелова 1983 — *Котелова Н. З.* Банк русских неологизмов сер. 1950-х по 1980 г. // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983. С. 161–222.
- Котелова 2015 — *Котелова Н. З.* Избранные работы. СПб., 2015.
- Котелова, Сорокин 1971 — *Котелова Н. З., Сорокин Ю. С.* Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. М., 1971.
- Левашов 1995 — *Левашов Е. А.* Надежда Захаровна Котелова (1925–1990) // Русская речь. 1995. №3. С. 67–69.
- Левашов 2006 — *Левашов Е. А.* К начальной истории русских словарей новых слов. Режим доступа: neolexiling.narod.ru/Material/History.htm.
- Неология 2016 — Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб.: Нестор-История, 2016.
- НРЛ-(1977 и др. годы) — Новое в русской лексике. Словарные материалы-1977 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1980. и др.
- НС — Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. З. Котелова. Л., 1978.
Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. З. Котелова. Л., 1983.
Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. З. Котелова. Л., 1990.
Новые слова и словари новых слов / Ред. Е. А. Левашов. СПб., 1997.
Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб., 2020.
- НСЗ-60 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1971.

- НСЗ-70 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.
- НСЗ-80 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997.
- НСЗ-90 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.), Е. А. Левашова, Ю. Ф. Денисенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Приемышева 2020 — *Приемышева М. Н.* Русская академическая неография: истоки, актуальные проблемы и направления развития // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 5–18.
- Ридецкая 2012 — *Ридецкая Ю. С.* Указатель литературы по лексическим инновациям (2001–2010 гг.) // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. №3. С. 395–529.
- РОС — Научно-информационный орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Orfo.ruslang.ru.
- Русская 2006 — Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). Материалы международной конференции. Институт лингвистических исследований РАН 23–25 октября 2006 г. / Отв. ред. Т. Н. Буцева и О. М. Карева. СПб.: Наука, 2006.
- Русский 1979 — Русский язык. Энциклопедия, М., 1979.
- РЯКЭ — Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Редкол.: Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
- СлКЭ — Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Редкол.: Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
- Тихонов 1989 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка Т. I. М., 1989.

Yuliya Ridetskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

NEOGRAPHY IN THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES: THE PAST AND THE PRESENT

Abstract. The article is devoted to the history and prospects of the Russian academic neography (lexicographic school). The article lists the theoretical and practical achievements of the group of dictionaries of new words founded by N. Z. Kotelova. The typological dictionaries, aspect dictionaries beyond the typology, collections of theoretical works, databases, as well as electronic resources are briefly characterized.

Keywords: dictionaries of new words, neology, neography, electronic lexicography

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Ирина Алексеевна Малышева
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

Создание «Словаря русского языка XVIII в.» представляет собой одну из актуальных задач русского языкознания.

Ю. С. Сорокин

Язык XVIII века, бывший в 50-е гг. белым пятном в истории русского литературного языка, через два десятилетия стал самым изученным отрезком этой истории.

А. А. Алексеев

Аннотация. В «Словаре русского языка XVIII века» впервые в русской исторической лексикографии решается задача описания лексического материала во всей полноте динамических языковых процессов, протекавших в течение одного из сложнейших периодов развития языка. Разработанная концепция словаря потребовала создания специальных приемов показа динамических характеристик словарного состава, которые используются наряду с традиционными способами лексикографического описания. На протяжении всего времени подготовки и издания словаря продолжается работа по поиску наиболее оптимальных решений. Некоторые из первоначально принятых решений пересматривались, уточнялись или снимались. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы представления слов, которые в процессе работы над словарем получали разные решения.

Ключевые слова: русский язык, исторический словарь, динамика словарного состава, приемы описания

«Словарь русского языка XVIII века» — словарь языка «одного языкового состояния» [Сорокин 1977: 7] — занимает особое место среди исторических словарей русского языка благодаря разработанной его создателями новаторской и мно-

гообъемлющей научной лексикографической концепции: «Словарь языка XVIII в. <...> объединяет и объясняет слова и выражения, принадлежащие одному из прошлых состояний русского языка; <...> он представляет динамику форм языкового выражения в установленных хронологических пределах, их развитие в данный исторический период, а также складывавшиеся в рамках этого периода типические отношения отдельных элементов лексической системы» [Сорокин (ред.) 1977: 5].

Определяя специфику языкового развития в XVIII столетии как общий процесс постепенного сложения единой литературной нормы на общенациональной основе, Ю. С. Сорокин проводит линию от существования особого рода двуязычия («противостояние разговорного и книжного языка и наличие двух особых письменных традиций — книжно-славянской <...> и собственно русской») к постепенному сложению к середине XVIII века «различных более гибких и эклектичных схем жанрово-стилистических разграничений»; этот основной процесс проявляется и усложняется рядом более частных изменений, но также значительных по своим последствиям [Сорокин 1977: 7–11]. Этим определились и хронологические границы готовящегося словаря (1695–1805), и круг источников, и основные направления исследования словарного состава русского языка XVIII века, и принципы его лексикографического описания.

Начало работы над Словарем относится к 1960 году. Общая концепция Словаря была создана Ю. С. Сорокиным и Л. Л. Кутиной¹. В написании Проекта Словаря, в разработке основных принципов описания слов принимали участие Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, И. М. Мальцева, З. М. Петрова, А. И. Молотков [Сорокин (ред.) 1977].

Впервые в исторической лексикографии была поставлена задача не только представить лексический материал одного из периодов истории русского языка, но и показать во всей полноте динамические языковые процессы, протекавшие в течение XVIII столетия. В то же время основные принципы разрабатываемого лексикографического проекта естественным образом опирались на общие постулаты, принятые в русской академической лексикографии, в частности, «общие принципы толкования слов и типы определений выдержаны в основном в традициях русской лексикографической практики. Слова получают определения, с необходимой полнотой раскрывающие значение слова, включая энциклопедические и историко-культурные сведения» [Петрова 2005: 101].

Намечая главные задачи работы, Ю. С. Сорокин писал о необходимости основных этапов подготовки нового словаря: создание картотеки словарных материалов-цитат; определение хронологических рамок словаря; установление круга источников; решение вопроса о характере или типе словаря [Сорокин 1965]. Каждый из этих этапов был сопряжен с огромным кругом проблем и более частных вопросов, которые должны были впервые решаться в русской исторической лексикографии. Словарь должен был создаваться на материале практически не изученном: лексический состав русского языка XVIII века, «времени существенных изменений в русской лексике и фразеологии, эпохи

¹ С 14-го выпуска по решению Ученого совета ИЛИ РАН на обороте титула Словаря стоит: *Основатели Словаря русского языка XVIII века Л. Л. Кутина и Ю. С. Сорокин.*

интенсивных процессов формирования русского литературного языка на национальной основе» [Сорокин 1965: 5; см. также: Сорокин 1966], не был достаточно исследован, сведения о нем были неполны, отрывочны, а часто и ошибочны. Перед коллективом Словаря стояла задача не только решения сложных лексикографических проблем, но в первую очередь задача всестороннего исследования лексического материала: получение достоверных и возможно полных сведений о составе и процессах развития словарного состава языка XVIII столетия. В 1965 и 1966 годах были опубликованы первые сборники статей, посвященных разным вопросам изучения языка XVIII века, в том числе и осмыслению предполагаемых источников нового словаря [Сорокин (ред.) 1965; Сорокин (ред.) 1966]. На протяжении первых десятилетий шла активная научная работа по изучению различных пластов лексики и важнейших сторон развития русского языка данного периода [Кутина 1964; Кутина 1966; Биржакова, Кутина, Войнова 1972; Князькова 1974; Мальцева, Молотков, Петрова 1975; Замкова 1975]. Работа по исследованию лексики XVIII века продолжалась и в дальнейшем [Кутина, Биржакова (ред.) 1980; Сорокин (ред.) 1981; Сорокин (ред.) 1982; Замкова (ред.) 1984; Кутина (ред.) 1990; Сорокин, Петрова (ред.) 1994; Петрова (ред.) 1999] (см. [Малышева 2017]).

Базой Словаря стала картотека, которая начала собираться в первый же год работы над Словарем. В основу формирования Картотеки были положены три главных принципа: принцип полноты привлечения источников, принцип полноты отражения в картотечных материалах самих элементов словарного состава русского языка этого времени, принцип достоверности и точности в отношении словоупотребления данного времени¹.

Картотека создавалась на основе сплошного расписывания основных источников (Письма и бумаги Петра I, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, труды М. В. Ломоносова, сочинения Н. М. Карамзина) и выборочного расписывания многих других текстов². Ю. С. Сорокин, излагая концепцию нового словаря, определил и принципиальные положения, касающиеся источников: разнообразие и жанровая широта без предпочтения какого-либо одного жанра, даже если он был наиболее влиятельным в процессе формирования литературной речи; не только произведения оригинальные, но и переводные; исключительно лингвистические критерии при отборе памятников; отбор источников не должен опираться на какие-то заранее сложившиеся представления о нормах литературного языка XVIII века [Сорокин 1965: 18–29]. Одним из

¹ Из «Инструкции по выборке лексических материалов для картотеки „Словаря русского языка XVIII века”» [См.: Материалы 2012: 60].

² «Приступая к работе над созданием картотеки, мы отдавали себе отчет о слабой изученности лексики XVIII в. <...> Необходимо было приступить к систематическому изучению источников не только основных авторов XVIII века, но и разных жанров художественной прозы, драматургии и поэзии, научной литературы, путешествий, мемуаров, журналов, газет и т. д. Результатом изучения языка источников XVIII в. явился целый ряд монографических исследований и диссертаций сотрудников группы. Сборники статей, основными авторами которых являются сотрудники группы, объединяемые не только по хронологическому принципу, но и по целенаправленности, по методам исследования, с полным основанием можно отнести также к монографическим» [Петрова 1989: 36–37].

важнейших источников стали лексикографические труды XVIII века, причем при их отборе «учитывались как тип, характер самого словаря, его место и роль в лексикографическом собрании, так и время создания, с тем, чтобы для всех периодов XVIII века (петровского, ломоносовского, карамзинского) в картотеке были и лексикографические выборки» [Биржакова 1989: 42]¹. Особое внимание к лексикографическим трудам XVIII века проявляется и в том, что в структуре картотеки Словаря сразу за основным разделителем предусмотрен лексикографический раздел, показывающий фиксацию данного слова в словарях XVIII века.

Картотека создавалась достаточно быстро, поскольку были определены жесткие сроки составления самого Словаря. Велся четкий учет накапливаемых материалов — карточек-цитат: сохранились протоколы заседаний группы, ежеквартальные и годовые отчеты о пополнении картотеки, которые позволяют проследить, какими темпами пополнялась картотека (см. [Малышева 2012: 9–14]; об истории создания картотеки см. [Биржакова, Петрова 1967; Петрова 1989; Петрова 1995; Куканова 2004; Материалы 2012: 43–97]). За два первых года работы (к 1 января 1963 года) была накоплена картотека, включающая около полумиллиона (472 268) карточек-цитат. К началу 1970 года картотека содержала 54 000 отдельных слов. «Однако приступить к составлению словаря при наличии имевшейся к тому времени² картотеки было бы преждевременно. В ней еще не было достаточно материала для полного словаря. На очередном обсуждении замысла и теоретических основ словаря в эти годы крупнейший специалист по русской литературе XVIII века П. Н. Берков выступил с пожеланием начать составление словаря при наличии полутора миллионов карточек. Тогда это казалось почти недостижимым» [Петрова 1989: 35].

Составление Словаря началось весной 1972 года: авторы считали, что приступить к работе можно будет только тогда, когда в картотеке будет как минимум 1,5–2 млн карточек (на 1 июля 1972 года картотека содержала 1 539 582 карточки-цитаты).

Работа над Словарем проходила в непростых условиях: были установлены не только жесткие сроки составления Словаря (1960–1970), но и объем его был определен лишь в 1000 а. л. (10 томов), позже объем был еще сокращен до 200–300 а. л., потом увеличен до 500 а. л. Первоначальные планы по неоднократным просьбам составителей Словаря, понимавшим всю сложность материала и работы над ним и невозможность уложиться в предложенные сроки и объемы, пересматривались. В 1980 году было принято решение установить объем Словаря в 600 а. л. и печатать в 5-ти томах по 4 выпуска в каждом (30–40 а. л.). В 1982 году Ю. С. Сорокин, выступая с докладом о состоянии работы над «Словарем русского языка XVIII века» на заседании бюро Отделения литературы и языка АН СССР, обосновывал необходимость продления сроков издания Словаря до 1988 года (см. [Малышева 2021]).

¹ Исследованию лексикографических трудов XVIII века как источников «Словаря русского языка XVIII века» посвящены многие статьи Е. Э. Биржаковой. К 90-летию со дня рождения Е. Э. Биржаковой ее работы были объединены в один сборник: [Биржакова 2010].

² К январю 1966 года в картотеке было чуть больше 800 тысяч карточек-цитат. С 1960 по 1967 год составил первый миллион карточек (выборка из 1000 источников).

Одним из самых острых вопросов при подготовке выпусков к изданию был вопрос об **объеме Словаря и объеме представляемого материала**. Ю. С. Сорокин неоднократно писал о вынужденной необходимости постоянного сокращения текста Словаря и о связанных с этим сложностях работы: «Компрессию текста Словаря приходится производить при значительном возрастании словника, большую часть которого нельзя ни по каким научно-историческим основаниям отбросить и игнорировать»¹. Авторы Словаря искали всевозможные способы уложить уже имеющийся в картотеке материал (и постоянно прибавлявшийся) в заданные объемы: сокращение словника, сокращение цитатного материала, фрагментарный показ некоторых вариантов, списочная подача некоторых сложных слов с одинаковой первой частью (например, см. в Словаре слова с первой частью *благо-, бого-, выше-, генерал-, глубоко-, длинно-, законо-, злато-, коротко-, лже-, ниже-, ново-* и др.) и т. д.

Способы вынужденных решений данной проблемы отражаются и в Проекте Словаря: «Цитаты из источников языка XVIII в. приводятся в том минимальном объеме, который достаточен для раскрытия семантического содержания слова, иллюстрации его функционально-стилистической характеристики, демонстрации его типичных и устойчивых связей и сочетаний» [Сорокин (ред.) 1977: 126]. «Слова и формы, помещаемые в гнездо, как правило, иллюстрируются более скупо, чем опорное слово гнезда; здесь допускается как меньшее количество цитат, так и более широкое использование библиографических отсылок» [Сорокин (ред.) 1977: 125]. С этим связано то, что в первых выпусках достаточно сжато представлен цитатный материал. В некоторых случаях цитаты сокращены до словосочетаний, усеченных фрагментов предложений и под.: **АЛЬКОВ** <...> Спальня с альковом. МВ 1763 № 78. [1: 54]²; **АМБРА**. <...> **Амбрный** <...> Тинктуры амврной одну каплю. Сл. комм. II 37. Эссенции амбрной. Сл. пов. IV 46. [1: 58]; **АНТИМОНИЧЕСКИЙ** <...> Яды .. Антимонические. ЭМ XVI 215. [1: 73]; **АТМОСФЕРИЧЕСКИЙ** <...> Атмосферических паров. Антн. 23. В воздухѣ атмосферическом. Рдшв Чел. II 129. [1: 112]; **АУДИЕНЦИЯ** <...> **Аудиэнцкий** <...> В аудиэнцкие дни. Спб. в. 1742 194. [1: 115]; **БЛЮСТІ** <...> **Блюдѣние** <...> О блюдении постов. Пельск. Кум II 156. [2: 71].

Цитаты могут отсутствовать, даются только сигнатуры источников: **АББАТ** <...> **Аббатов**, а, о. С.-Меран I 176. [1: 8]; **БАРКАЛОН** <...> **Барколонный**, ая, ое. Зап. Матв. 327. [1: 142]; **БАРИКАДЫ**, *мн.* Терм. форт. 4. [1: 144]; **БАСУРМАН** <...> **Басурманство** <...> Нклв Тв. IV 17. [1: 149]; **БЛАГОУМНЫЙ** <...> **Благоумность** <...> Трд. Тилем. II 67. [2: 54]. Чаще это встречается у слов, расположенных в гнезде.

Требования к объему постепенно ослаблялись (примерно с начала 90-х годов). В настоящее время нет ограничения ни в сроках издания, ни в объеме Словаря, словарные статьи имеют более развернутый вид, в случае необходимости может увеличиться количество цитат при каком-либо значении. Однако сохраняются из-

¹ Из доклада Ю. С. Сорокина на заседании бюро Отделения литературы и языка АН СССР (см. [Малышева 2021: 123]).

² Здесь и далее при ссылке на «Словарь русского языка XVIII века» указывается только номер тома и страница.

начально принятые позиции описания слов: фрагментарный показ фонетических и орфографических вариантов, списочная подача слов с повторяющейся первой частью (в случае если не требуется толкование и нет дополнительных сведений об употреблении слова), ограниченное количество цитат при словах, данных в гнезде, и некоторые др. Концепция описания лексики XVIII века, изложенная в Проекте (а ранее в статьях Ю. С. Сорокина [Сорокин 1965; Сорокин 1966; Сорокин 1977], соблюдается на протяжении всего времени работы над выпусками Словаря¹.

Работая над историческим словарем, описывающим сложнейшую лексико-семантическую систему языка с «повышенной динамичностью», авторы пришли к неизбежному выводу, что «лексикографы испытывают ощутительную потребность в выработке принципов динамических характеристик словарного состава» и что традиционно применяемые приемы и способы описания могут быть дополнены [Кутина 1977: 39].

Для быстрого визуального получения информации о судьбе слова в XVIII веке были разработаны специальные графические знаки показа движения лексики: белый и черный треугольники (вход слова в язык в XVIII веке — ◁ или выход его из употребления — ▷), комбинированные треугольники и ромбы (нарастание или сокращение активности слова — ◁▷ или ▷◁, вход и выход слова в течение одного столетия — ◁▷), причем данные знаки ставятся не только при собственно лексемах, но и при вариантах, при грамматических формах, значениях и оттенках значения слова, при показе лексической и грамматической сочетаемости слова и фразеологии и др. Новые заимствования (и их варианты) сопровождаются указанием даты ранней фиксации слова (по данным картотеки):

◁ ГОСПИТА́ЛЬ 1715 (гошп- 1714, ▷ гашп- 1715, ▷ ашп- 1697, ошп- 1706, гофшп- 1748, гофсп- 1789, ▷ гоп- 1790), и, ж. и я, м., ▷ ШПИТА́ЛЬ 1718, я, м., ▷ ГОСПИТАЛ 1715 (гасп- 1715, гошп-1715, гофшп- 1726), а, м., ▷ ГОСПИТАЛИЯ 1715, и, ж. <...> Больница (чаще — военная, первоначально — для военных моряков). Чтoб недугующие, которые не суть в состоянии в походѣ быти с войском, были отосланы в ошпиталь. ПБП IV 322. [5: 189].

◁ ГОТÓВНОСТЬ и ◁ ГОТОВОСТЬ, и, ж. 1. Состояние готового (1–3). Здѣсь разсмотрѣния и готовности к морскому дѣлу мало чинятся и по се число. МРФ I 48. [5: 202].

ЛЪКАРСТВО (лек-), а, м. <...> ◊ Л. от чего, ◁ на что, ◁ для чего, ◁ к чему. Ему <лекарю> надобно имѣть добрые лекарства к ранам с собою в полѣ и в гварнизонѣ. Кн. экс. III 11. [11: 147].

Кроме того, активно используются пометы, указывающие на активность слова в языке, на редкость или единичность его употребления (*Часто, Редко, Малоупотр., Един.*), на смену стилистической характеристики слова (*Слав. → Нейтр., Нейтр. → Ритор., Нейтр. → Прост., Слав. → Поэт., Прост. → Нейтр., Прост. → Простонар.* и др.).

БЛАГОСЛІ́ЧНЫЙ, а я, о е. (*Малоупотр.*) Слав. *Стройный, соразмерный*. Зодчества дал <Ментор> образцы простаго, однак благослична. Трд. Тилем. I 213. [2: 49].

¹ О текущей работе над «Словарем русского языка XVIII века» см. [Малишева, Соколов 2021].

ИЗУВЪЧИЕ, я, ср. (*Редко*). *Увече*. Буде кто .. в отправлении должности ушибется, или учинится ему изувъчие или рана, .. то хозяин корабля или судна долженствует платить за его лечение. ПСЗ XXI 174. [9: 65].

МОНЕТОБОЙЩИК, а, м. (*Един.*) *Монетчик*. Монетобойщики .. употребляют оную <крепкую водку> .. для красного или огненного цвѣту. Сл. комм. I 378. [13: 26].

ПОДОБО-ДЛАННЫЙ, ая, ое. (*Един.*) Стѣснены древесна повѣсив Подободланны вѣтви ниц, От облежания томятся. Бобр. Херс. 78. [21: 10].

ГОРОЖАНИН, а, м. 1. *Прост.* → *Нейтр.* *Житель города* (САР¹, САР² в простор.). При въезде посольском в вышеозначенной город стояли на карауле полкомпании горожан, и держали мушкеты на карауле. Зап.¹ Матв. 41. [5: 179].

◄ **ГРАМОТКА**, и, ж. *Нейтр.* → *Простонар.* *Письмо, послание*. Писма твои в обоз под Азов мнѣ дошли .., в которых пишешь о грамотках, что не доходят. ПБП I 40. [5: 218].

ЕДИНОБОРСТВО, а и **ЕДИНОБОРСТВИЕ**, я, ср. *Слав.* → *Нейтр.* *Бой один на один, поединок*. [Клердог:] Я кичливою яростию омраченный, наступая на него, звал к единоборствию. [7: 61].

◄ **ЗАМАТЬ** (-ти), аю, ает, *несов.* и *сов.* ... 1. *Прост.* → *Простонар.* *Трогать (тронуть)*. Окопать около оных <дерев> землю кругом и не замать до заморозков. ПБП VI 52. [8: 13].

Важную роль в представлении и характеристике лексического состава русского языка XVIII века играет большое количество помет, указывающих на отнесенность слова к специальной сфере употребления (*Архит.*, *Грам.*, *Комм.*, *Мат.*, *Мед.*, *Тех.*, *Хим.* и др.), на его территориальную или социальную маркированность (*Обл.*, *Обл. (Дон.)*, *Обл. (Помор.)*, *Обл. (Сиб.)*, *Южн.* и др.), на стилистическую характеристику, в том числе эмоционально-оценочную (*Слав.*, *Кн.-слав.*, *Церк.-слав.*, *Прост.*, *Простореч.*, *Груб.*, *Ирон.*, *Ласк.* и др.), на особенности контекстных употреблений слов (*Перен.*, *Образно*, *Распростр.*) и др.

◄ **ГРЕМУШКА**, и, ж. 1. *Погремушка разного назначения*. <...> 2. *Зоол.* *Хрящевой орган гремучих змей*. <В Виргинии> между насѣкомыми наибольшего удивления достойны змеи с гремушками. Сев. Ам. 137. 3. *Обл.* *То же, что гремучий камень*. См. Гремучий. [5: 229].

ЗАПЛАТКА, и, ж. *Уменьш. к заплатка²; небольшая заплатка*. Платить, заплатку положить. ФРЛ¹ II 371. | *Уподобит.* *Разпространение города есть не иное что, как цѣльная заплатка на старом нищенском рубищѣ*. Юсти I 569. | *Распростр.* *Племянник Стюпкин .. нос его <валдайца> разбил и здѣлал как плющатку, С тѣх пор он на нос свой кладет всегда заплатку*. Майк. Ел. 30. [8: 58].

КРОКОДИЛ (◄ корко-, ◄ карка-), а, м. *Крупное водное пресмыкающееся*. В водах <Флориды> .. премоного змии, и коркодилов, и прочих ползающих гадин. Геогр. 1710 97. <...> | ◄ *Перен. Бранно*. О злобном критике. <...> *Неслыханное также дѣло, .. Что будто самым крокодилам, Твоих всѣх милостей Зоилам, Всегда склоняешься простить*. Држ. Соч. I 44. [11: 31].

ПОДЛЕВКАСИТЬ, шу, сит, *сов.* что. *Живоп.* *Нанести грунт левкасом*. На большой палатѣ потолок деревянный накатный сдѣлают и полотном подобьют и подлевкасят. ДПС II 216. [20: 219].

Еще одним принципиальным отличием «Словаря русского языка XVIII века» от традиционных исторических словарей стало **решение задачи совмещения синхронного и диахронического описания**, что в большой степени предопределялось спецификой лексического материала XVIII столетия (см. [Сорокин (ред.) 1977: 27]). Синхронное описание предполагает выявление системных связей и отношений слов, и в Словаре для их указания был введен ряд приемов, например строка *Ср.* (сравни):

◆ **АККОМПАНИСТ** 1773, а, м. <...> *Муз. Аккомпаниатор.* <...> — *Ср. погласник, вторитель, подыгрыватель, подлаживатель, припеватель.* [1: 37].

ВОЗВЕЛИЧИТЬ, чу, чит, сов., **ВОЗВЕЛИЧИВАТЬ**, аю, ает, несов.; <...> 1. *Сделать великим, славным, возвысить.* <...> — *Ср. возвышати, превозвышати, превозносити, вознести.* [3: 275].

◁ **ЗАКОНОМУДРИЕ**, я, ср. *То же, что законоведение.* <...> — *Ср. законвьдство, законознание, законоискусство, правовьдение, правовьдство.* [7: 249].

Одним из таких приемов стало частичное гнездование слов в пределах одной словарной статьи. В словарное гнездо разрабатываемого слова включаются некоторые производные грамматические формы и суффиксальные дериваты, которые «лишены самостоятельного (абсолютного) лексического значения и имеют лишь формально-относительное (типовое) значение, складывающееся из общего значения основы и суффикса» [Сорокин (ред.) 1977: 28], этим обусловлено и то, что слова в гнезде даются без толкования с минимальным количеством цитат (или только с сигнатурой источника) Например, в гнездо существительного **ДВОР** включены слова *Дворенко, Дворишко, Дворок, Дворище, Дворский* [6: 54]; в гнездо глагола **КРИЧАТЬ** — *Кричано, Крикивал и Кричивал, Крикнуть, Кричание, Кричатель, Кричун, Кричательный* [11: 21–22]; в гнездо прилагательного **МЕЛКИЙ** — *Наймльчайший, Премлький, Само мельчайший, Помельче, Меленький, Мелковатый, Мелковатость, Мелехонек* [12: 121–122]; в гнездо глагола **ОТСТАВИТЬ, ОТСТАВЛЯТЬ, ОТСТАВЛИВАТЬ** — *Отставиться, Отставляться, Отставление, Оставливание* [18: 101–102]. В какой-то степени данный прием стал и одним из способов сокращения объема Словаря. Следует сказать, что многие рецензенты выпусков Словаря приняли идею частичного гнездования, отмечая, что такой прием «удобен и как экономное средство подачи очень большого материала, <...> и как способ наглядного показа словопроизводных возможностей слова»¹.

Новым для исторических словарей стало **введение справочного отдела**, в котором помещаются данные о речевом употреблении слова, об акцентологических колебаниях, о степени освоенности иноязычного слова (что может содержаться в прямых высказываниях и оценках современников), некоторые этимологические справки, указания на стилистические пометы в словарях XVIII века, сведения о ранней лексикографической фиксации новаций XVIII века и др. [Сорокин (ред.) 1977: 139–143].

¹ Из архива группы «Словаря русского языка XVIII века».

◁ **ЗАГУМЁННЫЙ**, ая, ое. *Находящийся за гумном, гумнами.* Мы назначили под рощицу сию цѣлюю десятину пашенной и прикосновенной к старой загуменной рошѣ земли. Блтв IV 861.

— Удар. загуменный Гм. Лекс. САР¹ загуменный. [7: 205].

◁ **ОТЛЯПАТЬ**, аю, ает и **ОТЛЯПНУТЬ**, ля пну, ля пнет, сов. *Простореч. Отрубить.* Отляпать руку. САР¹ III 1387.

— Стил. САР¹, САР² простонар. Лекс. Нрд. отляпать, САР¹ отляпнуть. [18: 23].

ОТКО́ЛЬ <...> нареч. **1.** *вопрос. Из какого места? откуда?* Спросил: отколь ты, отче, сирѣчь откуда. Пут. Лукьян. 113. <...>

— Стил. САР² отко́ль простонар. Норм. При том, вводит наш Автор <Сумароков> в свои сочинения неупотребительные слова, как то .. мгновенно, за во мгновении, отколь в Гамлетѣ за откуда. Трд. Псм к прият. 477. [17: 249].

Сочетание разработанных новых лексикографических приемов (графические знаки разной смысловой нагрузки) и использование традиционных способов дополнительных характеристик слов (пометы разного характера, отсылочные толкования) позволили в дополнение к семантическому, грамматическому, стилистическому, сочетаемостному и др. аспектам словарного описания слова показать значительный объем информации о функционировании и развитии лексической единицы в русском языке на протяжении определенного исторического периода — XVIII века.

Центральной и основной частью Словаря, естественно, является **семантическая разработка слова**. «Словарь русского языка XVIII века» — сложнейший исследовательский труд. Каждая словарная статья — результат глубокого анализа материала. Словарная статья может быть развернута в подробнейшее описание жизни того или иного слова в русском языке XVIII века: его семантическая структура во всем ее объеме (особое место занимают слова, формировавшие или дополнявшие свою семантику в связи с общественно-политическими, социально-культурными и другими изменениями в обществе), все особенности его лексической и грамматической сочетаемости, особенности его употребления и бытования в текстах разных жанров и т. д. См., например, слова *гражданин* [5: 212–214], *гражданский* [5: 214–216], *дать* [6: 37–40], *дело* [6: 87–91], *дух* [7: 36–39], *душа* [7: 42–45], *живой* [7: 123–126], *знать* (глагол) [8: 213–216], *красный* [10: 237–242], *общественный* [16: 113–118], *общество* [16: 118–122], *общий* [16: 123–128] и многие-многие др.).

Несмотря на строгую научность (главное — глубокое проникновение в историко-стилистические и функциональные характеристики языка), полноту и тщательность продумывания и разработки (в том числе и технической) основных правил описания слов, какое-то время еще шли поиски наиболее оптимальных решений. Некоторые позиции, изначально задуманные или уже изложенные в Проекте, при работе с конкретным языковым материалом менялись или вообще снимались.

Пересмотру подвергались такие вопросы, как показ вариантов; изолированных форм причастий; сравнительной степени наречий; оформление много-

кратных глаголов; показ форм за знаком «шпала» — □ (вводит грамматические формы слова, изменившие исходную грамматическую характеристику, — субстантивация, адъективация, адвербиализация, предикативность и пр.); показ наречий и безлично-предикативных слов; показ одиночных приставочных частей при отсутствии приставочного глагола (*запринявший, заобъявленный* и т. п.), состав отсылок и др.

Изначально предполагалось с помощью введенных графических знаков более детально показывать хронологию слова на протяжении описываемого столетия, т. е. показывать не только выход слова из употребления, но распространить это и на его варианты, кроме того, показывать уход слова из языка более детально (например, с указанием десятилетия или конкретного года). Однако от последнего постепенно отказались.

Первоначальный замысел	Показ в Словаре или в составленном материале
◁ АКОРДОВАТЬ СЯ 1710 (◀ 20 гг.), дуется, <i>несов.</i>	◁ АКОРДОВАТЬ ¹ 1710 (акко- 1712) <...> Акордоваться , дуется, <i>страд.</i> [1: 37–38]
◁ АРМИЯ 1711 (-ея 1706, -ья 1704, -ея ЛВН ▶ 40 гг.)	◁ АРМИЯ 1711 (-ея 1706, -ья 1704, -ея 1720-е гг.), и, <i>ж.</i> и АРМЕЙ 1710, <i>нескл.</i> [1: 93]
ТОЩИЙ (-ей) и ТЩИЙ (▶ 60 гг.), ая, ее.	ТОЩИЙ (-ей) и ▶ ТЩИЙ , ая, ее.

Знак выхода слова из языка (▶) первоначально мог даваться не только в заголовочной строке, но и в отсылках, например *Ср.* (сравни): **АТМОСФÉРА** <...> — *Ср. воздух, ▶ парокружие, ▶ аер.* [1: 112]; **БЛАГООБРАЗИЕ** <...> — *Ср. благолепие, ▶ благозрачие.* [2: 41]; **БОЧКА** <...> — *Ср. ▶ делва, куфа, кадка.* [2: 118]; **БРÉДНИ** <...> — *Ср. грезы, ▶ сония, дичь, пустошь* [2: 135]; **ВИЗЖАТЬ** <...> — *Ср. ▶ скучать.* [3: 159]; **ВОПРОС** <...> — *Ср. положение, предложение, ▶ предлог.* [4: 67]; ◁ **ГÉОГРÁФ** — *Ср. землеописатель, ▶ землеписец.* [5: 104]; **ДЕРЗÁТЬ** <...> — *Ср. смгть, ▶ смгльствовати, осмгливаться, отважиться, покушатися.* [6: 108] и др.

Впоследствии от этого отказались. Например: **ЗВЪЗДОЧЕТ** <...> — *Ср. звгздарь, ... звгздозритель, небозритель.* [8: 149]. В своих словарных статьях слова ▶ **ЗВЪЗДАРЬ** [8: 147] и ▶ **ЗВЪЗДОЗРИТЕЛЬ** [8: 148] сопровождаются знаком выхода из употребления, но в строке *Ср.* в словарной статье слова **ЗВЪЗДОЧЕТ** при данных словах этот знак отсутствует.

Не сразу был выработан прием отсылок. Так, на начальном этапе отсылки могли даваться от вариантов с показом варьирующейся части: **АПРИКОЗ** (-с). См. Абрикос. [1: 83]; отсылка давалась к гнездовому слову: **АККОРДНЫЙ**. См. Аккорд¹. [1: 37]; **АПОФЕГМАТИЧЕСКОЙ**. См. Апофегма. [1: 82]. По правилам Словаря, если в заголовочной строке дано несколько слов, то ко второму (и к последующим словам) должна быть дана отсылка, однако на первом этапе работы такая отсылка могла отсутствовать: ◁ **АКОМПАНИ-**

МЕНТ и **АККОМПАНИЕМАН** (ко второму слову отсылки нет) [1: 36]; **АРЕНДНЫЙ** и **АРЕНДАРНЫЙ** (ко второму слову отсылки нет) [1: 88]; **КОМПЛЕКТ** и **КОМПЛÉТ** (отсылка ко второму слову дана) [10: 125–126], но: **КОМПЛЕКТНЫЙ** и **КОМПЛÉТНЫЙ**; **КОМПЛЕКТОВАТЬ** и **КОМПЛЕТОВАТЬ** (отсылок ко вторым словам нет) [10: 125–126].

С другой стороны, отсылка иногда дана к варианту, который не показан в словарной статье: **ГОРЕЛИЕФ** 1786, а, м. Фр. *haut-rélief*. *Скульпт.* <...> Горельеф, настоящая обронная работа. ФРЛ¹ II 406. [5: 170]. Ниже дано слово **ГОРЕЛЬЕФ** с отсылкой См. Горельеф. [5: 170]. Однако в словарной статье слова **ГОРЕЛИЕФ** нет примеров такого варианта (в картотеке такой вариант также не зафиксирован).

В первых выпусках словаря примеры подобной непоследовательности обнаруживаются нередко.

В Проекте предусмотрен отдельный самостоятельный показ **безлично-предикативных слов** (как и всех других неизменяемых слов — предлогов, союзов, междометий, частиц), при них предполагается грамматическая помета *безл. сказ.*: например, **НЕЛЬЗЯ**, *безл. сказ.*, **ЖАЛЬ**, *безл. сказ.* [Сорокин (ред.) 1977: 62]. В процессе работы над материалом помета была изменена, и в Словаре эти слова имеют иные пометы: **ЖАЛЬ**², *предикат. 1. кого. О чувстве со-страдания участия. Ах жаль мнѣ весма сего любовника мила!* ЕОЛ 38. [7: 95]; **НЕЛЬЗЯ** <...> и **НЕЛЬЗЯ**, *безл. предикат. Невозможно, нет возможности.* [Совѣтница:] Как сударыня! вы не можете шутки отдѣлать от суриознова. [Бригадирша:] Да не лзя мать моя, вить он так божится, что мой язык этова и выговорить не поворотится. Фнв. Бриг. 50. [14: 215].

В «Инструкции по оформлению словарных статей в „Словаре русского языка XVIII века”» рекомендовано: если наречие, образованное от прилагательного, употребляется только как *безл. предикат* с тем же значением, то его следует размещать в гнезде прилагательного с пометой *безл. предикат.*: **ГОЛОДНЫЙ** <...> **1. Испытывающий голод.** <...> **2. Скучный продуктами питания.** <...> **Голодно**, *безл. предикат.* (кому). Мне у него было голодно. В Азове голодно. Однако в Словаре этот материал показан иначе: *безлично-предикативная форма изъята из словарной статьи прилагательного и вынесена в самостоятельную статью: ГОЛОДНО, безл. предикат.* В Азовѣ правианту нѣт и весма голодно. ВТС I 243. [5: 157].

В других случаях также нет единообразия в оформлении *безлично-предикативной формы*:

а) может стоять в гнезде наречия за знаком «шпала»: **БЛАГОРАЗУМНО**, *нареч. Разумно.* <...> Вильгельм весьма благоразумно воспользовался обстоятельствами. МЖ V 393. \square *предикат.* Весьма благоразумно, чтоб не подавать причины детям послѣ великой радости вдруг великую горесть или озлобление чувствовать. ПСЗ XVII 1055. [2: 46];

б) может быть показана в гнезде прилагательного (при отсутствии наречия) с пометой *предикат.*: **ГРУСТНЫЙ**, ая, ое. <...> **Грустно**, *предикат.* В тот же вечер стало мнѣ так грустно, что я не знал, куда дѣваться. Крм. ПРП I 252. [5: 254].

в) может быть показана в словарной статье наречия как отдельное значение, однако грамматическая помета при ней варьируется (*предикат.* или *безл. предикат.*): **ВЕСЕЛО**, нареч. **1.** Нареч. к *веселый*. <...> **2.** предикат. *О состоянии радости, веселья, довольства*. <...> Весело в полѣ работать; Будьте прилежны, друзья! Крм. Соч. 1803 VII 96. [3: 64]; **ГОРЬКО** <...> **1.** Нареч. к *горький* (2). <...> **2.** безл. предикат. *Об ощущении горечи во рту*. У ково во ртѣ желчь, у того все горько. ПК 1777 121. <...> **3.** безл. предикат. <...> *О тяжелом состоянии, настроении, чувстве*. <...> А когда мы шли на корабли со Арапы, горько было сильно, .. мы трое нас что плѣнники, языка не знаем. Пут. Лукьян. 234. [5: 185]; **ЖАРКО**. **1.** Наречие к *жаркий*¹. <...> **2.** безл. предикат. *О наличии чрезмерного тепла где-л.* <...> [Влас:] Вишь на дворѣ та жарко. Плв. Бобыль 85. [7: 97]; **ЛѢПО**. Слав. **1.** Нареч. к *леньй*. <...> **2.** предикат. <...> *Прилично, пристойно, подобает*. Нѣсть нам лѣпо пастыра лишенным быти. Кн. жит. 1705 673. [11: 153]; **ЛОЖНО**. **1.** Нареч. к *ложный*¹. <...> **2.** предикат. <...> *О неправильности, ошибочности чего-л.* Весьма ложно, будтобы натуральной человек может быть благополучнѣ общественнаго. Антн. 13. [11: 219].

Окончательным решением стало закрепление за безлично-предикативными формами грамматической пометы *безл. предикат.* и показ их в словарной статье наречия как отдельного значения: **НЕВѢСЕЛО** (также раздельно). **1.** нареч. *Без радости*. <...> **2.** безл. предикат. *О нерадостном, невеселом настроении, безрадостном состоянии*. [Андрей:] Которой господин чист, как сокол, у тово невесело слугам бывает. Лук. Постоянство 6. [14: 137]; **ПОЛЕЗНО**. **1.** нареч. *Принося пользу, с пользой*. <...> **2.** безл. предикат. <...> *Приносит пользу*. Весьма полезно начинать воспитание дѣвиц с самага их нѣжнаго младенчества. [21: 162–163].

Специального рассмотрения потребовал показ **некоторых форм кратких причастий**. К подобным формам относятся, в частности, страдательно-возвратные причастия на *-ность*. В XVIII веке страдательно-возвратные причастия были достаточно частотны: «Их можно встретить в памятниках делового письма, в переводах с немецкого, французского и других языков, в письмах и мемуарах, в описаниях путешествий, в художественной прозе „среднего“ стиля и т. п.» [Петрова 1974: 104]. По подсчетам З. М. Петровой, в исследованных на тот момент текстах XVIII века было отмечено 27 подобных форм [Петрова 1974: 105], в опубликованных выпусках Словаря описано 5 слов: *вознамѣренность, готовленось, договоренось, извещенось, намѣренось, остереженось, ошибенось, подписанось, помиренось, поторопленось*. Относительно лексикографического представления подобных форм в Проекте сказано: «Изолированные формы причастий с особым лексико-грамматическим значением помещаются в гнезде при соответствующем глаголе, напр., *уехано, докладывано, договоренось* при *уехать, докладывать, договориться* и т. п. При таких причастиях ставится помета *прич. безл.*» [Сорокин (ред.) 1977: 33].

Однако уже с первых выпусков стали отмечаться несоответствия показанных форм правилам, разработанным в Проекте. Так, например, причастие **Вознамѣренось** показано в гнезде глагола **ВОЗНАМѢРИТЬСЯ**–

ВОЗНАМЪРЯТЬСЯ: **Вознамѣренось**, прич. безл. Когда бы онаго войска долѣе двух лѣт тамо не содержать, но оное возвратить вознамѣренось было, за полгода до того срока знать дано будет же. АВ VII 239. От обоих высоких дворов вознамеренось дружелюбно прекратить то дело. СПб. в. 1750 179. [4: 19]. Но форма **Договоренось** дана в Словаре при первом значении глагола **ДОГОВОРИТЬСЯ–ДОГОВАРИВАТЬСЯ** за знаком «шпала» с грамматической пометой *безл. предикат.*: **Договоренось**, *безл. предикат.* Хотя в рисвижском мире в 1697 году договоренось было все разорить, что по сю сторону реина стоит, однако крѣпость самая французам оставлена. Геогр. 1719 187. [6: 174].

В рабочих материалах есть замечание Е. Э. Биржаковой: «**Договоренось** употр. только как предикат, следует дать в гнезде как особую форму: **Договоренось**, *безл. предикат.*». В дальнейших выпусках место расположения формы (в гнезде глагола) и грамматическая помета *безл. предикат.* даются единообразно: см., например, **Намѣренось**, *безл. предикат.* (в гнезде глагола **НАМЪРИТЬСЯ–НАМЪРЕВАТЬСЯ**) [13: 239]; **Подписанось**, *безл. предикат.* (в гнезде глагола **ПОДПИСАТЬСЯ–ПОДПИСЫВАТЬСЯ**) [21: 25]; **Помирнось**, *безл. предикат.* (в гнезде глагола **ПОМИРИТЬСЯ**) [21: 232].

Еще один вопрос, не сразу получивший однотипное решение, касается **последовательности расположения** в Словаре **омонимов**. Вопрос о порядке следования омонимов в Словаре возникает в том случае, когда один (или несколько) омонимов имеет полную, разработанную словарную статью, а другой (или несколько) снабжается отсылкой к другому слову (См.).

Первый выпуск Словаря показывает, что четко соблюдается правило, когда на первое место ставится омоним с разработанной словарной статьей, на второе — имеющий отсылку: **АѢР¹** <...> **АЕР²**. См. Аир². [1: 29], **АЗ¹** <...> **АЗ²** <...> **АЗ³**. См. Асс. [1: 30], **АКУСТИКА¹** <...> **АКУСТИКА²**. См. Акустический. [1: 40], **БАНКА¹** <...> **БАНКА²** <...> **БАНКА³** <...> **БАНКА⁴**. См. Банк¹. [1: 137] и др.

Отклонение обнаруживается только одно: **АТЛАС¹**. См. Атлант¹. **АТЛАС²** <...> [1: 111]. Объяснение этому отступлению может быть одно: автор-составитель и редактор выпуска посчитали обоснованным дать такой порядок омонимов, чтобы не разрывать последовательность связанных между собой слов: перед **АТЛАС¹**. См. Атлант¹. идут слова **АТЛАНТ¹**, **АТЛАНТИЧЕСКИЙ**, **АТЛАНТЫ**.

Однако в последующих выпусках отступлений постепенно становится больше. С одной стороны, **ГАРНИТУР¹** <...> **ГАРНИТУР²**. См. Гродетур. [5: 92], **ГРАНАТА¹** <...> **ГРАНАТА²**. См. Гранат¹. [5: 220] и др. С другой — **ГОРКА¹**. См. Гора. **ГОРКА²** <...> [5: 173], **ГРАДНЫЙ¹**. См. Град¹. **ГРАДНЫЙ²** <...> [5: 209], **ГРУШКА¹**. См. Груша. **ГРУШКА²** <...> [5: 254], **ЛАЯ¹**. См. Лай. [11: 128]. **ЛАЯ²** <...> [11: 128] и др.

При анализе каждого случая становится понятна мотивация такого отступления: как правило, порядок нарушается в том случае, когда на первое место выносятся омоним с отсылкой к более активному слову: **ГОРКА¹**. См. Гора (несколько значений и оттенков значений, лексическая сочетаемость, фразеология и др.). **ГОРКА²**. *Простонар. Карточная игра* (1 цитата) [5: 173]; **ГРУШКА¹**. См. Груша (1. Плодовое дерево. <...> 2. Плод этого дерева. <...>). **ГРУШКА²**. *Бот. То*

же, что *грушица*¹. САР¹ II 388. [5: 254]; **ЛИНЕЯ**¹. См. Линия (слово, имеющее 8 значений, вариантность, широкую лексическую сочетаемость). **ЛИНЕЯ**². То же, что *линейка*² (2 цитаты) [11: 180]; **НОРКА**¹. См. Нора (2 значения, в том числе специальное (*Анат.*), оттенки значения, лексическая сочетаемость, слова в гнезде). **НОРКА**², и, ж. Норка, звѣрок водяной, схож на куницу. Топ. оренб. I 295. [15: 179].

Тем не менее при работе с последними выпусками было принято решение о соблюдении четкого правила: на первое место ставится разрабатываемый омоним, на второе — омоним с отсылкой: **ПОРТ**¹ <...> **ПОРТ**² <...> **ПОРТ**³. См. Порт¹. [22: 112]; **ПОРШЕНЬ**¹ <...> **ПОРШЕНЬ**². См. Поршни. [22: 129]; **ПОРЫВАТЬСЯ**¹ <...> **ПОРЫВАТСЯ**². См. Порваться. [22: 130].

Одним из важных комментариев в Словаре было справочное **включение фрагмента текста из Библии или Евангелия** при цитате-иллюстрации, в которой есть точное или измененное цитирование:

ВСЕПЛОДИЕ <...> | В *изм. цитате*. Хвалить же до конца подвиг совершавших и вѣру соблювших, их же обрѣтши достойны себѣ, яко всеплодие жертвенное приемлет. Бусл. 25 (ср. *яко всеплодіе жертвенное пріятъ ѡ*. Прем. 3.6). [4: 147].

ОБЛѢЧЬСЯ¹ <...> | В *цит., в изм. цит.* Да облекутся в срам и студ Враги мои ненасыщенны. Нклв Тв. I 30. Противники всуе ополчятся, И злоба тщетно изострится. Все облекутся в студ и срам. Кстрв Соч. 10. (ср. *облекутъся въ студъ и срамъ велерѣчущи на мѡ*. Пс. 34.26). [15: 258].

ПОЛЗКИЙ <...> | В *изм. цит.* Да помрачится путь их мглою, да будет ползок и разрыт. Лом. СС I 12. (ср. *да вѣдетъ путь ихъ тма и ползокъ*. Пс. 34.6). [21: 166].

Решение отказаться от включения цитат из библейских или евангельских текстов является новым и было принято при подготовке 22-го выпуска, в котором дается только отсылка к соответствующему месту в Библии или Евангелии: **ПОПОЛЗНОВѢНИЕ** <...> | В *изм. цит.* Ноги моей в поползновенье, Ниже в малѣйшее смятенье, Он <Бог> не допустит. Држ. Соч. I 26. (ср. Пс. 55. 14). [22: 61]; **ПОПРАТЬ** <...> | В *изм. цит.* Забывше словесе Господня сего: не дадите святая псом, ни поверзите бисеры пред свиниями, да не ногами поперут я. Д. Тв. 255 (ср. Мф. 7. 6). [22: 69].

Данное решение было мотивировано тем, что в настоящее время библейские и евангельские тексты доступны и в случае необходимости пользователем Словаря свободно могут быть привлечены к изучению интересующего его слова.

Случаи несоответствия некоторых положений Проекта и практики при работе с конкретным материалом, тем более постоянно увеличивающимся и в количественном отношении, и в своем разнообразии, — совершенно естественны. Это касается и содержательной, и технической стороны Словаря². Анализ способов

¹ **ГРУШИЦА**, ы, ж. Бот. Трава, употребляемая как вяжущее средство в медицине. [5: 254].

² Например, показ многократных глаголов (**Говаривал**, ла, ло, *многокр.*): в каких случаях показывать форму инфинитива; однотипность в фрагментарном показе вариантов слов: **АВСТЕР** (ау-), но **АВСТЕРИЯ** (ауст-) [1: 18], **ДЕСЕРТ**¹ (дез-), но **Десертный** (дeze-) [6: 111];

и приемов описания слова в Словаре идет постоянно. Необходимость этого обусловлена тем, чтобы в новых выпусках избежать случаев противоречивости и непоследовательности, и тем, что при описании того или иного материала возникают вопросы, которые требуют отдельного решения.

Литература

- Алексеев 1998 — *Алексеев А. А.* Словарь русского языка XVIII века // История русской лексикографии. СПб.: Наука, 1998. С. 523–529.
- Биржакова, Петрова 1967 — *Биржакова Е. Э., Петрова З. М.* Картотека Словаря XVIII века // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М.: Наука. 1967. С. 92–100.
- Биржакова, Кутина, Войнова 1972 — *Биржакова Е. Э., Кутина Л. Л., Войнова Л. А.* Очерки по исторической лексикологии XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Биржакова 1989 — *Биржакова Е. Э.* Лексикографические источники в картотеке Словаря русского языка XVIII века // Практическая лексикография: 100 лет словарной картотеке / Отв. ред. Р. П. Рогожникова. М., 1989. С. 42–51.
- Биржакова 2010 — *Биржакова Е. Э.* Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Замкова 1975 — *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975.
- Замкова (ред.) 1984 — *Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.* / Отв. ред. В. В. Замкова. Л.: Наука, 1984.
- Князькова 1974 — *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1974.
- Куканова 2004 — *Куканова Н. Н.* Современное состояние картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. I. Ч. III. СПб.: ИЛИ РАН, 2004. С. 74–79.
- Кутина 1964 — *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964.
- Кутина 1966 — *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л.: Наука, 1966.
- Кутина 1977 — *Кутина Л. Л.* Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. 1977. С. 28–39.
- Кутина, Биржакова (ред.) 1980 — *Словари и словарное дело в России XVIII в.* / Отв. ред. Л. Л. Кутина, Е. Э. Биржакова. Л.: Наука, 1980.
- Кутина (ред.) 1990 — *Развитие словарного состава русского языка XVIII века (вопросы словообразования)* / Отв. ред. Л. Л. Кутина. Л.: Наука, 1990.
- Малишева, Соколов 2021 — *Малишева И., Соколов А.* Израда „Речника руског језика 18. века“ у данашње време // Лексикографија и лексикологија у

- светлу актуелних проблема. Тематски зборник Међународне научне конференције. Београд, 2021. С. 461–475.
- Малышева 2012 — *Малышева И. А.* Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (к 50-летию ее создания) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XVIII вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века»: Сб. статей и материалов / Отв. ред. И. А. Малышева // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* Т. VIII. Ч. 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2012. С. 9–28.
- Малышева (ред.) 2012 — Материалы по истории картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XVIII вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века»: Сб. статей и материалов / Отв. ред. И.А. Малышева // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* Т. VIII. Ч. 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2012. С. 29–101.
- Малышева 2017 — *Малышева И. А.* Из истории изучения лексики русского языка XVIII века // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. М.: ЛЕКСРУС, 2017. С. 556–582.
- Малышева 2021 — *Малышева И. А.* Несколько страниц из истории «Словаря русского языка XVIII века» // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.* 2021. Т. XVII. Ч. 3. С. 108–132.
- Мальцева, Молотков, Петрова 1975 — *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975.
- Петрова 1974 — *Петрова З. М.* Страдательно-возвратные причастные формы в русском языке XVIII века // Вопросы языкознания. 1974. №2. С. 103–111.
- Петрова 1989 — *Петрова З. М.* Картотека Словаря русского языка XVIII века. История, настоящее, будущее // Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке / Отв. ред. Р. П. Рогожникова. М., 1989. С. 35–41.
- Петрова 1995 — *Петрова З. М.* Картотека «Словаря русского языка XVIII века» // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 145–149.
- Петрова 1999 — *Петрова З. М.* Из истории работы над «Словарем русского языка XVIII века» / Отв. ред. З. М. Петрова // Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 7–17.
- Петрова (ред.) 1999 — Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина / Отв. ред. З. М. Петрова. СПб.: Наука, 1999.
- Петрова 2005 — *Петрова З. М.* Традиции и новаторство в концепции «Словаря русского языка XVIII века» // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография: Тезисы докладов и выступлений. М., 2005. С. 101–103.
- Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. М.; Л.: Наука. 1965. С. 5–42.
- Сорокин (ред.) 1965 — Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. М.; Л.: Наука, 1965.

- Сорокин 1966 — Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. (Вместо введения) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л.: Наука, 1966. С. 7–34.
- Сорокин (ред.) 1966 — Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина) / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. М.; Л.: Наука, 1966.
- Сорокин 1977 — Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. С. 4–27.
- Сорокин (ред.) 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1977.
- Сорокин (ред.) 1981 — Язык русских писателей XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1981.
- Сорокин (ред.) 1982 — Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1982.
- Сорокин (ред.) 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования Словарем. Указатель источников / Под общ. ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984.
- Сорокин, Петрова (ред.) 1994 — Очерки по стилистике русских литературно-художественных научных произведений XVIII — начала XIX в. / Ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова. СПб.: Наука, 1994.

Irina Malysheva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

***DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY:
RESEARCH AND SOLUTIONS***

Abstract. In the *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century*, for the first time in Russian historical lexicography, the problem of describing lexical material in all the dynamic language processes, having taken place during one of the most difficult periods in the development of the language, is being solved. The developed concept of the dictionary required creation of some special techniques for presenting the dynamic characteristics of the vocabulary, which are used along with the traditional methods of lexicographic description. In the course of the preparation and publication of the dictionary, the ultimate solutions-related work has been continued. Some of the original decisions have been revised, refined or withdrawn. The article deals with some problematic issues of word representation, which have obtained different solutions in the process of working on the dictionary.

Keywords: Russian language, historical dictionary, vocabulary dynamics, description techniques

Лариса Яковлевна Костючук
Псковский государственный университет
(Псков, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ В СЛОВАРНОМ СЕКТОРЕ ИЛИ РАН: ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Аннотация. Словарный сектор ИЛИ РАН и сам Институт лингвистических исследований достойно встречают свои 90- и 100-летний юбилеи. В статье рассматриваются направления русской лексикографии, разрабатываемые в ИЛИ РАН, в частности, направление исторических словарей, представленное «Словарем русского языка XVIII века» и «Словарем русского языка XIX века». Впечатляют степень подготовки к работе участников каждой группы, представляемые образцы для обсуждения по каждому словарю, публикации готовых выпусков, продолжение работы над словарями. Материал, представленный в статье, показывает, как много значат эти труды для дальнейшего познания родного языка и для отечественной науки.

Ключевые слова: лексическая система, словарь, синхрония и диахрония, Древнерусский словарь, Словарь русского языка XI–XVII веков, Словарь русского языка XVIII века, Словарь русского языка XIX века, словарная картотека, проект словаря, инструкция словаря

Институт лингвистических исследований Российской академии наук продолжает славные традиции Российской Академии наук, которая была создана в 1783 году при Екатерине II с целью создания грамматик и словарей русского языка. В Европе на рубеже XVIII–XIX веков в связи с разработкой теории сравнительно-исторического метода в науке разных направлений (шел период «великих открытий») и с обоснованием филологии как самостоятельной науки многогранным гуманитарием В. фон Гумбольдтом шла работа над изучением языков, составлялись словари, и Россия тоже включилась в этот процесс. К этому наследию прошлого филологи обращаются до сих пор.

Обратимся и мы, в связи со 100-летним (ИЛИ РАН) и 90-летним (Словарный сектор) юбилеями, к некоторым моментам, связанным с созданием исторических словарей, которые задумывались, продолжались или, к сожалению, разрушались — не по вине составителей — в течение этого периода. Они интересуют всех, но особенно — ларинцев, создателей «Псковского областного сло-

варя с историческими данными» [ПОС], основанного Б. А. Лариным, работавшим и в Словарном секторе Института языка и мышления.

В 1931 году в структуру Института языка и мышления, основанного в 1921 году как Институт яфетидологических изысканий, была включена Комиссия по русскому языку, которая была создана в 1929 году из трех академических комиссий: Комиссии по составлению древнерусского словаря, Словарной комиссии и Диалектологической комиссии.

Комиссия по подготовке материалов для древнерусского словаря была создана при Академии наук в 1925 году по инициативе А. И. Соболевского и вплоть до его смерти в 1929 году работала под его руководством. После его смерти Комиссию возглавил М. Н. Сперанский. Работа Комиссии, которая первоначально работала «в составе около 15 человек, главным образом из сотрудников московских ВУЗ'ов» [Отчет Комиссии 1929/30: 266], заключалась преимущественно в сборе материалов по древнерусскому языку XV–XVII веков, и в стенах ИЯМ эта работа еще некоторое время продолжалась формально под его руководством.

В 1934 году в штат Института, в Словарный сектор, был принят Б. А. Ларин, который и возглавил работу над «Словарем древнерусского языка XV–XVII веков». Выбор на Б. А. Ларина пал не случайно: это «был самый образованный ученый нашего времени», классического уровня, со знанием древних и современных языков [Лихачев 1977: 5], к тому же хороший организатор науки. И в Институте началась работа над «Древнерусским словарем XV–XVIII веков» (ДРС). По решению Ученого совета ИЯМ хронологические границы Словаря к концу 1934 года были расширены до первой половины XVIII века, в результате чего «словарь примкнул непосредственно к Словарю современного русского языка» [Отчет АН 1934: 389]).

Б. А. Ларин продумал принципы словаря, составил инструкцию, список источников, правила расписывания источников, структуру словарной статьи; организовал сплоченный коллектив. И приступили к работе: дружно создавали картотеку, обсуждали фрагменты словаря. В 1936 году был издан Проект ДРС [Ларин 1936]. Предполагалось опубликовать и первый выпуск Словаря. Но помешала война...

После войны коллектив продолжил работу. Однако в 1947 году спешно-неожиданно (с потерями!) картотеку ДРС, по распоряжению «сверху», увозят в Москву. Коллектив словаря и сам Б. А. Ларин тяжело пережили эту потерю. Но руководитель выстоял, задумал ряд новаторских словарей, а его ученики (потом уже и со своими учениками) и сегодня продолжают намеченное Учителем. Одним из первых таких словарей, начатых Б. А. Лариным, который хорошо знал и говоры, и историю языка, стал полный диалектный и дифференциальный исторический (по псковским памятникам XIII–XVIII веков) «Псковский областной словарь с историческими данными».

В Москве картотека несостоявшегося ДРС долгое время оставалась недоступна для научной работы. В 1961–1962 годах мне, аспирантке из Ленинграда, требовалось кое-что посмотреть в ней в связи с научной темой по грамотам. Мой второй научный руководитель (после неожиданно скончавшейся Н. П. Гринковой), К. А. Тимофеев, работавший одно время в ИЛИ, написал письмо-просьбу в ИРЯ, чтобы его аспирантке разрешили доступ в картотеку.

Но — не разрешили, говоря, что кто-то рассыпал ящик, а кто-то другой «унес-украл слово *быть*». Потом согласились дать посмотреть только одно (!?) слово: «Выберите какое. А если понравится (!?), дадим еще один ящик». Это запомнилось буквально.

Позже в ИРЯ АН в Москве создали словарную группу и началась работа над «Словарем русского языка XI–XVII вв.» [Сл XI–XVII] с использованием Картотеки ДРС (и с расписыванием новых памятников). Прекрасный лексикограф, специалист по источниковедению Л. Ю. Астахина, работая в архивах, беседуя, переписываясь с оставшимися в живых участниками Ларинского ДРС, воссоздала эту историю, тонко, точно, даже взволнованно показала обстановку работы коллектива и руководителя на «правах сочлена» (по словам Д. С. Лихачева) в нем [Астахина 2004: 7–206].

Но вернемся к ИЛИ РАН и созданию исторических словарей. После трагической судьбы ДРС в Словарном секторе не сразу возобновилась работа по созданию исторического словаря. С середины XX века в стране возник интерес к созданию диалектных, «местных» словарей, — хотя в провинциальных вузах не разрешали в публикациях использовать название «*словарь*»: разрешалось только «*пособие*» (ПОС создавался в ЛГУ). Но исторических словарей было мало. Нелегкий период был и в академических учреждениях. Но наряду с авторскими серьезными трудами составлялись планы коллективных исторических, обычно долгосрочных, лексикографических проектов.

Одним из самых интересных академических исторических словарей русского языка, задуманных на рубеже 1950–60-х годов в Словарном секторе, стал «Словарь русского языка XVIII века» [Сл XVIII]. Прекрасный специалист по языку XIX века, Ю. С. Сорокин, развивая идею исторического словаря одного синхронного среза, т. е. «одного языкового состояния», работая в группе исторических словарей, задумывался, в частности, о словаре русского литературного языка первой половины XIX века (предпушкинский период) [Сорокин 1965]. В 1961 году Ю. С. Сорокина назначили руководителем группы исторических словарей после кончины предыдущего руководителя. Уже с 1960 года собиралась картотека XVIII века с акцентом на художественную литературу. Собственные научные исследования по языку XIX века помогли Ю. С. Сорокину как руководителю определить уникальное направление словаря. Постепенно в ходе работы создавалась, уточнялась, обсуждалась в группе концепция с учетом языковой специфики периода между XI–XVII и XIX веками.

В 1971 году в группе начали создавать и обсуждать словарные статьи, что дало возможность совершенствовать концепцию и обдумывать Проект словаря, без чего невозможно создавать коллективный труд. Большую роль в этой работе сыграла сподвижница Ю. С. Сорокина Л. Л. Кутина. Важно было отразить язык «одного временного среза» через функционирование слова на разных уровнях языка. Это важно для понимания того, с каким багажом русский язык «входил» потом в XIX век, понимания начала формирования современного русского языка в пушкинский период. Поэтому в словарной статье особыми значками предполагалось показывать динамические особенности слова по сравнению с предшествующими и последующим веками.

В 1984 году вышел первый выпуск «Словаря русского языка XVIII века». В этом же году появилось справочное пособие для работы над словарем и со словарем, составленное Л. Л. Кутиной, О. Е. Березиной, А. А. Алексеевым, под общей редакцией Ю. С. Сорокина [Правила 1984]. Словарь продолжает регулярно выходить, и научная общественность всегда с интересом ожидает очередной выпуск.

«Словарь русского языка XVIII века» поражает масштабом приведенных сведений, новаторскими принципами и богатством характеристики каждой единицы. Словник отличается разнообразием и уникальностью лексем за счет корневых морфем или за счет их структуры. Например: *подпяток* ‘каблук’ (конкретное существительное) [Сл XVIII, т. 21: 32]; *подражание* (отвлеченное существительное) при управлении *чего*, а не только *чему* [там же]; *подръзный* (прилагательное) [там же: 34]; *подрисованный* ‘подрисованный, подкрашенный, о бровях’ — это причастие служит заголовком словарной статьи, поскольку в источниках не обнаружена исходная форма инфинитива [там же: 35].

В отдельных словарных статьях с раздельным написанием видим слова со служебными морфемами. Вот только два примера. В статье на наречие *под тишком* ‘украдкой, исподтишка’ [там же: 54] виден этап формирования отыменного современного наречия, участвующего как синоним в толковании. А в словарной статье *по дурачить* [там же: 57] ‘дурачить немного, некоторое время’ отражена фиксация слова в источнике. При первом указывается «един.»: показан временной путь создания современного *исподтишка*. А после второго слова следует возвратный одноструктурный глагол *подурачиться*. Авторы внимательно следуют правилу отражать состояние языка на пути к XIX веку. (В связи с *под тишком* вспомнилось восприятие ребенком современного *исподтишка* в речи взрослых: он спрашивал, что такое *тишок* и просил его купить.)

Разнообразие лексем обусловлено и разной степенью их распространения, отражения в прошлом: и при сложной системе семантического содержания (большинство слов), и при единичном употреблении лексемы, когда трудно определить значение слова даже в довольно расширенном фрагменте текста (тогда ставится знак «?» вместо толкования значения, сопровождаемый пометой «един.»). Внимание к составлению словника и картотеки помогло «не потерять» ни одного важного слова. Так, даже лексема *подтощик*, сопровождаемая одним примером, не позволяющим определить значение, на что указывает «?» [там же: 55], помещена, видимо, с надеждой, что вдруг когда-то обнаружится «подсказка». Много и других оригинальных приемов экономно переданных сведений о лексике этого века.

Чтение «Словаря русского языка XVIII века» позволяет почувствовать, насколько живым и, видимо, близким к бытовому становился лексический состав языка в этот период (конечно, в зависимости от соответствующих жанров источников). Назовем некоторые образцы: *плюгавец* и *плюгавка* [Сл XVIII, т. 20: 50] и другие однокоренные; *подсышка* ‘состояние подсыхающего на корню дерева, время его засыхания’ [Сл XVIII, т. 21: 51]; *подувать* ‘дуть время от времени или слегка’ [там же: 56]; предлог *по-за* [там же: 82]; наречие *позаугольно* [там же: 86] и многие другие случаи.

Слова, вновь входящие в употребление или вышедшие из употребления в XVIII веке, или же выходящие частично, сопровождаются особыми значками. Таким образом, слово в словаре отражено во всем его функционировании в данный период жизни языка.

Новым, по сравнению с алфавитным, стало частично гнездовое расположение. Например, для глагола *подточить* ‘повредить, разрушить, подъедая снизу’ — с одной иллюстрацией, но при показательном словообразовательном гнезде: противопоставление по виду — *подтачивать*; по формообразованию — причастие *подточенный*; по словообразованию — существительные *подточение* и *подтачивание* [там же: 55; см. там же словарную статью на слово *подтощик*].

Убедительно показано в словаре различие родовой характеристики у слов: конкретное существительное мужского рода *подрось* в значении ‘подросток, недорось’, в отличие от собирательного существительного женского рода *подрось* ‘порось молодых деревьев’ [там же: 36]. Показательно также следующее: вышедшее из употребления наречие *подробнь* с пометой «Слав.» на фоне утвердившихся *подробно, подробно* [там же: 35]; даже устаревший вариант устойчивого сочетания слов: *в* ([бело-черный значок] *на*) *подражание кому-чему, кого-чего* [там же: 32]. Очень важно, что соответствующие значки по цвету сопровождают видовую пару *подписать — подписывать* в «гнездовой статье» в разных значениях: таким образом становится понятно, что значение ‘украсить росписью’ в XVIII веке уже было устаревшим [там же: 24]. Внимательный составитель показал, что устаревшими могут быть даже отдельные словоформы несовершенного вида с безударным гласным в суффиксе типа *подпоясовать, подпоясываться* на фоне обычной структуры для последующего времени: *подпоясывать, подпоясываться* [там же].

Даже некоторые примеры позволяют обнаружить комплекс ценных сведений о жизни слов, которые станут известны читателю только в том случае, если он ознакомится с правилами, как пользоваться «Словарем русского языка XVIII века», чтобы получить сведения не просто о лексеме как плане выражения у слова, а о слове как единстве плана выражения и плана содержания. Так экономно отражена динамика в судьбе слова.

Итак, группа «Словаря русского языка XVIII века» продолжает свою работу и сегодня под руководством творческого ученого, прекрасного специалиста по языку XVIII века И. А. Малышевой, сохраняя в каждом выпуске память об основателях словаря — Л. Л. Кутиной и Ю. С. Сорокине.

«Словарь русского языка XVIII века» очень помогает в научной работе и лексикографам, и другим филологам и гуманитариям — историкам языка, лингвистам разных профилей, литературоведам, историкам, археологам, историкам культуры. При работе с псковскими памятниками письменности для исторической части ПОС часто приходится обращаться к этому словарю для сравнения некоторых слов. Конечно, необходимыми в использовании оказываются материалы уникального Древлехранилища в Псковском музее, основанного Л. А. Твороговым, которого сменила достойная продолжательница Н. П. Осипова, хорошо знавшая архивно-археографическое дело. Она создала современные каталоги ценных старых рукописных и печатных книг, собранных

и систематизированных ее предшественником после войны. Н. П. Осипова описала каждый памятник, воспроизвела расшифрованные ею все «посторонние» письменные тексты, которые оказались в разное время на поверхности книг. Назовем все 4 каталога в порядке их публикации: Каталог книг кириллической печати XVI–XVII веков (1985); Каталог славяно-русских рукописей XIV — нач. XX веков (ч. 1, 2) (1991); Каталог книг кириллической печати XVIII века (1996). Так, например, в «посторонних текстах» на писчем материале XVI века и поздних годов XVII века (по «Каталогу книг кириллической печати XVI–XVII веков Псковского музея-заповедника» [Каталог 1985]), в не полностью сохранившейся записи XVIII века (используем термин *запись*, обоснованный Н. П. Осиповой) встретилось слово *усвоить*: «<...> а буде кто возмет или усвоит <...>» [Каталог 1985: №141]. Завуалированно глагол *усвоить* выражает незаконное действие с книгой ‘присваивая, делая своим, украсть’, тем более предшествует глагол *возмет* как прикрытие намерения оставить дарение себе. Это открыто упоминалось и в 1775 году в подобных записях: «<...> а кто сию книгу дерзнет украсти <...>» [там же: №150]. Воровство откровенно называется глаголом *украсти*, что сопровождается указанием на проявление бесцеремонности и наглости — *дерзнет*. В этом же веке отмечено и другое намерение свершения кражи: «а кто подумает утаит(ь) или украсть» [там же: №240].

Дарственная запись на книге в церковь или монастырь выражала и желание дарителя, чтобы книга хранилась вечно в месте дарения. Книги были очень дорогими, поэтому бережное отношение к книге вменялось неизбежно принимающим этот ценный дар. Выражалось это трафаретными фразами, например со словом *неизносно*. На Синописе середины XVII века читаем запись 1698 года: «по приказу памяти Иллариона митрополита Псковскаго и Изборскаго <...> отдана сия святая книга <...> в духовную архиереискую казну <...>, а быти той святой книге в том доме пресвятыя и живоначальныя Троицы *вечно и никуды неизносно*» [там же: №167]. В 1709 году по такому же волеизъявлению митрополита Иллариона на Минеи Служебной еще более категорично передан наказ: «<...> быти сеи святой книге в той святой обители [Колесниковой пустыни] *вечно и никуды неизносно*» [там же: № 232]. А в начале этого же XVIII века, но без указания года игумен Илларион Печернин дарит свою келейную книгу Сборник из 71 слова, где сказано: «<...> по обещанию своему отдал во Псковскую епархию Николы чудотворца в Любятов монастырь, чтобы быти тое книги из того монастыря *неизноснои*». Далее названа цель дара, и все удостоверяется личным «рукоприкладством»: «<...> в поминовение души моеи грешней, подписал бывши того монастыря игумен Илларион своєю рукою <...>» [там же: №277].

Любопытен случай с четырьмя записями на памятнике Трефологион 1638 года. Поверх категоричного запрета XVII века, частично зачеркнутого или выскобленного: «и сию книгу из монастыря *не продать и таино не изнесть*», — идет запись XVIII века с условием сохранения книги: «Сию книгу богодохновенную <...> положил вкладну <...> *без выносу*» [Каталог 1985: №45].

Во многих записях XVIII века встречаются слова, напоминающие слова из деловых документов: глагол *вступаться* с управлением *во что* (иногда *в кого*) ‘иметь притязания на кого-, что-н.’, см. в 1712 году: «<...> сия книга Пате-

рик Любятова монастыря казенная, никому в ее не вступатца» [там же: №121]. За действие *усвоить* ('присвоить, украсть') по отношению к книге грозила и анафема: «а буде кто *возмет* или *усвоит*, да будет анафема» [там же: №141]. Заканчивается эта надпись очень выразительным словом *Аминь*. Удалось только у И. И. Срезневского обнаружить значение 'присвоить' у слова *усвоить* [Срезневский, т. III: стлб. 1263].

Приведенный материал своеобразно перекликается с результатами, представленными в «Словаре русского языка XVIII века»: прежде всего, обнаруживается динамика языковых процессов, в результате которых в языке закрепляется наиболее удачный вариант.

Но вновь вернемся к истории Словарного сектора ИЛИ РАН. Шло время, в Словарный сектор приходили новые сотрудники. Оставались актуальными идеи Ю. С. Сорокина относительно языка XIX века, которые ученый обосновал еще при исследовании периода 30–90-х годов XIX века, периода, когда, благодаря творческим усилиям А. С. Пушкина и многих талантливых деятелей культуры, уже сформировался современный русский литературный язык. Это помогло ученому заметить, выявить и обосновать тенденции в развитии словарного состава на материале литературного языка. Например, ведущую роль в обновлении лексики литературного языка XIX века сыграли «семантические перемены и сдвиги в кругу уже известных слов» [Сорокин 1965: 325].

На рубеже XX–XXI веков сотрудники Словарного сектора решили обратиться к материалу только допушкинского периода XIX века (хранящемуся в Большой словарной картотеке, пополняющейся постоянно и приводящейся в порядок в связи с переизданием «Большого академического словаря русского языка»). После широкого обсуждения в 2002 году был издан «Проект Словаря русского языка XIX века» [Проект 2002]. Предполагалось, что результат работы позволит обнаружить и зафиксировать развитие лексико-семантических явлений в словарном составе XIX века: «Объектом описания становится <...> лексика в употреблении, что определяет как структурные особенности, так и специфику семантического и функционально-стилистического описания языковых единиц» [Проект 2002: 11].

В период широкого обсуждения, утверждения Проекта планируемого «Словаря русского языка XIX века», а потом его публикации и начала работы сотрудников над словарными статьями, проводились интересные конференции. Все это интересовало и автора данной статьи. Одна из таких конференций даже привлекла одну студентку, с которой иногда мы участвовали в заседаниях и подготовили совместный доклад [Волкова, Костючук 2008: 77–85].

Мне встретился псковский письменный источник, который свидетельствовал о состоянии русского языка XVIII — начала XIX века: отражение речи незаурядного псковича Леонтия Автономовича Травина (1732–1818) в его «Записках» 1806–1808 годов. Он ярко повествовал о своей жизни, начиная с 40-х годов XVIII века (!), и отразил свою речь и речь людей, с которыми общался [Травин]. Некоторые сведения об этом памятнике и его авторе, который назвал свою рукопись так: «Божиим милосердием облагодетельствованного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, проис-

шедшего в достоинство благородства, бывшие с 1741 года в жизни его обстоятельства и приключения для сведения и пользы собственно потомкам его описанные им самим», получаем от историка Л. Софийского. Он нашел рукопись «Записок» у арендатора села Маконова, Жадринской волости, Опочецкого уезда, И. И. Загорского. Ознакомившись с нею, он высказал мнение: «Л. А. Травин представляет собою своеобразное явление на горизонте русской жизни и в местной исторической литературе <...>» [Софийский 1914: 26]. Л. Софийский указывал, что рукопись содержала 90 пронумерованных полулистов и 4 полулиста нenumерованных и состояла из двух частей. Первая часть (бóльшая: 50 полулистов) содержала автобиографию Л. Травина. Она и была издана. Этот уникальный материал и используем как свидетельство речи человека того периода, который так значим для наблюдений за процессами в языке. Обратимся только к некоторым словам.

Л. Травин пишет о наставлениях, которые давал детям: «Сие напоминаю я для детей своих, чтоб от таковой оплошности остерегались и не ленились *иждивения* своего вносить в квартиру, а на удачу в повозках на дворе не оставляли <...>» [Травин: 25]. Автор продолжает использовать знакомое ему слово и в начале XIX века, когда пишет свои «Записки». Следовательно, в начале XIX века слово с таким значением еще употреблялось в речи. План содержания 'имущество' фиксируется как оттенок к значению 'материальные средства' у слова *иждивение*, что отмечено и в более раннее время [Сл XI–XVII, т. 6: 89], а в XVIII веке отмечается как сема основного значения — 'средства, употребленные на что-л.; имение, имущество' [Сл XVIII, т. 8: 255]. Таким образом, Л. Травин использует слово *иждивение* в значении, характерном для XVIII века.

Однако в XIX веке лексема *иждивение* активно употребляется в литературном языке, но с другим толкованием. Так, еще Словарь 1847 года фактически обобщал значения, которые были известны и в XVIII веке (1. 'средства, употребленные на что-л.; имение, имущество'; 2. 'расход, издержки, траты' [Сл XVIII, т. 8: 255]), в единое: 'сумма, употребленная на что-л.; издержки' [Сл 1847, т. II: 102]. На протяжении рассматриваемого периода обнаружены разные тенденции в развитии значения данного слова. Сам Л. Травин использует слово в значении, которое было ему известно.

Л. Травину хорошо знакомо народное псковское слово *мишаник*: «<...> да я ж из числа строения, бывшего в продаже прежде господину Вындомскую, перевозил белый для поклажи платья анбар и *мишаник*, стоящие двадцать пять рублей <...>» [Травин: 66]. В XIX веке оно обозначает 'подклеть или амбар, оконпаченный мхом в предохранение от стужи' [Сл 1847, т. II: 334]. Такое толкование фиксировалось и [Сл XI–XVII], и [Сл XVIII], но без раскрытия предназначения постройки. В. И. Даль, отмечая и то, что зафиксировал Словарь 1847 года, добавляет, используя народные слова, что это могла быть 'теплая *напогребица*, для съестных припасов, для зимовки пчел: теплый сруб над родником, над колодцем', раскрывая, для чего именно мог служить *мишаник* [Даль, т. II: 353]. Слово это хорошо известно и в современных народных говорах. В ПОС оно имеет омонимы. Первый омоним означает 'то же, что *мишара*' ('моховое болото'). Второй омоним, со многими значениями, называет разные сель-

ские бревенчатые строения (жилые и хозяйственные), но все утепленные: проконопаченные мхом [ПОС, т. 19: 108–109].

При рассказе о своих недоброжелателях Л. Травин употребляет слово **волочага**: «Да и сверх того еще беспокоивали жизнь мою шатающиеся по свету **волочаги**, не хотящие трудом себе хлеб стяжать, затея многие клеветы единственно из хвасты и тщеславия, чтоб в несчастье ввести своего начальника и был бы сменен, что им не малая утеха» [Травин: 49]. Согласно словарям XIX и XVIII веков, **волочага** — это ‘тот, который **волочится**, таскается по разным местам’ [Сл 1847, т. I: 154], то есть ‘шатун, кто шатается, таскается кой-где’ [Даль, т. I: 237]. Словари указывают и второе, производное, значение — ‘волокита’. До этого слово с таким значением (‘кто таскается...’) не было отмечено в более ранних по материалу словарях. В «Словаре русского языка XVIII века» для слова **волочага** фиксируется более конкретизированное значение, в толковании которого отмечаются причина, цель действий **волочаги**: ‘бродяга; искаатель приключений, авантюрист’ [Сл XVIII, т. 4: 46] с пометой «*прост.*», указывающей, что в книжной речи слово имеет синонимичные замены. В XIX веке словари не фиксируют никаких помет, что свидетельствует, что слово с этим значением активно используется разными носителями языка. Л. Травин так подбирает слова, что в плохом поведении человека противопоставляет нежелательное отношение к самому себе и, что еще хуже, к другим: «шатающиеся по свету **волочаги**», «не хотящие трудом себе хлеб стяжать» — «в несчастье ввести своего начальника», «им не малая утеха»; «затея многие клеветы единственно из хвасты и тщеславия». Слово **волочага** утратило значение ‘волокита’ с собой ‘безнравственный человек’, так как его взяло на себя само слово **волокита**. В XX веке **волочага** не фиксируется вовсе.

Для понимания специфики системы языка важны такие слова, значения которых приходится выяснять только из «травинского» контекста, так как с актуальным для нашего случая значением они не отмечены в словарях ни XVIII, ни XIX веков. Автор «Записок» делится воспоминаниями о том, как принимал участие в судьбе своей племянницы: «<...> а напоследок еще сумнительнее вышло, что муж ее (племянницы. — Л. К.) Иван Захаров сын Яхонтов, отрекся ее, назвав незаконною женою, в чем довольно меня и тревожили, доколе переждал все сии волнующиеся **коловороты**, о чем сказано будет ниже» [Травин: 56]. Из контекста следует, что слово **коловорот** называет превратности в жизни, судьбах людей — прежде всего неприятности, неожиданные события. Однако ни словари XI–XVII веков, XVIII века, XIX века, ни словари литературного языка XX–XXI веков не фиксируют такого значения у слова **коловорот**, которое бы подходило для использования слова Л. Травиным в данном контексте. Возможно, какие-то семы слова (‘кругом’, ‘воротить/ворот’) «удовлетворяли» автора «Записок», чтобы обозначить описываемую ситуацию в судьбе родственницы, и он использовал его в метафорическом значении. Это поддерживается более поздним выражением, отмеченным у В. И. Даля: «Человек — **коловерт**» в значении ‘бестолковый, изменчивый, непостоянный’ [Даль, т. II: 138], прежде всего с собой ‘изменчивый, непостоянный’.

Наблюдения над речью такого человека, как Л. А. Травин, позволили увидеть и понять многое в судьбах и народного, и общерусского языка. Приятно было познакомиться с исследованием М. Н. Приемьшевой о «Записках» сыщиков как материала для словаря русского языка XIX века [Приемьшева 2009: 86–90].

Инициаторы создания «Словаря русского языка XIX века» привлекали заинтересованных к участию в конференциях. Это были незабываемые встречи. Участвовали, выступали и те, кто работал с другим материалом. Например, А. А. Бурькин, знаток многих сибирских языков, на конференции по проблеме состояния языка «от XVIII века к веку XXI» сообщил о следах этих языков в источниках для готовящегося «Словаря русского языка XIX века». Это показывает необходимое «содружество» разных специалистов [Бурькин 2006: 44–55]. Как всегда, со значимыми вопросами по организации словаря на этой же конференции выступала В. Н. Калиновская, осветившая проблему дифференциального словника, отвечающего идее словаря [Калиновская 2006: 7–16]. Доклады членов группы о материале XIX века всегда увлекают неожиданными наблюдениями.

Группы Отдела исторической лексикологии и лексикографии Словарного сектора ИЛИ РАН продолжают выпускать начатые словари и начинают новые проекты. Работают в ИЛИ РАН и группы современных словарей русского языка разных типов: литературного, сводного диалектного; исторического по произведениям Ломоносова. Активно ведется работа над выпусками актуального Словаря новых слов. Выходят авторские словари. С 1988 года действует уникальное направление по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Проводятся различные конференции, по их результатам выходят востребованные издания.

Ценно в жизни юбиляров многое: традиции, преданность науке всех сотрудников — от мала до велика, талант организаторов научных мероприятий, руководителей всех подразделений, демократизм...

По-польски хочется пожелать очередных *Sto lat* всем юбилярам!

Литература

- Астахина 2004 — Астахина Л. Ю. История Картотеки. Авторский состав (биобиблиографический словарь) // Словарь русского языка XI–XVII веков. Справочный выпуск. Ч. 1. М.: Наука, 2004. С. 7–58.
- Бурькин 2006 — Бурькин А. А. Лексические регионализмы и заимствования из языков народов Сибири в текстах-источниках Словаря русского языка XIX в.: проблемы изучения и лексикографического описания // Русский язык XIX в.: от XVIII века — к веку XXI: Материалы II Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 октября 2006 г.). СПб.: Наука, 2006. С. 44–55.
- Волкова, Костючук 2008 — Волкова Е. В., Костючук Л. Я. Лингвистическая специфика записок-воспоминаний (труд Л. Травина как отражение формирования литературного языка XIX века) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. IV, ч. 3. С. 77–85.

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I–IV. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958.
- Калиновская 2006 — *Калиновская В. Н.* «Словарь русского языка XIX в.»: проблемы формирования дифференциального словника // Русский язык XIX в.: от века XVIII — к веку XXI: Материалы II Всероссийской научной конференции (С.-Петербург, 17–20 октября 2006 г.). СПб.: Наука, 2006. С. 7–16.
- Каталог 1985 — Каталог книг кириллической печати XVIII в. Псковского музея-заповедника / Сост. Е. П. Огинская, Н. П. Осипова. Псков, 1996.
- Ларин 1936 — *Ларин Б. А.* Проект Древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.; Л.: АН СССР, 1936.
- Лихачев 1977 — *Лихачев Д. С.* О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 5–10.
- Отчет 1934 — Отчет о работе Института за 1934 г. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. IX. Ч. 1. С. 382–398.
- Отчет Комиссии 1929/30 — Отчет Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку за 1929/30 г. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. IX. Ч. 1. С. 266.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными.* Вып. 1–28. Л.; СПб.: Изд-во СПбГУ (ЛГУ), 1964–2020 (издание продолжается).
- Правила 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984.
- Приемышева 2009 — *Приемышева М. Н.* «Записки» сыщиков как источник по изучению и лексикографическому описанию русского языка XIX в. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 4: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 86–90.
- Проект 2002 — Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб.: ИЛИ РАН, 2002.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской АН / Репринтное издание. Кн. I (тт. I–II) [4 т.]. СПб.: СПбГУ, 2001.
- Сл XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2019.
- Сл XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.
- Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
- Софийский 1914 — *Софийский Л. Л.* А. Травин // Труды Псковского археологического общества. 1913–1914 гг. Вып. 10. Псков, 1914. С. 25–35.
- Травин — *Травин Л.* Записки. Псков, 1998.

Larisa Kostiuchuk

Pskov State University (Pskov, Russia)

**HISTORICAL DICTIONARIES IN THE VOCABULARY SECTOR OR RAS:
SIGNIFICANCE FOR RUSSIAN SCIENCE**

Abstract. The Lexicography Sector and the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences itself are worthily celebrating their 90th and 100th anniversaries respectively. The article deals with the directions of Russian lexicography developed at the Institute, in particular, with the direction of historical dictionaries presented by the *Dictionary of the Russian Language of the 18th century* and the *Dictionary of the Russian language of the 19th century*. The qualifications of the participants in each group are highly impressive, as well as the samples presented for discussion on each dictionary, the publication of finished issues, and the continuation of work with dictionaries. The material presented in the article shows how much these works mean for further knowledge of the native language and for domestic science.

Keywords: lexical system, dictionary, synchrony and diachrony, Old Russian dictionary, Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries, Dictionary of the Russian language of the 18th century, Dictionary of the Russian language of the 19th century, dictionary card-index, dictionary project, dictionary instructions

Ирина Борисовна Дягилева
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА»

Аннотация. В статье рассмотрены направления, в которых идет расширение круга источников для «Словаря русского языка XIX века». Создана «Электронная база текстов XIX века», позволяющая при помощи корпус-менеджера «Архивариус 3000» пользоваться ею как корпусом. Результаты этой работы показаны на примере конкретного лексического материала. Характер, механизмы и закономерности развития лексико-семантической системы русского языка XIX века, связанные с употреблением в текстах периодической печати, имеют свою специфику. Понимание этого привело составителей Словаря к участию в научно-исследовательском проекте «Русский язык в медиапространстве XIX века», результаты которого представлены на сайте <http://media19.ru>.

Ключевые слова: историческая лексикография русского языка, источники, электронная база, периодические издания

В Институте лингвистических исследований РАН продолжается работа над «Словарем русского языка XIX века». Концепция исторического словаря дифференциального типа позволяет «по-новому посмотреть на XIX век, отбрасывая идеологическую предвзятость в отношении этого периода нашей истории, благодаря более объективному представлению языковых фактов составить национальную языковую картину мира в ее красочном многообразии и сложности» [Калиновская 2005: 26]. Эмпирическую базу Словаря составляют как его картотеки: бумажная и электронная [Калиновская, Старовойтова, Эзериня 2012], так и специально созданная «Электронная база текстов XIX века» (далее — ЭБ) [Дягилева 2018]. В настоящее время база включает в себя около 9 тысяч текстовых файлов и продолжает постоянно пополняться. При использовании корпус-менеджера «Архивариус 3000» ЭБ функционирует как корпус, позволяя выполнять эффективный поиск и проводить лексикологические исследования.

Идеи о характере и особенностях формирования источниковой базы Словаря, высказанные Л. Л. Кутиной и Ю. С. Сорокиным в статье «Словарь русского языка XIX века и его источники» [Кутина, Сорокин 1995: 83–84], остаются актуальными и находят свое отражение в работе сотрудников Словаря. Расширение привлекаемых для работы источников идет в следующих направлениях.

1. Образцовые, классические тексты XIX века из произведений художественной литературы [там же: 83].

В настоящее время в ЭБ входят полные собрания сочинений ведущих писателей и поэтов XIX века: Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, А. А. Фета, А. П. Чехова и целого ряда других авторов. Это позволяет реализовать принцип полноты, особенно важный в дифференциальном историческом словаре, где основной единицей лексико-семантического описания является словоупотребление. Благодаря расширению ЭБ словник пополнили такие редкие для XIX века лексические единицы, как *ангельство* (Н. В. Гоголь), *арбитрация* (Л. Н. Толстой), *барковщина* (Н. А. Некрасов), *анонимность*, *баррикадист* (А. И. Герцен), *бездомовица*, *бездумность*, *билетопечатание* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *бездомовничество* (Г. И. Успенский) и др.

2. Беллетристика, материалы из рядовой литературы, где «иногда более непосредственно отражаются колебания и вновь возникающие особенности речевого употребления», где происходит своеобразное осмысление языковых фактов [там же: 83].

В ЭБ Словаря включены произведения писателей, игравших важную роль в литературной жизни XIX века, но позже или забытых, или потерявших свою популярность. Это такие авторы, как А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Вельтман, В. М. Гаршин, И. Т. Кокорев, Е. Л. Марков, В. И. Немирович-Данченко, О. И. Сенковский, К. М. Станюкович и др. Использование их произведений в качестве источников пополнило Словарь лексемами *адвокатша* (Е. Л. Марков), *анекдотный* (А. В. Дружинин), *адрес* (В. А. Вонлярлярский), *арбузовидный* (Д. В. Григорович), *аргументальный* (М. Н. Загоскин), *бардадым* (Г. Н. Потанин), *безжениховье* (В. И. Немирович-Данченко), *безжилицный* (В. К. Кюхельбекер), *снежная баба* (Д. Н. Мамин-Сибиряк) и т. д.

3. Переводные произведения, именно в них «часто впервые являлись и новые для нашего языка иностранные слова, и их кальки, и оригинальные переводы» [там же: 84].

В ЭБ Словаря вошли романы Ж. Верна, Ч. Диккенса, А. Дюма, Ж. Санд, Г. Сенкевича, М. Твена, У. Теккерея и целый ряд произведений других авторов, переведенных в XIX веке, при этом в качестве источников используются только переводы высокого качества. Предпочтение отдается таким известным переводчикам своего времени, как И. И. Введенский, П. И. Вейнберг, А. И. Кронеберг, В. М. Лавров, Л. А. Мей, П. Н. Полевой, М. А. Энгельгардт и др.

Помимо переводных произведений художественной литературы в ЭБ входят переводы трудов по философии, религии, истории, медицине, технике, естественным наукам. Из таких источников были включены цитаты в словар-

ные статьи на слова: *амазонство* (Политика Аристотеля. Пер. Н. Скворцова. 1865), *амбуланс* (К. Савуа. Устав о службе армий в поле. Пер. с фр. А. Риттера. 1873), *амальгамировать* в значении «соединять что-л. однородное» (А. Шопенгауэр. Свобода воли и основы морали. Пер. Ф. В. Черниговца. 1887), *арбалета* (В. Ирвинг. История жизни и путешествий Христофора Колумба. Т. 2. Пер. Н. Бредихина. 1837); фразеологизмы и терминологические выражения: *в адамовском костюме* (К. Ю. Иречка. История болгар. Пер. Ф. К. Бруна. 1878), *адская машина* (История первого консула Бонапарте. Пер. с фр. Ч. 2. 1802), *ажитированный паралич* (А. Кюллерр. Границы сумасшествия. Пер. К. Н. Ковалевской, Е. Н. Герстфельд. 1889).

4. Периодические издания. Именно в прессе отражаются «наиболее импульсивные отклики на новые явления в общественной жизни и общественной мысли и на новые явления в языке» [Кутина, Сорокин 1995: 84].

Учитывая важность этого типа источников для исторического словаря и их малоизученность, необходимо уделять особое внимание расширению источниковой базы за счет ведущих периодических изданий XIX века. На настоящий момент в ЭБ Словаря включены газеты «Голос», «Иллюстрация», «Молва», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Утренняя почта», а также журналы «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Время», «Дело», «Москвитянин», «Московский телеграф», «Отечественные записки», «Современник» и некоторые другие. Указанные газеты и журналы представлены в ЭБ Словаря не полной коллекцией, однако она постоянно пополняется. Трудно переоценить значение данных, полученных из этого типа источников, так как именно в них часто фиксируются самые ранние употребления слов, происходит их семантическое развитие, отмечается особая сочетаемость. [Дягилева 2013, 2020, Старовойтова 2021, Щеглова, Прокофьева 2020].

Следует отметить, что характер, механизмы и закономерности развития лексико-семантической системы русского языка XIX века, связанные с употреблением в текстах периодической печати, имеют свою специфику. Понимание этого привело составителей Словаря к участию в научно-исследовательском проекте «Русский язык в медиапространстве XIX века», результаты которого представлены на общедоступном сайте <http://media19.ru>. На нем представлены следующие разделы:

- *Словарная мозаика*

В разделе размещаются словарные материалы по истории слов, связанной с их функционированием в публицистических и иных текстах периодической печати XIX века. Словарная статья содержит репрезентативную форму с вариантами, грамматические сведения (при отличии от современной нормы), этимологическую справку (при новом заимствовании), определение значения, иллюстративный материал. Графическим знаком «стрелка» маркируются особенности употребления слова, указывающие на его семантическую динамику (распространительные, расширительные, переносные значения и т. п.). При необходимости слово сопровождается историко-культурным комментарием. Графический/орфографический облик цитаты соответствует источнику (оригиналу или современному изданию). Библиографические сведения даются в сокращенном виде.

- *Медиаперсоны*

В рубрике публикуются материалы о значимых для эпохи XIX века издателях, редакторах, журналистах, авторах публикаций: И. С. Аксакове, П. П. Пезаровиусе, А. П. Пятковском, В. С. Филимонове, Н. П. Щеглове и др.

- *Источники*

В разделе дается информация о газетах и журналах XIX века, истории их создания, характеризуются стилевые и языковые особенности изданий.

- *Хроники*

В данный раздел включены фрагменты газетных и журнальных статей, в которых сообщается о фактах и событиях, актуальных в историко-культурном плане и интересных нашим современникам (напр., «Водоплавки», «Свадебная контора», «Снегоразгребальный треугольник», «Уличный локомотив», «Электрические часы» и др.). Материал отобран таким образом, чтобы представить его лингвистическую ценность: факты лексической и фразеологической неологии, свободной и несвободной лексической сочетаемости, языковой рефлексии.

- *Публикации*

В разделе представлены научные статьи авторов — участников проекта, посвященные самым разным аспектам изучения текстов русской периодики XIX века.

Работа над проектом «Русский язык в медиапространстве XIX века» является важной ступенью к созданию Словаря, позволяет сделать значимые выводы о развитии языковой системы в этот период.

5. Научная и специальная литература. Как отмечали Л. Л. Кутина и Ю. С. Сорокин, в специальных книгах и статьях находит себе место «обсуждение отдельных сторон языка, в том числе и оценка различных слов и выражений» [Кутина, Сорокин 1995: 84]. Несмотря на традиционные ограничения на включение в круг источников узкоспециальных изданий, в ЭБ входят издания научного характера, известные широкому кругу образованного русского общества, различного рода руководства, научно-популярные издания [Проект 2002: 44–45]. К настоящему моменту ЭБ Словаря пополнена такими специальными периодическими изданиями, как «Газета лесоводства и охоты», «Журнал для овцеводов», «Северный муравей»; научно-популярными изданиями «Цветоводство», «Новейший русской карточный игрок» и др. Эти издания также важны в плане первой фиксации специальной лексики; к примеру, в газете «Северный муравей» впервые фиксируются специальные слова: *бороздильник, калорифер, раффинировка, скарификатор, фрахование* и др.

6. Законодательная литература. В законодательных текстах содержится обширная информация о государственном устройстве России, материальных и нравственных ценностях населяющих ее народов, их национальной культуре, что находит свое отражение в языке. В источники Словаря включено «Полное собрание законов Российской Империи», наиболее полный сборник законодательных актов Российской империи, расположенных в хронологическом порядке, а также «Свод законов Российской Империи», содержащий действовавшие законодательные акты в тематическом порядке. В этих изданиях отмечены одни из первых употреблений таких слов, как *административно-распорядительный, багра* (натуральный налог в Закавказье), *баромакрометр, безвыгодность, без-*

должностной, билетодержатель, ясли (в значении «воспитательное учреждение для маленьких детей») и др.

К этой же группе источников относятся периодические издания «Вестник права», «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник», «Журнал гражданского и уголовного права». В них не только фиксируются новые употребления общелитературной и терминологической лексики, но и определяются особенности их употребления и семантики. Так, в журнале «Вестник права» указывается: «Слово „безденежность” толкуется чрезвычайно различно, что ведет к путанице и шаткости в судебной практике. .. В наших действующих законах слово „безденежность” означает безвалютность, недействительность» (Вестник права. 1900. №3. С. 14). Такие факты языковой рефлексии особенно важны для исторического словаря.

7. Письма, дневники, мемуары. «Ценные сведения об истории отдельных слов и выражений, об условиях их сложения и бытования в той или иной социально-культурной среде можно извлечь из обширной мемуаристики, сохранившейся от этого времени» [Кутина, Сорокин 1995: 84]. В ЭБ за последние годы были включены мемуары А. Ф. Вельтмана, Ф. Ф. Вигеля, Н. И. Греча, М. П. Погодина, Я. П. Полонского, Ф. В. Ростопчина, записки графа А. Х. Бенкендорфа, М. С. Щепкина.

В жизни общества XIX века большую роль играл эпистолярный жанр. Были широко распространены самые разные типы писем: деловые, официальные, «этикетные», дружеские, любовные, семейно-бытовые и т. п. Вследствие этого в собрание источников Словаря включаются все доступные электронные издания писем: письма И. С. Аксакова, Е. А. Баратынского, И. И. Дмитриева, Н. А. Добролюбова, П. И. Чайковского и многих других авторов этого времени. Богатый материал содержат письма А. П. Бородина, выдающегося ученого, композитора, неординарного человека. В них соединяется терминология химии и музыки (*бромоватистый натрий, поправка Гюфнера, азотнортутная соль, реакция двойного разложения; арранжement, дублировка, каденца, квартетист*), представлена бытовая лексика (*складная табуретка, паспазить окна, палишка ‘пресная лепешка’, кошачий сортир*), оценочная лексика (*мендельсоновщина, плоский ‘о плохой музыке’*), разговорная лексика (*киснуть от восторга, хламида, пролупить в Москву*).

8. Духовная литература. Особое внимание уделено в ЭБ Словаря кругу источников, которые можно отнести к духовной литературе, ранее не исследованной вследствие идеологических ограничений. Это богословские сочинения: «Духовные наставления инокам и мирянам» Серафима Саровского, «О великих Господских и Богородичных праздниках» Святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического (Борисова), «Аскетические опыты» Игнатия Брянчанинова, «Мысли христианина о покаянии и св. причащении» Иоанна Кронштадтского; проповеди и письма: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни» Феофана Затворника, «Слова и речи» Святителя Филарета Московского (Дроздова) и др.

В источники Словаря включены периодические издания «Церковные ведомости», «Мир Божий», «Православное обозрение»; сборники с материалами

духовно-нравственного содержания, например, «Духовные посе́вы» священника Григория Дьяченко.

Благодаря обращению к письмам Феофана Затворника электронная картотека Словаря пополнилась цитатами на слова *взаимоважение, возсвоевольничать, оплотеняться, острозоркость, писать с плеча, причувствоваться, разноухания, симпатист, симпатистка, умно-созерцаемый, худосердечие* и целого ряда других.

9. Словарные издания. Не вызывает сомнений, что «следует достаточно полно учесть и показания словарей XIX века» во всем их жанровом разнообразии [Кутина, Сорокин 1995: 84]. Для работы над Словарем создана электронная база словарей XIX века, в которую вошли: толковые словари (7 сл.), энциклопедические словари (9 сл.), словари иностранных слов (29 сл.), двуязычные словари (15 сл.), специальные словари (19 сл.), областные словари (2 сл.), фразеологические словари (2 сл.). Благодаря лексикографическим изданиям становится возможным выявлять новые лексемы, проследивать развитие их значений, получать важные хронологические и этимологические сведения, статистические данные.

Важную роль в работе над источниками играет целенаправленное изучение лексического состава и лексического своеобразия отдельно взятого художественного произведения. Так, продуктивность комплексного подхода демонстрирует диссертационное исследование Е. А. Щегловой «Лексико-фразеологические особенности очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада”» [Щеглова 2017], в котором автор рассматривает особенности функционирования в тексте различных групп лексики (наименований экзотических реалий, терминологической лексики и фразеологии, этнонимов, топонимов и их дериватов, региональной лексики, новых заимствований), проследивает семантическую эволюцию значимых в культурно-историческом плане лексических единиц (например, *комфорт, торговля, практичность*), делает выводы о процессах нормализации и основных нормативных тенденциях, характерных для русского языка XIX века. Большую ценность для составителей «Словаря русского языка XIX века» представляет составленный автором диссертации словарь очерков путешествия «Фрегат „Паллада”» (16 300 слов), список иноязычных вкраплений (174 единицы), список лексики, прокомментированной автором (105 наименований) [Щеглова 2015, 2017].

При определении круга источников неизбежно возникает проблема аутентичности текстов и их вариантности. В соответствии с проектом Словаря «при отборе текстового материала предпочтение отдается изданиям XIX в. <...> и современным факсимильным изданиям. Однако в силу целого ряда причин Словарь <...> по необходимости использует современные издания текстов XIX в. — в первую очередь наиболее авторитетные, максимально сохраняющие (при современной графике) орфографию и пунктуацию источника, сверенные по рукописям и прижизненным изданиям» [Проект 2002: 39–40]. Важность обращения к изданиям XIX века очевидна. Показательны в этом плане следующие лексические замены, сделанные в более поздних изданиях. В «Путешествии вокруг света на корабле „Нева” в 1803–1806 гг.» Ю. Ф. Лисянского татуировки жителей Маркизских островов названы *узорочным разнещрением* [Лисянский 1812: 140], в издании 1947 года

данное составное наименование заменено словом *татуировка* [Лисянский 1947: 102]. Следовательно, если не обратиться к первоисточнику, то можно ошибочно датировать лексему *татуировка* 1812 годом. В комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» употребляется слово *пальтичко* [Писемский 1896: 21], в изданиях XX века оно заменено на *пальтишко* [Писемский 1982: 276]. При историческом описании лексики, следуя принципу достоверности, необходимо учитывать возможность таких случаев и стремиться избегать ошибок.

Целый ряд важных для Словаря мемуарных источников, писем и документов был впервые опубликован только в XX–XXI веках, вследствие этого в тексты могли вкрасться неточности или в них могла быть проведена редакторская правка, нежелательная для использования таких текстов в качестве источников исторического словаря. Составители стремятся в своей работе опираться на хорошо документированные тексты, предпочитая издания XIX века в формате PDF.

В заключение хочется отметить, что эмпирическая база Словаря постоянно расширяется в соответствии с принципом жанрово-стилистического многообразия включаемых источников, их объективности и репрезентативности. Благодаря этому расширяется словник, а в поле внимания лексикологов попадают редкие слова, в истории которых отражаются языковые процессы, характеризующие развитие словарного состава русского языка в целом. Чем более тщательно ведется работа над словарными источниками, тем более объективный результат будет получен в результате создания «Словаря русского языка XIX века».

Литература

- Дягилева 2018 — Дягилева И. Б. Из опыта работы над «Словарем русского языка XIX века» // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. СПб., 2018. С. 172–177.
- Дягилева 2013 — Дягилева И. Б. Иноязычные вкрапления в русской публицистике 30–40-х гг. XIX века // От буквы к словарю. Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота. СПб.: Наука, 2013. С. 142–147.
- Дягилева 2020 — Дягилева И. Б. Динамика заимствования в русской газетной публицистике первой половины XIX в. // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. СПб., 2020. С. 28–41.
- Калиновская 2005 — Калиновская В. Н. «Словарь русского языка XIX в.» как особый тип исторического словаря // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 25–29.
- Калиновская, Старовойтова, Эзериня 2012 — Калиновская В. Н., Старовойтова О. А., Эзериня С. А. Картотеки «Словаря русского языка XIX века»: истоки, состояние и проблемы формирования // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. VIII. Ч. 3. С. 199–204.
- Кутина, Сорокин 1995 — Кутина Л. Л., Сорокин Ю. С. «Словарь русского языка XIX в.» и его источники // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 176–183.

- Лисянский 1812 — *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803.4.5. и 1806 годах на корабле Нева. Ч. 1. СПб., 1812.
- Лисянский 1947 — *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах. М., 1947.
- Писемский 1896 — *Писемский А. Ф.* Ипохондрик // Писемский А. Ф. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.; СПб., 1896.
- Писемский 1982 — *Писемский А. Ф.* Ипохондрик // Писемский А. Ф. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. М., 1982.
- Проект 2002 — Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб.: Наука, 2002.
- Старовойтова 2021 — *Старовойтова О. А.* Какие вопросы ставила российская жизнь? (Особенности употребления сочетания с лексемой вопрос в публицистике XIX века) // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2021. Вып. 4. С. 115–125.
- Щеглова 2015 — *Щеглова Е. А.* Очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада”» как источник лексикологического исследования // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 523–536.
- Щеглова 2017 — *Щеглова Е. А.* Лексико-фразеологические особенности очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада”». Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
- Щеглова, Прокофьева 2020 — *Щеглова Е. А., Прокофьева Н. А.* Номинации военных действий и их участников в публицистике периода Крымской войны // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. СПб., 2020. С. 283–292.

Irina Diaghileva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ON THE PROBLEM OF SOURCES FOR THE *DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 19TH CENTURY*

Abstract. The article presents the directions in which the range of sources for the *Dictionary of the Russian language of the 19th century* is expanding. Supported by the Archivarius 3000 corpus manager, the Electronic database of 19th century texts, which has been created for collecting sources, is used as a corpus. The results of this work are shown by the examples of specific lexical materials. The nature, mechanisms and patterns of development of the lexical and semantic system of 19th century Russian, based on the use in the periodicals, have their own specifics. Understanding this led the compilers of the Dictionary to participating in the research project “The Russian language in the media space of the 19th century”, the results of which are presented on the website <http://media19.ru>.

Keywords: historical lexicography, sources, electronic database, periodicals

**Игорь Михайлович Егоров, Татьяна Дмитриевна Коркина,
Георгий Анатольевич Мольков, Миляуша Габдрауфовна Шарихина**
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОЧНИКИ, МАТЕРИАЛ, СТРУКТУРА

Аннотация. В Группе исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН в настоящее время ведется работа по созданию электронного ресурса, в котором собрана библиография по истории слов русского языка. В статье обоснована актуальность данного ресурса, обозначены цели его создания, описывается пользовательский интерфейс и структура библиографического аннотированного описания языковых единиц. Ресурс продолжает пополняться новыми материалами и доступен для пользователей по адресу: <https://bibliolex.iling.spb.ru>.

Ключевые слова: русский язык, лексикология, история слов, библиография, указатель, электронная база данных

1. Введение

В Группе исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) в 2021 году началась работа по созданию и наполнению электронной базы данных «История слов русского языка. Библиографические материалы». Новый справочный ресурс призван предоставить широкому кругу пользователей аннотированную библиографию работ, посвященных различным аспектам формирования и развития лексики русского языка. К настоящему моменту проанализирована и реализована основная структура данных, созданы редакторский и пользовательский интерфейсы. Ресурс продолжает пополняться новыми материалами и доступен для пользователей по адресу: <https://bibliolex.iling.spb.ru>.

Описание лексического состава русского языка на протяжении всей его обозримой истории находит выражение в двух типах научных исследований: словарных, охватывающих обширные пласты лексики, и аналитических, посвященных истории отдельных фрагментов (слов, словосочетаний, групп лек-

сики) лексического массива языка. Разработка истории отдельных слов и лексических групп, представленная в заметках, очерках, статьях, диссертациях, монографиях, помимо фиксации и описания языковых фактов, имеет важное значение при лексикографировании словарного инвентаря языка, создании общих и специальных словарей разных периодов в истории языка.

Активная работа по систематической обработке исторических источников в рамках масштабных лексикографических проектов началась во второй четверти XX века. По словам М. И. Чернышевой, «русская лексикография выбрала путь, отличный от западноевропейской лексикографической традиции — путь создания словарей отдельных периодов развития языка, разножанровых и разноаспектных исторических словарей, в том числе, этимологических» [Чернышева 2016: 687]. Такими разноаспектными словарями стали не завершённые до настоящего времени, находящиеся на разных этапах подготовки «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Словарь русского языка XIX века».

Параллельно со словарным описанием в XX веке начались исследования по «биографии» конкретных слов и оборотов речи, выделившиеся в особую ветвь русской лексикологии в конце 1930-х годов. В послевоенный период такие исследования «приобретают широкий и все более возрастающий размах» [Левашов 2008: 5]. Интенсификация исследований наглядно отражается в частности в научной периодике. В профильных журналах по русистике с 1960-х годов появляется специальный раздел, посвященный заметкам по истории слов (в журнале «Русский язык в школе» впервые такой раздел вводится в 1966 году, сначала под названием «Этимологическая страничка»); открываются новые журналы, в тематический диапазон которых входит историко-лексикологическая проблематика («Вопросы языкознания» с 1952 года, «Советское славяноведение» с 1965 года, «Русская речь» с 1967 года и др.).

Потребность упорядочить разнообразную и многочисленную литературу по истории слов русского языка ощущалась уже со второй половины XX века. В этот период составлялись систематические каталоги научных институтов (в том числе ИЛИ РАН), а также авторские библиографические картотеки. Так, в Словарном секторе Института лингвистических исследований РАН параллельно с лексикографической работой ученые Ю. С. Сорокин, Р. П. Рогожникова, Е. А. Левашов и др. составляли собственные картотеки, каталоги, указатели актуальной научной литературы. Большинство этих материалов не было опубликовано. Существующие печатные библиографические указатели по русской лексикологии отражают различные аспекты научных исследований и имеют ограниченные хронологические рамки учтенных публикаций. Так, общий указатель литературы по языкознанию, отдельный том которого посвящен вопросам лексикологии, описывает публикации до 1880 года [Виноградов 1954]; специализированный указатель по истории русской фразеологии охватывает весь период научного описания языка до середины 1990-х годов [Бирх, Мокиенко, Степанова 1994].

Различаются указатели и по принципам описания библиографии. В издании [Виноградов 1954] научная литература группируется в алфавитном порядке фамилий авторов, библиография отдельных слов (словосочетаний) в нем не представлена; указатель не специализирован только на лексикологической проблематике. При более удобной группировке по алфавиту описываемых слов указатель может иметь структуру конкорданса, где каждое слово сопровождается только ссылками на страницы публикаций. Примером такого типа являются издания [Бирих, Мокиенко, Степанова 1994; Вавжинчик, Малэк 2014]. При другом подходе описание каждой библиографической позиции дополняется аннотацией, которая содержит наиболее подробную информацию о публикациях по истории слов русского языка. К этому типу относится указатель, основанный на картотеке Ю. С. Сорокина, дополненный и подготовленный его учеником Е. А. Левашовым. Указатель создавался в 1970-е годы, поэтому описание в нем доведено только до 1970 года. Первоначально он был опубликован в виде конкорданса в 1983 году, но впоследствии был доработан (аннотирован) и издан в 2008 году [Левашов 2008: 6].

Проект «История слов русского языка. Библиографические материалы» призван объединить все существующие справочные издания, специальные каталоги и дополнить их библиографией неучтенных работ. Основной целью является создание единой библиографической базы данных, содержащей литературу по истории слов русского языка, собранной из разнообразных источников. Такой электронный библиографический указатель дает возможность исследователям осуществлять поиск научной публикации по разным параметрам и аспектам, тем самым позволяя ориентироваться в огромном разнообразии существующей литературы. Создаваемая база предназначена как для лексикологов и лексикографов, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с разработкой истории конкретных слов и выражений, так и для филологов широкого профиля, интересующихся русским языком.

Достижение заявленной цели предполагает поиск, обработку и регистрацию работ, посвященных истории словарного состава русского языка на протяжении всей его письменной истории — от XI века до современности. Электронный формат позволяет собрать по возможности полную библиографию по данной проблематике — с начала научного описания языка в XIX веке до новейших исследований. Для составления такой полной библиографии предполагается учет информации всех возможных источников — существующих специальных каталогов (см. упоминавшиеся выше) и самих научных и научно-популярных изданий: филологической периодики (журналов и альманахов), сборников статей, монографий, учебных пособий, лекций и диссертаций.

При отборе библиографического материала учитывались исследования разного типа: как специальные работы по истории отдельных слов и выражений, так и обзоры определенных групп лексики, описания языка ограниченных временных периодов, отдельных текстов, авторов и т. п. — при наличии в них разной степени подробности сведений по изменениям в бытовании отдельных слов и их устойчивых сочетаний в языке. В соответствии с описанными Е. А. Левашовым критериями отбора источников [Левашов 2008: 5–6], в созда-

ваемой базе преимущество отдается диахроническим аспектам рассмотрения лексики. Материалом для сайта служит литература, которая описывает появление или уход слов из языка, развитие их семантики, смену сферы употребления слова — его перемещение по разным регистрам языка (для периода XI–XVII веков), из одного функционального стиля в другой (для периода XVIII–XXI веков), из диалектов, жаргона, терминосистем в общелитературное употребление и т. п. В то же время в связи с востребованностью жанра историко-этимологического словаря и актуальностью совместного рассмотрения собственно истории слова и его этимологии [Чернышева 2016: 691–692] предлагаемый библиографический ресурс регистрирует также работы по этимологии русских слов, описывающие отправную точку и начальный этап их существования. Важными представляются также и некоторые другие статические аспекты в бытовании слова, как правило, отмечаемые в исследованиях по истории лексики — такие, как указания на факт использования отдельных малоупотребительных слов или гапаксов в исторических источниках, фиксация слов и их отдельных значений, пропущенных историческими словарями.

2. Технические характеристики системы

Предлагаемый пользователям электронный ресурс создан на основе CMS Drupal (drupal.org) и представляет собой серверную часть, включающую реляционную базу данных (MariaDB) и программный код (php, javascript, html, css), а также клиентскую часть, состоящую из веб-интерфейса редактора и открытого поискового веб-интерфейса.

3. Структура открытого пользовательского интерфейса

На сайте представлены два раздела, предоставляющие доступ к научной библиографии по истории слов русского языка — через сгруппированные по алфавиту лексические единицы (раздел *Глоссарий*) и через алфавитный указатель фамилий авторов (раздел *Публикации*).

Раздел *Глоссарий*

Глоссарий является главной страницей сайта. Поиск слов в этом разделе может осуществляться двумя способами: 1) через алфавитный указатель; 2) через окно поиска с дополнительной системой фильтров.

Библиографическая информация по каждому слову представлена на сайте в формате *словарной карточки*, имеющей следующую структуру (Табл. 1; см. также пример конкретной карточки на Рис. 1):

Таблица 1. Структура словарной карточки

Заголовочная единица - индекс/указание на часть речи/краткая формулировка значения (для омонимов)
Период в истории слова, отраженный в публикации
Библиографическое описание - полные выходные данные - ссылка на печатный библиографический указатель (при наличии) - ссылка на внешний онлайн-ресурс, содержащий публикацию (при наличии) - PDF-файл с текстом публикации при наличии его в открытом доступе
Зона аннотации: - тематическая рубрикация - собственно аннотация - указание на аспект рассмотрения - ссылка на страницы публикации
Зона вариантов
Межсловные связи
Словосочетания
Дата создания (или изменения) словарной карточки

Заголовочная единица

Единицами описания являются разные языковые элементы, семантика которых может быть предметом историко-лексикологического исследования:

- **часть слова** — отдельные морфемы и их сочетания, составляющие единый словообразовательный формант;
- **слово** — имя собственное и нарицательное;
- **словосочетание** — идиоматические выражения, термины, составные номинации, устойчивые сочетания, составные предлоги и союзы.

При алфавитном поиске заголовочными единицами могут быть слова и их части. Часть слова в зависимости от ее положения относительно других морфем отмечается знаком дефиса (слева, с обеих сторон или справа, ср.: *земле-*, *-твор-*, *-нибудь* и т. п.). Словосочетания привязаны к леммам слов, из которых они состоят; библиография по словосочетаниям расположена в конце карточки соответствующего слова (после разделительной черты) и описывается по той же схеме, что и слово (см. Табл. 1). Библиография по истории словосочетаний дублируется в базе данных для каждого знаменательного слова, входящего в состав сочетания (например, выражение *выйти на орбиту* приводится после разделительной черты в карточках *выйти* и *орбита* и т. д.).

При расширенном поиске (с использованием фильтра по типу единицы) словосочетания также могут составлять отдельную карточку и находиться в ее заголовочной части.

рубеж

XI—XIV

▲ Сергеев Ф.П. Из истории лексики, связанной с понятием территории в международном праве (XII-XVII вв.) // Исследования по русскому языку. Тематический сборник научных трудов. Киев, 1976, с. 31-41

Ⓣ **дипломатия**

"Слово *рубеж* восточнославянское по происхождению, образованное с помощью суффикса -еж от слова *рубити*..., в договорных грамотах и других дипломатических памятниках употребляется с XIV в. в значении 'межа, граница, граница удельного княжества, государства'" с. 31

Ⓜ **появление в языке** **этимология**

"В летописях, повествующих о событиях XII-XVI вв.» используется это слово в значении приграничное место" с. 32

Ⓜ **семантическая эволюция**

Ⓟ **рубежь**

XIX—XXI

▲ Рахманова Л.И., Формановская Н.И. О развитии новых значений слов и употреблении их в языке газеты (Рубеж, разговор, маяк) // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1965. № 6 ^①

На газетном материале 60-х гг. XX в. прослеживается появление нового значения слова *рубеж*: «уровень, определяющий степень развития чего-либо, достижений кого- или чего-либо в какой-либо области». «Новое значение вызвало к жизни новые синтаксические конструкции.» с. 79-84

Ⓜ **семантическая эволюция**

▲ Герасимов Г.И. История слова *рубеж* // Уч. зап. Курского и Белградского гос. пед. институтов. Т. XXV. Краткие очерки по русскому языку. 2. Курск, 1966, с. 218-225 ^①

«В период Великой Отечественной войны в литературном языке слово *рубеж* приобретает еще одно значение, которого раньше не было», — «позиция». «Это значение первоначально возникло как чисто терминологическое.»
Расширение фразовой сочетаемости слова *рубеж* в общем языке пополнило это значение новыми оттенками. «Само слово *рубеж* в языке газет, где оно преимущественно имеет распространение, постепенно превращается в словесный штамп.» с. 218-225

Ⓜ **семантическая эволюция**

граница

Изменено: 03/11/2021

Рис. 1. Словарная карточка на слово *рубеж*

Лемма

Проблема лемматизации в указателе решается с учетом значительной вариативности в фонетическом и орфографическом облике слов русского языка на протяжении его письменной истории. В этой ситуации леммы ориентированы на нормы произношения, графики и орфографии современного русского языка, в том числе для слов, не сохранившихся до настоящего времени. В соответствии с этим слова древнерусского периода приводятся с учетом всех основных фонетических процессов, проходивших в русском языке за его историю и с устранением ушедших из употребления букв. Например, встретившийся в источнике XII века глагол *всьеплодствити* будет зарегистрирован под леммой *всьеплодствити*; а слово из источника XIV века *ишвилеу* — под леммой *ишвилеу*. Оригинальный вид подобных слов сохраняется в разделе вариантов **Ⓟ**, сопро-

вождающем при необходимости библиографическую позицию и идущем после аннотации. Имена собственные выделены написанием леммы с заглавной буквы: *Герасим-грачевник, Ивановская, Челябинск* и т. п.

Омонимичные леммы разграничиваются с помощью нескольких средств в зависимости от типа омонимии. При совпадении начальных форм разных частей речи дается грамматическая характеристика (*особь, сущ.* и *особь, нареч.*). Если омонимы относятся к одной части речи, им присваивается порядковый индекс и дается краткое семантическое определение (*ералаш¹* ‘беспорядок’ и *ералаш²* ‘карточная игра’, см. Рис. 2). Для различения разноударных омонимов используется знак ударения (*за́мок* и *замо́к*). Имена нарицательные, имеющие омонимичные имена собственные, различаются регистром начальной буквы (*род* и *Род*).

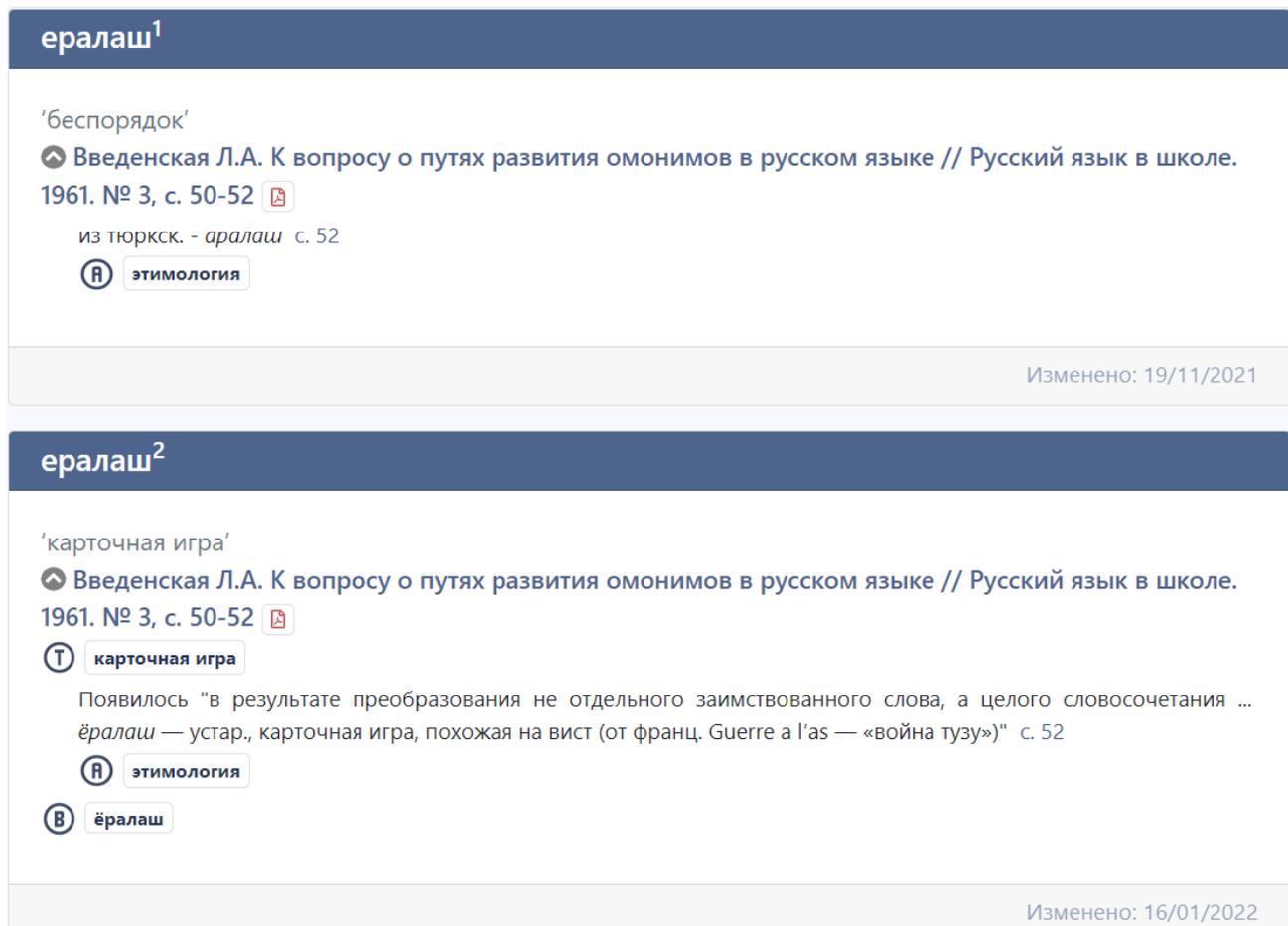

Рис. 2. Словарные карточки на омонимы *ералаш¹* и *ералаш²*

Периодизация

В карточке указывается период в истории слова, описанный в научной работе. Библиографическая информация группируется в соответствии с общепринятой периодизацией истории русского языка. Используется следующая рубрикация:

- в начале словарной карточки вне хронологических рубрик приводится библиография работ общего характера или не привязанных только к одному из периодов;

- **XI–XIV века** — древнерусский период;
- **XV–XVII века** — старорусский период;
- **XVIII век** — период формирования русского литературного языка на национальной основе, переход к литературному языку современного типа;
- **XIX–XXI века** — современный этап.

Библиографическое описание

Каждая библиографическая позиция указателя имеет следующую структуру:

- **Выходные данные издания:** фамилия и инициалы автора (авторов), название (для статей указывается название журнала или сборника), редактор для сборников, город и год (город и издательство — для книг, сборников и статей в сборниках), номера страниц. По возможности к информации об издании прилагается PDF-версия источника или ссылка на сайт, на котором можно ознакомиться с публикацией.

- **Аннотация** к работе включает цитаты и положения работы, основные выводы автора, снабженные дополнительной метаинформацией об аспектах исследования **Ⓐ** и о сфере употребления **Ⓣ**. При цитировании работы дано указание на страницу использованной в аннотации цитаты.

Представление библиографической информации на сайте предполагает возможность сворачивания аннотаций (нажатием на знак **⤴**, стоящий непосредственно перед выходными данными издания).

Зона вариантов

Отдельной строкой, обозначенной знаком **Ⓟ**, внутри каждого периода приводятся варианты слова разного типа (графические, фонетические, морфологические), указанные в научных работах, описывающих данный период. Варианты слова, привлекавшие отдельное внимание исследователей в связи со спецификой их бытования в истории языка, описываются в отдельных карточках. Отсылки к таким вариантам даются в разделе межсловных связей.

Межсловные связи

В этой зоне даются отсылки к связанным по происхождению (*канун* — *канон*, *махина* — *машина*) и по семантике словам и словосочетаниям (*махаться* — *строить дворики*). В том числе указываются синонимы, существовавшие в разные периоды истории языка (*отрубник* — *фальшивомонетчик*, *мефимон* — *павечерница*), что позволяет проследить историю выражения определенной семантики в языке. При наличии нескольких отсылок они приводятся в алфавитном порядке (см. Рис. 3).

Система фильтров

Использование фильтров при главном окне поиска позволяет отсортировать результаты по любому из параметров, входящих в описанную выше структуру описания библиографии на сайте: автору, типу единицы, периоду в истории слова, аспекту описания в работе и тематике. Дополнительно можно отсор-

тировать имена собственные, а также получить результаты по части слова (по входящей в его состав буквенной последовательности, в том числе по его начальным и конечным буквам).

— Фильтрация по аспектам

Данный фильтр позволяет сгруппировать библиографию по разным лексико-семантическим процессам в лексике, описанным в научной литературе (базовым — появлению, смене значения и уходу слова из языка и ряду частных), и отдельным статическим характеристикам, относящимся к истории бытования слова в языке (этимология, фиксация слов в отдельных источниках).

— Фильтрация по темам

Перечень тем, предложенный в этом разделе, не является исходно заданным и замкнутым. Он формируется на основе материала научной литературы и, следовательно, дополняется исходя из потребностей ее описания. Названия тем соответствуют современным сферам человеческой деятельности и знаний (например, *архитектура, богословие, судоходство, химия*).

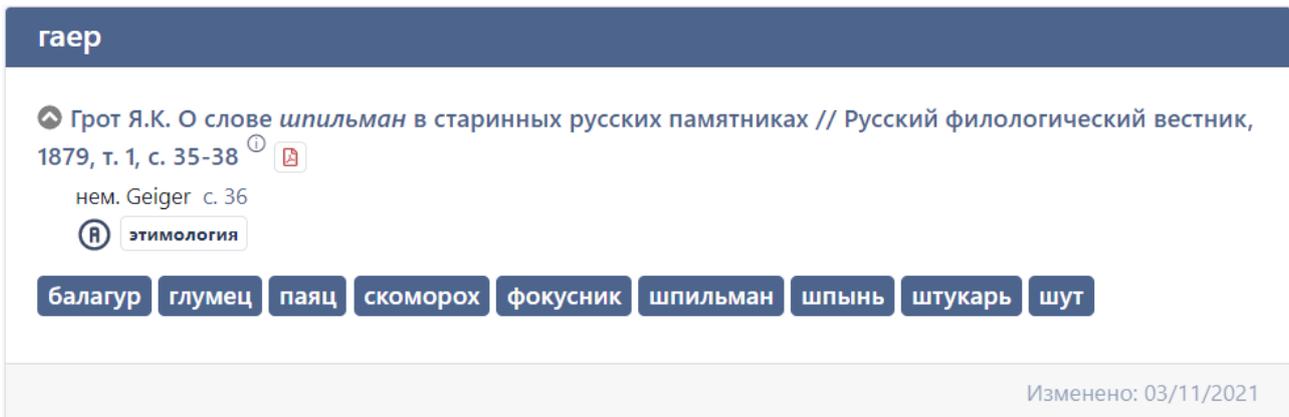

Рис. 3. Словарная карточка на слово *гаер*

Раздел Публикации

Раздел предлагает поиск публикаций через алфавитный (кириллический и латинский) указатель авторов или с использованием системы фильтров: по фамилии автора (см. Рис. 4), названию и году выхода издания, а также по периоду описания слова в исследовании. Период, интересующий автора публикации, обозначается в специальной строке авторской карточки в виде перечня веков.

В некоторых случаях возникает проблема атрибуции авторства научных работ — преимущественно в публикациях дореволюционного периода. В случаях, когда публикация подписана инициалами (*В.К.Л., М-ий В., Ст.Р.* и т. п.), они включаются в общий список фамилий по алфавиту первой буквы.

Анонимные публикации отмечены в заголовке карточки обозначением *[без автора]*. Такие публикации не включаются в алфавитный указатель фамилий и могут быть найдены через фильтры — по названию работы/издания и году публикации.

Давыдова О.А.

Гелиотроповый... Какого цвета? // Русская речь. 2021. № 2, с. 54-62

Давыдова О.А., Чапаева Л.Г.

Азиатизм и азиатский в идеологическом дискурсе XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019, с. 211–217

Рис. 4. Авторские карточки публикаций О. А. Давыдовой

4. Выводы

Таким образом, на сегодняшний день электронный ресурс «История слов русского языка. Библиографические материалы» разработан и открыт для пользовательского доступа. В электронном указателе на момент публикации учтено более 1 000 публикаций и описано более 4 000 языковых единиц. В процессе пополнения базы данных новыми материалами планируется совершенствование редакторского и пользовательского интерфейсов, а также создание открытого программного интерфейса (open API) для взаимодействия с другими приложениями (например, мобильными) и системами поиска.

Комментарии, предложения по уточнению, дополнению материалов и по улучшению пользовательского интерфейса словоуказателя можно написать редакторам сайта в разделе *Связь*.

Литература

- Бирих, Мокиенко, Степанова 1994 — *Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л.* История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель) (1825–1994). München: Verlag Otto Sagner, 1994.
- Вавжинчик, Малэк 2014 — *Вавжинчик Я., Малэк Э.* Русская лексика. Библиографические характеристики. Вып. 1–2 (А–Глаз). Warszawa, 2014.
- Виноградов 1954 — Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. В 8 вып. Выпуск II. Лексикология и лексикография / сост. Н. С. Авилова, Е. Т. Черкасова, Н. Ю. Шведова; гл. ред. В. В. Виноградов. М.: АН СССР, 1954.
- Левашов 2008 — *Левашов Е. А.* История слов русского литературного языка (XVIII–XX в.): Аннотированный указатель литературы, изданной на русском языке с 1918 по 1970 г. СПб.: Нестор-История, 2008.
- Чернышева 2016 — *Чернышева М. И.* Полный исторический словарь русского языка: проблемы создания // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 686–697.

Igor Egorov, Tatyana Korkina, Georgiy Molkov, Milyausha Sharikhina
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

**ELECTRONIC BIBLIOGRAPHICAL INDEX OF LITERATURE
ON THE HISTORY OF WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE:
SOURCES, MATERIAL, STRUCTURE**

Abstract. The Group of Historical Lexicology and Lexicography of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences is currently working on creating a database that contains a bibliography on the history of words of the Russian language. The article substantiates the relevance of this resource, identifies the goals of its creation, describes the user interface and the structure of the bibliographic annotated description of language units. The resource continues to be updated with new materials and is available to users at <https://bibliolex.iling.spb.ru>.

Keywords: Russian language, lexicology, history of words, bibliography, index, electronic database

РАЗДЕЛ IV

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

**Ольга Николаевна Крылова, Елена Валентиновна Колосько,
Анастасия Владимировна Каширина**
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

О КАРТОТЕКЕ И АВТОРАХ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

Аннотация. «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) сыграл важную роль в развитии диалектной лексикологии и лексикографии как особых отраслей русского языкознания. В статье даны краткие биобиблиографические очерки о тех, кто на протяжении более полувека был причастен к его созданию. Кроме того, представлен обзор картотеки СРНГ, ставшей хранилищем уникальных лексических богатств, отражающих буквально все стороны жизни русского народа.

Ключевые слова: «Словарь русских народных говоров», картотека СРНГ, лексикография, персоналии

Лингвисты характеризуют диалекты русского языка, существующие в настоящее время, как чрезвычайно сложные языковые системы. Достижения русской лексикографии конца XIX — начала XX века позволили на современном этапе изучать диалектную лексику как систему систем. Диалектные словари как наиболее удобный способ описания диалектных языковых фактов привлекают ученых возможностью рационально представить существенную и разнообразную информацию о слове: вариантности, характере употребления, частотности, особенностях произношения и системных связях, а также об ареале его распространения. Еще в 50-х годах прошлого столетия говорилось о необходимости считать составление областных словарей, описывающих диалектную лексику отдельных регионов, одной из главных задач диалектологической работы. «Вопросы теории и практики создания диалектных словарей стали предметом обсуждения научной общественности. Одновременно изучается опыт русской диалектной лексикографии классического периода» [История 2001: 531].

Разработка многих важнейших проблем истории русского языка, истории родственных славянских языков, а также некоторых частных вопросов других языков затруднительна без использования словарных богатств русской народной речи. В русских говорах сохранились те следы различных исторических эпох, которые лишь частично можно проследить в современном русском литературном языке и в старой русской письменности. И существенная роль областных словарей состоит в том, что они являются справочниками для историко-лексикологических исследований. «Эту роль они выполняют тем лучше, чем полнее регистрируют диалектную лексику, чем детальнее описывают семантику слов и намечают ареал функционирования каждого слова» [Сороколетов 2011: 320]. Таким образом, словарь, который включает в себя лексику многих говоров русского языка, существовавшую в них на протяжении длительного периода, должен считаться словарем исторического плана. Таким словарем и является сводный «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], содержащий элементы исторического и этимологического характера. Его целью является обобщение сведений из многочисленных источников, собранных русскими диалектологами с начала XIX века до наших дней, т. е. более чем за 200-летний период, материалов, которые публиковались лишь частично, а большей частью остались в рукописном виде. Через столетие после выхода Опыта областного великорусского словаря [Опыт 1852] началась работа по составлению СРНГ.

Первоначально Словарь объединил материалы архива Русского географического общества и Большой картотеки русского языка в Ленинградском отделении Института языкознания. В них были большие объемы диалектной лексики. Необходимо было объединить также материалы изданных областных словарей и научных работ. Для того чтобы выбрать диалектные данные и систематизировать их, с 1958 года по инициативе Ф. П. Филина, наметившего круг источников, из которых должна выбираться диалектная лексика, начала создаваться картотека.

О картотеке Словаря

В зависимости от характера источников применялись различные способы выборки из них диалектной лексики. Основные способы: фотографирование и наклеивание на карточки и расписывание на карточки в определенном порядке (заголовочное слово с ударением, значение, иллюстрация, территориальные данные и год фиксации или публикации работы). Материалы, легшие в основу картотеки, делятся на пять основных видовых групп: 1) карточки, на которые наклеены печатные фрагменты словарей (были распечатаны все основные уже изданные с XIX века областные словари, и к ним присоединялись постепенно выходящие новые диалектные словари и небольшие словарики по более узким темам, например словарики свадебной лексики, льноводства, охоты и рыболовства); 2) карточки с наклеенными выписками из словарей или архивных материалов, принадлежащих различным авторам, многочисленные выписки из фольклорных источников; 3) распечатанные или расписанные фрагменты научных

работ (статей, диссертаций), в которых были диалектные слова; 4) карточки с фрагментами записей исследователей, собирателей диалектной лексики с комментариями, приведением типовых речевых контекстов; на карточках были расписаны ответы на вопросы Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ); 5) записи живой диалектной речи, присылаемые руководителями студенческих экспедиций или любителями народных говоров. Большое количество материалов присылали любители родного слова из различных регионов России. По радио был призыв всем, кто увлекается народной речью (учителям, библиотекарям, студентам и просто грамотным людям), присылать в Институт русского языка свои записи и желательные на отдельных карточках.

Материалы, присылаемые собирателями, включались в картоотеку в том виде, в каком составлены собирателем. Эти хранящиеся в картоотеке рукописные материалы представляют особую ценность. В них зафиксировано много слов или значений слов, не отмеченных в печатных источниках.

Таким образом, выявлено более 3,5 тыс. источников, которые обработаны специалистами-диалектологами. Большое значение для изучения истории языка и науки лексикографии имеет список этих источников, опубликованный в ряде выпусков СРНГ.

В результате, картоотека содержит информацию об исходной форме слова; фонетических и морфологических вариантах слова; значении или значениях слова; территориальном распространении слова (значения); ударении; времени фиксации слова; источнике выборки. Материалы картоотеки, как правило, содержат иллюстрации, показывающие, как употребляется слово в живой народной речи, какова его сочетаемость, формы словоизменения.

«Словарь русских народных говоров» начал создаваться одновременно с наполнением картоотеки тогда, когда еще не были проведены полевые исследования, по которым впоследствии были созданы региональные словари. По мере пополнения картоотеки увеличивалась и фактическая база «Словаря русских народных говоров». Сначала она была небольшой. Первый выпуск Словаря включал и большое вступление, и букву А. На букву Б уже было два выпуска. А на букву П и на букву С по 8–9 выпусков. Постепенно сложилась современная Картоотека «Словаря русских народных говоров» — самое большое хранилище русской диалектной лексики. В ней собрано почти 3 млн карточек, иллюстрирующих свыше 500 тыс. диалектных слов и значений. Все это позволило создавать лексикографическую продукцию высокого качества. Собранные в картоотеке материалы (как и опубликованные выпуски «Словаря русских народных говоров») явились источниками многих лексикологических исследований, кандидатских и докторских диссертаций, коллективных монографий (например, «Диалектная лексика»¹). В картоотеке работало более 700 отечественных и зарубежных исследователей. Возникнув как база для

¹ Серия «Диалектная лексика» (ДЛ) создавалась в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН) и выходила с начала 70-х годов XX века: «Диалектная лексика 1969» (вышла в свет в 1971), «Диалектная лексика 1973 (в 1974), ДЛ 1974 (1976), ДЛ 1975 (1978), ДЛ 1977 (1979), ДЛ 1979 (1982), ДЛ 1982 (1985), ДЛ 1987 (1991), ДЛ 2009 (2009), ДЛ 2013 (2013), ДЛ 2016 (2016).

создания «Словаря русских народных говоров», картотека расширила сферу своего применения и сохраняется как самостоятельный источник изучения истории русского языка. Ведь по правилам составления только часть иллюстративного материала подавалась в Словаре, и указывался только год первой фиксации. Поэтому многие ценные сведения можно почерпнуть только из картотеки, и проверить ошибки можно только по первоисточникам. В настоящее время формируется картотека-дополнение. В ней собираются материалы, обработанные, но не использованные в СРНГ по причине того, что уже вышел выпуск на соответствующий фрагмент лексики, а впоследствии появился новый словарь или новые исследования, которые учитываются в следующих выпусках, тогда как предыдущие материалы сохраняются для дальнейшей лексикографической обработки.

О сотрудниках «Словаря русских народных говоров»

В данной статье мы говорим не только об организации работы над «Словарем русских народных говоров» и его значении для лингвистики, но и о самих сотрудниках-составителях Словаря. Многих составителей, к сожалению, уже нет в живых, часть сотрудников сменили место работы. Впоследствии коллектив неоднократно пополнялся новыми сотрудниками.

Первым составителем и редактором «Словаря русских народных говоров» был Ф. П. Филин.

Филин Федот Петрович — крупнейший филолог-русист, член-корреспондент АН СССР, славист, лексикограф, автор более 200 печатных работ. В 1935 году он защитил кандидатскую диссертацию, и в этом же году вышла его первая монография «Исследования по лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии». Работа Ф. П. Филина в области изучения лексики народных говоров привела к идее создания диалектологического атласа. Его концепцию одобрили такие корифеи науки, как Л. В. Щерба, Б. М. Ляпунов, Б. А. Ларин. Под руководством Федота Петровича Филина создается группа по подготовке атласа и начинается сбор материала. В 1936 году он был зачислен в штат сотрудников Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, в котором руководил сектором диалектологии. А в 1941 году в Вологде вышел первый выпуск «Диалектологического сборника», в котором был помещен проект инструкции «Принципы и методы составления атласа русского языка», разработанный Ф. П. Филиным [Филин 1941]. После войны, в 1946 году, он возглавил сектор диалектологии Института русского языка АН СССР (ИРЯ РАН СССР) в Ленинграде. Продолжается подготовка диалектологического атласа, публикуются работы по диалектологии и исторической лексикологии, а в 1947 году Федот Петрович защищает докторскую диссертацию по теме «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи». По материалам довоенных экспедиций в 1949 году выходит (совместно с М. Д. Мальцевым) «Лингвистический атлас района озера Селигер» — первый опыт диалектологического атласа русского языка [Лингвистический атлас 1949]. В 1947–1950 годах Ф. П. Филин был

заместителем директора ИРЯ АН СССР и являлся профессором Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета им. А. А. Жданова и Ленинградского (ныне Российского) государственного педагогического института (ныне университета) им. А. И. Герцена. В 1954 году он возглавил Словарный сектор Института языкознания и вошел в редакционную коллегию 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», где являлся главным редактором 6–17-го томов и довел издание до конца. Происхождению славянских языков Ф. П. Филин посвятил два наиболее известных своих труда — «Образование языка восточных славян» [Филин 1962], «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк» [Филин 1972]. Им рассматривается теория соотношения трех восточнославянских языков, древнерусского и праславянского языков. В 1962 году на общем собрании АН СССР Ф. П. Филин был избран членом-корреспондентом АН СССР, с 1964 года он возглавляет Институт языкознания АН СССР, с 1968 года и до конца своих дней руководит Институтом русского языка АН СССР. Федот Петрович был главным редактором 7–10 томов «Словаря русского языка XI–XVII вв.», главным редактором энциклопедии «Русский язык» [Русский язык 1979]. Последние несколько лет жизни Ф. П. Филин разрабатывал основы академической исторической лексикологии русского языка: без исторической лексикологии история русского языка невозможна. В 50-е годы осуществлялась подготовка базы и обоснование концепции «Словаря русских народных говоров», называемого «Новый Даль». А в 1962 году печатается «Проект словаря русских народных говоров» [Проект 1962], где изложены принципы описания слов в будущем словаре. Ф. П. Филин сам составил 1-й выпуск «Словаря русских народных говоров», который вышел в 1965 году. Над остальными выпусками работал уже подготовленный им коллектив ученых-диалектологов. Он оставался главным редактором этого словаря до последних дней жизни. Им была проделана редакторская работа над 23 выпусками.

Федор Павлович Сороколетов на то время являлся вторым редактором словаря, а также одним из составителей 3-го выпуска.

Сороколетов Федор Павлович — доктор филологических наук, профессор, на протяжении многих лет — заведующий Словарным сектором (отделом) Института лингвистических исследований РАН, автор более 200 научных трудов по лексикографии, диалектологии, истории русского языка. Федор Павлович Сороколетов родился 8 марта 1924 года в деревне Выворотково Курской области в крестьянской семье. В 1940 году он поступает в Курский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, однако учебу прерывает война. Федор Павлович прошел всю Великую отечественную войну, участвовал в боях на Центральном и 1-м Белорусском фронтах, воевал в Польше и Германии — был командиром танкового орудия; принимал участие в Параде Победы. Награжден орденами «Отечественной войны II степени», «Красной звезды», медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и многими другими наградами. Демобилизовавшись, он вернулся в институт, который с отличием окончил в 1948 году по специальности «преподаватель русского

языка и литературы в средней школе». В октябре того же года Ф. П. Сороколетов поступает в аспирантуру Института русского языка АН СССР, в августе 1950 года переведен в аспирантуру Института языкознания АН СССР. По ее окончании в 1952 году Ф. П. Сороколетов защитил кандидатскую диссертацию «Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны. (По произведениям „Далеко от Москвы” В. Ажаева, „Сталь и шлак” В. Попова, „Земля кузнецкая” А. Волошина и „Шахтеры” В. Игишева)». В 1969 году Ф. П. Сороколетов возглавил словарный отдел Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Итогом его почти двадцатилетней научной работы стала книга «История военной лексики в русском языке» [Сороколетов 1970]. В 1971 году Федор Павлович получает докторскую степень, защитив диссертацию по теме монографии «История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.». Благодаря деятельности Ф. П. Сороколетова созданы два важных труда по истории русской лексикографии: «Очерки по русской диалектной лексикографии» [Сороколетов, Кузнецова 1987] и «История русской лексикографии» [История 1998, 2001]. Он участвовал в работе над «Словарем современного русского литературного языка» в 17-ти томах (один из редакторов и составителей), был одним из составителей «Словаря русского языка» в 4-х томах. И все же главным делом жизни Ф. П. Сороколетова был «Словарь русских народных говоров», сорок один выпуск которого был опубликован при его жизни. Федор Павлович был составителем (вып. 3), редактором (вып. 2–23), главным редактором (вып. 24–41) СРНГ. На основе картотеки Словаря им был составлен «Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров» [Инверсионный индекс 2000].

Со второго выпуска в создании Словаря принимали участие четыре составителя: Н. В. Попова, И. А. Попов, О. Г. Порохова, Л. И. Царева; О. Д. Кузнецова — с 3-го выпуска. Техническую обработку на тот момент осуществляли Н. И. Андреева-Васина и Е. Н. Этерлей. Особую роль в коллективе составителей играли лаборанты, работавшие в картотеке. Это были люди, обладающие трудолюбием, умением разобраться в обилии разнородного материала. Одним из таких ценных сотрудников группы СРНГ была **Таисия Ивановна Кудрова**. Она проработала в ИЛИ много лет и имела большой опыт по расшифровке рукописных материалов. Многие сотрудники Словаря в процессе работы повысили свой научный уровень и перешли из разряда лаборантов и технических редакторов в разряд авторов-составителей.

Андреева-Васина Нина Ивановна — кандидат филологических наук, автор множества работ по русской диалектологии. Нина Ивановна родилась в 1926 году в Ленинграде. В годы блокады Ленинграда она была на трудовом фронте, работала в артели «Швейница». За свой труд Н. И. Андреева-Васина была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в период Великой отечественной войны». В 1947 году поступила в Ленинградский государственный университет. После окончания университета в 1952 году Нина Ивановна пришла на работу в научно-технический сектор Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Глаголы с приставкой при- в русских народных говорах (в

сопоставлении с литературным языком)» (1975). Принимала участие в составлении «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря названий жителей РСФСР», «Словаря названий жителей СССР». Большую часть своей жизни Нина Ивановна отдала работе над «Словарем русских народных говоров». Начинала она, как и многие, с технической работы, в первых томах выполняла работу по проверке, разметке машинописной рукописи Словаря. В дальнейшем Н. И. Андреева-Васина на протяжении многих лет являлась одним из авторов СРНГ. Ее словарные статьи всегда отличались высокой продуманностью, лексикографической тонкостью и тщательностью исполнения. Нина Ивановна написала около 200 авторских листов, составленный ею материал вошел в тридцать один выпуск Словаря.

Кузнецова Ольга Даниловна — доктор филологических наук, специалист в области диалектологии, современной и исторической лексикологии и лексикографии русского языка, автор более 200 научных работ, в том числе монографий: «Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений)» [Кузнецова 1985], «Слово в говорах русского языка» [Кузнецова 1994], соавтор «Очерков по русской диалектной лексикографии» [Сороколетов, Кузнецова 1987]. Одна из составителей «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря русского языка» в 4-х томах. Ольга Даниловна родилась в 1926 году в Самаре, в семье рабочих. В 1944 году поступила в Куйбышевский педагогический институт на факультет русского языка и литературы. После окончания института, в 1948 году, была принята в аспирантуру при Ленинградском отделении Института русского языка АН СССР, которую завершила защитой кандидатской диссертации «Фонетико-морфологические особенности говоров по реке Б. Иргиз Куйбышевской области» в 1953 г. В 1952 году была принята на работу в Словарный сектор Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН) на должность младшего научного сотрудника. С 1964 года О. Д. Кузнецова — один из основных сотрудников «Словаря русских народных говоров»: вначале как автор-составитель (более 120 а. л.), а с 29 выпуска — редактор (т. 29–52). Большой вклад О. Д. Кузнецова внесла в разработку теоретических основ СРНГ, ею разработан ряд важных для лексикографической практики проблем: вариантность, явления лексикализации фонетических особенностей, проблема тождества слова и омонимии на материале макросистемы русских народных говоров и др. Работая долгие годы редактором «Словаря русских народных говоров», О. Д. Кузнецова подготовила к самостоятельной составительской работе практических всех сотрудников, работающих в настоящее время над текстом Словаря.

Попов Игорь Александрович — доктор филологических наук, тема его докторской диссертации «Наречие в русских народных говорах» (1983). Игорь Александрович Попов — составитель словарных статей в 23-х выпусках «Словаря русских народных говоров», редактор 26-го выпуска. Основатель Лексического атласа русских народных говоров. В 1974 году разработал «Перспектив Лексического атласа русских народных говоров» [Попов 1974], в котором изложил концепцию этого новаторского лингвогеографического труда. На основе Перспектива в 1994 году был издан «Проект Лексического атласа русских народных говоров» [Проект 1994].

Попова Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, диалектолог, лексикограф, автор около 50 научных работ. Принимала участие в составлении «Словаря названий жителей по месту их жительства», «Словаря языка М. Горького», «Словарей названий жителей РСФСР и СССР», входила в состав редколлегии «Словаря русского Камчатского наречия». Придя в 1961 году в Словарный сектор Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН), Н. В. Попова занималась выборкой диалектного материала из рукописных и печатных источников, размечала рукопись СРНГ, вносила в него редакторскую правку, занималась упорядочением картотеки СРНГ, а также составила «Список дополнительных источников», опубликованный в 9-м выпуске. После защиты кандидатской диссертации на тему «Очерки по диалектной лексикографии», в 1972 году, Н. В. Попова стала автором-составителем СРНГ. Наталья Васильевна проработала в коллективе «Словаря русских народных говоров» всю свою жизнь, составленные ею словарные статьи вошли в 16 выпусков Словаря.

Порохова Ольга Григорьевна — доктор филологических наук, лексикограф, специалист в области русской исторической и диалектной лексикологии, автор монографий: «Лексика сибирских летописей XVII века» [Порохова 1969], «Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах» [Порохова 1988]. Принимала участие в составлении «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах и «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Ольга Григорьевна являлась составителем СРНГ до конца своей жизни, ее материалы вошли в 22 выпуска Словаря. Была редактором 25-го выпуска.

Этерлей Елена Николаевна — кандидат филологических наук, лексикограф, исследователь древнерусского имперфекта, автор работ по диалектологии и истории русского языка, в том числе книги «Неизвестное в известном (рассказы о словах)» [Этерлей, Кузнецова 1979], одна из редакторов-лексикографов «Большого толкового словаря русского языка». Начала свою работу в СРНГ в качестве технического редактора, но уже с 6-го выпуска принимала активное участие непосредственно в его составлении. Составленные ею материалы вошли в 16 выпусков. Елена Николаевна дважды составляла «Списки дополнительных источников» словаря, напечатанные в 3-м и 6-м выпусках. Являлась редактором 24-го выпуска.

Царева Лидия Ивановна — кандидат филологических наук, автор ряда статей по фонетике и словообразованию в русских народных говорах. Родилась в Ленинграде, в июле 1941 года вместе с матерью эвакуировалась в Ярославскую, а затем в Челябинскую область, где закончила школу. В 1948 году после окончания ЛГУ была зачислена в аспирантуру Института языкознания АН СССР. В 1955 году защитила диссертацию на тему «Говоры юго-западной части Псковской области. Фонетика и морфология». С октября 1954 года работала в Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания, в коллективе «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, в Большой картотеке Словарного сектора, а с 1966 года являлась составителем «Словаря русских народных говоров». Ее материалы

вошли в 8 выпусков СРНГ. Л. И. Царева принимала также участие в пополнении картотеки СРНГ.

В 1969 году коллектив пополняется новыми составителями, это — Л. И. Балахонова, А. Ф. Марецкая, П. И. Павленко.

Балахонова Людмила Ивановна — кандидат филологических наук, автор научных статей, посвященных проблемам исторического формирования лексического состава русского языка и взаимосвязи литературного языка и народно-диалектной речи. В 1952 году после окончания ЛГУ была оставлена в аспирантуре на кафедре русского языка. В 1955 году защитила диссертацию «История составления и принципов построения „Опыта областного великорусского словаря” Академии наук (1852 г.) и его „Дополнения” (1858 г.)». В Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания Л. И. Балахонова работала с 1955 года. Она принимала участие в качестве редактора и составителя в работе над такими фундаментальными словарями, как: «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, второе издание «Словаря современного русского литературного языка», «Большой толковый словарь русского языка», «Большой академический словарь русского языка». В «Словаре русских народных говоров» Л. И. Балахонова пришла уже известным специалистом в области лексикографии и истории языка, в качестве составителя она принимала участие в 10-ти выпусках Словаря.

Марецкая Александра Федоровна — кандидат филологических наук, лексикограф, диалектолог. Являлась составителем «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря русского языка» в 4-х томах, одна из редакторов-лексикографов «Большого толкового словаря русского языка». Составитель словарных статей в 23-х выпусках СРНГ, Александра Федоровна прилагала много усилий к совершенствованию лексикографической работы.

Павленко Полина Ивановна — кандидат филологических наук, лексикограф, диалектолог, автор около 40 статей, посвященных вопросам взаимодействия лексики русских народных говоров со словарным составом литературного языка, проблемам диалектной лексикологии и приставочного словообразования в русских народных говорах. П. И. Павленко родилась в 1919 году в с. Георгиевка Жарминского района Семипалатинской области. В 1938 году поступила на филологический факультет ЛГУ, но учеба была прервана войной. В 1941–1942 годах Полина Ивановна служила медсестрой в Полевом подвижном госпитале на Ленинградском фронте. В 1948 году после окончания университета была зачислена в аспирантуру Института языкознания АН СССР. В Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания трудилась с 1952 года, принимала участие в подготовке важнейших лексикографических трудов. Являлась составителем «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах и «Словаря русского языка» в 4-х томах. В 1973 году защитила кандидатскую диссертацию «Слова с приставкой воз- в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком)». В «Словаре русских народных говоров» занималась пополнением картотечного фонда, составила словарные статьи для 21-го выпуска, с 27-го по 29-й выпуск являлась редактором.

Во время работы над 11-м и 12-м выпусками в группу СРНГ приходят техническими редакторами Н. А. Романова, Ю. Ф. Денисенко, а в картотеку принимаются Т. Н. Дорогутина и студентка ЛГУ Е. В. Владимирова (Колосько).

Денисенко Юлия Федоровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник словарного сектора ИЛИ РАН, лексикограф, диалектолог, автор более 120 научных работ. В 1961 году Юлия Федоровна окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «филолог-русист», а в 1965 году — аспирантуру при ЛГУ (научные руководители Б. А. Ларин и О. С. Мжельская). С 1974 года Ю. Ф. Денисенко работает в Институте. Участвовала в диалектологических экспедициях в Новгородскую и Костромскую области, экспедициях Межкафедрального словарного кабинета СПбГУ в Псковскую область и на Печору, в Ленинградскую область по Общеславянскому лексическому атласу. В 1994 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья (на материале местной лексики Псковских летописей — наименований понятий времени и рельефа)». Будучи научным сотрудником ИЛИ РАН, принимала участие в составлении «Большого толкового словаря русского языка». Кроме того, Ю. Ф. Денисенко является одним из авторов двух словарей-справочников «Новые слова и значения» (по материалам прессы и литературы 80-х и 90-х годов XX века), девяти выпусков «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (1981, 1982, 1986, 1987, 1988, 1990, 1991, 1992, 1994), а также соредактором двух выпусков (1985, 1987), редактором выпусков за 1991 и 1994 годы. Юлия Федоровна — один из составителей «Словаря „Моления” Даниила Заточника», «Словаря русских говоров Низовой Печоры», «Словаря автобиографической трилогии М. Горького», член авторского коллектива «Псковского областного словаря с историческими данными». Долгое время Ю. Ф. Денисенко работала в группе «Словаря русских народных говоров» в качестве технического редактора, составленные ею «Списки дополнительных источников» опубликованы в трех выпусках. Как автор-составитель приняла участие в создании 13-ти выпусков «Словаря русских народных говоров», из которых авторство 51-го выпуска полностью принадлежит ей. Юлия Федоровна и в настоящее время плодотворно трудится автором-составителем в СРНГ.

Дорогутина Тамара Николаевна — выпускница филологического факультета ЛГУ. Долгое время работала в картотеке СРНГ, а затем стала составителем материалов в 31-м и 37-м выпусках.

Колосько Елена Валентиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, диалектолог, лексикограф, автор более 80 научных работ. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию «Метафорическая лексика в русских народных говорах: на материале субстантивной антропоцентрической метафоры». Е. В. Колосько принимала активное участие в пополнении и упорядочивании картотеки СРНГ, регулярно ездила в экспедиции для сбора диалектного материала. С 1989 года Е. В. Колосько осуществляла научно-техническую обработку рукописи Словаря. С 1993 года является составителем СРНГ. Елена Валентиновна была техническим редактором пяти выпусков

(27–31), составителем в 16-ти выпусках и в настоящее время является одним из основных авторов-составителей в СРНГ.

Романова Нина Алексеевна — выпускница филологического факультета ЛГУ. Являлась техническим редактором «Словаря русских народных говоров» в течение 18-ти лет, составителем в двух выпусках. Собранные ею в экспедициях диалектные материалы вошли в картотеку СРНГ.

С 24-го выпуска главным редактором СРНГ стал Ф. П. Сороколетов и оставался им по 46 выпуск (он ушел из жизни перед изданием 43-го выпуска). В процессе подготовки очередных томов Словаря под влиянием новых материалов и пожеланий читателей, критиков и рецензентов в принципы описания слов, изложенных в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина и в первом выпуске Словаря, вносились некоторые изменения, вводились новые лексикографические символы, уточнялись правила грамматической характеристики и способы толкования значений слов. В результате О. Д. Кузнецовой и Ф. П. Сороколетовым был подготовлен новый, уточненный вариант инструкции для составления «Словаря русских народных говоров». Для облегчения пользования Словарем в 28-м выпуске был опубликован новый вариант инструкции [Кузнецова, Сороколетов 1994: IV-XXXII].

Короткое время в течение 1992–1995 годов в коллективе работали молодые сотрудники **Н. Е. Михайлова** (технический редактор в 26-м и 27-м выпусках) и **А. А. Орехов**.

Орехов Андрей Анатольевич — окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. С 1987 по 1993 год работал в Словарном отделе института в должности старшего лаборанта. Он занимался подготовкой машинописного текста «Словаря русских народных говоров» для издательства (сверкой, перенесением редакторской правки в машинописный текст, разметкой и др. видами работ), а также выборкой лексического материала, вливанием материалов в картотеку СРНГ. Им были составлены словарные статьи, вошедшие в 33-й, 35-й, 37-й выпуски Словаря.

В начале 2000-х годов в группе «Словаря русских народных говоров» сложился устойчивый коллектив, остающийся практически неизменным в течение многих лет. Главным редактором был Ф. П. Сороколетов, редактором являлась О. Д. Кузнецова, а состав сотрудников пополнился новыми именами. В это время в группе работали: Н. И. Андреева-Васина, Н. В. Попова, Е. В. Колосько, Т. Н. Дорогутина, О. Н. Крылова, А. В. Каширина, В. О. Петрунин, С. А. Мызников (с 2014 года — главный редактор), К. И. Коваленко, И. В. Бакланова.

Бакланова Ирина Васильевна — окончила педагогический факультет Крестьянского государственного института им. Кирилла и Мефодия по специальности «филология». С 2004 года по настоящее время работает в Словарном секторе в должности младшего научного сотрудника, выезжает в полевые экспедиции по программе ЛАРНГ. В рамках диссертационного исследования ведет работу по сбору и описанию материала к словарю «Русские женские народные украшения». В двух выпусках СРНГ являлась техническим редактором, в настоящее время является автором-составителем. Ее материалы вошли в 5 выпусков Словаря.

Каширина Анастасия Владимировна — окончила филологический факультет СПбГУ, сотрудником группы «Словаря русских народных говоров» является с 1998 года. Работала в должности старшего лаборанта, программиста, в настоящее время занимает должность младшего научного сотрудника. Принимала участие в экспедициях для сбора диалектного материала по программе ЛАРНГ. С конца 2012 года выполняла обязанности ученого секретаря Словарного отдела, а с 2018 года по настоящее время является ученым секретарем Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка. В шести выпусках СРНГ Анастасия Владимировна занималась технической подготовкой рукописи к печати, а в 38-м и 39-м выполняла обязанности помощника главного редактора. На данный момент является автором-составителем Словаря, ее материалы вошли в 52-й выпуск.

Коваленко Кира Иосифовна — кандидат филологических наук, начала работать в Институте лингвистических исследований в группе «Словаря русских народных говоров» техническим редактором, в шести выпусках была одним из помощников главного редактора, затем составителем, участвовала в диалектологических экспедициях. Материалы, составленные Киной Иосифовной, вошли в 49-й и 52-й выпуски Словаря. В 2018 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века». В настоящее время работает в группе «Словаря русского языка XVIII века».

Крылова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь Института лингвистических наук РАН, диалектолог, лексикограф, автор более 70 работ по диалектологии. Работает в группе «Словаря русских народных говоров» с 1994 года, сразу после окончания филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию «Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах (ономасиологический и семасиологический аспекты)», научный руководитель — Ф. П. Сороколетов. О. Н. Крылова начинала работать в группе в качестве лаборанта, выполняя техническую обработку рукописи Словаря. В трех выпусках являлась техническим редактором, в восьми — автором-составителем. С 48-го выпуска по настоящее время — один из редакторов СРНГ. Ольга Николаевна также является одним из редакторов «Словаря пинежских говоров» (вып. 1), участница диалектологических экспедиций в Новгородскую, Костромскую, Псковскую области с целью сбора лексического материала по программе ЛАРНГ, а также изучения лексики русско-белорусского пограничья. С 2010 года руководит ежегодной Всероссийской школой-семинаром для молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов, которая организуется совместно с Вологодским государственным университетом.

Мызников Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН; заведующий Отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН, специалист по русской диалектологии, уральским языкам, лингвогеографии, финно-угроведению, автор свыше 300 научных работ. В том числе, автор книг: «Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика. Республика Марий Эл» [Мызников 2015], «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-

Запада» [Мызников 2003]; «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ» [Мызников 2004], «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов» [Мызников 2019] и др., один из редакторов «Словаря пинежских говоров» [Словарь пинежских говоров 2019]. Сергей Алексеевич является основателем серии «Памятники русского диалектного слова», под его научным руководством были подготовлены к печати и изданы четыре словаря¹. Работая в Словарном отделе ИЛИ РАН, С. А. Мызников в 1994 году защитил кандидатскую диссертацию «Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья», а в 2003 году состоялась защита докторской диссертации «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ». В «Словаре русских народных говоров» С. А. Мызников начинал как автор-составитель, составленные им материалы вошли в 8 выпусков, с 44-го выпуска он — ответственный редактор, с 47-го — является главным редактором СРНГ.

Петрунин Валентин Олегович — кандидат филологических наук. С 1980 по 2005 годы работал в Словарном отделе ИЛИ РАН в должности старшего научного сотрудника ИЛИ РАН. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию «Динамика словарного состава в деловом языке Петровской эпохи (имена на -ние/-ение, -ость, -ство и -тель в юридических кодексах Древней Руси и Петровской эпохи)». Участвовал в составлении словарных статей для второго издания «Словаря современного русского литературного языка», «Словаря русского языка XVIII века». Много лет занимался компьютерной версткой «Словаря русских народных говоров», один из авторов-составителей Словаря (35-й, 36-й, 38-й выпуски).

Некоторые ученые-лексикографы, к сожалению, недолго проработали в группе СРНГ, тем не менее их вклад очень важен для Словаря.

Лебедева Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, автор более 50 работ. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию «Полисемия в русских народных говорах» (научный руководитель — Ф. П. Сороколетов). В том же году стала сотрудником группы СРНГ. Она составила ряд статей для 44-го выпуска. В настоящее время Татьяна Евгеньевна является заведующей кафедрой русского языка и филологического образования ЛГУ им. А. С. Пушкина.

Юмсунова Тамара Балдановна — доктор филологических наук, профессор Орегонского университета; диалектолог, известный исследователь говоров

¹ 1) Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. / авт.-сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина; под ред. Р. В. Семенковой. СПб.: Наука, 2013; 2) Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск. / авт.-сост. Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина; отв. ред. Э. Н. Акимова. СПб.: Наука, 2015; 3) Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; авт.-сост. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова, А. В. Никитин; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. СПб.: Наука, 2010; 4) Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 года / ред. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.

забайкальских старообрядцев — семейских, оregonских старообрядцев, редактор и один из авторов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Словарь говоров старообрядцев 1999], автор монографий «Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья» [Юмсунова 1992], «Язык семейских — старообрядцев Забайкалья» [Юмсунова 2005] и значительного количества научных статей по языкознанию. Работая в группе «Словаря русских народных говоров», составила материалы, вошедшие в 43-й выпуск.

Выпуск 43-й — первый выпуск после ухода из жизни Ф. П. Сороколетова, главным редактором он оставался еще в трех последующих подготовленных томах. С этого выпуска для Словаря начался период, который можно назвать «современным». В это время издается большое количество областных словарей, описывающих говоры, бытующие на территории конкретных областей. Все эти материалы необходимо учитывать при составлении словарных материалов сводного «Словаря русских народных говоров». Работа составителей усложняется количеством нового материала, список источников существенно расширяется, вводятся дополнения в способы подачи материала.

С этого времени список составителей снова пополнился новыми именами.

Боброва Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, автор более 160 публикаций, в том числе более 140 научных статей и коллективных монографий. С 2001 года участвует в полевых исследованиях по сбору диалектной лексики и ономастики. В 2003 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области». С 2019 года старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, автор-составитель «Словаря русских народных говоров».

Гайдамашко Роман Валентинович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии ИЛИ РАН. После окончания Пермского государственного университета поступил в аспирантуру ИЛИ РАН. В 2014 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья». Р. В. Гайдамашко является специалистом в области русской диалектологии, уральских языков, а также по коми-пермяцкой письменности и памятникам XVIII — начала XX веков. Провел ряд полевых экспедиций по сбору ономастики, русских говоров и коми-пермяцких идиомов. Автор более 100 научных работ, один из составителей и редакторов «Словаря русских народных говоров» (вып. 48–52) и «Словаря пинежских говоров» (вып. 1). Является членом редколлегии периодического издания «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)», редколлегии научного журнала «Севернорусские говоры».

Донина Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент СПбГУ, автор более 60 работ. В 1995 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Названия лиц педагогической профессии в русском языке». Провела более 20 полевых экспедиций по сбору диалектной лексики. С 2012 года работает в Институте лингвистических исследований РАН старшим научным сотрудником. В «Словаре русских народных говоров» выполняет работу

технического редактора. Людмила Николаевна является редактором многих научных сборников, в том числе «Лексического атласа русских народных говоров» (2016–2021).

Колосова Валерия Борисовна — кандидат филологических наук, лингвист, активный участник экспедиций по этноботанике, диалектологии, этнографии. В 2004 году защитила кандидатскую диссертацию «Лексика и символика народной ботаники восточных славян (на общеславянском фоне). Этнолингвистический аспект» в Институте славяноведения РАН (Москва). Является автором около 150 публикаций. С 2007 года — старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Автор-составитель материалов для четырех выпусков СРНГ.

Сьянова Елена Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. После окончания аспирантуры РГПУ им. А. И. Герцена в 2007 году защитила кандидатскую диссертацию «Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья)». Е. И. Сьянова — автор более 50 работ, участник диалектологических экспедиций, с 2008 по 2011 год — докторант ИЛИ РАН. В настоящее время — один из основных авторов «Словаря русских народных говоров». Составленные Еленой Ивановной материалы вошли в 5 выпусков Словаря.

Мы постарались вспомнить имена людей, которые посвятили часть своей жизни, а некоторые и всю жизнь, «Словарю русских народных говоров». Сотрудники группы писали все новые и новые страницы словаря, защищали диссертации, издавали монографии, статьи, выступали на множестве конференций, внося свой вклад в развитие русской диалектологии.

«Словарь русских народных говоров», начатый в свое время Ф. П. Филиным как словарь, охватывающий совокупность русских диалектов, обобщает накопленные за двухсотлетний период диалектные лексические материалы. Он позволяет точнее восстановить процессы исторического развития словарного состава, а также влияния иных языков на русские говоры, является пособием для изучения истории лексики русского языка, для славянской сравнительно-исторической лексикологии и этимологии. Его создание выдвинуло целый ряд лексикологических и лексикографических проблем, способствовало появлению целого ряда новых лексикологических, сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Литература

- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к «Словарю русских народных говоров» / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000.
- История 1998 — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998.

- История 2001 — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2001.
- Кузнецова 1985 — *Кузнецова О. Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л.: Наука, 1985.
- Кузнецова 1994 — *Кузнецова О. Д.* Слово в говорах русского языка. СПб., 1994.
- Кузнецова, Сороколетов 1994 — *Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П.* Инструкция по составлению Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 28. СПб.: Наука, 1994. С. IV–XXXII.
- Лингвистический атлас 1949 — Лингвистический атлас района озера Селигер / Сост. М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Москва; Ленинград: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград: картогр. ф-ка Гос. изд-ва геол. лит.). 31 с., 47 л. карт.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003.
- Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.
- Мызников 2015 — *Мызников С. А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика. Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2015.
- Мызников 2019 — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Опыт 1858 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.
- Попов 1974 — *Попов И. А.* Лексический атлас русских народных говоров (Прспект) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
- Порохова 1969 — *Порохова О. Г.* Лексика сибирских летописей XVII века. Л.: Наука, 1969.
- Порохова 1988 — *Порохова О. Г.* Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л.: Наука, 1988.
- Проект 1994 — Лексический атлас русских народных говоров. (Проект). СПб., 1994.
- Русский язык 1979 — Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979.
- Словарь говоров старообрядцев 1999 — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
- Словарь пинежских говоров 2019 — Словарь пинежских говоров. Вып. 1 (А—Бякнуться) / Отв. ред. А. Н. Левичкин; ред. Т. В. Бурилкина, Р. В. Гайдамашко, О. Н. Крылова, С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.
- Сороколетов 1970 — *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке. Л.: Наука, 1970.
- Сороколетов 2011 — *Сороколетов Ф. П.* Избранные труды / Сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова. СПб.: Наука, 2011.
- Сороколетов, Кузнецова 1987 — *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- Филин 1941 — *Филин Ф. П.* Принципы и методы составления атласа русского языка // Диалектологический сборник / под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1941. С. 139–162.
- Филин 1961 — *Филин Ф. П.* Проект Словаря русских народных говоров. М.; Л., 1961.
- Филин 1962 — *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. Л., 1962.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972.
- Этерлей, Кузнецова 1979 — *Этерлей Е. Н., Кузнецова О. Д.* Неизвестное в известном (рассказы о словах). Л.: Наука, 1979.
- Юмсунова 1992 — *Юмсунова Т. Б.* Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1992.
- Юмсунова 2005 — *Юмсунова Т. Б.* Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М., 2005.

Olga Krylova, Elena Kolosko, Anastasia Kashirina
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ON THE CARD-INDEX AND THE AUTHORS OF THE *DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS*

Abstract. The Dictionary of Russian folk dialects played an important role in the development of dialect lexicology and lexicography as special branches of Russian linguistics. The article provides brief bio-bibliographic essays on those who have been involved in its creation for more than half a century. It also presents an overview of the Dictionary card-index, which has become a repository of unique lexical riches that reflect literally all aspects of the life of the Russian people.

Keywords: Dictionary of Russian folk dialects, card-index, lexicography, personalities

**Сергей Алексеевич Мызников, Мария Денисовна Королькова,
Ольга Николаевна Крылова, Татьяна Сергеевна Власова**
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

**ПРОЕКТ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Аннотация. Статья посвящена истории и современному состоянию всероссийского диалектологического проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В 2022 году исполняется ровно 50 лет с момента, как его основатель, И. А. Попов впервые выступил с докладом о необходимости создания такого лингвогеографического труда. В рамках проекта проводится собственно картографирование лексики, анализ материала, редакторская работа и издательская деятельность. Также проводятся картографические семинары, диалектологические экспедиции научных сотрудников и студентов вузов России, диалектологические практики студентов на базе ЛАРНГ, направленные на сбор и систематизацию материалов Атласа. Первая часть истории этого масштабного проекта цитируется по статье С. А. Мызникова, опубликованной в 2003 году [Мызников 2003].

Ключевые слова: Лексический атлас русских народных говоров, лингвогеография, картографирование, Атлас

Создание Лексического атласа давно является актуальной задачей русской диалектологии и находится в русле разработки русской лингвистической географии, над ее решением работали российские ученые с самого начала XIX века (деятельность Московской диалектологической комиссии, работа над Диалектологическим атласом русского языка в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН). В связи со стремительным уменьшением числа диалектоносителей, что связано с возрастным фактором, а также повсеместным распространением средств массовой информации, прививающих населению литературный язык, интерпретация и ареальный анализ данных ЛАРНГ на широких полевых и лексикографических материалах представляется весьма важной задачей.

История создания проекта «Лексический атлас русских народных говоров» изложена в статье С. А. Мызникова «Лексический атлас русских народных говоров (первые итоги и состояние работы)» [Мызников 2003]. «...идея создания

Лексического атласа русских народных говоров (=ЛАРНГ) была выдвинута И. А. Поповым в 1972 г. на Совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу в г. Ленинграде¹. В 1974 г. в свет вышел Проспект Атласа [ЛАРНГ. Проспект 1974], в котором были представлены принципы составления атласа и его программы. Главная цель Атласа формулировалась следующим образом: „показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические диалектизмы разных тематических и лексико-семантических групп (элементы микрополей), семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования” [там же: 3]. В Проспекте также устанавливалось пространство картографирования — вся территория распространения русских говоров, включая и районы позднего заселения. Предполагалось, что в качестве источников следует использовать не только полевые данные, но и сведения, почерпнутые из других диалектных источников, в том числе материалы региональных словарей и картотек. Хронологические рамки в связи с масштабностью задач предполагалось расширить от 60-х гг. XX в. до времени окончания сбора данных для Атласа [там же: 33–37]. Таким образом, данный Проспект наметил теоретическую базу создания ЛАРНГ и методическую основу практической работы по созданию программы (вопросника), приемы сбора полевых данных, в том числе организационные вопросы.

Центром работы над ЛАРНГ в 1980-е гг. стала Комиссия лингвоэтнографии Географического общества СССР (ныне Русское Географическое общество), которая была организована в 1977 г. При содействии Комиссии вышли в свет два сборника — „Лингвоэтнография” (Л., 1983) и „Проблемы русской лингвистической географии” (СПб., 1992). В первом сборнике представлены статьи по практической работе над региональными диалектными атласами (А. Ф. Ивановой, З. П. Здобновой), о применении методов лингвогеографии в изучении русских говоров (статьи А. С. Герда, Е. П. Лупповой, И. С. Лутовиновой, Ю. И. Чайкиной); проблемы комплексных лингвоэтнографических исследований лексики в ареальном аспекте рассмотрены в статьях О. Н. Мораховской, О. А. Черепановой. И. А. Попов в статье „Системный подход при лингвогеографическом изучении диалектной лексики” наметил пути разработки лексической программы по ареальному обследованию русских говоров с обязательным учетом следующих компонентов: тематические группы слов; лексико-семантические группы слов, семантическая структура слова; семантическая структура слова и лексико-семантические группы в их взаимной связи и обусловленности; словообразование.

Второй сборник продолжает публикацию работ указанной Комиссии. Он открывается статьей О. Н. Мораховской, посвященной Карте Московской диалектологической комиссии и ее роли в истории русской диалектологии. В статьях других авторов рассмотрены возможности лингвогеографического исследования диалектной лексики на современном этапе. Ряд статей освещает проблемы, непосредственно связанные с созданием ЛАРНГ.

¹ Материалы доклада И. А. Попова не были опубликованы.

В работе И. А. Попова говорится о принципах осуществления научно-практической деятельности и координации исследований диалектологов страны в деле составления программы сбора диалектных материалов [Попов 1983]. В статье Т. И. Вендиной на основе обобщения опыта создания лингвистических атласов намечены принципы картографирования лексических данных в ЛАРНГ. Применение методов лингвистической географии при изучении лексики отдельных регионов рассматривается в статьях Л. П. Комягиной, А. Ф. Ивановой, В. И. Дьяковой, В. И. Хитровой, С. А. Мызникова. Вопросы диалектного членения говоров на основе лексики и словообразования освещаются в статьях А. С. Герда и Ю. С. Азарх.

С 1989 г. центр работы над ЛАРНГ переместился в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ныне — Институт лингвистических исследований РАН). Началось последовательное воплощение идеи создания Лексического атласа.

В 1994 г. издается Проект Атласа [ЛАРНГ. Проект 1994], в котором суммируются все вопросы его создания, в том числе — принципы построения Программы Атласа, методы собирания материала, организация работы по сбору материала в полевых условиях.

В этом же году выходит в свет „Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров” (Чч. 1, 2. Под ред. И. А. Попова. СПб., 1994); предваряют программу-вопросник методические указания по сбору и обработке материалов.

Первая часть Программы включает разделы: Анатомические названия человека (109 вопр.), Физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения (231 вопр.), Народная медицина (150 вопр.), Семья, семейные отношения (274 вопр.), Традиционная народная духовная культура (509 вопр.). Раздел „Трудовая деятельность” состоит из следующих тем — Полеводство (359 вопр.), Огородничество (155 вопр.), Садоводство (53 вопр.), Животноводство (260 вопр.), Птицеводство (141 вопр.), Пчеловодство (52 вопр.), Обработка льна и конопли, прядение, ткачество (73 вопр.), Плотницкое, столярное, кузнечное, гончарное, валяльное дело (108 вопр.), Рыболовство (94 вопр.), Охота (40 вопр.). Во второй части Программы представлены следующие разделы — Крестьянское жилище, хозяйственные постройки, строительство (681 вопр.), Домашняя утварь (163 вопр.), Крестьянская одежда (229 вопр.), Питание (250 вопр.), Сухопутные пути сообщения, средства передвижения (183 вопр.), Водный транспорт (103 вопр.) [Программа ЛАРНГ 1994].

Каждый раздел Программы начинается с предварительных замечаний, где указываются особенности сбора материала по той или иной теме.

В разработке Программы приняли участие диалектологи из ряда вузов и академических институтов. Следует отметить, что некоторые разделы Программы были опубликованы ранее, а затем — переработанные и дополненные — вошли в общий корпус вопросов. Все вопросы каждого раздела имеют свою нумерацию,

на полях поставлены индексы, которые отражают тип вопросов — лексический, семантический словообразовательный, лексико-словообразовательный.¹

С 1985 г. проводятся диалектологические совещания по координации работы над ЛАРНГ; 2-е и 3-е совещания состоялись в 1987 г., 4-е — в 1988 г. в апреле 1990 г. была проведена школа-семинар, а в декабре того года 5-е совещание; в последующие года (1991–2001 гг.) совещания проводились ежегодно. Их материалы публикуются в специальных сборниках [ЛАРНГ 1992; 1993; 1994; 1995; 1996; 1997]. В большей части статей освещается ход работы над Атласом, в том числе итоги экспедиций, вопросы методики собирания сведений, проблемы картографирования и др. В ряде статей рассматриваются вопросы ареального изучения лексики и семантики, динамики словарного состава, исследуется опыт картографирования лексики в зарубежной лингвистике. <...>

В выработке принципов и методов картографирования этапными были статья Т. И. Вендиной „К систематизации картографических знаков в Лексическом атласе русских народных говоров” [ЛАРНГ 1992] и ее же „Инструкция к составлению карт Лексического атласа русских народных говоров” [ЛАРНГ 1994]. Темы многих статей в данных сборниках тесно связаны с материалом разделов Программы Атласа. Это лексика природы (33 статьи), народная духовная культура (15 статей), народная медицина, одежда и др. На страницах сборников ЛАРНГ опубликованы и статьи общетеоретического характера, см. например, статью А. С. Герда „Спорные проблемы регионального этимологического словаря в свете лингвистической географии” [ЛАРНГ 1994].

В целом несомненно, что работа над ЛАРНГ оживила научную деятельность в области русской диалектологии и, в частности, диалектной лексикологии. На совещаниях происходит апробация новых исследований молодых ученых из разных городов России, а периодический характер указанных сборников дает возможность публикации многих из этих работ. Важно также, что в каждом сборнике печатается хроника работы над ЛАРНГ, отчеты о совещаниях и семинарах по Атласу. Учитывая, что материалы, опубликованные в сборниках ЛАРНГ, могут заинтересовать широкий круг специалистов в области славянской диалектологии, мы даем в Приложении сведения о содержании всех этих сборников» [Мызников 2003: 236–240].

С 2000-х годов по настоящее время работа над проектом продолжается.

В основе Лексического атласа русских народных говоров лежит задача по созданию репрезентативной и упорядоченной системы обработки, хранения, анализа и классификации данных. Поэтому деятельность по созданию Атласа основана на больших объемах различных трудоемких работ, среди которых организация

¹ Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов. Водоемы. Растительность. Животный мир. Семантическая структура слова (Сост. И. А. Попов). М., 1987. 62 с; Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов. Астрономия. Календарь. Земная поверхность. Рельеф (Сост. И. А. Попов) М., 1987. 38 с.; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Лексика природы. М.; Л., 1989. 79 с. (2-е изд. — М.; Л., 1990. 77 с.); Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения. СПб., 1992. 33 с.

и проведение экспедиционных обследований, сортировка и размещение материалов в электронной и бумажной картотеках, обработка картотечных материалов и подготовка к картографированию, создание индексов и собственно картографирование, а также анализ материала, редакторская работа и издательская деятельность. Получение фундаментальных значимых результатов невозможно без опоры на материал, все этапы работы одинаково важны и взаимосвязаны.

В течение многих лет руководителем группы «Лексического атласа русских народных говоров» был известный лингвист А. С. Герд (1936–2016), «заведующий кафедрой математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, один из инициаторов создания Лексического атласа русских народных говоров, редактор нового Большого академического словаря современного русского языка, широко известен как специалист по русскому языку, прикладной лингвистике, математической лингвистике, терминологии, русской диалектологии в синхроническом и диахроническом аспектах, ареальной лингвистике и лингвистической географии, диалектам Русского Севера, русским названиям рыб в терминологическом и этимологическом аспектах, этнолингвистике, социолингвистике» [Бурыкин 2016]. Он организовывал и координировал работу проекта практически с момента его основания, при его непосредственном участии и впоследствии руководстве были проведены многие из диалектологических совещаний, организованы многочисленные экспедиции, создана электронная картотека ЛАРНГ и достигнуты многие другие из перечисленных ниже результатов.

Кроме того, А. С. Герд уделял особое внимание критическому взгляду на теоретические основы проекта и опубликовал ряд статей, посвященных спорным и сложным моментам в его развитии [Герд 2008, 2009, 2011; Герд, Левичкин 2015].

Экспедиции

За время существования проекта было произведено около 4 000 первичных полевых обследований, не считая повторных экспедиций для дополнения и верификации материала. Эти экспедиции осуществлялись силами преподавателей и студентов региональных вузов России, сотрудников ИЛИ РАН, отдельных ученых-исследователей.

На основании регистрационных журналов и поступивших в картотеку материалов в 2021 году была подготовлена большая коллективная публикация, фиксирующая в виде таблиц количественные данные об экспедициях по темам Программы (до 19 включительно). Каждая таблица посвящена одной административной области и включает данные бумажной и электронной картотек. Проведенные подсчеты показали, что проделана большая работа, но пока обследована лишь четверть запланированной территории. «Как и ожидалось, лучше всего регионы обследованы по теме «Лексика природы». Географически лучше всего обследованы Волгоградская, Воронежская, Курская, Орловская и Самарская области» [Королькова, Мызников, Бурыкин и др. 2021]. Сотрудники Словарного отдела ИЛИ выезжали в экспедиции в регионы, где не ведется системной работы по сбору полевого материала для

ЛАРНГ, в первую очередь, за прошедшие годы это были отдельные районы Архангельской, Калужской, Ленинградской, Мурманской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Тверской и Ульяновской областей.

Работа над материалами, поступающими в картотеку ЛАРНГ

Ежегодно в картотеку ЛАРНГ поступает от 3 000 до 20 000 карточек с ответами на вопросы Программы. Первоначально отсутствовала техническая возможность копировать материал и тем более опираться на электронные копии, поэтому в инструкции по сбору материала содержалось указание сдавать материал в двух экземплярах — для картотеки и архива. Но организация аналогичного картотеке архива с копией материала оказалась задачей невыполнимой, и все усилия были положены на сортировку основной части поступивших материалов. За прошедшие годы в бумажной картотеке ЛАРНГ были размещены все полученные материалы, удалены бракованные карточки, восстановлены и разрезаны материалы, оформленные не по правилам, и в настоящее время картотека ЛАРНГ полностью функционирует.

Поскольку картографирование в Лексическом атласе русских народных говоров производится в электронном виде в программе MapInfo Professional 9.0, и электронный формат является очевидным требованием к подаче материала для картографирования, в 2005–2006 годах О. В. Глебовой и К. Б. Чихачевым была разработана, а в 2010 году модернизирована электронная картотека ЛАРНГ [Глебова, Чихачев 2010, 2020]. С тех пор появилась возможность для подачи материала полностью в электронном виде (с оформлением по иному алгоритму), минуя все процессы сортировки и обработки, необходимые для бумажной картотеки. В качестве исходного файла для базы подготавливается документ с ответами на вопросы одной темы из одного района, и по запросу можно получить уже рассортированные по темам и вопросам данные в виде .csv файла (открывается .exl). Система основана на клиенте для базы данных Oracle.

После размещения в картотеке первоначально материал выдавался автору карты для работы. Но это создавало определенную опасность для картотеки ЛАРНГ, не имеющей копии. Материалы терялись, страдали от разных стихийных событий (например, от домашних животных). Поэтому, когда началась работа над II томом «Животный мир», картотечные материалы перестали выдаваться авторам карт на руки, а стали предоставляться копии (чаще всего сканированные). Для этого производится сортировка и оцифровка материалов. Первоначально карточки раскладываются по номерам регионов по возрастанию и для уменьшения объема выбираются дубли (копии, ранее предназначавшиеся для архива и материалы повторных опросов) и брак. Сортировка и выборка дублей неоднократно обсуждались на диалектологических совещаниях в рамках картографических семинаров ([Костючук 2011] и др.), и осуществление этой работы относится к достижениям последних лет.

Оцифровка материалов проводится двумя способами: набором всего содержания карточки в Excel или сканированием карточек на потоковом сканере (Fudjitsu). В настоящее время для отправки авторам преимущественно исполь-

зуется способ со сканированием, т. к. он предполагает, что автор сам примет решение о подаче языковых особенностей на карточке, а также расшифровке тех или иных транскрипционных знаков. Набор в таблицу Excel часто используется для работы с картой в группе, так как любая интерпретация материалов требует сверки с оригиналом.

Подготовка картотечных материалов является только первой ступенью на пути к составлению лексической карты. Из совокупности данных бумажной и электронной картотек ЛАРНГ составляется индекс, который дополняется материалами региональных диалектных словарей. На основании полного объема материалов составляется рабочий документ с алфавитным списком всех рассматриваемых в карте слов. И далее начинается собственно составление карты, когда на основании количества пунктов, при помощи сопоставительных источников (СРНГ и архивные материалы), принимается решение о включении слова в список картографируемых лексем.

В данной статье мы не будем останавливаться на процессе картографирования, о нем см. [Вендина 2000] и др. Картографическая работа предполагает системный подход к материалу, который «отразился не только в его отборе и интерпретации, но и в картографической репрезентации. <...> Поэтому карта дает в руки читателю не „сырой” материал, который еще предстоит осмыслить и определенным образом классифицировать, а подвергшийся авторской интерпретации и дифференциации» [ЛАРНГ. Пробный выпуск 2004: 19].

Студенческие практики

С 2000-х годов часть описанных выше работ выполняется силами студентов и аспирантов вузов России под руководством сотрудников ИЛИ РАН. Проведение студенческих практик благотворно отражается не только на достижении образовательных целей, как, например, знакомство с работой отдела и получение практических навыков картотечной и лексикографической работы, но и для привлечения более широкого круга исследователей в сферу лингвистической деятельности, в особенности в области диалектологии и лингвистической географии. За прошедшие годы именно благодаря слаженной работе практикантов из целого ряда вузов и удалось достичь столь впечатляющих результатов по сортировке и подготовке материалов. Ежегодно в группе ЛАРНГ проходят практику около 10 групп студентов из вузов разных городов России. Кроме того, одновременно с производственной практикой, практиканты отправляются в полевые диалектологические экспедиции в регионах.

За последние 20 лет сотрудничество в области полевой и архивной работы, а также проведения студенческих практик и стажировок продолжалось с более чем 50 вузами России. Традиционно работа происходит на основании договоров о сотрудничестве, заключаемых между соответствующими вузами и Институтом лингвистических исследований РАН. В каждом томе ЛАРНГ на одной из заглавных страниц приводится список вузов, принявших участие в работе над публикуемыми темами.

Организационная работа и издательская деятельность

С 2000-х годов ежегодно ИЛИ РАН совместно с Русским географическим обществом проводят Всероссийские диалектологические совещания «Лексический атлас русских народных говоров» и Картографические семинары, посвященные проблемам, связанным с работой над ЛАРНГ, лингвогеографии, диалектной лексикологии, ономастики. На каждом заседании обсуждается не менее 50 (от 50 до 80) докладов от участников из множества городов России и зарубежья, представляющих наиболее актуальные исследования по вопросам диалектной лексикографии, картографии и диалектологии.

В 2004 году вышел пробный том «Лексического атласа русских народных говоров», содержащий 37 карт, верифицирующих и иллюстрирующих разные подходы к репрезентации лексического материала. В том вошли карты разных типов: лексические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, семантические, мотивационные, номинативные, лексико-этнографические карты. Кроме того, пробный том Атласа раскрывает предпосылки и историю создания ЛАРНГ, библиографию работ о ЛАРНГ, Список населенных пунктов и программу собирания сведений для ЛАРНГ. Публикация этого издания укрепила концепцию картографирования и дала возможность увидеть пробелы в организации работы, которые и были исправлены впоследствии, при публикации первого тома ЛАРНГ.

Первый том «Растительный мир» был опубликован в 2017 году. В составлении карт для тома приняли участие 75 диалектологов со всей России. В томе содержится более 200 карт, включающие лексику разных тематических групп: названия лесных массивов, в том числе и общее название леса и некоторых лесных локусов, названия деревьев, в том числе их отдельных видов и их отдельных элементов, названия кустарников, трав, цветов, грибов (в этот блок карт входят названия локусов и названия кушаний из грибов) [ЛАРНГ. Т. 1. 2017].

Том «Животный мир» передан в издательство и планируется к публикации в 2022 году. Он содержит около 200 карт по тематическим группам: названия животных, в том числе и общее название диких животных, а также некоторых лесных локусов, названия птиц, насекомых, в том числе и общее название насекомых, названия пресмыкающихся и земноводных, названия рыб, а также названия самок и детенышей животных, птиц и пресмыкающихся и названия шкур и мяса некоторых животных [Вендина 2021].

Начиная с 2004 года по настоящее время ежегодно выпускается сборник статей и материалов «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования» [Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992.. и т.д.]. В работах рассматривается широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и теоретические проблемы лингвогеографии. Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка. Кроме того, каждый сборник включает в себя словоуказа-

тель диалектной лексики, которая стала предметом анализа, и для сборников до 2004 года были составлены сводный словоуказатель [Попова, Левичкин, Мызников 2004] и обратный индекс диалектных слов к изданиям ЛАРНГ [Попова, Мызников, Левичкин 2007].

Двенадцать лет назад по инициативе Словарного отдела Института и кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета начала свою деятельность Всероссийская Школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов. Ежегодно студенты, аспиранты, специалисты и преподаватели из различных регионов России обсуждают проблемы изучения структуры и семантики слова, специфики его функционирования в различных сферах коммуникации, а также вопросы составления словарей и лингвистических карт.

Если в самом начале существования Школы-семинара заседания предполагали обсуждение широкого спектра проблем лексикологии, лексикографии и лингвистической географии, то с 2013 года было решено проводить тематические заседания, фокусировать внимание всех выступающих на одной научной проблеме, имеющей важное значение для развития отечественной лингвистики. Так, например, в 2013 году молодые исследователи обсуждали специфику электронной формы хранения и репрезентации лингвистических данных, в 2014 году обращались к проблеме отражения в слове динамики культурного пространства России, семинар 2015 года был посвящен проблеме работы с источниками лексического материала, заседание 2016 года рассматривало специфику междисциплинарных связей в процессе создания словарей и лингвистических карт, в 2017 году школа-семинар рассматривала лингвоперсонологические аспекты лексикологии и лексикографии, заседание 2018 года было посвящено феномену устной речи и специфике его отражения в словаре и на лингвистической карте¹.

Формат семинара включает лекции известных российских ученых — специалистов в области лексикологии, лексикографии, лингвистической географии и других отраслей лингвистики, обсуждение научных докладов молодых исследователей и публикацию их научных статей. Лекторами Школы-семинара были Ю. Д. Апресян (Москва), А. А. Бурыкин (Санкт-Петербург), К. Р. Галлиуллин (Казань), А. С. Герд (Санкт-Петербург), В. Н. Калиновская (Санкт-Петербург), И. Б. Качинская (Москва), Л. Я. Костючук (Псков), М. А. Кронгауз (Москва), И. А. Малышева (Санкт-Петербург), Т. В. Махрачева (Тамбов), С. А. Мызников (Санкт-Петербург), Т. Н. Бунчук (Сыктывкар), М. Н. Приемышева (Санкт-Петербург), Т. К. Ховрина (Ярославль), О. М. Фишман (Санкт-Петербург), Н. Л. Фишер (Гейдельберг, Германия), Е. Н. Ильина (Вологда), Л. Л. Шестакова (Москва), Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург) и др. В рамках семинара на материале картотеки Лексического атласа русских народных говоров, а также в соответствии с инструкциями ЛАРНГ проходила подготовка и обсуждение лингвистических карт.

¹ О работе Школы-семинара см., например, [Гайдамашко, Королькова, Крылова 2016; Ильина, Крылова 2017; Ильина, Крылова, Драчева и др. 2021].

За время своей работы Школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов приняла более трехсот пятидесяти участников из различных говоров России (Архангельска, Белгорода, Владимира, Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Кирова, Костромы, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Орла, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Смоленска, Сыктывкара, Томска, Череповца, Ярославля), а также их молодых коллег из Беларуси, Казахстана, Китая, Украины. По итогам работы семинара состоялась публикация двенадцати научных сборников [Современная русская лексикография 2010, 2011, 2012; Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021].

Многолетний опыт проведения Школы-семинара показал ее продуктивность, она обеспечивает установление и поддержание научных контактов, дает возможность плодотворного публичного обсуждения проблематики, методики и результатов исследований на разных этапах их реализации, служит делу сохранения традиций научных школ и преемственности поколений, позволяет расширить кругозор молодых исследователей, нацелить их на решение серьезных научных задач.

Литература

- Бурыкин 2016 — *Бурыкин А. А.* Александр Сергеевич Герд. К 80-летию ученого // Вестник урведения. 2016. Т. 6. №4 (27). С. 136–143.
- Вендина 2000 — *Вендина Т. И.* Инструкция к составлению комментария к картам ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: ИЛИ РАН, 2000. С. 9–10.
- Вендина 2021 — *Вендина Т. И.* «Лексический атлас русских народных говоров» (т. 2 «Животный мир») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 17–45.
- Гайдамашко, Королькова, Крылова 2016 — *Гайдамашко Р. В., Королькова М. Д., Крылова О. Н.* VI Международная школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов (2015) // Русский язык в научном освещении. 2016. №2 (32). С. 288–294.
- Герд 2008 — *Герд А. С.* Лексический атлас русских народных говоров: антиномии. Антиномия II // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 511–513.
- Герд 2009 — *Герд А. С.* Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия III: карта — слово — варианты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 49–51.
- Герд 2011 — *Герд А. С.* Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия IV. Диалект — Атлас // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 7–8.

- Герд, Левичкин 2015 — *Герд А. С., Левичкин А. Н.* О специфике тем Программы сбора материалов для ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 174–177.
- Глебова, Чихачев 2010 — *Глебова О. В., Чихачев К. Б.* Разработка электронной картотеки для ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. С. 72–74.
- Глебова, Чихачев 2020 — *Глебова О. В., Чихачев К. Б.* Электронная картотека ЛАРНГ. Современное состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 166–172.
- Ильина, Крылова 2017 — *Ильина Е. Н., Крылова О. Н.* Всероссийская школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов: итоги и перспективы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №4 (79). С. 154–157.
- Ильина, Крылова, Драчева и др. 2021 — *Ильина Е. Н., Крылова О. Н., Драчева Ю. Н., Колесова И. Е., Мельникова Н. Г.* Итоги XII Всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов: «Анализ слова: традиции и инновации» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. №6 (105). С. 188–193.
- Королькова, Мызников, Бурыкин и др. 2021 — *Королькова М. Д., Мызников С. А., Бурыкин А. А., Власова Т. С., Глебова О. В., Донина Л. Н., Шевченко Н. В., Ахрименко Д. С., Соколов Е. Г., Приображенский А. В.* Состояние обследования регионов по темам ЛАРНГ: итоги тридцатилетней работы // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 233–356.
- Костючук 2011 — *Костючук Л. Я.* Проблема традиции и нового в практике лингвогеографии (сбор, обработка, хранение, публикация материалов на примере Лексического атласа русских народных говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 9–17.
- ЛАРНГ. Проспект 1974 — Лексический атлас русских народных говоров. Проспект Л., 1974. 44 с.
- ЛАРНГ. Проект 1994 — Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994. 111 с.
- ЛАРНГ. Пробный выпуск 2004 — Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред.: И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб.: Наука, 2004. 304 с; 36 карт.
- ЛАРНГ. Т. 1. 2017 — Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История. 736 с.
- ЛАРНГ 1992 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992 / Ред. А. С. Герд, И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 160 с.

- ЛАРНГ 1993 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1993 / Ред. А. С. Герд, И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 136 с.
- ЛАРНГ 1994 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994 / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. 194 с.
- ЛАРНГ 1995 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995 / Ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. 246 с.
- ЛАРНГ 1996 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1996 / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. 142 с.
- ЛАРНГ 1997 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997 / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2000. 151 с.
- ЛАРНГ 1998 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998 / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. 327 с.
- ЛАРНГ 1999 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: ИЛИ РАН, 2002. 247 с.
- ЛАРНГ 2000 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2003. 291 с.
- ЛАРНГ 2001–2004 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2004. 572 с.
- ЛАРНГ 2005 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2005. 344 с.
- ЛАРНГ 2006 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2006. 423 с.
- ЛАРНГ 2007 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007: в 2-х ч. / Отв. ред. А. С. Герд. Ч. 1. 534 с. Ч. 2. 446 с. СПб.: Наука, 2007.
- ЛАРНГ 2008 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2008. 593 с.
- ЛАРНГ 2009 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2009. 478 с.
- ЛАРНГ 2010 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2010. 466 с.
- ЛАРНГ 2011 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2011. 466 с.
- ЛАРНГ 2012 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2012. 481 с.
- ЛАРНГ 2013 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. 660 с.
- ЛАРНГ 2014 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2014. 808 с.
- ЛАРНГ 2015 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2015. 600 с.
- ЛАРНГ 2016 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. 556 с.

- ЛАРНГ 2017 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2017. 686 с.
- ЛАРНГ 2018 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 692 с.
- ЛАРНГ 2019 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 968 с.
- ЛАРНГ 2020 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 1000 с.
- ЛАРНГ 2021 — Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 672 с.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Лексический атлас русских народных говоров (первые итоги и состояние работы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000: Сборник статей / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 236–240.
- Попов 1983 — *Попов И. А.* Актуальное направление изучения диалектной лексики // Лингвогеография. Л., 1983.
- Попова, Левичкин, Мызников 2004 — *Попова Н. В., Левичкин А. Н., Мызников С. А.* Словоуказатель диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб.: Наука, 2004. С. 390.
- Попова, Мызников, Левичкин 2007 — *Попова Н. В., Мызников С. А., Левичкин А. Н.* Обратный индекс диалектных слов к изданиям Лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007: в 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Наука, 2007. С. 550–971.
- Программа ЛАРНГ 1994 — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994. 336 с.
- Современная русская лексикография: Сборник статей / Отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова. СПб.: Наука, 2010. 286 с.
- Современная русская лексикография. 2011: Сборник статей / Отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова. СПб.: Наука, 2011. 218 с.
- Современная русская лексикография. 2012: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2012. 152 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2013: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. 220 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2014. 222 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2015. 307 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2016: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2016. 160 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2017: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2017. 396 с.

- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2018: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 148 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 294 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2020: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 194 с.
- Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021 / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 196 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). Т. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021 (издание продолжается).

Sergey Myznikov, Mariia Korolkova, Olga Krylova, Tatyana Vlasova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

***LEXICAL ATLAS OF RUSSIAN FOLK DIALECTS:
THE PAST AND PRESENT OF THE PROJECT***

Abstract. In this article the authors discuss the history and current state of the All-Russian dialectological project “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”. In 2022, it will be exactly 50 years since its founder, I. A. Popov, first made a report on the need to create such a linguo-geographical work. The framework of the project includes cartographic workshops, dialectological expeditions of researchers and students from Russian universities, and dialectological training for students aimed at collecting and systematizing data for the Atlas. The participants of the project carry out mapping, data analysis, editorial and publishing activities. The history of the first stage of this large-scale enterprize is sketched according to S. A. Myznikov's article published in 2003.

Keywords: Lexical Atlas of Russian Folk Dialects, linguogeography, mapping, Atlas

Владимир Алексеевич Козырев, Валентина Даниловна Черняк
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
ОТ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»
К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ МНОГООБРАЗИЮ СЛОВАРЕЙ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития диалектной лексикографии с середины XX по начало XXI века. Диалектная лексикография — одна из наиболее динамично развивающихся областей словарного дела. Только в XXI веке создано более 160 диалектных словарей различных типов. История диалектной лексикографии показала, что принципиально важным было выделение в 50–60-е годы XX века двух основных типов словарей — дифференциальных и недифференциальных (полного типа). На примере Словаря брянских говоров показан информационный потенциал диалектного словаря полного типа. Многоаспектность диалектного слова, связанная с его семантикой, деривационными возможностями, значимостью мотивировочных признаков, привела лексикографов к расширению типологии диалектных словарей, что и было реализовано в конце XX — начале XXI века.

Ключевые слова: диалектная лексикография, типология диалектных словарей, словари полного типа, дифференциальные словари, многоаспектность диалектного слова

1. Введение

Наблюдаемая активизация принципа антропоцентризма, усиление внимания к исследованию языковой способности человека, к проблемам языковой картины мира, национального своеобразия языкового отображения действительности, заставляют по-новому осмыслить роль диалектных словарей в духовной жизни общества, в культурном наследии народа. Столетняя история Института лингвистических исследований РАН свидетельствует об исключительном месте диалектной лексикографии в широком спектре научных направлений института и об особой роли ленинградских/петербургских лексикологов в формировании современного лексикографического пространства, в частности той его значимой части, которую представляют диалектные словари.

Цель данной статьи — показать, как на протяжении семи десятилетий формировалось новое понимание объекта диалектной лексикографии и ее задач, как от базовых типов диалектных словарей лексикография шла к многообразию типов, демонстрирующих разные стороны семантики и формы диалектного слова, разные аспекты включенности слова в микро- и макросистемы.

Как свидетельствуют материалы по истории лексикографии [История 1998; Козырев, Черняк 2015], создание диалектных словарей шло весьма активно в конце XIX — начале XX века и в первые послереволюционные годы (при особом внимании к этнографизму как значимой составляющей описания народных говоров), однако с конца 20-х годов XX века этот процесс приостановился. Можно без преувеличения утверждать, что диалектологи Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ИЛИ РАН) в 50-е — начале 60-х годов XX века возродили диалектную лексикографию. Новый и очень плодотворный этап словарного описания русских народных говоров начался с дискуссии, в ходе которой получили глубокое теоретическое обоснование существенные проблемы диалектной лексикографии, связанные с определением характера диалектного словаря.

2. Словари дифференциального и полного типа

«Словарь русских народных говоров» как сводный (полидиалектный) словарь дифференциального типа

Мощным стимулом для возрождения диалектной лексикографии и для развития диалектной лексикологии стало начало работы в Ленинградском отделении Института языкознания над «Словарем русских народных говоров» (СРНГ). Этот словарь был задуман (и реализован в соответствии с этим замыслом) как сводный (полидиалектный) дифференциальный словарь, построенный на материале различных диалектологических записей и диалектных словарей, создававшихся в разное время и по часто далеким друг от друга научным установкам. Данное Ф. П. Филиным определение диалектного слова как слова, имеющего локальное распространение и в то же время не входящего в словарный состав литературного языка и отсутствующего в словарях литературного языка [Филин 2008], было ориентировано прежде всего на описание его в сводном диалектном словаре. Концепция словаря и основные принципы описания диалектного слова, изложенные Ф. П. Филиным в проекте словаря в 1961 году, уточнялись и развивались в ходе работы над этим масштабным лексикографическим трудом (см. [Кузнецова, Сороколетов 1998]). На протяжении нескольких десятилетий над словарем работали более 30 сотрудников ИЛИ РАН (см. [Козырев, Черняк 2016]). В последние годы большую работу над словарем в качестве ответственного редактора ведет С.А. Мызников. Подчеркивая специфику сводного диалектного словаря, С.А. Мызников отмечает, что за полвека, прошедшие со времени начала его издания, региональная диалектная лексикография пополнилась большим количеством новых словарей, что требует необходимых дополнений в ранее вышедшие тома [Мызников 2013]. Таким обра-

зом, судьбу СРНГ нельзя считать завершенной. Возможность нового, уже дополненного, издания ставит перед лексикографами новые задачи, решение которых возможно в цифровую эпоху.

Несомненную самостоятельную ценность для исследования словарного состава народных говоров, их словообразовательных и морфологических особенностей, в частности проблемы вариантности, имеет обратный словарь (инверсионный индекс к СРНГ), представляющий 240 тыс. слов: [Инверсионный индекс 2000]. Задуманный составителями как «новый Даль» [Отечественные лексикографы 2000: 356] и создаваемый на протяжении нескольких десятилетий, словарь стал уникальным собранием диалектной лексики, обобщив диалектные материалы за полтора столетия. Почти завершенное к настоящему времени лексикографическое предприятие (52 тома словаря к 2022 году) можно рассматривать как бесценный дар, передаваемый петербургскими лексикографами будущим исследователям народной речи.

После того, как в середине XX века был обозначен тип дифференциального словаря, во многих регионах началось активное составление словарей именно этого типа, описывающих разные говоры. Заметим, что расцвет диалектной лексикографии послужил мощным стимулом для развития диалектологии в вузах России, где в результате планомерных диалектологических экспедиций были заложены основы картотек русских народных говоров, на базе которых создавались диалектные словари, получившие развитие уже в XXI веке. С разной степенью полноты были описаны архангельские, вологодские, череповецкие, мурманские, ярославские, псковские, калининские, подмосковные, новгородские, ивановские, владимирские, тульские, смоленские, курские, орловские, рязанские, донские и другие говоры европейской части России, диалектная лексика русских говоров Урала, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Северо-Востока России, а также лексика островных русских говоров, находящихся в иноязычном окружении. Подробное библиографическое описание большого массива диалектных дифференциальных словарей представлено в [Козырев, Черняк 2015].

Другой подход к составлению словарей народных говоров, связанный с лексикографическими идеями Б. А. Ларина и развивающий традиции А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. М. Каринского, был ориентирован на максимально полное, приближающееся к тезаурусному, описание диалектной лексики, которое дает исследователям богатый материал для сопоставительного изучения лексических систем и микросистем литературного языка и говоров. Включение в недифференциальные словари (словари полного типа) всех лексических единиц, бытующих в речи диалектоносителей, рассматривалось не как сугубо лексикографический прием, а как принцип системного изучения народной речи, позволяющий выявить все многообразие связей и отношений локальных и общенародных единиц в словарном составе диалекта, определить закономерности взаимодействия литературного языка и говоров, которые характеризуют исторически своеобразный этап их существования в новых социальных условиях.

Определяя пути развития диалектной лексикографии, ленинградские диалектологи осознавали те объективные трудности, с которыми неизбежно столкнутся словарники при реализации столь объемных и долговременных предприя-

тий, как составление регионального словаря полного типа. Это выразительно показывает фундаментальный лексикографический проект — «Псковский областной словарь с историческими данными», первый том которого вышел в 1967 году. Этот словарь должен был, по замыслу составителей, отразить тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также с белорусами. Более полувека работы над словарем (к 2022 году вышло 28 выпусков словаря), убедительно показали, какое важное место занимают диалектные словари в системе словарей исторического цикла. Размышления о характере диалектного слова, непосредственно связанные с лексикографической деятельностью, получили развитие в работах А. С. Герда, С. М. Глушкиной Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, И. С. Лутовиновой, О. А. Мжельской, Д. М. Поцепни, М. А. Тарасовой и др., показавших многомерность диалектного слова и фразеологизма, особенно заметную при описании говоров, представляющих собой «не замкнутую систему, а систему систем, порою слабо очерченных, взаимопроникающих, находящихся на разной ступени „размывания” и главное — повторяющих друг друга лишь в определенной части своего словарного состава» [История 1998: 364].

«Словарь брянских говоров» как словарь полного типа

Остановимся подробнее на близкой нам истории создания «Словаря брянских говоров» [Словарь брянских говоров 1976–1988]. Когда в ноябре 1955 года решением Второго Всесоюзного координационного совещания при Институте языкознания АН СССР составление областных словарей было объявлено одной из существенных задач русской диалектологической науки, диалектолог, этнограф и историк русского языка Н. П. Гринкова (1895–1961) предложила комплексное обследование территории Брянской области и составление словаря этого уникального региона, в котором своеобразно переплелись исторические судьбы трех восточнославянских языков и народов — русского, белорусского и украинского («мысль дерзновенная, но в научном отношении благословенная», как много лет спустя писала С. Г. Ильенко [Ильенко 2004: 61]). Первая экспедиция на Брянщину в 1951 году, связанная со сбором материала для «Лексического атласа русских народных говоров» (также ставшего одним из важнейших проектов, на протяжении десятков лет осуществляемых в ИЛИ РАН), положила начало многоаспектному комплексному исследованию брянских говоров. В ходе многолетней работы над «Словарем брянских говоров» под руководством профессора В. И. Чагишевой было проведено около 40 диалектологических экспедиций, создана картотека общим объемом в миллион карточек-цитат, легшая в основу словаря.

В. И. Чагишева, реализуя и развивая идеи Н. П. Гринковой, отчетливо представляла себе научное значение описания брянских говоров не только для русского и восточнославянского языкознания, но и для славистики в целом. Однако вопрос о типе регионального диалектного словаря решался долго и трудно. В результате длительных обсуждений и дискуссий он решился в пользу полного, системного диалектного словаря. Отстаивая идею недифференциального словаря при описании брянских говоров, В. И. Чагишева на обсуждении первого выпуска словаря, состо-

явшемся в 1976 году, отметила, в частности, крайнюю неопределенность лингвистического ландшафта Брянской области, своеобразии русско-украинско-белорусского пограничья (см., например [Будде 1905; Чагишева 1968; Батожок 1999]), затрудняющее возможность дифференциальности описания. Эту мысль активно поддержал А. С. Герд. А. П. Евгеньева обратила внимание на богатейший материал картотеки, особенно тот, который дает исчерпывающее представление об уходящих элементах традиционной народной культуры, духовной и материальной. В связи с этим, обращаясь к истории диалектной лексикографии в Ленинграде, нужно подчеркнуть постоянное творческое содружество ученых ЛО Института языкознания, ЛГУ и ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Комплексное изучение лексического состава брянских говоров, начатое В. И. Чагишевой и продолженное ее учениками и коллегами, представлено несколькими взаимообусловленными исследовательскими аспектами. Решение сложных задач лексикографического описания словарного состава брянских говоров, выработка принципов адекватного отражения семантики слова в региональном словаре полного типа требовали теоретического осмысления проблем тождества слова и вариантности [Козырев 1986], соотношения диалектного и общенародного слова. В многоаспектном описании диалектного слова особое значение придавалось взаимообусловленности контекста толкования и контекста употребления. Значимым при таком подходе становится набор разных типов контекстов, сохраняющих коммуникативно-модальные особенности речи носителя говора и тем самым воплощающих семантический и этнокультурный потенциал слова. Особое внимание придавалось широте и многообразию иллюстративного материала, доносящего до читателя живую речь ушедшего поколения жителей брянских сел и деревень, позволяющего представить их картину мира, в которой своеобразно переплелись традиционные народные представления, национальные стереотипы и мифологемы советского времени, детали старого быта и неприукрашенные реалии жизни крестьянства 40–80-х годов XX века. С. Г. Ильенко в своих заметках о контекстологии словаря писала, что она «должна носить отнюдь не иллюстративный, но интерпретационный характер, являя собой содержательно-стилистическую и коннотативную среду бытования слова». Отбор типизированных контекстов должен показать все функциональные особенности слова [Ильенко 2003: 619]. Эту рекомендацию с учетом специфики диалектного словаря пытались реализовать составители.

Исторический аспект, чрезвычайно значимый, для В. И. Чагишевой и ее коллег, был связан с выявлением в словарном составе брянских говоров праславянской и древнерусской лексики и с отработкой методики семантической реконструкции (на праславянском этапе и в древнерусский период). Так, специфика диалектного словаря как словаря исторического цикла оказалась чрезвычайно значимой при решении сложнейшего вопроса о разграничении полисемии и омонимии. Хотя слитную или раздельную подачу тех или иных значений можно было считать техническими «подробностями» словарной работы, составителям словаря приходилось определять, что более существенно: выявить и показать в полисемантической структуре генетическую связь между значениями или констатировать в омонимии «разрыв семантической цепи»; что является более информативным для читателя-

специалиста: разведение на омонимы (обоснованное с позиции сугубо синхронного подхода) таких, например, слов, как *горюха* ‘зажженная лампа, лампада’ и *горюха* ‘одинокая несчастная женщина’, или разработка их в качестве одного полисемантического слова, указывающая на наличие в семантике исторической преемственности значений. Стала совершенно очевидной необходимость усиления внимания к этимологическому критерию (разумеется, в его оптимальном для диалектного словаря сочетании с семантическим).

Изучение словарного состава брянских говоров в лексикосистемном аспекте продемонстрировало несомненную приложимость современных методик исследования лексики к диалектному материалу. Так, исследования брянских говоров подтвердили широкое действие моделей регулярной многозначности в диалектных лексических системах. При этом материал убедительно показал, что полисемия в говорах имеет более широкий характер. Это связано с отсутствием сдерживания закономерностей семантического развития кодифицированной нормой (установление этого значимого явления становится возможным именно в словаре полного типа). Вышедшие 5 выпусков словаря (более 8 тысяч слов в алфавитном отрезке А–Ж) являются реальным воплощением особенностей «усредненной» языковой личности жителя брянской деревни второй половины XX века.

Дальнейшее развитие диалектной лексикографии показало, что диалектные словари полного типа, являясь словарями-тезаурусами (в щербовском понимании), требуют от составителей огромного подвижнического труда, растянутого нередко на многие годы (такова судьба «Псковского областного словаря»). Как свидетельствует история отечественной лексикографии, словари-тезаурусы очень редко оказываются завершенными (не явился исключением и «Словарь брянских говоров», работа над которым в силу ряда объективных причин была приостановлена, однако даже не доведенный до конца, он дает достаточно полное и целостное представление о лексической системе брянских говоров). Сравнение «Словаря брянских говоров» с дифференциальным «Брянским областным словарем» [Брянский областной словарь 2011] выразительно демонстрирует принципиальное различие двух типов словарного описания лексики одного региона, связанное, прежде всего, с воплощением в словарной статье всех аспектов семантики слова, с особым вниманием к контекстуальным условиям его бытования.

Итак, дискуссия о предмете лексикографирования, иначе говоря, о том, должен ли диалектный словарь включать всю лексику диалекта или лишь ту ее часть, которая противопоставлена литературному языку, на многие годы определила два направления русской диалектной лексикографии. При этом Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, Н. П. Гринкова, В. И. Чагишева, О. Д. Кузнецова, обосновывавшие разные подходы к составлению диалектных словарей, на практике показали несостоятельность альтернативного решения вопроса. В качестве полноправных типов диалектных словарей утвердились словари и дифференциального, и недифференциального типа: каждый из них по-своему дополнял и углублял понимание специфики диалектного слова.

3. Становление системного подхода в лексикологии — путь к типологическому многообразию диалектных словарей

Следует иметь в виду, что 60-е годы были временем становления системного подхода в лексикологии, что с неизбежностью отразилось и на диалектологических исследованиях, внося новые штрихи в осмысление диалектного слова и, соответственно, в принципы диалектной лексикографии. В частности, в словарях полного типа составители стремились показать на основе всего комплекса системных отношений, в которые включается диалектное слово (даже такое, которое есть в литературном языке), что у него обязательно обнаруживаются те или иные отличия. Соединение достижений системной лексикологии и лексикографии литературного языка с диалектной лексикологией и лексикографией на многие годы определило развитие последней, особенно характерное для ленинградской/петербургской русистики. При этом практическая лексикографическая работа убеждает в сложности соотношения между основными категориями лексикологии и теорией лексикографии. Например, очень важные при обращении к диалектной речи формальные различия семантически тождественных лексических единиц (традиционно понимаемых как лексические/словообразовательные дублиеты, варианты слов, однокоренные синонимы и т. д.), потребовали серьезных уточнений лексикографического характера. Внимание к семному составу диалектного слова в исследованиях, проведенных на отдельных фрагментах словарного состава народных говоров, и нашедшее отражение в большом количестве диссертационных исследований 70–80-х годов XX века, привело к качественно новому подходу к проблеме дефиниций. Развитие диалектной лексикографии шло параллельно с развитием различных областей диалектологии и лингвистики в целом.

Параллельные достижения лексикологии и лексикографии, отказ от атомарного изучения народных говоров определили пути словарной работы, закономерно привели к осознанию того, что адекватное описание столь сложного лингвистического объекта, каким являются русские народные говоры, невозможно осуществить в одном словаре. Оно может быть достигнуто лишь в комплексе диалектных словарей разных типов. Масштабная деятельность по созданию такого комплекса словарей и определила основные направления развития русской диалектной лексикографии в конце XX — начале XXI века.

4. Роль Томской лексикографической школы в становлении типов диалектных словарей

Особая роль в становлении типологии диалектных словарей принадлежит Томской лексикографической школе [Томская лексикографическая школа 2006]. Создатель этой школы О. И. Блинова убедительно показала, как взаимодействуют два взаимосвязанных и взаимодействующих феномена — лингвистическая теория и словарь. Так, лексикологическая теория мотивации слов [Блинова 1984] легла в основу комплекса диалектных словарей, а новые словари, в свою очередь, обогащая

и развивая лингвистическую теорию, стимулировали разноаспектное описание диалектного слова в словарях различных типов [Блинова 2012].

Начав в 1946 году с многопланового описания, а позже — лексикографического представления русских старожильческих говоров Среднего Приобья, томские лексикографы последовательно осуществляют проект комплексной лексикографической параметризации двух объектов: группировки говоров и отдельного вершининского говора [Блинова, Демешкина 2012]. Завершенное лексикографическое описание говора села Вершинино в семитомном словаре полного типа объемом 34 тысячи с лишним слов и фразеологизмов имеет огромное значение и для теории лексикологии и лексикографии, и для лексикографической практики [Вершининский словарь 1998–2002]. С исчерпывающей полнотой показаны все особенности диалектного слова в их соотношении со словами литературного языка; особое внимание уделено мотивировочным признакам, определяющим внутрисловную и межсловную деривацию. В то же время этот фундаментальный труд, связанный с лексикографированием одного сибирского говора, одной микросистемы, еще раз убеждает в огромных трудностях, с которыми сталкиваются лексикографы при описании более сложных диалектных систем.

Особый аспект лексикографирования, знаменательный для лексикографии XXI века, — создание диалектного словаря языковой личности. Этот чрезвычайно важный тип словаря, с одной стороны, воплощает антропоцентризм новейшей лексикографии, особенности персонографии как одной из составляющих современной лексикографии, с другой — продолжает традиции Томской лексикографической школы. Четырехтомный словарь полного типа, описывающий лексикон жительницы с. Вершинино Веры Прокофьевны Вершининой, создавался на протяжении нескольких десятилетий силами 40 составителей, является несомненным достижением новейшей лексикографии [Иванцова 2012; Иванцова 2013; Гынгазова 2016]. Хотя попытки создания словарей диалектной личности уже были (словарь В. П. Тимофеева, впервые изданный в 1971 г. [Тимофеев, Тимофеева 2012], словарь В. Д. Лютиковой [Лютикова 2000]), новый словарь является важным достижением современной лексикографии.

5. Многообразие типов словарей на современном этапе

Отметим, что диалектные словари относятся к числу наиболее активно развивающихся типов лексикографических изданий. Так, по нашим подсчетам, за два десятилетия XXI века (по состоянию на 2019 год) было издано более 160 диалектных словарей различных типов, а в течение всего XX века — около 90. Это, безусловно, связано и с общим развитием лексикографии, ориентированной на отражение в словарной продукции всех аспектов диалектного слова, и с развитием диалектологии, и — в очень большой степени — с развитием компьютерных технологий, позволивших оперировать большими базами данных. Новые технологии позволили завершить то, что можно было отнести к «лексикографическому долгострою» (см., например, [Лукиянова 2013; Нефедова 2013; Баланчик и др. 2019]), на принципиально новом полиграфическом уровне представить достижения диалектной лексикографии. Показательна, например, судь-

ба описания говоров уральских казаков. В 1960 году был издан пятидесятистраничный словарик [Малеча 1960], а спустя 40 лет на основе картотечного собрания автора был полиграфически великолепно издан четырехтомный «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» [Малеча 2002–2003], наглядно демонстрирующий взаимодействие народных говоров, истории и фольклора.

Если на ранних этапах диалектной лексикографии основная масса диалектных словарей по способу словарного описания была представлена толковыми словарями, то в настоящее время можно говорить о наличии в русской диалектной лексикографии идеографических (тематических), фразеологических, синонимических, антонимических, омонимических, мотивационных, ассоциативных, обратных словарей и словарей образных средств. Среди особенно активно развивающихся типов диалектных словарей можно отметить фразеологические (см., например, [Алексеенко и др. 2004; Мокиенко 2001]), тематические, этнокультурологические. Многообразные диалектные словари, естественно, существуют в современном лексикографическом пространстве не изолированно. Они взаимодействуют и с однотипными аспектными словарями литературного языка, и со словарями разговорной речи и городского просторечия, с ономастическими словарями, с тематическими словарями, описывающими профессиональную лексику [Козырев, Черняк 2015].

6. Заключение

Сегодня есть основания говорить обо всем пространстве диалектных словарей и о совокупности слов в каждом диалектном словаре как о сверхтексте: «характеризуясь кроссперсональностью, словарь в то же время отражает обобщенную личность диалектоносителя с ее нравственными установками и жизненными ценностями» [Белякова 2019: 12]. Этот сверхтекст демонстрирует богатство народной речи как значимой составляющей национального языка.

Развитие диалектной лексикографии второй половины XX — начала XXI века показывает, что лексикографы в своих теоретических размышлениях и конкретной лексикографической практике шли прежде всего от определения соотношения в словарных описаниях диалектной лексики и лексики литературного языка. Формирование двух типов диалектных словарей на многие годы определило направления деятельности лексикографических коллективов. В лексикографической работе обозначились особые качества диалектного слова, проявляющиеся в неразрывной связи собственно семантических и морфологических признаков, в широкой вариантности, обусловленной словообразовательным потенциалом слова, в особой значимости мотивировочных признаков. Сформировавшееся представление о том, что весь комплекс признаков диалектного слова не может быть описан в одном типе словарей (толковых по основным характеристикам), развитие семантики, появление словарей различных типов, описывающих все языковые страты, стимулировало создание диалектных словарей различных типов. В результате в XXI веке диалектная лексикография представлена в типологическом многообразии, отражающем значимый фрагмент национальной картины мира в глубокой исторической перспективе и динамичном современном состоянии.

Литература

- Алексеевко и др. 2004 — Алексеевко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М., 2004.
- Баланчик и др. 2019 — Баланчик Н. А., Баланчик Н. С., Пушкарева И. А. Опыт лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса в начале XXI века // Вопросы лексикографии. 2019. №15. С. 83–103.
- Батожок 1999 — Батожок Н. И. Брянские говоры как самостоятельная подгруппа // Диалектная лексикология и лексикография: Брянские говоры (к 90-летию проф. В. И. Чагишевой). СПб., 1999. С. 17–25.
- Белякова 2019 — Белякова С. М. Диалектный словарь как вид сверхтекста // Вопросы лексикографии. 2019. №15. С. 5–16.
- Блинова 2012 — Блинова О. И. Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. №1. С. 6–26.
- Блинова 2012 — Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
- Блинова, Демешкина 2012 — Блинова О. И., Демешкина Т. А. Томская лексикографическая школа начала XXI в. (2002–2012 гг.) // Вопросы лексикографии. 2012. №1. С. 104–109.
- Брянский областной словарь 2011 — Брянский областной словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск, 2011.
- Будде 1905 — Будде Е. Ф. К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии? // Известия ОРЯС АН. 1905. Т. 10, кн. 4.
- Вершининский словарь — Вершининский словарь: в 7 т. / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
- Гынгазова 2016 — Гынгазова Л. Г. «Полный словарь диалектной языковой личности» как источник изучения темпоральной картины мира языковой личности сибирского старожила // Вопросы лексикографии. 2016. №1(9). С. 99–110.
- Иванцова 2013 — Иванцова Е. В. Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике // Вопросы лексикографии. 2013. №2(4). С. 5–18.
- Иванцова 2012 — Иванцова Е. В. Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопросы лексикографии. 2012. №1. С. 27–51.
- Ильенко 2004 — Ильенко С. Г. Крупным планом // Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева / авторы-составители С. Г. Ильенко, В. А. Козырев, В. Д. Черняк. СПб., 2004. С. 57–72.
- Ильенко 2003 — Ильенко С. Г. О контекстуальном компоненте толкового словаря (На материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 614–619.
- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к «Словарю русских народных говоров» / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.

- История 1998 — История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998.
- Козырев 1986 — *Козырев В. А.* Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1986. С. 3–17.
- Козырев, Черняк 2015 — *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015.
- Козырев, Черняк 2016 — *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Кто есть кто в русской лексикографии. СПб.: Своё издательство, 2016.
- Кузнецова, Сороколетов 1994 — *Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П.* Инструкция по составлению Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров. Вып. 28. СПб.: Наука, 1994. С. IV-XXXII.
- Лукьянова 2013 — *Лукьянова Н. А.* Новосибирская лексикографическая школа: история, теория, практика // Вопросы лексикографии. 2013. №2(4). С. 94–114.
- Лютикова 2000 — *Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности: [активная лексика носительницы диалекта с. Кодского Шатровского района Курганской области В. М. Петуховой] / науч. ред. М. А. Романова. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000.
- Малеча 1960 — *Малеча Н. М.* Сборник словарных статей словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск: Урал. гос. пед. ин-т, 1960.
- Малеча 2003 — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т.: [более 26 000 слов]. Т. 1–4. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.
- Мокиенко, Никитина 2001 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь псковских пословиц и поговорок: [13 000 единиц] / С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. СПб. Норинт, 2001.
- Мызников 2019 — *Мызников С. А.* Проблемы семантического описания в сводной и региональной диалектной лексикографии // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*: сборник научных статей / Гл. ред. И. Л. Копылов. Минск: Беларуская навука, 2019. Вып. 16. С. 295–299.
- Нефедова 2013 — *Нефедова Е. А.* «Архангельский областной словарь»: традиции и новаторство // Вопросы лексикографии. 2013. №2(4). С. 65–75.
- Отечественные лексикографы 2000 — Отечественные лексикографы XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000.
- Словарь брянских говоров 1976–1988 — Словарь брянских говоров / Ред. В. А. Козырев (вып. 2–5), В. И. Чагишева (вып. 1–3). Л.: ЛГПИ, 1976–1988. Вып. 1–5.
- Тимофеев, Тимофеева 2012 — *Тимофеев В. П., Тимофеева О. В.* Диалектный словарь личности: [около 11 600 слов, записанных в речи уроженки деревни Усольцевой Шатровского р-на Курганской обл.]. Изд. 3-е, доп. и испр. Шадринск: Шадрин. дом печати, 2012.
- Томская диалектологическая школа 2008 — Томская диалектологическая школа: Ист. очерк / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2006.

Филин 2008 — *Филин Ф. П.* Диалектное слово и его границы // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды: к 100-летию со дня рождения. М.: Бослен, 2008. С. 309–340.

Чагишева 1968 — *Чагишева В. И.* Брянская область в истории и лингвистике // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; Материалы и исследования по диалектологии (К изучению брянских говоров). Л., 1968. Т. 325. С. 3–9.

Vladimir Kozyrev, Valentina Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

**DIALECT LEXICOGRAPHY:
FROM THE *DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS*
TO THE TYPOLOGICAL VARIETY OF DICTIONARIES**

Abstract. The article deals with the problems of dialect lexicography development from the middle of the 20th to the beginning of the 21st century. Dialect lexicography is one of the most dynamically developing practical fields of lexicography. More than 160 dialect dictionaries of different types have been created solely in the 21st century. The history of dialect lexicography showed that in 1950–60s it was essential to distinguish two types of dictionaries—differential and non-differential (full-type). The Dictionary of Bryansk dialects gives an example of information capacity of a full-type dialect dictionary. Multidimensionality of the dialect word, connected with its semantics, derivational abilities, and importance of motivational features, made lexicographers expand the typology of dialect dictionaries, which was implemented at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries.

Keywords: dialect lexicography, typology of dialect dictionaries, full-type dictionaries, differential dictionaries, multidimensionality of the dialect word

Мария Владимировна Боброва
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

НАИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены любительские словари как потенциальный источник пополнения научных диалектных словарей. На примере пермской наивной лексикографии представлена ее типологическая, жанровая специфика, целеустановки составителей, некоторые особенности словарной статьи и подачи в ней материала. Сделан вывод о перспективности привлечения наивных словарей в научной диалектной лексикографии.

Ключевые слова: диалектология, наивная лексикография, научная лексикография, диалектный словарь, источниковая база

История Института лингвистических исследований Российской академии наук связана с реализацией идеи целой плеяды выдающихся отечественных языковедов. Значительное место в этом ряду занимают те из них, кто закладывал и развивал традиции российской лексикографии: Л. В. Щерба, А. М. Бабкин, С. Г. Бархударов, Ю. С. Сорокин, А. С. Герд и др. Здесь реализуется, в частности, имеющий мировую значимость проект по лексикографическому описанию макросистемы русских диалектов — «Словарь русских народных говоров» (СРНГ). Проект осуществляли десятки талантливых лингвистов, руководили работой Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, в настоящее время руководит С. А. Мызников. В силу естественных причин СРНГ создается на протяжении весьма длительного времени, первый и последний из опубликованных выпуски разделяет уже 56 лет. Все острее диалектологами, лексикологами, историками языка, этимологами и иными специалистами ощущается настоятельная потребность в усовершенствовании главного отечественного словаря русских говоров (вероятно, в новой его редакции) с учетом достижений в теоретической и практической лексикографии, в том числе диалектной, и в связи с новыми тенденциями, определяющими научную парадигму мышления.

В кругу центральных вопросов выделяется вопрос об источниках пополнения необходимых языковых данных, поскольку функции компендиума, каким СРНГ был задуман Ф. П. Филиным и реализовывался первыми составителями Словаря, словарь фактически уже перестал выполнять. В нем используют-

ся сведения, представленные в опубликованных и неопубликованных материалах XIX — преимущественно трех четвертей XX века. При этом даже список диалектных словарей, учитываемых составителями, в свете лексикографического бума последних десятилетий оказывается не просто неполным, а даже ограниченным. Крайне значимо обобщить и «вливать» в картотеку СРНГ материалы диссертаций, научных статей и монографий, вновь полученные экспедиционные записи и картотеки диалектной речи.

В настоящей публикации ставится вопрос о возможности обращения к образцам так называемой «наивной» лексикографии, то есть словарной продукции любителей, не имеющих специальной подготовки, с целью пополнения наших сведений о русских народных говорах.

Мы разделяем мнение Н. Д. Голева о справедливости устремлений некоторых лингвистов «утвердить право неспециалиста размышлять о специальных предметах» [Голев 2005: 177] и считаем речевые продукты обывателей, транслирующие их метаязыковые рефлексии, полноценным объектом для изучения. Этому мнению придерживаются и те лингвисты, которые уже вели исследования на таком материале, например [Березович 2003; Березович, Толстая 2019; Блинова 1984; Бондаренко 2021; Мороз 2010; Ростова 2000] и др.

Нами данная проблема будет рассмотрена на примере наивных словарей, созданных в Пермском крае (см. «Литература и источники») и уже становившихся предметом наших изысканий [Боброва 2020а; 2020б]. Всего проанализировано 12 источников. Это издания и рукописные материалы, различающиеся по объему словника (от нескольких до полутысячи страниц), по территориальному охвату (в работах, связанных с историей отдельного рода, поселения, куста деревень, района), по принципам отбора и подачи материалов (этимологические справки, словарные статьи, словоупотребления в непосредственной речи), а также с жанром работы (собственно словари; учебные рефераты школьников; сборники мемуаров; своего рода краеведческие энциклопедии-летописи — компиляции, включающие документы, фотографии, в том числе из личных архивов, статистические данные разных лет, газетные публикации, мемуары, интервью, очерки, эссе, др.). Источники сильно различаются по методологическим подходам их составителей и уровню исполнения, но в целом они далеки от выработанных академических традиций. Редко словарики оформляются как самостоятельное произведение [АЯ, ДЛЮ, СИ], чаще это конструктивный элемент краеведческого труда, имеющий целью отразить в том числе и языковую специфику описываемой местности.

Любительские словари различаются типологически.

Своеобразие подобных работ определяет уже то, что составляют такие словари энтузиасты, в редком случае с высшим образованием (библиотекари, школьные учителя), чаще же — рядовые сельские жители. Это люди, которые прибыли из других районов края и особенно остро ощущают местные языковые особенности, либо местные жители, которые испытывают сильные патриотические чувства по отношению к малой родине и стремятся «законсервировать», успеть зафиксировать местные языковые особенности. Данные особенности часто предстают в их материалах подвергнутыми динамическим изменениям в

узколокальной речи, в сравнении с речью представителей старшего поколения, но придающие особый колорит данной местности, обеспечивающие ее языковую уникальность. Как следствие, любительские словари способны заинтересовать уже тем, что отражают металингвистические рефлексии диалектоносителей в синхронической (в метаязыковом сознании приезжих) и диахронической (в метаязыковом сознании местных жителей) плоскостях.

По принципу отбора языковых фактов мы выделили следующие типы наивных словарей:

1) синхронические: а) словарики диалектных слов, употребляемых местными жителями (активно всеми или ограниченно активно — определенными половозрастными группами); б) словарики «трудных» слов, то есть актуальных диалектных слов, диалектных историзмов, диалектных архаизмов, неизвестных представителям определенных половозрастных и социальных групп;

2) исторические словарики, отражающие лексикон определенного хронологического среза. Специфичный способ встраивания информации в виде справки о семантике лексемы, обтекаемой основным текстом¹, использован авторами одного из источников только в отношении слов литературного языка и в настоящем случае неактуален. Полагаем, отраженные в указанных словарях сведения особенно значимы для диалектных словарей с историческими данными и компендиумов типа СРНГ, для которого в качестве концептуального задан принцип историзма [СРНГ 28: IV].

Выделяются образцы энциклопедические (в пермских источниках только топонимические [МРИ; МСН]) и собственно лингвистические (апеллятивные). Словарик, представленный в [БА], вероятно, следует расценивать как лексикографический продукт комбинированного типа: лингвистический с элементами экстралингвистической информации.

Концептуальной оказывается установка наивных лексикографов на коммуникативный акт, взаимодействие с нуждающимся, с их точки зрения, в просвещении, но не осознающим этого читателем. Изменения нормы предопределяют специфику интенций наивных лексикографов, для которых первостепенное значение приобретает то, что речевой опыт разных поколений начинает принципиально различаться, а в этом авторы материалов усматривают отчуждение молодежи от предшествующих поколений, от своих корней: сначала в речевом плане, а через язык (в духе гипотезы Сепира — Уорфа) — в плане культурном, патриотическом, гражданственном. Не случайно в личных беседах составители краеведческих сборников и словарей для них подчеркивают, что в качестве первоочередной своей задачи рассматривают сохранение социокультурной связи и преемственности поколений, поддержание культурной памяти. Так им видится их миссия: остановить процесс превращения «своей» молодежи в «чужаков». Ср. отрывки из вступлений к анализируемым словарикам: «В быту еще встречаются слова и целые выражения, которые характерны для всего

¹ Ср. справку: «Генеалогия — специальная историческая наука, занимается изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных семей и лиц» в разделе «Фамилия — это семья» [АЛВ, 178].

Пожинского поселения, но уже удивительны и непонятны молодежи... Родной язык — глубокий, богатый, напевный, точный» [ПРД: 74]; «Почувствовать атмосферу эпохи позволяют, конечно, прежде всего документы. Но и слова, простые слова — это тоже зеркало жизни... Что значили эти слова для наших предков? Что значат они для их потомков? В данный словарь включены слова и из повседневной жизни жителей наших деревень. Уж очень она отличалась от современной» [БА: 285].

Интенции составителей, ориентированных на специфичного адресата, обеспечивают жанровое своеобразие любительских лингвистических словариков:

а) словари-воспоминания, составляемые по памяти и отражающие уже вышедшую из употребления лексику. Нередко связаны с тоской составителя по прошлому (обычно детству), предназначены для личного пользования, выполняют меморативную функцию, существуют в рукописном виде (написаны буквально от руки);

б) списки старинных слов, включающие устаревавшую, реже устаревшую лексику. Обычно предназначены для узкой аудитории (молодежи и детей), составляются с целью поддержания преемственности поколений или в переводной функции (с «диалектного» на «общерусский», с «деревенского» на «городской», со «старого» на «новый» и т. п.) — либо для широкой аудитории, которая интересуется спецификой местного быта и языка. Могут существовать в рукописном или электронном виде, быть опубликованы в печатном издании;

в) комбинированные словари, составленные с учетом современной речи жителей и воспоминаний представителей старшего поколения;

г) «исторический» словарь [БА 285–292], нацеленный на отражение лексики определенной эпохи — периода Великой Отечественной войны. Призван сформировать у читателя определенный «образ» исторического периода («дух времени»), поддержать так называемую историческую память у подрастающего поколения.

Словарики первых трех видов могут быть ориентированы на структуру словарной статьи в толковом словаре и быть организованы по алфавитному принципу либо иметь свободно-ассоциативное строение, часто по тематическому принципу. Словари включают преимущественно диалектную лексику, почти полностью могут представлять интерес для составителей диалектных словарей.

«Исторический» словарь упорядочен по алфавиту, но отбор лексики для него осуществлен на ассоциативной основе, в соответствии с индивидуальными представлениями автора об описываемой эпохе, ср. словник¹: *айда к нам, айда-те* ('идем, идемте'), *ак чё, ак чё ино* ('как же иначе, конечно'), *алашки* ('оладьи'), *алябушка (олябушка)* ('хлеб с мякиной'), *ангина асептическая (септическая)*, *ба́бится* ('принимать роды'), *бабка* ('пожилая женщина', 'знахарка', 'укладка снопов'), *баня по-чёрному, бастрѝг* ('жердь, которой прижимают сено на возу'), *батюшка* ('обращение к свекру или тестю', 'священник'), *ба́ять* ('говорить'), *бе-гать на улице* («гулять на улице»), *божница, больно нужно* ('совсем не нужно'), *брóдни* ('плетеная из лыка обувь типа галош'), *бы́гать* ('сохнуть на морозе, на

¹ Словник приводится с купюрами. Общерусские слова даны без толкований. Авторские формулировки заключены в кавычки.

ветру'), *вероломный*, *голландка*, *ерахта* ('несговорчивая, неуживчивая женщина'), «*зайца гонять*» ('вид игры'), *заувія* ('всегда затененное место, где плохо растут растения'), *изурочить* ('сглазить'), *колóда*, *кринка*, *куликі* ('вид открытых пирожков'), *лучина*, *медунка* ('шмель'), *падера* ('буря с дождем, снегом'), *паметник*, *память*, *патриотизм*, *подвиг*, *садко* ('больно'), *страда*, *суррогат*, *суслон* ('укладка снопов'), *трудоармия*, *трудоу фронт*, *уповод* («время работы в один прием»), *уполномоченный*, *чай женить* ('заваривать чай второй раз'), *шубенки* («рукавицы из шубы (овчины)»), *щёлок*, *эвакуационный госпиталь*, *эвакогоспиталь* [БА 285–292]. Для научной лексикографической обработки требуется выборка диалектных слов из ряда предложенных.

Принципиальной оказывается установка составителей не на типическое в языке, а на их собственное лингвистическое и экстралингвистическое сознание. И проявляется это в выборе заголовочного слова, в порядке следования толкуемых лексем, в способе толкования (см. подробнее [Бондаренко 2021]). Так, вокабулой нередко оказывается не собственно начальная форма слова, а форма наиболее частотная, ср.: *толмит* — *повторяет одно и то же* [ЗК: 294]; *усморОдовал* — *нашёл что-то спрятанное*; *чул* — *слышал*; *чУю* — *слышу* [СИ]; *баскОй* — *красивый*; *бассЕе*, *бАще* — *красивее*; *евОйна* — *его (дочь)*; *еЁшная* — *её (дочь)*; *Ейный* — *её (сын)* [АЯ: 5, 9]; *вёржится* — *кажется, видится*; *захрѣсло* — *загустело, затвердело*; *не надчеюсь* — *не надеюсь* [ДЛЮ]; *уципла* — *обессилела* [МО: 75]; под. Ср. также для фразеологии: *Штей пролила* — *упала* [ПРД: 252]. Слова нередко вносятся не по алфавиту, а тематически или ассоциативно — по мере того, как слова вспоминаются составителем. Словники часто включают не только отдельные лексеммы, но и фразеологизмы, пословицы, поговорки, часто внедренные в общий список и не сопровождаемые отсылочными статьями от не первых компонентов. Автор отбирает то, что является типичным/нетипичным для его собственного речевого поведения.

Очень ярко проявляется специфика принципов дефинирования слов. В академической литературе, как известно, обычно используются пять основных типов толкования: а) синонимическое, б) описательное (описательно-гиперонимическое, дефиниционное), в) отсылочное (к более частотному варианту / инварианту и т. п.), г) отрицательное, д) комбинированное. Предпочтительны безличные и номинативные конструкции. Регламентировано использование общерусской нейтральной лексики.

«Наивные» материалы значительно разнообразнее¹. Полагаем, одна из причин этого заключается в том, что почти все авторы придерживаются принципов «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля² и не имеют представления о современных лексикографических нормах и традициях. Ни один составитель не обращался ни к словарям пермских говоров (хотя в настоящее время их опубликовано около двух десятков), ни к СРНГ.

¹ Подробнее о наивных способах и стратегиях толкования слов см., например, [Белов 2018; Бондаренко 2021; Левенталь 2014] и др.

² Ср. гордо звучащий комментарий к одному из толкуемых слов: «Наше слово, даже в словаре у Даля не нашли такого» [БА: 287].

В пермских материалах встречается, например, оригинальное синтаксическое оформление статей, в которых нарушается принцип грамматической соотносительности толкуемого слова и толкования (толкования существительного через существительное, глагола через глагол и т. д.): *гимизят* — *шевелиются, их много* [ДЛЮ]; *кушпЕль* — *неповоротливый, неуклюжий* [СИ]; *шима* — *холодная, лохматая* [МО: 74]. В определении могут смешиваться разные значения слова: *брякать* — *картавить или стучать чем-либо* [АЯ: 6]. Встречаются примеры иллюстративного дефинирования: *Необышная* — *(Ой, какая необышная все не по ней, да не по ней)* [МО]; *завозно* — *полный рот набила*; *убродно* — *снег навалил рыхлый* [МО: 75]. И наоборот, отдельным списком могут быть даны частотные высказывания, входящие в них диалектизмы истолкованы в сноске: *Я крип* тебе загну (угроза). *Шея* [ПРД: 143]. Значимы попутные стилистические комментарии составителей: *Батана* — *т. е. нога (грубое)* [СИ].

Как следствие установок и принципов авторов наивных словариков, нацеленных на отражение не языковой системы, а жизни слова в речи, словарная статья очень часто приобретает специфичный вид, слабо отличимый от живого, непосредственного высказывания. Не случайно, что иногда в «перевод с диалектного на общерусский» закрадываются новые диалектизмы, не осознаваемые наивным лексикографом как слова территориально ограниченные, общерусские слова толкуются через диалектные, авторы склонны к употреблению разговорных конструкций: *Ржануха*. *Квас из ржаной муки, нехороший, оседающий колобом* [ПРД: 78]; *Отвал* — *шабала (или пАлица) для отвала земли в сторону при вспашке*. *Пришва* — *вал, куда наматывается готовое полотно половика, рукотёра, настольника, тканины для одежды* [СК: 462, 463]. Это естественно с учетом описанной ранее концептуальной установки на взаимодействие «просвещенного» составителя с «непросвещенным» читателем, коммуникативный акт с которым должен осуществляться в простой, доступной последнему форме, в понятных ему выражениях. В итоге статьи, как правило, представляют собой полноценные цитаты из речи диалектоносителей, готовые к использованию в качестве иллюстративного материала в научном словаре.

В итоге можно констатировать специфичность наивной лексикографии в сравнении с академической. Это проявляется в концептуальных установках составителей, в жанровом и типологическом своеобразии такой продукции, при отборе слов, в принципах их подачи в словаре, в способах толкования лексики. Но именно благодаря этому конечный продукт наивных лексикографов оказывается крайне привлекательным материалом для дальнейшей разработки диалектных словарей разных типов: апеллятивных и ономастических, лексических и фразеологических, региональных и компендиумов, толковых и аспектных, в том числе мотивационных, словообразовательных, тематических и др., алфавитных и идеографических и т. д., отражающих все богатство диалектной речи в ее системных, прагматических, функциональных, генеративных, лингвокультурных и иных проявлениях. Исследованные образцы наивной лексикографии позволяют говорить о перспективности расширения за их счет источниковой базы современного научного диалектного словаря.

Литература

- АЛВ — Альняш — лебединая верность / Ред.-сост. Н. С. Вайгандт. Ижевск, 2014. 496 с.
- АЯ — От «Авось» до «Яриться»: словарь говора села Степаново, деревень Митино и Коряки Чайковского района Пермского края / Сост. Л. Е. Чудинова и др. Чайковский, 2019. 31 с.
- БА — Бормист, Альняш в тылу и на фронте / Ред.-сост. Н. С. Вайгандт, Т. И. Кокорина. Чайковский, 2019.
- Белов 2018 — *Белов В. А.* Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №4(15). С. 83–91.
- Березович 2003 — *Березович Е. Л.* Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003. Вып. 2. С. 267–277.
- Березович, Толстая 2019 — *Березович Е. Л., Толстая С. М.* Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения // *Slovene*. 2019. Vol. 8. №1. С. 486–525.
- Блинова 1984 — *Блинова О. И.* Носители диалекта — о своем диалекте (об одном из источников лексикологического исследования) // Сибирские русские говоры. Томск, 1984. С. 3–15.
- Боброва 2020а — *Боброва М. В.* Наивная лексикография: свой vs. чужой (на материалах Пермского края) // Свое-чужое: опыт культурного взаимодействия: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения — XVI», 20 ноября 2020 г., г. Усолье. Пермь, 2020. С. 5–9.
- Боброва 2020б — *Боброва М. В.* Наивная лексикография сельских жителей Пермского края (Россия) // *Gwary Dziś*. 2020. Vol. 12. С. 69–80.
- Бондаренко 2021 — *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021.
- Голев 2005 — *Голев Н. Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 172–186.
- ДЛЮ — Диалектная лексика с. Юрла Коми-Пермяцкого округа Пермского края: рукопись (копия). Составители: работники Юрлинской сельской библиотеки. Собиратели: И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток. Юрла, 2013. 233 словарные статьи.
- ЗК — *Русин В. М.* Земля куединская: история района от заселения до наших дней в рассказах. Книга 1. Пермь, 2020. 368 с.
- Левенталь 2014 — *Левенталь И. В.* Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №8. Ч. 2. С. 77–81.
- МО — Место отчее / Сост. В. А. Кудымова и др. Пермь, 2011. 124 с.
- Мороз 2010 — *Мороз А. Б.* «Старинные слова» в школьной тетрадке // Живая старина. 2010. №1. С. 19–21.

- МРИ — Малой Родины история: словарь поселений Верхней Язьвы / Сост. Т. А. Собянина, Е. А. Ванькова. Верх-Язьва, 2015. 19 с.
- МРО — Мы родом отсюда. Деревня Коряки глазами современников: документальное повествование / Ред.-сост. Л. Е. Чуданова; лит. ред. Л. В. Оглезнева. Чайковский, 2015. 236 с.
- МСН — Милые сердцу названия: Географический словарь / Сост. Н. Д. Глухова. Фоки, 2009. 23 с.
- ПРД — Гусева К. П. Поклонись родному дому. Пермь, 2008. 257 с.
- Ростова 2000 — *Ростова А. Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
- СИ — Слова, вышедшие из обихода, собранные жителем д. Искор Чердынского района: рукопись (копия). Собиратель: Г. П. Пешехонов. Собиратель: О. С. Туманова. Искор, 2009. 286 словарных статей.
- СК — Село на ключах: история села Степаново Чайковского района в документах, воспоминаниях и фотографиях. Документальное повествование в двух частях. Чайковский, 2018.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). Т. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021 (издание продолжается).

Maria Bobrova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

NAIVE LEXICOGRAPHY AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF DIALECT DICTIONARIES

Abstract. The article is dedicated to amateur dictionaries as a potential source for replenishing scientific dialect dictionaries. Based on the Permian naive lexicography, its typological, genre specificity, the goals of the compilers, features of the dictionary entry and the presentation of material are presented. The conclusion is made about the prospects of using naive dictionaries in scientific dialect lexicography.

Keywords: dialectology, naive lexicography, scientific lexicography, dialect dictionary, source base

Елена Алексеевна Нефедова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

СЕМАНТИКА ОБЩЕРУССКОГО ГЛАГОЛА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности подачи многозначных глаголов с приставкой ЗА- в полидиалектном «Архангельском областном словаре». В семантической структуре ЗА-глаголов представлены значения с вершинными смыслами ‘начало действия, процесса, состояния’ и ‘совершение действия, процесса, состояния’. Эти вершинные смыслы формируются приставкой ЗА-. Отмечено три типа многозначных ЗА-глаголов: слова, в которых приставка ЗА- переводит значения бесприставочных глаголов в совершенный вид, слова с инхоативными значениями несовершенного и совершенного вида и слова с набором разнообразных инхоативных и неинхоативных значений. В статье на примере многозначного глагола *заходѣть* рассматриваются критерии выделения словарных значений и их упорядочения в семантической структуре слова, а также дается обоснование подачи в Словаре инхоативных и неинхоативных значений глагола в рамках одной словарной статьи.

Ключевые слова: диалектный словарь, глагольное слово, семантика

Характеристика полидиалектного словаря определяется рядом параметров, к важнейшим из которых можно отнести принципы отбора материала, включаемого в словник, и степень полноты сведений о слове. Словарная статья словаря, в котором сочетаются свойства полидиалектности и системности, может отразить вариантность основных характеристик диалектного слова: территориальной, структурной на всех ее уровнях, а также этнокультурной. Полидиалектный словарь можно рассматривать как лексикографический аналог диалектного языка или его фрагмента¹. Фактически, словарная статья полидиалектного словаря — это модель-эталон с максимальной для данной территории дифференциацией семантических отношений. При условии точной документации каждого словозначения (указание на район, населенный пункт) возможно свертывание модели-эталона и выявление внутрисловных и межсловных отношений на уровне частной диалектной системы, реализуемой в говоре одного населенного пункта (см. об этом [Нефедова 2019]).

¹ Диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, варьирующих общие и различительные признаки [Аванесов 1964: 11].

В полидиалектном «Архангельском областном словаре» [АОС 1980-2021] представлено немало глаголов, обладающих сильно развитой семантической структурой. Их высокий семантический потенциал проявляется в наличии палитры разнообразных метонимических и метафорических значений, образованных как от исходных, так и производных значений и образующих с ними цепочно-радиальные структуры. Еще более усложненной оказывается семантическая структура приставочных образований глагола. Например, отношения такого рода, выявленные в рамках мофосемантического поля глаголов с корневой морфемой *верн/верт* [Нефедова 2008: 294–408], проецируются и на отдельные глаголы этого поля, такие, как *вертёт* [АОС, вып. 3: 121–122], *ввёртеть* [АОС, вып. 6–7: 130–131], *завертёт* [АОС, вып. 15: 297–301].

Последние несколько лет коллектив авторов АОС работал над составлением словарных статей на букву «З» [АОС, вып. 15–22], в настоящее время эта работа завершена, конец «З» представлен в 22-м выпуске Словаря. Словник 15–22-ого выпусков состоит преимущественно из слов с приставкой ЗА-, большая часть из них — ЗА-глаголы. Можно сказать, что практически все глаголы, как общерусские, так и собственно диалектные, пропущены через «ЗА-фильтр».

Многие из этих глаголов обнаруживают «глубокую» многозначность. Например, *забрáть*¹ [АОС, вып. 15: 159–173], *забрóдítь*¹ [АОС, вып. 15: 195–198], *загибáть* — 18 знач. [АОС, вып. 16: 19–24], *загорéться* — 13 знач. [АОС, вып. 16: 114–116]. Каждое из значений может входить в синонимические ряды, показываемые с помощью пометы «Ср.». Во всех подобных случаях составители словарной статьи оказываются перед необходимостью решения непростой задачи выделения и упорядочения значений сильно многозначных слов.

Особенности семантизации ЗА-глаголов заключаются в том, что на семантику беспривставочных глаголов, например, таких, как *бить, брать, вить, драть, есть, ёхать жить, бежáть, спать, знать, лить*, «накладывается» семантика многозначной приставки ЗА-, что создает не только модификационные, но и мутационные значения. Каждое из таких значений может служить базой для неоднократных метонимических и метафорических переосмыслений как по цепочечному, так и радиальному типу. Все это усложняет задачу структурирования значений в рамках словарной статьи.

В семантической структуре ЗА-глаголов представлены значения с вершинными смыслами ‘начало действия, процесса, состояния’ и ‘совершение действия, процесса, состояния’. Эти вершинные смыслы формируются приставкой ЗА-. Отмечено три типа многозначных ЗА-глаголов: слова, в которых приставка ЗА- переводит значения беспривставочных глаголов в совершенный вид (*знать — зазнáть, гнестí — загнестí, гнуть — загну́ть, бить — забить* и др.), слова с инхоативными значениями несовершенного и совершенного вида (*гнить — загнивáть, загни́ть, гремёт — загрёмливáть, загрёмёт, горячítься — загорячítься, гуля́ть — загуля́ть* и др.) и сильно многозначные слова с набором разнообразных инхоативных и неинхоативных значений (*завести, заговорть, заходить* и др.).

Выделение словарных значений и их упорядочение предполагают опору на объективные критерии, которые могли бы помочь за разнообразными кон-

кретными ситуациями, описываемыми глаголом, увидеть общее, показать это общее в виде адекватного толкования, а также установить соотношение значений в семантической структуре слова.

Возможные пути решения названных проблем рассматриваются далее на примере многозначного глагола *заходи́ть* [АОС, вып. 21: 126–141].

При выделении значений глагольного слова составитель прежде всего опирается на контекст, отражающий различия в обозначаемой глаголом ситуации, а также на особенности лексической или семантической сочетаемости, определяющей денотативную сферу глагольного действия, например¹:

‘Обрести способность, начать ходить самостоятельно’. Обычно после болезни. *Дэлали йей укóлы, заходи́ла тепе́ря она́. Заходи́ши да замо́жоши ку́шать, ту́т уш принесу́т. Тепе́рь уж заходи́л, бо́ле фсе́, спра́вилсе.*

‘Начать встречаться, вступить в близкие, любовные отношения с кем-н.’ *И с ни́м заходи́ла, и ходи́л ко мне́, и люби́л. Но́чью заходи́ла с каки́м-то кавале́ром, то́жо трясу́ця бы́ла.*

‘Начать осуществляться, обнаруживаться, начаться. О явлениях природы’. *Моро́с ве́дь заходи́т, мы меня́йем-то ва́ленки, фсе́ на вы́рочьку (на смену) хорошо́.*

Особенности глагольной сочетаемости, а также характер обозначаемой глаголом ситуации послужили основаниями для выделения у глагола *заходи́ть* сорока шести значений. Их объективность подтверждается наличием синонимических соответствий, в Словаре они показаны при каждом глагольном значении.

Следующая задача — представить эти значения в упорядоченном виде, выявить структуру словарной статьи. Решение этой задачи предполагает учет нескольких факторов: соотношение производящего и производного значений, различия значений в выражаемых ими способах глагольного действия (для ЗА-глаголов это различия в инхоативных и неинхоативных значениях), а также отнесенность значений к классам предикатов².

Распределение глагольных значений по семантическим классам, представленное далее, осложняется тем, что инхоативы и неинхоативы могут принадлежать к одному и тому же семантическому классу.

Обратимся к их рассмотрению.

ДВИЖЕНИЕ

Инхоативные значения:

‘Начать ходить, передвигаться’. *Ста́рая-то ста́ла, худо заходи́ла. У́тром ране́хонько вы́стал, подня́лса, заходи́л, заиска́л бахи́лы-ти.*

‘Начать передвигаться в танце, танцевать’. *Заходи́ли кадре́ль, в круг заходи́т. Фсе́ и́гры им переплесáла, так о́ни потóм с на́ми заходи́ли.*

¹ Иллюстративный материал подается в сокращении, без территориальных помет.

² Практический опыт словарной работы подтверждает мнение Ю. Д. Апресяна о том, что «иерархическая структура значений всей глагольной лексики повторяет, в самых общих чертах, структуру значений многозначного глагола» [Апресян 2006: 80].

‘Начать ходить, передвигаться каким-н. образом’. *А нóнь сáми тíхо заходили. Пять капустин посадила, да нýром заходила да (от усталости). Штó-то он тíхо заходил.*

‘Начать ходить взад-вперед в состоянии тревоги, беспокойства’. *Разбудил йевó и заходил, заходил.*

‘Прийти в движение, начать двигаться непроизвольно’. *Заходил дým по цёркви, нарóд-от заволновáлся. Гляжý — с лiця соступил (расстроился), рýки заходили красные. Заходили пузыри ф стакáне. Заходит блюдышко самó (при гадании).*

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Инхоативные значения:

‘Начать ходить, приходить куда-н. с какой-н. целью, начать посещать кого-н., что-н.’. *Заходил к нáм ф цёркву ж жóнкой. И жылá в настройéнии, и ф хóр заходила. Заходил, задавáлся: бáбушка, нельзя ли квартирáнтом пожыть. Он там заблажýл, загулял, заходил по ресторáнам.*

‘Начать ездить где-н., заезжать куда-н. О транспортных средствах’. *Потóм заходили парохóды, стáли возить. Осенью водá-то бýде, парохóды заходя, я привезу. У нáс этто спокойно пока ишио, а дорóга-то зделают на Мезéнь, пойездá-ти заходят, тогда страшно.*

‘Начать перемещаться по небосводу’. *Скóро задожджýт — буракi заходили. Морокá заходили, скóро дóж бýдет. Облакá заходили такi сéry. Наверно, дóить бýдет, тучи заходили. Опéть облачкá заходили, дóждичок бýдет.*

Неинхоативные значения:

‘Приходить куда-н, появляться где-н. с какой-н. целью’. *У нáс эттака заходил медветь ф склáт. Óдбыли да опéть заходили по вино, опéть зáбрали. Бывáт, што звéрь заходит ф стáдо.*

‘Приходить, доставляться к месту назначения’. *Ну, пóчта, — заходила рáс в недéлю — мóжэт, из-за морóза.*

‘Заходить (зайти) по пути, навещать (навестить) кого-н., навещаться (наведаться) к кому-н.’. *Тут йешио заходим, посмóтрим. Пойдём заходим к Мáрфе.*

‘Входить куда-н., в пределы чего-н’. *Закрыва́й ворóта тут, штóп он не заходил.*

‘Проходить, пройдя, размещаться где-н.’. *Ну, дава́йте, заходи́те за стóл.*

‘Идя, сворачивать куда-н.’. *Как начьнёш заходить по шосéйке, так пёрвой дóm.*

‘Пролегая в пространстве, сворачивать куда-н.’. *Дорóга идёт, заходит. Курья — опя́ть отделяэця и она́ так это заходит, залиф такóй.*

‘Перемещаясь, попадать куда-н, в пределы чего-н.’:

∞ ‘Заезжать’. *Порóк мешáт, телéга бýдэ заходить, подворóтню столкнё.*

∞ ‘Заплывать, приплывать’. *Сёмга заходит, здéсь весной ли óсенью стёрлять да нельма. Сёмга заходит, но рётко кодá. Сэйгот много лешá заходило.*

∞ ‘Заплывая, попадать куда-н., во что-н.’. *Матниця — это рыба куда заходит.*

∞ ‘Заползать’. *Цервоцьки, оні тожэ как-то заходят.*

∞ ‘Залетать’. *Тюль вісица, оні (мухи) и не заходят.*

∞ ‘Затекать, вливаться куда-н.’. *Полой — с реки заходит там (вода), потом снова в реку выходит.*

‘Попадать, проникать куда-н., достигать чего-н.’. *Везь дым в баню заходил. В рамку туды заделана была, штобы туды пыли не заходило.*

ДЕЙСТВИЯ

Инхоативные значения:

‘Начать действовать, функционировать. О частях тела, механизмах’. *Стали лампами прогревать, и нога заходила. Три дня помазала, да рука большэ заходила. Часы у меня плохо заходили, я посмазываю их, оні заходят. Стоит мотор, не стирайт, потом опять заходит.*

‘Начать шумом, стуком проявлять, обнаруживать свое присутствие’. *О, нежыть, говорит, она давно у вас жывет, да заходила, говорит. Безл. Вот ы заходило, вот ы запошчолкивало. Ой, по потолку заходило!*

‘Начать использоваться в каких-н. действиях, пойти в ход’. *А ныне драка — ножы заходили, топоры заходили. Он стукат, потом — ух, лошки заходили.*

Неинхоативные значения:

‘Подниматься, взбираться, залезать куда-н., на что-н.’. *Приступок — на печьку-ту заходить.*

‘Влезать, забираться куда-н.’. *Оні окошком заходили.*

‘Тайком пробираться, забираться куда-н.’. *Воруют, заходят куды-ле да продают — да так ы жывут.*

‘Вселяться’. *Дом-то постройил, дак порэ заходить.*

‘Вступать в какую-н. организацию’. *Стали ф партию заходить да ф комсомол.*

‘Идти в наступление, наступать’. *Нам с Марсова поля пришлось заходить на Зимний дворец.*

‘Запачкать ногами, затоптать’. *Так пол заходила. Мы заходили пол-то.*

‘Исписать’. *Целой лис заходила.*

‘Протоптать’. *Дак тебе нать центральна дорога, а кто каку тропку заходя и не йерестяца, идут, пройдут — хорошо.*

ЗАНЯТИЯ

Инхоативные значения:

‘Начать заниматься чем-н.’. *Тот вездэ ходил воровал и этот заходит, этот маловат ыщэ, бойця. Он за плугом и заходил. Я молодёхонька заходила косить.*

‘Начать работать на рыболовецком судне’. *Покойнищэк и на паракодах заходил. Миша заплывал, заходил на судах. Виталий в море заходил, дак я перейехала. Как на море заходил, сразу стахановец и был. Из армии вышэл, на судах заходил.*

‘Начать работать на рыболовецком судне в какой-н. должности’. *Сперва штурманом ходил, а потом заходил капитаном.*

ПРОЦЕССЫ

Инхоативные значения:

‘Начать бродить, киснуть. О продуктах питания’. *Литру молока и песочку ложки полторы, и дрожжэй, чтобы заходило тесто. У меня грибы чирвяками оползли, забардели, заходили — заквасила я их. Заходило вареньюто, давай зделайеш вино.*

‘Начаться, появиться, обнаружиться. О явлениях природы’. *Вихорья заходили. Солохи заходят, небо фсе откроецца. Грозá одна за друго́й заходит. Зарница не заходит боле. Морос ведь заходит, мы меняем-то валенки, фсе на вьрочьку (на смену) хорошо.*

‘Начать расширять свои пределы, распространяться’. *С осени испанка заходила, а потом зауспокаивалася. По деревне боль заходила, ходь бы довести ребенка. Голот-то и заходил. Люди стали замечать, слух по деревне заходил.*

‘Начать появляться, обнаруживаться’. *Церви в муки-то заходили. Фкомнате комары заходили. Ну-ко, загорело, пламя заходило. Заходил дым по церкви, народ-от заволновался.*

‘Начать подниматься над горизонтом’. *Да, соўнышком-то, оно повьше-то как заходит, дак ы загрийот.*

‘Начать надевать на себя, носить что-н. Об одежде’. *Заходила в одной вязанке, морос не берет. Ситник шиблы, — я ф ситники и заходила. Ты ф штанях не ходи — мне не гленеца. Фсе нарядны, фсе приглядны. А тут ф штанях заходит.*

‘Начать вести себя каким-н. образом. В сравн.’. *Приди, дак она как лиса заходит.*

‘Начать исполняться, подходить. О возрасте’. *Ией уш восьмидесятый заходит. Семой уш заходит.*

‘Подниматься над горизонтом, всходить’. *Утром ставам, только сонце заходит, а ветра-ти.*

‘Давать всходы, всходить’. *У бабушки картошка ниче не заходит. Не заходила кукуруза, вымерзала у нас.*

СОСТОЯНИЯ

Инхоативные значения:

‘Научиться ходить, начать ходить. О ребенке’. *У меня Сашка восьмий месяцей заходил. Парнек небось большо́й у сестры-то, скоро уж заходит? Он быстро заходил, и у него ноги были ухватом.*

‘Обрести способность, начать ходить самостоятельно. Обычно после болезни’. *Делали ией уколы, заходила теперя она. А я за неделю заходила бес костью. Заходит человек, только, быва, храмлет. А боженьке как помолюсе, и захожу, у меня как будто фсе розвяжэт.*

‘Начать быть, оказаться в каком-н., чаще нежелательном состоянии’. *Откинеш, да опять грязна заходиш. Опять в положэнии заходит. Памети не будет, здря захожу — што ты делат будеш. С пива-то заходиш криво (опьянеешь).*

‘Начать вести себя беспокожно. О животных и людях перед родами’. *Заходит, забыйоца коро́ва, значит на сўтках рóдит. Корóва заходит, а потóм пузырь рóдицэ, он прорвёцца, а потóм два копы́цца и голо́вушка пока́жуцца. Как заходи́ш тут к рóдам дак бо́ишся шоб на́ть не зна́ли.*

‘Начать проявляться, ощущаться. О болезненном состоянии’. *У меня што́-то бо́ли заходили. Пу́сь заходит зу́ть. Чагунцо́вы листьы прикла́дывают, штобы жа́р не заходи́л. Го́рло це́-то ко́чкят, просту́да в го́рло заходит.*

‘Возникать, обнаруживаться, овладевать кем-н. О каком-н. ощущении, состоянии’. *У нейо́ ужэ́ заходит (в голове). Ну да бывáет, заходит малéнько, у беспу́тых-то ба́бушэк. У меня́ бывáет, заходит, я могу́ пéчь через дéнь.*

‘Начать приближаться, подходить. О возрасте’. *Йей́ уш восьмидеся́тый заходит. Семóй уж заходит.*

Неинхоативные значения:

‘Охватывать болезненным состоянием’. *Но́цью йевó заходит, захватывает, как ка́шляет.*

‘Показывать время неверно, спешить’. В сочет. с *вперёд*. *Заходя́ фперёт у меня́ чясы́.*

‘Входить, вмещаться во что-н.’. *Уша́т, так трі́ ведра́ воды́ заходит.*

‘Налезать на кого-н., быть по размеру. Об одежде’. *Не заходит ко́фта, ухти́ мне. Ты́ э́ка ту́чная жэ́ншына, э́к, не заходит.*

‘Сходить, исчезать’. *Весну́шки ли рябу́шки, бо́льшэ́ весно́й, у други́х никогда́ не заходят. Боля́цьки-то не заходят на ло́кте.*

‘Быть пригодным, подходить’. *Сошы́ла да не зна́ю, на што́ заходит.*

‘Походить, быть похожим’. *Смотрі́, я на ково́ захожу́.*

ОТНОШЕНИЯ

Инхоативные значения:

‘Начать встречаться, вступить в близкие, любовные отношения с кем-н.’. *И с нím заходи́ла, и ході́л ко мне, и любі́л. Жэ́на у йогó трéтим берéменна, а он з друго́й заходи́л. А мы́ в лесу́ с ним заходи́ли, мы бо́ле го́да ході́ли. Он ийо́ бросил, заходи́л-закрути́л с тэрапéфтом.*

‘Начать ухаживать за кем-н., оказывать внимание кому-н.’. *Заходи́л, заходи́л, и сва́дбу сыгра́ли. Он при́йехал ы́ к ма́ме заходи́л, што дава́й, Никі́форовна, сойде́мся. К Камі́ле-то заходи́л, а потóм и жы́ть ста́ли. Ну, она́ при́йехала́ де́вушкой-то. Ві́тя сра́зу к ней заходи́л.*

‘Начать вступать в брак’. *Опять заходи́ла взáмуш.*

Порядок глагольных значений в словарной статье соответствует логике отношений между классами предикатов. Однако он может осложняться возможностью вхождения производящего и производного значений в разные семантические классы. Например, значение ‘начать передвигаться, ходить’ входит в класс ‘движение’, а производное от него ‘научиться ходить’ относится к классу ‘состояние’.

Опора на определенные выше критерии дает основание для выделения в семантической структуре глагола *заходѣть* двадцати одного значения с вершинной семой 'начать (начинать) осуществление' и двадцати значений с семой 'осуществить (осуществлять)'.

Словари литературного языка подают слова с неинхоативными и инхоативными значениями как омонимы. Например, в «Словаре русского языка» представлены *заходѣть*¹ 'несов. к *зайти*' и *заходѣть*² 'начать ходить' [СРЯ, т. 1: 592]. Подобное решение вопроса находим и в диалектных словарях, например, в «Псковском областном словаре» [ПОС, вып. 12: 235–237], в «Полном словаре диалектной языковой личности» [ПСДЯЛ, вып. 1: 338–339]. Однако в диалектной лексикографии имеет место и другое решение вопроса о словах с неинхоативными и инхоативными значениями. В рамках одной словарной статьи значения с такими различиями представлены, например, в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, вып. 11: 157], в «Архангельском областном словаре» [АОС, вып. 15–22].

По мнению Д. Н. Шмелева, высказанному в его монографии «Проблемы семантического анализа лексики», «разграничение полисемии и омонимии проводится не в самой речевой практике, а в лексикографических трудах». Поэтому существует необходимость «точного определения того, какие факты языка мы должны расценивать как омонимию, а какие как полисемию». [Шмелев 1973: 97]

ЗА-глаголы, различающиеся вершинными семами 'делать' и 'начать делать', обнаруживают общность семантических признаков, обозначающих характер действия, например:

(1). Значения с общей семой 'приходить':

'Начать ходить, приходить куда-н. с какой-н. целью'. *И жыла в настроѣнии, и ф хор заходѣла. Он там заблажыл, загулял, заходѣл по ресторанам.*

'Приходить куда-н, появляться где-н. с какой-н. целью'. *Одбыли да опѣть заходѣли по вино, опѣть забрали. Быват, што зверь заходѣт ф стадо.*

(2). Значения с общей семой 'ощущать':

'Начать проявляться, ощущаться. Чаще о болезненном состоянии'. *Горло цѣ-то кочькат, простуда в горло заходѣт.*

'Охватывать болезненным состоянием'. *Нощью ѡвѣ заходѣт, захватывает, как кашляет.*

(3). Значения с общей семой 'подниматься над горизонтом':

'Начать подниматься над горизонтом'. *Да, соўнышком-то, онѣ повѣшэ-то как заходѣт, дак ы загрѣют.*

'Подниматься над горизонтом, всходить'. *Утром ставам, только сонце заходѣт, а ветра-ти.*

Важно отметить, что общие для инхоативов и неинхоативов семантические признаки являются нетривиальными и занимают одно и то же место в структуре показанных выше лексических значений.¹

Кроме того, *заходѣть* и *зайти* в полисистеме диалектного языка различаются не только своими видовыми характеристиками, они представлены нетождественным набором значений, следовательно, различиями в их струк-

¹ См. об этом в [Апресян 1974: 185].

турной организации, что исключает подачу инхотатива с помощью ссылки «несов. к *зайти*». В семантической структуре глагола *заходит* представлены инхотативные словозначения как совершенного, так и несовершенного вида.

Названные особенности семантики и функционирования ЗА-глаголов определяют характер их подачи в полисистемном «Архангельском областном словаре».

Литература

- Аванесов 1964 — *Аванесов Р. И.* Введение // Русская диалектология. М., 1964.
- АОС 1980–2021 — Архангельский областной словарь. Вып. 1–9. М.: МГУ, вып. 10–22. М., 1980–2021.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Нефедова 2008 — *Нефедова Е. А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. С. 294–408
- Нефедова 2019 — *Нефедова Е. А.* О диалектном словаре академического типа. — http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Trudy-i-materialy_RLC2019.pdf.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. СПб., 1996. С. 235–237.
- ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности. Вып. 1. Томск, 2006. С. 338–339.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л., 1976.
- Шмелев 1973 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- СРЯ — Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981.

Elena Nefedova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

SEMANTICS OF THE ALL-RUSSIAN VERB IN THE SPACE OF A POLYDIALECT DICTIONARY

Abstract. The article discusses the features of presenting polysemous verbs with the prefix ZA- in the polydialect *Arkhangelsk Regional Dictionary*. In the semantic structure of the verbs, the lexical units with the vertex meanings of ‘the beginning of an action, process, state’ and ‘the commission of an action, process, state’, formed by the prefix ZA-, are presented. There are three types of polysemous verbs: words in which the prefix translates non-prepositional verbs into perfect form, words with inhoative meanings of imperfect and perfect form, and verbs with a set of various inhoative and non-associative meanings. Using the example of a strongly polysemous verb *zakhodit’* (to enter), the article examines the criteria for the allocation of dictionary meanings and their ordering in the entry, and also provides a justification for presenting inhoative and non-associative verb meanings in the Dictionary within the framework of one dictionary entry.

Keywords: dialect dictionary, verbal word, semantics

Мария Денисовна Королькова, Евгений Геннадьевич Соколов
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

«ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ...» В. П. БУРНАШЕВА КАК ИСТОЧНИК СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. На материале словаря В. П. Бурнашева, первого в России терминологического источника XIX века обобщающего типа, определяются виды специальной лексики и место в ней ремесленных терминов. Не вся входящая в двухтомный «Опыт терминологического словаря...» лексика является специальной, тем более ремесленной. Специальная лексика в словаре В. П. Бурнашева охватывает понятия, отражающие реалии сельского хозяйства, промыслов, фабричной терминологии и ремесленной лексики, а также единичные лексемы из области научного знания. Перечисленные области человеческой деятельности функционально обособлены, характерные для каждой из них профессиональные словоупотребления различны (и по объему, и по своему построению, подчиненному структуре конкретного занятия или науки), но их всех объединяет специальный характер. Преимущественный объект авторского внимания — особенности представления ремесленных терминов в рассматриваемом словаре и уточнение принципов их выделения из общего свода специальной лексики.

Ключевые слова: лексикография, терминология, специальная лексика, ремесленная лексика, историческая лексикология

Основой для выделения различных групп лексики и создания специальных терминологических словарей является идея системности лексического состава языка. На закономерности семантических связей между языковыми единицами отечественные языковеды обратили внимание еще в середине XIX века. Так, А. А. Потебня отмечал закономерные связи между сравниваемыми словами на основе представлений, которые он определял как «признак, посредством коего слово выражает содержание мысли» [Потебня 1864: 1]. И позже, подчеркивая, что *знак* «важен для нас не сам по себе, а потому, что будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли» [Потебня 1874: 6], он отмечал: «...ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее у каждого различно по качеству и количеству элементов, — *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при по-

средстве народного понимания, то есть языка и средств, создание коих условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» [Потебня 1874: 9–12]. Приведенное наблюдение Потебни, на наш взгляд, вполне отображает природу системной организации лексических множеств и точку сопряжения между общеупотребительной и специальной или терминологической лексикой.

Само понятие *системности* применительно к лексике в русской лингвистической литературе появляется в историко-семасиологических исследованиях М. М. Покровского, обращающего внимание на «сходные явления в истории значения слов, принадлежащих к различным сферам представлений» [Покровский 1895: 4–5], из чего следует его вывод о необходимости описания лексики как системы взаимосвязанных элементов. Благодаря работам А. А. Потебни [Потебня 1864, 1874], М. М. Покровского [Покровский 1895], Л. В. Щербы [Щерба 1940], В. В. Виноградова [Виноградов 1977] и многих других отечественных лингвистов разрабатывается понятие лексико-семантической системы.

С начала развития лексикографии в России появляются тематические словники, указатели и лексиконы, посвященные отдельным видам занятий в различных областях профессиональной и научной деятельности: «Книга, учащая морского плавания...» Ильи Копиевского (1701) [Вомперский 1986: 10], «Перевод господина архитектура Фонтана обретающихся во архитектурной книге италийских речений на словенское речение» (1709) [Вомперский 1986: 12–13], «Термины, употребляемые в фортификации, где изъяснены на российском языке и по алфавиту поставлены» (1724) [Вомперский 1986: 18] и т. д. Практически в каждом толковом и энциклопедическом словаре русского языка неизбежно встречаются ремесленные и прочие термины. Однако, как обнаруживают их исследования [Замкова 1977, 1980; Королькова 2020], специальная терминология несистемно фиксируется в лексикографических источниках. Для словарного описания такого рода лексики — «народно-субъективной», если принять приведенное выше определение А. А. Потебни, — необходим подробный и последовательный историко-лексикологический анализ.

В классификации В. В. Замковой предпринимается попытка распределить единицы специальной лексики по пяти обобщенным разрядам: 1) научная; 2) промышленно-хозяйственная, куда наравне с торговой, финансовой и производственной входит и ремесленная лексика; 3) сельскохозяйственная, в которую входит и промысловая; 4) бытовая; 5) культовая лексика [Замкова 1977: 86–87]. К сожалению, повторить деление по схеме В. В. Замковой на новом материале представляется невозможным из-за отсутствия в ее статье эксплицитных критериев выделения этих групп. Специальная лексика, зафиксированная в «Опыте...», может быть распределена практически по всем пунктам классификации В. В. Замковой, за исключением культовой и (в большинстве случаев) научной.

Е. Н. Толикина, исследуя лексику прядения и ткачества в словаре В. П. Бурнашева, опирается на следующее определение: «В словарном составе языка всех исторических эпох значительное место занимает специальная тер-

минология, которая представляет собою совокупность терминологических систем различных отраслей производства и знания, присущих данному этапу развития общества» [Толикина 1954: 1].

Необходимо уточнить, что одной из задач статьи является различение видов специальной лексики на основе значимых понятийных противопоставлений и выделение ремесленной лексики как убедительного примера специальной. В определении специальной лексики мы учитываем труды Р. И. Аванесова [Аванесов 1949], В. В. Замковой [Замкова 1977, 1980], Т. С. Коготковой [Коготкова 1971] в рамках работы с диалектной лексикой. Отдельную область специальной терминологии — производственно-профессиональную лексику в ее соотношении с терминологической лексикой литературного языка — в своей работе характеризует Т. С. Коготкова. Для обозначения производственной лексики, рассматриваемой Т. С. Коготковой в ее соотношении с терминологической лексикой литературного языка, вслед за Р. И. Аванесовым используются эквивалентные наименования «диалектный термин», «местный термин» и «термин диалекта»¹. Под ними подразумеваются «те диалектные слова с производственным содержанием, которые в каждой отдельно взятой местности связаны с хорошо развитым промыслом или производством, а с языковой точки зрения слова, логически соотносимые в одном лексико-семантическом ряду» [Коготкова 1971: 4]. То есть под «диалектными словами с производственным содержанием» в цитируемой статье понимается совокупность сельскохозяйственной, ремесленной и промысловой терминологии русских говоров. Эти обширные лексические множества формировались в разных условиях целенаправленной деятельности земледельцев, охотников, рыболовов и ремесленников, отражая, к тому же, разные системные связи в литературном (общеупотребительном или «народном», в смысле А. А. Потебни) языке.

О. Н. Трубачев, описывая лексику ремесел, особо комментирует использование слова *термин* по отношению к соответствующим формам: «Употребляя в этой работе большое число раз слова терминология, термин, мы чувствуем необходимость оговориться, что пользование этими словами продиктовано здесь в значительной мере соображениями удобства, а не какими-то принципиальными установками. Дело в том, что строгость и однозначность употребления в языке названий такого рода, обозначаемых нами как термины, обычно не превышает средние величины этих показателей для прочих компонентов словаря и не составляет, по-видимому, той обязательной характеристики, которая должна отличать термин от слова вообще» [Трубачев 1966: 62]. Возможно, автор, который не мог не знать толкования слова, данного В. И. Далем²: пытался в данном случае отстраниться от более традиционного понимания *термина*, восходящего к риторике и связывающего этот термин с «идеями» в смысле отрефлекси-

¹ Ср.: «Совокупность диалектных слов какой-либо отрасли местного производства мы называем производственно-профессиональной лексикой, хотя иногда, в качестве контекстных синонимов мы применяем термины „диалектная терминология“, „терминологическая лексика говора“» [Коготкова 1971: 4].

² «Термин м. лат. выражение, слово, речение, название вещи или приема, условное выражение. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названия» [Даль, 4: s.v.].

ванных понятий, ср. [Булахов 4: 104–195]. Показательно в этом отношении примечание А. А. Реформатского к статье «Терминология, номенклатура» в переведенном с французского словаре лингвистических терминов [Марузо 1960: 309, примеч. 1]: «В советской лексикологии различают **термины** (выражение основных понятий данной науки) и номенклатуру (названия типичных объектов данной области знания)». Остается констатировать, что словоупотребления О. Н. Трубачева в цитируемой книге впоследствии сделали излишними какие-либо оговорки при использовании сочетаний «ремесленная терминология», «термины ремесел» и т. п.

Виктор Петрович Бурнашев (1810–1888), принадлежавший к старинному дворянскому роду и к 1870-м годам впавший в нищету, известен как разносторонний литератор с далеко не однозначной репутацией [Лепехин 1989]. Ему принадлежат юмористические очерки, рецензии, переводы, мемуары, очерки о народных промыслах и сельском хозяйстве (в том числе под псевдонимом В. Бурьянов), детские книжки и шесть лубочных изданий (под псевдонимом Б. Волжин)¹. Неуживчивый характер Бурнашева отразился на его служебной карьере. С 1818 года он служил канцеляристом в Департаменте мануфактур, в 1828–1836 годах — в Департаменте внешней торговли (с 1831 года как помощник столоначальника), в 1836–1839 годах Бурнашев был правителем дел в Провиантском департаменте Военного министерства, в 1839–1843 годах — помощником директора Удельного земледельческого училища. Потом (1843–1849) служил в Министерстве государственных имуществ, в Канцелярии обер-прокурора Синода и в Министерстве внутренних дел. С 1849 года В. П. Бурнашев, уйдя в отставку, жил исключительно на гонорары, заметно превышавшие его жалованье. В 1864 году, оказавшись в нужде, он вновь поступил на службу и был до 1867 года председателем мирового съезда по крестьянским делам.

В 1829 году Н. И. Греч поручил Бурнашеву «откапывание русской гениальности, особенно по части мастерства и художеств», что дало ему материал для нескольких очерков под названием «Отечественная промышленность», «которые подняли тираж „Северной пчелы” и получили одобрительные отзывы Николая I» [Лепехин 1989: 371]. Упоминаются также его: «...многочисленные пособия и статьи на сельскохозяйственные темы, учебники по домоводству („Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки...”. Ч. 1–4. СПб., 1842), руководства по кожевенному, войлочному, гребенному и роговому производствам, словари и энциклопедии...» [Лепехин 1989: 371]. Об «Опыте...» сообщается: «...высоко оценен В. И. Далем; др. отзывы — ОЗ (= Отечественные записки) 1843, №12; 1844 №4; «Совр[еменник]» 1844. Т. 33; П. А. Плетнев — ЛГ (= Литературная газета)» [Лепехин 1989: 371].

Однако в рецензии на 2-е издание книги «Наставник русской грамоте, или Руководство к обучению малолетних детей, в самом скором времени, чтению правильному и свободному» (1845), выпущенной анонимно, В. Г. Белинский, бывший в 1830-х годах снисходительным к детским публикациям Бурнашева,

¹И. Ф. Масанов приводит четыре десятка псевдонимов В. П. Бурнашева (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 1–4.)

иронически оценивает его труды: «Кто же сочинитель этой нелепости? На заглавном листке не выставлено его имени, под предисловием подписано: *сочинительно*, взглянув нечаянно на обертку, мы прочли следующие строки: „Изданные мною книги можно получать” и пр. Какие же это книги? — А вот какие <...> Сочинитель „Наставника русской грамоте” — не кто иной, стало быть, как известный в Петербурге составитель разных книг и изданий, г. Бурнашев (он же и г. Бурьянов), — тот самый г. Бурнашев, который <...> издал „Терминологический словарь по части сельского хозяйства, ремесл и пр.”; издал „Руководство к роговому изделию”, из которого нельзя научиться никакому изделию, и, наконец, издает „Воскресные посиделки для *доброто народа русского*”¹, в которых нет грамотности... Напрасно г. Бурнашев не выставил своего имени на заглавном листке „Наставника русской грамоте”: тогда мы не стали бы много тратить слов об этой книжонке...» (Отечественные записки. 1845. Т. 38. №2. Отд. VI: 61–63) [Белинский 1955: 600–601]. Н. С. Лесков, отозвавшийся на смерть Бурнашева статьей «Первенец богемы в России», дал ему нелестную оценку: «...литература для него не была искусством и служением исповедуемой истине или идее, а у него она была средством для заработка, и только. За это он и претерпел горькую участь...» [Лесков 1888: 562–564]. Тем не менее, В. П. Бурнашеву принадлежит заслуга составления первого сводного терминологического словаря русского «народного языка», где наряду с возможными компиляциями (в частности из первого академического словаря русского языка) представлены и сведения, явно выявленные автором (с указанием имен и публикаций, из которых взяты термины).

«Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (1843–1844, Т. 1–2) В. П. Бурнашева, по указанию автора, содержит 25 тысяч словарных статей и служит для устранения затруднения, которое он сам, «в практических сношениях с народом, испытал тогда, когда, по обстоятельствам службы, принужден был иметь дело с земледельцами, ремесленниками и промышленниками разного рода» [1: I]².

Тематически «Опыт...» ограничен лексикой сельского хозяйства, производства, терминологиями ремесел, промыслов, а также лексикой быта русского народа. Как указывает автор, «Опыт...» основной своей целью имеет практическое применение — пояснение слов, не знакомых человеку, далекому от определенных сфер деятельности. Среди частных особенностей словаря можно указать типичное для XIX века отсутствие унификации словарных статей, и, в некоторых случаях, свободный стиль толкования, как при описании второго значения в примере ниже: «**Вышка**. 1) Термин строителей русских и плотников, означающий род светелки или мансарды в уровень с чердаком. 2) Еще вышка означает помост на кровле в Астрахани и Гурьеве для спанья под пологом от комаров» [1: 128].

Необходимо отметить, что не вся приведенная Бурнашевым лексика является специальной. В «Опыте...», наряду с сельскохозяйственной и фабричной

¹ Белинский приводит названия сочинений Бурнашева по памяти.

² Здесь и далее в тексте при цитировании данного источника в квадратных скобках указываются только том и страницы.

лексикой, а также терминами ремесел и промыслов, встречается также лексика искусства и научная терминология. В. П. Бурнашев поместил в словарь также некоторые наименования растений, животных, элементов ландшафта, бытовую и культурную лексику.

Лексика сельского хозяйства является одним из значимых видов специальной лексики, представленной в «Опыте...». Сельское хозяйство — «отрасль хозяйства страны, производящая сельскохозяйственную продукцию. Включает растениеводство и животноводство; обеспечивает потребности в большинстве продуктов питания и в сырье для текстильной, обувной, парфюмерной, пищевой промышленности» [Борисов 1999: 677]. Ниже приводятся отдельные примеры сельскохозяйственной лексики, которая широко представлена в словаре В. П. Бурнашева. Она сгруппирована нами по видам деятельности. Мы полностью воспроизводим авторские дефиниции, видоизменив лишь орфографию.

Лексика полеводства. *Осёл* — 2) Непаханое поле [2: 24]. *Рабатки*. Это особенного рода гряды, которые обводятся около участков и служат им границами около главных дорог [2: 159]. *Зябь*. 1) Пашня осенняя; зябь бывает лучше, когда, как говорится, плуг идет за серпом. Если жниво высоко, то должно сперва укатать катком, и пахать так, чтобы чисто завалить сырое жниво, дабы оно перепрело и сообщило земле удобрение. 2) Пашенная земля в паровом поле, которая, бывши приготовлена под посев озимого хлеба, почему-либо оставлена незасеянною до будущего года. (Это значение от В. Е. Круковского) [1: 249]. *Посев под борону*, т. е. когда сеют по вспаханной уже земле и семена только заборанивают. Приличен этот способ для земель тяжелых и вязких, в которых зерно требует непосредственного соприкосновения с атмосферным воздухом, лишь бы не было оно совсем наверху [2: 121]. *Подзем* или *Подпочва* низкий слой земли, следующий за почвою. Для узнания подзема необходим земляной бур [2: 86]. *Ремень*. <...>. 2) Борозда, проводимая резцом или сохою [2: 171]. *Градиль* или *вал*. Это одна из частей плуга, и именно деревянная; это как бы руль его [1: 157]. *Прямуша*. В некоторых местах Костромской губернии так называется обыкновенная соха, в отличие от той, которая известна там под названием кривуши [2: 148]. *Горбуша*. 2) Азиатская коса, употребляемая в Сибири для кошения густых и высоких трав в местах кочковатых и лесистых [1: 151]. *Трояшки*. Вилы о трех рогах [2: 291]. *Упруг*. Пахарь с упряжкою в Малороссии и в некоторых смежных губерниях [2: 306]. *Овершьё*. Верхний слой сена в стоге, которое обыкновенно не так хорошо бывает, как внутреннее [2: 9]. *Зáколина*. В северных губерниях, а в особенности в Архангельской, это род сенного стога, имеющего в ширину фута 4, а в вышину от 6 до 10 футов. <...> Неудобный способ сохранения сена. [1: 221]. *Ярус*. 5) То же, что и бахча, где сажают арбузы, дыни, огурцы и проч. [2: 376].

Лексика животноводства. *Атара*. (совр.: *отара*. — М. К., Е. С.) Место, в Новороссии, куда собраны овцы и куда пускают барана, чтоб покрыть их. (От Г. Похвиснева.) — Атарою в других местах называется стадо овец [1: 16]. *Выгон*. 1) Понуждение скота идти в поле или на водопой. «Выгон стада». [1: 149]. *Козачок*. Молодой самец свиной; молоденькой хряк, еще не покрывавший свины [1: 294–295]. *Лоншак*. 2) Прошлогодний теленок по другому году. Название сибирское [1:

365]. **Плюсна.** <...> 2) То же, что копыта у рогатой скотины [2: 77]. **Ки́ла** (Hernia). Болезнь у животных, в животе бывающая, когда части кишек, от разрыва или ослабления внутренней кожи, брюхо покрывающей, из своего места выходят и составляют болону [1: 277]. **Литония.** Третий желудок в утробе животного, соединяющейся узким отверстием со вторым. Иначе называется еще переберихою и книжкой [1: 360]. **Особняк.** 1) Пасущаяся скотина каждого крестьянина особо, а не вместе [2: 21]. **Паскотинá.** В Урале и в Сибири есть, так сказать, выгон для скота, всегда огороженный плетнем, в защиту от зверей и чтоб скот не уходил в леса. (От А. И. Шмакова). [2: 47]. **Привязло́.** В С.-Петербургской и смежных губерниях так называют повод, которым привязывают коров [2: 131].

Птицеводческая лексика. Борода. 1) Так у кур и некоторых других домашних птиц называются две небольшие мясистые части, под клювом висящие [1: 50]. **Гусарь.** Пастух гусей [1: 166]. **Косы.** Изогнутые в хвосте перья, наподобие серпа, у петуха и других птиц [1: 322]. **Плодо-корм.** В лесном отношении есть запас дубовых желудей и буковых орехов, употребляемый для откармливания свиней и другого скота [2: 73]. **Подкладень.** 1) Яйцо, подкладываемое в гнездо кур [2: 86]. **Шипуны.** Особенного рода утки, которые иначе называются китайскими; они несравненно крупнее простых домашних уток. Склад и перья их отличны, около носа имеют мясистые бородавки, как у индейских петухов, и голоса не имеют, а только шипят, отчего и получили название. Плохи в носке яиц и в высиживании оных [2: 353].

Промысловая лексика — другой вид специальной терминологии, зафиксированной В. П. Бурнашевым. К ней относятся охотничья, рыболовная, бортническая и пчеловодческая и другие лексические группы. Отличием понятия «промысел» от «ремесла» является компонент (семема) «добыча чего-либо из природных ресурсов», то есть связь с присваивающим хозяйством (охотой и собирательством), тогда как ремесло предполагает создание каких-либо готовых изделий путем ручного производства при помощи простых орудий труда» [БСЭ, т. 22: 5].

Лексика охоты. Березовая дичь. Охотники понимают под этим словом собственно только полевых тетеревей; впрочем иногда называют также и других птиц, водящихся в березнике [1: 41]. **Дробница.** Мешок или сосуд с трубкою или горлышком, в каких охотники дробь с собою носят. Дробница сафьянная, жестяная, деревянная [1: 189]. **Заправщики** — те охотные служители, кои от концов тенет, по обе стороны, составляют заставу, чтобы волки не могли убежать в стороны, мимо тенет. Они вооружены ружьями и имеют при себе собак, пользуясь правом застрелить или затравить волка, бегущего от тенет [1: 229]. **Зацепы.** 2) Лапы у собак. Термин охотничий. [1: 237]. **Травяная рана** — у охотников называется та, которая попадает зверю прямо в брюхо. Тогда кровь не потечет, потому что рану заткнет кишками [2: 287].

Лексика рыболовства. Городьба. Особенный способ рыболовства. Городьба делается на воде во всю реку, поперек ее, таким образом: вколачивают колья, кои укрепляют поперечными шестами, а для большей крепости чрез четыре кола ставят в них упорки против течения воды. С самого дна реки до поверхности воды колья переплетают широкими лыками или привязывают нарочно сделанные рогожи, оставляя одно место посредине городьбы порожним, в

которое опускается сеть, сделанная рукавом, в которую рыба попадает, идучи против воды [1: 154–155]. **Ерыга.** Большая сеть, которою на Урале ловят красную рыбу [1: 201]. **Учуг.** Перебойка, перегородка чрез реку, с ловушками, для ловления рыбы [2: 309]. **Чижик.** В Астрахани так называют рыболовы деревянный крючок, который служит у рыболовной сети (sic!) [2: 311].

Лексика пчеловодства. **Безматок.** Безматочный рой пчел. Безматочностию называется то, когда пчелы в улье по какому-нибудь случаю остались без матки [1: 38]. **Бучание.** Шум, производимый пчелами. Пчела бучит — значит шумит. [1: 66]. **Высушить примок (в пчелов.)** Позволить пчелам выбрать из улья весь мед, натекий на стены при подрезке и оставшийся в разрезанных ячейках, так, однако же, чтобы запечатанные или крытые ячейки не были тронуты. Для этого улей опрокидывается [1: 126]. **Маточник.** 1) Гнездо, в котором сначала держат новоотстроившуюся пчелиную матку, чтобы не могла вылететь из улья [1: 386]. **Подкоп.** Так в западной России называется яма, вырытая под бортом, чтоб дать пчелам большее помещение [2: 87]. **Соты придувать.** Изречение простых пчеловодов и обозначает начальное построение пчелами вошин, или самые первые основания построения пчелиного заноса. (От Г. Прокоповича.) [2: 232] Сыта. 1) Пчелиная пища, подробно описанная Г. Прокоповичем, нашим знаменитым пчеловодом, во 2-м № Землед. Журн., за 1835 год. [2: 307].

Фабрика, согласно определению Большой советской энциклопедии, — это «форма крупного машинного промышленного производства» [БСЭ, т. 27: 175]. Словарь Бурнашева был издан в годы расцвета промышленности, в том числе и в России: первая отечественная фабрика, Александровская мануфактура, была основана в 1799 году [БСЭ, т. 27: 175]. Неудивительно, что терминология механизированного производства также нашла отражение в рассматриваемой работе. Сам составитель в особом списке «Фабричное дело» [1: 485; 2: 412] относит к **фабричной терминологии** понятия наподобие следующих: **Механик.** Так в московских фабриках называется тот мальчишка, который дует мехом на кузнице, при фабрике имеющейся. (От В. И. Даля) [1: 395–396]. **Полумасса.** Так называется тот нечистый и грубый кисель, в который превращается прежде всего тряпье, употребляемое для бумагоделания. Это первый род превращения тряпья в бумагу. Хороший кисель есть масса [2: 109–110]. **Полупарье** — в латунном производстве есть название листов, получивших первоначальное расширение поодиночке и снова пробиваемых в таком состоянии уже по несколько вдруг. [2: 110]. **Кардная машина.** Так как грубочесальная и тонкочесальная машина покрыты кардами, то их называют вообще кардными машинами в сукноделии [1: 269].

Здесь следует остановиться на различии между фабричным, артельным и ремесленным способами производства. Как упоминалось выше, фабричное производство основано на механизации и разделении труда. Исторически оно связано с первой промышленной революцией и становлением капитализма. Несмотря на то что не все понятия, относимые Бурнашевым к фабричным, подразумевают механизацию, они в любом случае связаны с разделением труда (см. выше слово **механик**, означающее конкретную должность с узкими обязанностями).

Артельное производство, напротив, связано с понятием *артели* — «добровольного, часто временного объединения людей с производственными целями». В «Большой советской энциклопедии» выделяются так называемые бытовые артели — сезонные и временные объединения плотников, лесорубов, при этом для артелей характерна необязательность обобществления труда их участников, но нередким является совместное владение средствами производства (при минимальной или отсутствующей механизации) [БСЭ, т. 2: 259]. Сам Бурнашев определяет *артель* как «...общество нескольких человек низкого состояния, соединившихся для производства одинакового промысла, работы и ремесла» [1: 12], что также подтверждается тем, что в качестве синонима этому слову он приводит лексему *ватага* [1: 79].

Ремесленное же производство характеризуется (1) ручным характером труда, (2) большой индивидуальностью, ролью личности ремесленника, (3) получением в результате конкретного артефакта (рукотворного изделия) и дохода за него, (4) регулярностью работы, (5) изустной передачей знания и индивидуальным обучением навыкам (в случае традиционных ремесел). Исторически ремесло предшествует фабричному производству (через форму мануфактуры), но продолжает ограниченно существовать во многих сферах и после промышленного переворота [БСЭ, т. 22: 5]. Общего списка понятий, относящихся к ремеслу, Бурнашев не дает, но рассматривает каждое отдельно.

Ремесленная лексика составляет около 2 000 единиц в обоих томах (при заявленном автором общем объеме 25 тысяч слов). Названия отдельных представленных ремесел перечислены во вступительной статье к словарю. Ниже представлены отдельные примеры из выделенных семантических групп.

Наименование деятеля. Бондарь. Ремесленник, делающий бочки и всякую другую деревянную посуду: ушаты, ведра, лохани и проч. [1: 49]. **Валяльщик.** 1) Мастер, приготовляющий валяные изделия. 2) В бумагоделательном производстве тот работник, который стоит возле войлоков. Он берет подвинутую к нему форму, опрокидывает ее на войлок, и покрывает выложенный лист другим войлоком [1: 76]. **Весляр.** Весельный мастер [1: 88]. **Волготёпы.** Те работники, которые бьют шерсть [1: 105]. **Восколей.** Тот мастер или работник, который занимается литьем воска для разных произведений [1: 114].

Общее наименование деятельности. Вапление. Окрашивание, обеление чего-то. [1: 77]. **Ворсованье** сукон и шерстяных материй, вообще и состоит в том, что на одной стороне ткани, которая назначается для лица, вытягивают только кончики волокон, сжатых валянием так, что большая часть длины их остается в соединении с основной ткани, и потом направляют эти концы в одну сторону. Неровные концы волокон уравнивают стрижкою, и тогда клетчатая ткань материи, покрытая волокнами, образует совершенно ровную и гладкую поверхность. В этом правильном расположении всех волокон и в ровности их состоит главное достоинство отделки сукон; потому лучшие сорта стригут и ворсят несколько раз. Для ворсованья употребляют ворсильни или ворсовальные машины [1: 112]. **Ковырять лапти.** То есть, плести лапти [1: 293].

Названия конкретных действий, совершаемых при создании изделия. *Берестить*. Обвивать берестою [1: 42]. *Брать лён* значит выдергивать лен [1: 56]. *Брать посконь* т. е. выдергивать лен с корнем [1: 56]. *В ёлку* выстилать кирпичем — значит, что один кирпич к другому кладется всегда под прямым углом, и делают это при выстилке полов кирпичом на ребро [1: 116]. *В лапу (рубить)*. Термин плотничий. Это один из лучших способов рубки углов в строениях, что делается следующим образом: концы двух бревен, долженствующих составить угол, стесываются с двух противных сторон; потом у одного из них третья часть округлости срубается наискось сверху, а у другого бревна наискось же снизу на расстоянии полуаршина; скосив концы обоих бревен, в одном из них сделать шип, а в другом, на том месте, где по накладе верхнего бревна на нижнее придется шип, выдалбливается гнездо. Наложив удобно бревна одно на другое, получится угол, срубленный в лапу [1: 116].

Наименование изделия. *Баркан*. 2) Шерстяная материя, похожая на камлот [1: 33]. *Берестенник*. Род обуви из бересты, употребляемый бедными русскими крестьянами за неимением лаптей; она чаще делается из одного куска мягкой и плотной бересты, который, огибая плюсну, закрывает ее со всех сторон и привязывается к ноге лыками; другого сорта, берестни плетутся как лапти из узеньких, около полудюйма шириною, берестовых тесемок, и такие вообще ничем не хуже обыкновенных лаптей [1: 41]. *Бредовики*. Это такие лапти, которые сделаны из ивовой коры [1: 56–57].

Наименования частей изделия. *Баланс*. Если строение закладывается для рубки в зимнее время, на стульях, то бревно, на них надолбленное, называют балансом. На нем уже закладывают первый венец сруба [1: 27]. *Венец*. 2) В деревянном строении: каждый ряд бревен вокруг, составляющих высоту стен, или сруба. «Поднять дом на два, на три венца». 9) См. Кряж в 6-м значении [1: 129]. *Голенище*. Часть сапога, пришиваемая к головам или к переду ононого, прикрывающая голени. [1: 147].

Наименование материала, из которого выполняется изделие. *Аршинник*. Луб, который хотя сколько-нибудь бывает поуже 5 четвертей [1: 15]. *Бахтарма*. Мясистые волокна на коже животных, со стороны, обращенной к мясу. «Сдирать бухтарму подходкою» [1: 66]. *Безыменка*. Доска несколько потолще шелевки (См. это слово.) [1: 39]. *Белые мостовые кожи*. Кожи эти не подвергаются крашению и суть, так сказать, брак, имеющий какую-нибудь порчу, в лице кожи, или чрезмерную толщину, а потому и употребляются по большей части для стелек и закоблучьев и т. под. [1: 70–71]. *Веснина*. Весенняя стрижка овец. «Снимать Веснину» значит весной производить весеннюю стрижку [1: 88]. *Веснодельный лес*. Тот лес, который бывает срублен весною и через лето высох [1: 88].

Наименования инструментов и подручных материалов, используемых при создании изделия. *Баба*. 2) Столбик, на котором утверждены бруски вороба [1: 18]. *Балда*. Кузнечный большой молот [1: 28]. *Бойка*. Шерстобитный инструмент для битья по струне лучка, состоящий из деревянного бруска с выдолбленной в нем продолговатую дырою для держания, и с зарубкой в противоположной стороне, которою во время битья задевают за тетиву лучка [1: 48]. *Варница*. 2) У сапожников согнутый лоскут кожи, в середину коего положен

кусок вару. Употребляется для наваривания дратвы [1: 78]. **Вертло.** Орудие железное, коим провертывают скважины, дыры; бурав, напарье [1: 85]. **Веслярня.** Место, где делают весла [1: 88]. **Гладилка.** 4) У сапожников: палка, которою они наводят лоск на подошвах и каблуках, также на смазных сапогах [1: 142–143]. **Гнёток.** Употребляется для гнутья обручей. Он делается кривой, и на искривленном конце его продалбливается дыра, в которую вкладывается обруч, от чего он гнется и делается мягким и способным к работе [1: 145]. **Лоцило.** Орудие, служащее к лощению чего; гладило «Лоцило стеклянное» [1: 367].

Как показывает проведенный анализ, в «Опыте...» превалирует лексика кустарной промышленности, а не производства, и этот вывод подтверждается наблюдением Е. Н. Толикиной: «Знакомство с группой терминов, представленной „Опытом терминологического словаря” В. Бурнашева, позволяет заключить, что автора интересовала главным образом терминология прядения и ткачества в простейшем его виде. Об этом свидетельствует круг слов, обозначающих продукты производства и части ткацкого стана. Однако встречаются одиночные термины, отражающие современные автору усовершенствования в данной отрасли производства» [Толикина 1954: 45].

Выводы. На основании проведенного анализа были определены основные виды специальной лексики, зафиксированные в словаре В. П. Бурнашева.

Применительно к специальной лексике (сельскохозяйственной, промышленной, фабричной и ремесленной) автор «Опыта...» достаточно последовательно отбирает материал, практически не включая иные единицы и не привлекая ряд смежных сфер (экономическую или химическую терминологию), и его опыт показывает неоднородность специальной лексики и очерчивает более общую тематическую отнесенность.

Научная терминология встречается в словаре лишь в связи с сельским хозяйством: **Агрономия.** Наука земледелия, заключающая в себе лучшие правила производства полевых работ, извлеченные из точных опытов и наблюдений. Под словом земледелие разумеется и теория и особенно практика. Агрономией же в тесном смысле называется преимущественно теоретическая часть ононого. Земледелие есть искусство, агрономия наука; первое следует предписанным правилам, последняя дает их. (Энци. Лекс.). **Агроном.** Ученый, имеющий основательные сведения в земледелии и преимущественно занимающийся теоретическими выводами; преподающий правила науки земледелия или сам глубоко изучивший их. Название агронома дается особенно писателям по части сельского хозяйства. Известнейшие агрономы нашего времени суть: Домбаль, Синклер, Тэер, Крюд и некоторые другие. (Энци. Лекс.) [1: 116].

Литература

- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949.
Ахманова 1957 — Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии М.: Учпедгиз, 1957.

- Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Статьи и рецензии 1843–1845. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 600–602.
- Борисов 1999 — *Борисов А. Б.* Большой экономический словарь. М., 1999.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
- Булахов — *Булахов М. Г.* Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии. Минск: БГПУ, 2002–2005. Т. 1–5.
- Бурнашев — *Бурнашев В. П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, тт. I–II. СПб.: тип. К. Жернакова, 1843–1844.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. М.: Наука, 1977.
- Вомперский 1986 — *Вомперский В. П.* Словари XVIII века. М.: Наука, 1986.
- Замкова 1977 — *Замкова В. В.* Специальная лексика в историческом словаре (К вопросу об отборе слов) // Проблемы исторической лексикографии. / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. С. 81–93.
- Замкова 1980 — *Замкова В. В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. / Отв. ред. Л. Л. Кутина. Е. Э. Биржакова. Л.: Наука, 1980. С. 90–101.
- Коготкова 1971 — *Коготкова Т. С.* К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка // Диалектная лексика 1969. Л.: Наука, 1971. С. 3–20.
- Королькова 2020 — *Королькова М. Д.* Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье) / под ред. С. А. Мызникова, Н. Л. Сухачева. СПб.: ИЛИ РАН, 2020.
- Лепехин 1989 — *Лепехин М. П.* Бурнашев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. А–Г. / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989. С. 370–372.
- Лесков 1888 — *Лесков Н. С.* Первенец богемы в России // Исторический вестник. 1888. №6. С. 562–564.
- Марузо 1960 — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. Н. Д. Андреева. Под ред. А. А. Реформатского. Предисл. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
- Покровский 1895 — *Покровский М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков М.: Унив. тип., 1895.
- Потебня 1864 — *Потебня А. А.* О связи некоторых представлений в языке. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1864.
- Потебня 1874 — *Потебня А. А.* Слово и предложение. Введение в теорию. // Филологические записки (Воронеж). 1874.
- Толикина 1954 — *Толикина Е. Н.* Русская ремесленно-промысловая терминология первой пол. XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (Словарь В. Бурнашева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.

Трубачев 1966 — *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966.

Щерба 1940 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия ОЛЯ АН СССР. 1940. №3. С. 54–91.

Mariia Korolkova, Evgenii Sokolov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russia)

**“A SKETCH OF TERMINOLOGICAL DICTIONARY” BY V. P. BURNASHEV
AS A SOURCE OF SPECIAL LEXIS**

Аннотация. “A Sketch of Terminological Dictionary” created by V. P. Burnashev is the first 19th century Russian general collection of term-like lexical items. In this article we attempt to analyze the ways of dividing this collection into smaller units and to find the place of handicraft vocabulary in their system. The two volumes of Burnashev’s Dictionary contain entries of different types, not only those referring to special, or handicraft, vocabulary items. The set of special terms in the Dictionary comprises such fields as agriculture, fishery, hunting, manufacturing, and handicraft. It also contains several scientific terms. All the aforementioned areas are functionally detached from each other, each having its own features in language usage and differing from others in its structure and size, but all of them are nevertheless similar from the viewpoint of their special character. We focus on the peculiarities of representing the handicraft terms in Burnashev’s Dictionary and try to shed some light on the principles of their separation from the general set of special lexical terms.

Keywords: lexicography, terminology, special terms, handicraft terms, historical lexicology

Сведения об авторах

Андрианова Дарья Витальевна, к. ф. н., н. с., Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: yakonukdar@yandex.ru

Беленчикова Рената, Dr. phil. habil., проф., Университет Отто фон Герике (Магдебург, Германия), email: r-belentschikow@t-online.de

Боброва Мария Владимировна, к. ф. н., ст. н. с., Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: bomaripgu@yandex.ru

Ваулина Екатерина Юрьевна, к. ф. н., Институт прикладной русистики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), email: miauling@yandex.ru

Власова Татьяна Сергеевна, м. н. с., Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: tatosvly@mail.ru

Воронцов Роман Игоревич, к. ф. н., ст. н. с., Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: roman.vorontsov.86@gmail.com

Дягилева Ирина Борисовна, к. ф. н., ст. н. с., Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: idiaghileva@yandex.ru

Егоров Игорь Михайлович, вед. программист, Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: agricola.piger@yandex.ru

Истратий Виктория Викторовна, к. ф. н., н. с., Центр истории и теории академической лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: v.istraty@gmail.com

Каширина Анастасия Владимировна, м. н. с., Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: nasti_k@list.ru

Козырев Владимир Алексеевич, чл.-корр. РАО, д. пед. н., проф., кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), email: 47kozyrev@rambler.ru

Колосько Елена Валентиновна, к. ф. н., ст. н. с., Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: evkolosko@mail.ru

Коркина Татьяна Дмитриевна, к. ф. н., н. с., Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: tdk2006@bk.ru

Королькова Мария Денисовна, к. ф. н., н. с., Отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: skifane@gmail.com

Костючук Лариса Яковлевна, д. ф. н., проф., Псковский государственный университет (Псков), email: anh57@yandex.ru

Крылова Ольга Николаевна, к. ф. н., ученый секретарь, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: krylova_olga2004@mail.ru

Кузнецова Ирина Евгеньевна, н. с., Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: kuznetsova4irina@rambler.ru

Малышева Ирина Алексеевна, д. ф. н., зав. Отделом русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: iamalysheva@mail.ru

Мольков Георгий Анатольевич, д. ф. н., ст. н. с., Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: georgiymolkov@gmail.com

Мызников Сергей Алексеевич, чл.-корр. РАН, д. ф. н., зав. Отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: myznikovs@rambler.ru

Нефедова Елена Алексеевна, д. ф. н., проф., кафедра русского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), email: eanefedova@gmail.com

Приёмшева Марина Николаевна, д. ф. н., зав. Отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора по научной работе, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: mn.priemysheva@yandex.ru, mn.priemysheva@gmail.com

Пурицкая Елизавета Владиславовна, к. ф. н., ст. н. с., Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: purichi@list.ru

Ридецкая Юлия Сергеевна, н. с., Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: vjs_neolex@mail.ru

Соколов Евгений Геннадьевич, лаборант, Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: ran_liwerij@mail.ru

Стукова Екатерина Григорьевна, м. н. с., Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: e.g.stukova@gmail.com

Черняк Валентина Данииловна, д. ф. н., проф., кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), email: vdcher@yandex.ru

Шарихина Миляуша Габдрауфовна, к. ф. н., н. с., временный творческий коллектив (на правах отдела) «Словарь языка М. В. Ломоносова», Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: justmilya@yandex.ru

Шестакова Лариса Леонидовна, д. ф. н., гл. н. с., Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), email: lara.shestakova@mail.ru

Эзериня Светлана Аркадьевна, к. ф. н., ст. н. с., Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), email: sezerspb@yandex.ru

Научное издание

История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / Ред. коллегия Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приёмшева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая / Институт лингвистических исследований РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2022. — 286 с.

Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской академии наук

Подписано к печати 30.06.2022

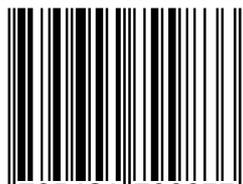
Формат 60х90 1/16
Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано в типографии
«Поликона»
190020 г. Санкт-Петербург
Наб. Обводного канала, д.199

Подготовка оригинал-макета
Р. И. Воронцов, М. Н. Приёмшева

ISBN 978-5-6047998-3-3

9 785604 799833